

Чарльз Кингсли

Ипатия

Перевод с английского Н. Белозерской (1893)

OCR&Spelcheck Miledi

"Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия": ИКП "Паритет" ЛТД; Харьков; 1994.<

Текст издания: Чарльз Кингсли. Ипатия. Пер. Н. Белозерской. Предисловие. П. Преображенского. Комм. Ст. Вольского. М: Жургазобъединение, 1936.

Предисловие

Когда ты предо мной, и слышу речь твою,
Благоговейно взор в обитель чистых звезд
Я возношу, - так все в тебе, Ипатия,
Небесно - и дела, и красота речей,
И чистый, как звезда, науки мудрой свет...

Так Паллад, один из последних талантливых представителей "языческой" поэзии обращался к Ипатии, так же, как и он сам, одной из последних носителей умиравшего эллинизма.

Один из героев "Ипатии", епископ Синезий, сочетавший в себе философа-неоплатоника и христианского епископа, приветствовал ту же Ипатию в своих письмах гомеровской цитатой:

...Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я все-таки помнить и там благородного друга.

Так перекликались между собой в оценке и женской красоты, и человеческой значимости герои романа Кингсли: последователь умирающего "язычества" и приверженец уже победившего христианства. Тем более трагичной представляется судьба самой Ипатии. В марте 415 г. н. э., в великопостный день, толпа христианских фанатиков вытащила ее из экипажа, заволокла в церковь и там совершила своего рода жертвоприношение, содрав с прекрасной, но ненавистной представительницы проклятого язычества острыми устричными ракушками все мясо, до костей, и бросив жалкие останки в пламя. Именно эта жуткая трагедия в связи с обрывочностью всех сведений, иллюстрирующих жизнь и учение Ипатии, очень рано превратила ее жизнь почти что в легенду, в блестящий аргумент для борьбы с деспотизмом христианства.

Светлый образ Ипатии и ее трагический конец давали прекрасный материал для достижения художественного контраста, а бедность исторических сведений о ней

представляла широкий простор фантазии писателя и публициста. В самом деле, не совсем вразумительный и не вполне надежный рассказ историка церкви Сократа и отрывочные, хотя и любопытные Фрагменты Гезихия, и, в особенности, Дамаския [*Дамаский, Гезихий - писатели поздней античности.*], сохраненные византийским лексикографом Свидой, - вот и все, что известно о прекрасной дочери александрийского математика Теона, преподававшей философию Платона в ее позднем, неоплатоническом толковании, а также математику и астрономию. Любопытно, что сама христианская церковь чувствовала некоторую неловкость за кровавую расправу с Ипатией. Приходилось тщательно выгораживать Кирилла Александрийского, чтобы снять с этого признанного авторитета клеймо погромщика.

Это было почти безнадежным делом. Недаром трезвый и саркастический историк поздней Римской империи, Эдуард Гиббон, замечает: "Убийство Ипатии наложило неизгладимое пятно на характер и религию Кирилла Александрийского". По странной иронии судьбы Кирилл, этот ревностный и неутомимый борец за достоинство христианской богоматери, как девы и матери не человека, а именно Бога, оказался идеологическим вдохновителем гнусного растерзания девушки, правда "языческой". Интересно, что растерзанная Ипатия доставила даже материал для христианской агиографии. Составленное около X века н. э. житие мифической Екатерины Александрийской почти точно повторяет житие Ипатии. Обе героини, "языческая" и христианская, занимаются философией, математикой, астрономией, блистают красотой, чистотой, красноречием, и обе погибают мучительной смертью в руках разъяренной толпы. Таким образом, жертва христианского фанатизма и изуверства превратилась в христианскую святую.

Но если церковь использовала "страсти" Ипатии как материал для житий своих собственных мучеников, то это была лишь благочестивая, хотя с изрядной примесью цинизма, литературная контрабанда. Подлинной и настоящей темой образ Ипатии стал только в руках писателей-антицерковников и атеистов. Уже в 1720 году Джон Толанд [*Джон Толанд - английский просветитель и атеист XVIII века.*] посвятил Ипатии один из очерков своего "Тетрадима", характеризуя свою героиню, как "...добродетельнейшую, ученейшую и достойнейшую даму, разорванную на куски александрийским духовенством, чтобы удовлетворить гордость, завистливость и жестокость своего архиепископа, обычно, но незаслуженно называемого святым Кириллом". Памфлет Толанда, превозносящий Ипатию в пику официальной церковности, очевидно, попал в цель, так как вызвал против себя злостное, но беззубое опровержение клерикала Льюиса, трактовавшего Ипатию как "самого бесстыдного школьного преподавателя Александрии".

Не забыл Ипатии в своей борьбе против католицизма и Вольтер. Чтобы яснее представить своему читателю облик Ипатии, он переносит александрийскую трагедию в современный ему Париж, где кармелитские монахи якобы растерзали некую парижскую красавицу за то, что она предпочитала Гомера поэме кармелита, посвященной Магдалине. Вольтер, которому свойственно иногда сочетание сарказма и цинизма, приписывает александрийским монахам даже мотивы низменного

сладострастия, прибавляя к своей смелой модернизации следующую сентенцию: "прекрасных дам обнажают вовсе не для того, чтобы их убить".

В самом конце XIX века образом Ипатии воспользовался известный автор "Истории атеизма" Фриц Маутнер, роман которого "Ипатия" имеет кое-что общее с романом Кингсли, с той, однако, существенной разницей, что маутнеровское произведение гораздо резче заострено против официальной церковности. Для Маутнера Ипатия - духовная дочь Юлиана Отступника, борющаяся с "галилейским" учением во имя реставрации эллинского мировоззрения.

Конечно, приведенными выше характеристиками Ипатии далеко не исчерпывается трактовка образа Ипатии в мировой литературе - они указывают лишь общую направленность этой трактовки, ее, если не всегда атеистичность, то во всяком случае антирелигиозность. У французского писателя XIX века Леконта де Лиля Ипатия становится даже настоящим символом погибавшей эллинской культуры, последним воплощением "духа Платона и тела Афродиты", и этот план ее изображения дает возможность Леконту де Лиллю выразить одну из основных мыслей своей поэзии - любовь к миру и культуре древнего эллинизма.

"Ипатия" Кингсли занимает несколько особое место в истории данной темы. Роман Кингсли, несомненно, самое популярное из всех произведений, посвященных трагической смерти этой незаурядной представительницы поздней эллинской философии и науки. Но уже и в самом выборе темы, и в ее трактовке сказывается автор, англиканский священник, поднявшийся до высокого поста духовника самой королевы Виктории. Находившийся в конце 40-х годов под впечатлением размаха чартистского рабочего движения Кингсли занимается пропагандой идеи христианского социализма, куда входило и основание производственных товариществ, и просвещение рабочих, и разъяснение английским капиталистам их "социальных обязанностей". Однако это увлечение Кингсли рабочим движением оказалось очень, недолгим. Уже в начале 50-х годов под влиянием наступившей реакции во Франции, развала чартистского движения в Англии Кингсли значительно охладел ко всякого рода социальным проблемам. Позднее он сам рассказывал, что, еще будучи двенадцатилетним мальчиком, он наблюдал в Бристоле восстание рабочих и сделался на целых десять лет "аристократом до мозга костей, полным ненависти и презрения к этим опасным классам". Можно думать, что таким, несмотря на весь внешний покров христианского "добротолубия", Кингсли остался на всю жизнь.

Велико было влияние на взгляды Кингсли типичного английского богослова Мориса, книга которого "Царство Христа" сделалась чуть ли не настольной у автора английской "Ипатии". Морис пытался оживить засохшую официальность англиканизма довольно примитивной мистикой, учением о постоянном и непрерывном откровении божественного начала в жизни человечества. В одной из своих "Вестминстерских проповедей" он прямо заявил: "Мир должен быть сотворен именно таким образом, потому что он сотворен Иисусом Христом, нашим Господом, и законы мира - подобие его характера, они милосердны, так как он милосерден, и строги, так как он строг". Кингсли чересчур глубоко сидел в рамках официальной церковности.

Именно Морису Кингсли во многом обязан в своей работе над "Ипатией". Прежде всего, общей установкой романа. Действие последнего происходит главным образом в области чистой идеологии. По совету Мориса Кингсли пользовался преимущественно неоплатонической литературой для воссоздания александрийской культуры начала V века н. э. Даже один из важнейших мотивов романа - обращение в христианство Рафаэля Эбен-Эзры после бесед с Августином, подсказан Кингсли Морисом. Последний факт весьма важен для объяснения отношений Кингсли к главным персонажам своего романа и, в первую очередь, к самой Ипатии. Кингсли, хотя и церковник, не может отрицать огромного впечатления, производимого Ипатией на большинство ее культурных современников. Поэтому его Ипатия окружена учениками самых различных народностей и в его изображении является живым воплощением эллинизма на его закате. Но Кингсли нужно и другое: показать какую-то ее внутреннюю неполноценность, внутренний дефект, присущий ей уже потому, что она - явный враг христианства. Конечно, под христианством Кингсли понимает не официальную организацию Александрийской церкви, руководимой Кириллом, а "вечные" христианские истины, которыми в романе обладают Августин, Синезий и даже Авфугий-Арсений.

Отрицательное отношение Кингсли к Кириллу имело и свой социальный смысл. В своих позднейших произведениях Кингсли уверял, что духовенство, членом которого он является сам, все более сознает свои обязанности и выздоравливает от своей моральной спячки. Эта компромиссная позиция избавила Кингсли от чересчур резкого отношения к Кириллу, так как возможное для английских священников было тем более возможно для александрийского архиепископа, да еще сопричетного к лику святых.

К своему "разоблачению" Ипатии английский романист приступает очень осторожно. Самый скептический, самый искушенный в тонкостях философии и благах жизни, ее ученик Рафаэль, еврей, "профессиональный" враг христианства, становится христианином и упрекает Ипатию в том, что она не смогла понять внутренней сущности Божества - справедливости милосердия и любви. Бог, спекуляциями о природе которого Ипатия занималась всю жизнь, полностью не раскрылся для нее. Богословие Мориса вступило здесь в свои права.

Ту же самую цель разоблачения Ипатии преследует Кингсли, сводя Ипатию с колдуньей Мириам. Гордая дочь Теона, отчаявшись в своих усилиях лицезреть божественные силы, прибегает к колдовским услугам Мириам и терпит при этом жалкое фиаско. Бесспорно, что последний период существования "языческой" философской мысли дает целый ряд примеров тесного слияния философской мысли, синкретической религиозности и грубого магического суеверия.

Но как все это показано у Кингсли! До своего политического крушения Ипатия пребывает в сфере чистой александрийской науки, а затем происходит ее "падение" в бездну колдовства и магии. Кингсли уничтожает свою Ипатию внутренне перед тем, как предать ее в руки Кирилла и его приспешников. В ее последнем разговоре с Рафаэлем она уже в положении жалкой обороняющейся стороны, а не в виде едкого критика "галилейского" учения. По-своему она могла повторить легендарные слова

Юлиана: "Ты победил, галилеянин". Так английский проповедник, несмотря на все свое внешнее почтение к блестящей представительнице умиравшего эллинизма, привел ее к внутреннему краху.

Совершенно ясно, кто из героев "Ипатии" более всего по сердцу английскому романисту. Таким является смелый и веселый птолемаидский епископ Синезий. В его родной Кирене он считался ведущим свой род от самого Геракла через Эврисфена, первого дорийского царя Спарты. По остроумному замечанию Гиббона, "такая генеалогия... не имеет себе равной в истории человечества". Уже одно это могло импонировать такому респектабельному англичанину, как Кингсли. Столь же своеобразным был Синезий в качестве христианского епископа. Он еще кое-как расстался со своими собаками, но никак не согласился разойтись с женой, получил разрешение от предшественника и дяди Кирилла, Феофила Александрийского, заниматься в своих проповедях не "мифами", а "философствованием" и в качестве философа сомневался в христианских представлениях о конце мира и воскресении мертвых. Все это опять-таки было приемлемо для английского джентльмена, понимавшего толк в любви к собакам и в качестве просвещенного европейца XIX века писавшего Дарвину после выхода в свет "Происхождения видов": "Дорогой и почтенный учитель! Если люди не соглашаются с вами - это потому, что они не знают фактов". Недаром Христиан Бунзен, ориенталист и знаток античности, в своем предисловии к немецкому переводу "Ипатии" писал, что сам Кингсли является прототипом "сквайра-епископа" Синезия. Да и сам моральный победитель Ипатии, Рафаэль, говорит про Синезия, что это единственный христианин, который умеет искренне смеяться. С мнением Бунзена можно во многом согласиться, так как этот прусский дипломат не только хорошо знал древность, но во время своего пребывания на посту посла в Лондоне мог неплохо ознакомиться и с английскими "сквайрами-епископами". Для Кингсли Синезий одновременно и античный аристократ, умело сочетавший в себе все, что было здорового в эллинской культуре, со столь дорогими для английского священника истинами христианства и борющийся за благополучие своей епархии духовный пастырь, чего как раз не хватало, по мнению проповедника-романиста, английскому духовенству.

Христианская установка "Ипатии" еще более рельефно выступает при литературном анализе двух других персонажей романа, созданных Кингсли так же свободно, как Рафаэль. Разлученные брат и сестра - Филимон и Пелагия также живые показатели морального торжества христианства. Филимон из молодого анахорета делается сподвижником Ипатии только для того, чтобы, впитав в себя частичку эллинской мудрости, обнаружить тлен и безумие без христианской веры. Замкнутый аристократизм Ипатии, когда она говорит об его падшей сестре, и участь самой Ипатии гонят его обратно в пустыню. Здесь Кингсли снова наносит удар своей главной героине. Иначе он относится к Пелагии. Пелагия, эта антитеза Ипатии, это настоящая служительница Афродиты "народной", если придерживаться платоновской терминологии, не найдя своего спасения у почитательницы Афродиты "небесной", при помощи не вполне раскрытой читателю благодати находит свое блаженство в той же

пустыне, где и брат. Грильпарцер [*Грильпарцер - немецкий писатель XIX века.*] в одном разговоре с Бетховеном говорит, что женщина - либо "дух без тела", либо "тело без духа". Кингсли создал с известными оговорками своих двух героинь по этому рецепту. И что удивительно, - никто из литературных критиков не заметил того, что "тело без духа" победило "дух без тела". В романе Кингсли беспутная Пелагия такая же победительница мудрой Ипатии, как и Рафаэль, - это воспроизведение мудрости Екклезиаста в сочетании с философией упадочного эллинизма. "Галилеянин победил" и распутство плоти и распутство духа. В этом внутренний смысл романа Кингсли и торжество благовоспитанного и благонамеренного английского епископа.

Идеалистическое построение романа Кингсли совершенно не дает ответа на самый существенный вопрос романа - почему же, в конце концов, христианство в лице самых различных своих представителей, от антипатичного автору Кирилла до любимого им Синезия, оказывается победителем в борьбе с гибнущей греко-римской культурой? Если отказаться от теории божественного происхождения христианской религии, то само христианство окажется составной частью той же греко-римской культуры. Поэтому победа христианства была обусловлена не тем, что в некоторых конкретных своих проявлениях и в своем основном учении оно содержало в себе истину, как уже по своему званию предполагал священник Кингсли, а его большей приспособленностью к социальным условиям того времени. Антагонизмы эпохи разложения Римской империи имели такой характер, что греко-римские и восточные культы неминуемо должны были уступить место победоносной христианской церкви.

Полное небрежение к социальному фактору составляет основной порок "Ипатии". Рабы, мелкие производители города и деревни подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны римских рабовладельцев и ростовщиков. Тогда явилось христианство, серьезно отнеслось к наказаниям и награде на том свете, создав небо и ад, и таким образом найден был выход. Естественно может появиться вопрос, почему же именно христианство оказалось этим "выходом", а не какая-либо другая синкретическая религия поздней античности, как, например, столь популярный культ Изиды [*Изида и Озирис. Первоначальный египетский миф об И. и О. сводился к следующему: Озирис, Бог творческих сил природы (олицетворение Нила), был убит своим братом, Богом Сетом (символ иссушающих ветров пустыни). При помощи супруги и сестры Изиды, богини плодородия, О. снова воскрес. Культ Изиды распространился во всех частях Римской империи. Особенного распространения он достиг во II и III веках н. э. Несколько римских императоров носили титул верховных жрецов Изиды. Ипатия, подобно многим философам той эпохи, отождествляла ее образ с образом Афины Паллады.*] или бывшей во второй половине III века н. э. серьезным соперником христианства иранский культ Непобедимого Солнца, Митры?

Любая религия древности, несмотря на всю свою "интернационализацию" в эпоху эллинизма и Римской империи, не могла окончательно перерезать пуповину, связывавшую ее с определенной народностью. Даже процесс слияния различных религиозных форм, известный под именем синкретизма, не мог вытравить из религий поздней античности их специфических национальных черт. Только христианство,

возникшее в эпоху всеобщего имперского смешения и уравниения всех во всеобщем бесправии, могло с полным правом претендовать на подлинную универсальность.

Существование Римской империи, по крайней мере ее западной части, подходило к своему концу. Приближался час ликвидации рабовладельческого общества. Революция рабов, колонов и варваров была в полном разгаре. Уже смута III века н. э., эта эпоха "тридцати тиранов", подорвала жизнь городов, этого основного связующего элемента Римской империи. Окончательное установление доминанта [*Доминанта - деспотическая форма управления Римской империей в н. III в. н. э.*] при императорах Диоклетиане и Константине повело к своеобразному закреплению огромного большинства всего имперского населения. Крестьянин-колон оказался прикреплен к земле, многочисленные категории городских производителей были прикреплены к своим профессиям, включая даже членов городских курий, звание которых из знака почета стало знаком отдачи чуть ли не в каторжную работу по выполнению фискальных повинностей, взимавшихся в пользу непомерно разросшегося государственного аппарата с худосочного, неплатежеспособного населения. Современник и отчасти апологет императора Юлиана, последний крупный латинский историк Аммиан Марцеллин, описывая бунт готов, которые введены Кингсли в его роман "Ипатия", говорит: "Большим подспорьем для них явилось то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, кто в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабов с золотых рудников, изнемогавших от тяжести поборов". Таково свидетельство "языческого" писателя, приближенного того императора, делу которого в борьбе с христианством хотела служить и Ипатия. Марсельский священник Сальвиан, который был почти современником Кирилла Александрийского и которого никак нельзя заподозрить в служении "языческим демонам", выражается еще энергичнее: "И мы думаем, что, обращаясь с бедными с такой жестокостью, мы не заслуживаем за это божьего наказания? Мы верим, что нам позволено быть несправедливыми, а Бог не будет справедлив в отношении нас? Где и у кого, кроме римлян, можно встретить подобное зло? Чья несправедливость превышает нашу? Ничего подобного нет ни у вандалов, ни у готов... Неудивительно, что у римлян нет желания находиться под римскими законами. Единственная и всеобщая мечта римского простонародья состоит в том, чтобы жить с варварами".

Рабовладельческая империя "вечного города", Рима, пришла к своему концу.

Но грандиозное движение низов проходит мимо поля зрения благонамеренного английского романиста. Казалось бы, что Кингсли, видевший могучую поступь рабочих батальонов в чартистском движении, мог почувствовать шатание рабовладельческого пьедестала, на котором зиждилась Римская империя. Но Кингсли - богослов - одержал верх над Кингсли - социальным реформатором. Правда, само христианство уже изменилось - из религии общественных низов оно переродилось в религию имущих, бежавших от государственных тягот, и в то же время манившую всех обездоленных и отчаявшихся великолепным зрелищем Нового Иерусалима и Нового

Сиона, будущим царством праведников, если не на земле, то во всяком случае в новом эоне, в небесном царстве. И, тем не менее, даже эта переродившаяся христианская церковь давала широкой народной массе больше, чем государство. Пусть это переродившееся христианство не посягало на "основы" и, провозглашая равенство всех перед Божеством, вовсе не стремилось уничтожить земное рабство, все же своими благотворительными организациями оно давало какой-то выход тяжелой нужде. Отсюда успех тех же александрийских "параболанов" Кирилла, которые не только растерзывали таких противников христианства, как Ипатия, но и занимались благотворительной деятельностью среди низов такого городского центра, как Александрия. Если церковник Сальвиан горестно замечал: "Мы стыдимся не порока, а добродетели", то еще в забитой народной массе тлела надежда на своих церковных вождей, которые, по крайней мере, обещали компенсировать наградами в потустороннем мире все тяготы в настоящем.

Столь же грозны были и политические события, сопровождавшие эти видоизменения в классовой структуре поздней Римской империи. В августе 410 года вождь вестготов, Аларих, захватил и разграбил "вечный город", Рим. Вестготского предводителя тщетно пугали многочисленностью населения Рима. Как передает историк Зосим, Аларих иронически ответил на эти предостережения: "Чем гуще трава, тем легче ее косить". Можно думать, что Аларих был прекрасно осведомлен о настроениях римского населения и очень мало боялся его многочисленности - в августовскую полночь городские рабы и бедняки открыли ему саларийские ворота Рима, и в первый раз за все свое существование столица империи была захвачена неприятелем.

Смерть постигла Алариха в этом же году. Его преемник Атаульф заключил мир с империей и удалился в Галлию.

Как раз во время этих длительных и сложных переговоров бездарного и ленивого императора Запада, Гонория, с Атаульфом произошел мятеж наместника Африки, Гераклиана, служащий фоном заключительных сцен "Ипатии". Сам Гераклиан представлял типическую фигуру бесцеремонного претендента на шатающийся престол Римской империи. Лукавый царедворец, коварный убийца Стилихона, хотя и "варвара" по происхождению, но одного из последних крупных римских полководцев, человек, не побрезговавший после разгрома Рима Аларихом торговать бежавшими в Африку римскими женщинами и девушками, Гераклиан оказался бездарным полководцем, и, будучи разбит в Италии, был позорно обезглавлен в Карфагене, столице управляемой им провинции. Интересно отметить, что именно здесь роман Кингсли анахронистичен. Гибель Гераклиана произошла в 413 году, смерть Ипатии в 415 году, но Кингсли стянул оба события почти что в один хронологический момент для того, чтобы оправдать свою фабулу о бракосочетании Ореста и Ипатии. Это последнее событие - "поэтическая вольность" английского романиста, следующего здесь главным образом Сократу, который, пытаясь выгородить Кирилла, приписывал неистовство александрийской толпы в расправе над Ипатией господствовавшему якобы в Александрии убеждению, что влияние воинствующей представительницы эллинизма мешает примирению наместника Ореста, этого представителя светской власти, с

Кириллом, духовным главой христианской Александрии. Эта вольность была бы простительна, если бы Кингсли не прошел совершенно мимо того грандиозного социального фона, на котором разворачивались изображаемые им события.

Если революционное движение масс поздней античности прошло мимо Кингсли, то не следует удивляться, что и сами христианские деятели у него даны крайне однообразно и монотонно. Для них у него есть только две квалификации - хорошие и дурные, пользующиеся симпатией автора и лишенные таковой. Зато совсем упущена социальная характеристика христианства IV-V веков. В эту эпоху официальная церковь все более и более делается оружием в руках рабовладельческой верхушки, благо сама по себе церковная организация еще пользуется в известной степени народными симпатиями и доверием.

В этом отношении характерен эпизод с антисемитским выступлением Кирилла.

Александрийские евреи уже со времен птоломеев пользовались рядом существенных льгот и известным самоуправлением, что, однако, не мешало Александрии быть одним из центров античного антисемитизма и даже погромных выступлений против еврейского населения. Правящие александрийские круги всегда умело пользовались этими антисемитскими выходками в своих собственных интересах, и их достойным наследником в этой почтенной деятельности оказалась христианская церковь. Без всякой санкции со стороны императорской власти христианский епископ повел фанатических монахов и городскую чернь на приступ еврейского квартала Александрии, который был разграблен, а захваченное имущество было разделено между ревнителями веры. Несомненно, что этот погром носил демагогический характер, что религиозный фанатизм александрийских христиан был использован Кириллом для того, чтобы сделать богатое еврейство ответственным за нужды александрийского простонародья.

Характерны и последствия этого "геройского" поступка. Когда префект Египта, Орест, пожаловался на самоуправство Кирилла императорскому правительству, то науськанная архиепископом банда нитрийских монахов чуть не расправилась с префектом на улице. Захваченный на месте преступления монах Аммоний был казнен по приказанию Ореста, но под новым именем "Таумасия" - "удивительного" - был причтен к лику мучеников Кириллом. Вся эта антисемитская инсценировка была достойной увертюрой к растерзанию Ипатии. Нельзя, конечно, сказать, что Кингсли симпатизирует этим подвигам Кирилла, но весь этот эпизод изложен им так спокойно и объективно, что эта невозмутимость английского джентльмена и духовного лица приобретает какой-то сомнительный характер.

И тем не менее истина может оказаться сильнее самого автора. Пусть роман Кингсли неглубок, пусть он односторонен и идеалистичен, - сами факты, изложенные в нем, вопиют и рассказывают вполне недвусмысленную повесть о том, как победившее христианство показало черты самой резкой религиозной нетерпимости, фанатизма и ненависти.

Эпоха падения древнего мира и торжества христианства очень бледно освещена художественным творчеством. Это и понятно. Еще так недавно эта область истории

была под строгим табу - либо прямого запрещения, либо своеобразного лицемерия. Кингсли, как типичный англичанин викторианской эпохи, не мог, конечно, раскрыть глубокого социального смысла того переворота, который отделяет древний мир от европейского средневековья. Но он имел смелость взять сюжетом своего романа такой исторический эпизод, где самое елейное благочестие было бессильно обелить действия христианской иерархии, хотя сам Кингсли входил в ее ряды. Более того, и сами исторические факты, поскольку они доступны историку, изложены им в их подлинном виде.

И эти упрямые факты - слабость государственной власти, рост церковной тирании, погромные действия христианского святого, жуткая сцена умерщвления Ипатии - сами по себе таковы, что почти не требуют комментариев и до сих пор оказывают должное действие на всякого, кто ознакомится с ними. Сентиментализм Кингсли в изображении "подлинного" христианства, его христианские настроения в обрисовке созданных его художественной фантазией лиц объясняются его социальным положением и по своей некоторой наивности легко могут быть вскрыты при аналитическом отношении к роману и его автору.

Всякий исторический роман есть сложный результат двух слагаемых: во-первых, эпохи, в которой жил автор, и его положения в ней, и во-вторых, эпохи, описываемой в романе. А в восприятии такого романа действует еще третий фактор - эпоха, к которой принадлежит сам читатель и общество, в котором он живет.

Именно наш современник обладает всеми данными для того, чтобы оценить правильно факты, изложенные Кингсли, отношение автора к ним и, что еще важнее, установить свое собственное отношение и к этим фактам и к их сюжетной расстановке.

Проф. П. Преображенский

Глава Лавра

I

Это было в 413 году христианского летоисчисления, за триста миль от Александрии. На склоне невысокой цепи скал, окруженных песчаными наносами, сидел молодой монах Филимон. Позади него расстиралась безжизненная, беспредельная пустыня, тусклый цвет которой отражался в прозрачном голубом небе. У его ног струился песок, заливая необъятными желтыми потоками лощины и холмы; порой, когда поднимался легкий летний ветерок, песок окутывал бурыми дымчатыми облаками всю окрестность. На гряде утесов, сгрудившихся стеной над узкой котловиной, виднелись кое-где высеченные в камне гробницы и огромные старые каменоломни с обелисками [*Круглая или четырехугольная колонна (столб), суживающаяся кверху и заканчивающаяся острием. Обелиски ставились попарно перед храмами в Египте. При римских императорах многие из них были перевезены в Рим для украшения улиц и площадей.*] и

незаконченными колоннами, так и оставшимися в таком виде, в каком их бросили рабочие много веков тому назад. Вокруг них кучами лежал песок; кое-где он покрывал их верхушки словно инеем. Повсюду царило безмолвие и запустение: это была могила мертвого народа в умирающей стране.

Полный жизни, молодости, здоровья и красоты сидел Филимон, погрузившись в раздумье. Он казался юным Аполлоном пустыни. Единственным одеянием ему служила старая овчина, стянутая кожаным поясом. Его длинные черные волосы развевались на ветру и блестели на солнце; все в его облике говорило о здоровой цветущей молодости: грубые мускулистые и загорелые руки, явно не гнушавшиеся тяжелого физического труда, высокий лоб и искрящиеся глаза говорили об отваге, воображении, страсти и казались неуместными в такой унылой обстановке. Что искало среди могил это прекрасное, юное человеческое существо?

Этот вопрос, вероятно, задавал себе и сам Филимон. Как будто отгоняя набегавшие грезы, он провел рукой по лбу и со вздохом приподнялся. Он стал бродить между скал, останавливаясь то у выступа, то над впадиной в поисках дров для той обители, откуда он пришел.

Но даже и этого жалкого топлива, состоявшего преимущественно из низкорослого сухого кустарника пустыни да деревянных брусьев из заброшенных каменоломен, становилось все меньше около Сетской лавры. Чтобы набрать дров, Филимону пришлось отойти от своего монастыря дальше, чем он это делал до сих пор.

У изгиба лоцины его взору представилось невиданное зрелище. Он увидел храм, высеченный в скале из песчаника, а перед храмом площадку, заваленную старыми бревнами и сгнившими орудиями. Кое-где в песке белели оголенные черепа, принадлежавшие, вероятно, мастеровым, убитым за работой во время одной из бесчисленных древних войн. Игумен Памва, духовный наставник Филимона, и, в сущности, настоящий его отец, - ибо из воспоминаний детства у юноши не осталось ничего, кроме лавры и кельи старца, - категорически воспрещал ему приближаться к этим останкам древнего языческого культа. Но к площадке вела широкая дорога, и множество сухих веток, видневшихся там, было настолько соблазнительно, что он не мог пройти мимо. Филимон хотел спуститься, набрать охапку и вернуться, а потом сообщить настоятелю о найденной сокровищнице и спросить его, разрешает ли он брать из нее и впредь. Он начал спускаться, едва осмеливаясь смотреть на пестро окрашенные изваяния, красные и синие краски которых, не поврежденные ни временем, ни непогодю, ярко выступали на фоне мрачной пустыни. Но он был молод, - а юность любопытна; и дьявол, - во всяком случае в пятом столетии, - сильно смущал неопытные умы. Филимон слепо верил в дьявола и ревностно молился днем и ночью о спасении от его козней. Он перекрестился и воскликнул:

- Отврати взор мой, Господи, чтобы я не узрел эту суету сует!

А все-таки он взглянул... Да и кому бы удалось побороть искушение? Разве можно было оторвать взор от четырех исполинских изваяний царей, восседавших сурово и недвижно на своих тронах? Их огромные руки опирались о колени, а мощные головы, казалось, поддерживали гору. Чувство благоговейного трепета овладело молодым

монахом. Он боялся нагнуться, боялся собирать дрова под строгим взглядом этих больших неподвижных глаз.

Около их колен и тронов были выгравированы мистические буквы, символы и изречения, - та древняя мудрость египтян, в которой был так сведущ Моисей. Почему бы и Филимону не ознакомиться с ней? Не были ли скрыты в ней великие тайны прошлого, настоящего и будущего того обширного мира, о котором он еще так мало знал?

Миновав царственные изваяния, Филимон залюбовался внутренним строением храма, - светлой бездной прохладных, зеленоватых теней, которые в анфиладе [*Ряд комнат, соединенных между собой широкими проходами и расположенных по прямой линии.*] арок и пилястров [*Четырехугольный столб, прилегающий к стене или к фасаду здания. Подобно колонне, имеет базис, стержень и капитель.*] постепенно сгущались в непроницаемую мглу. Смутно различал он на погруженных в таинственный полумрак колоннах и стенах великолепные арабески - длинные строки иллюстрированной летописи. Вот пленные в причудливых, своеобразных одеяниях ведут невиданных животных, нагруженных данью далеких стран; вот торжественные въезды триумфаторов, изображение торжественных событий, различных работ; вот вереницы женщин, участвующих в празднестве. Что означало все это? Зачем целые века и тысячелетия просуществовал великой божий мир, упиваясь, наедаясь и не зная ничего лучшего? Эти люди утратили истину за много столетий до их рождения... Христос был послан человечеству спустя много веков после их смерти... Могли они знать что-либо высшее? Нет, не могли, но кара постигла их; все они в аду - все! Возможно ли примириться с этой мыслью? Разве это божественное правосудие?

Подавленный множеством зловещих вопросов, по-детски неопределенных и неясных, юноша побрел назад, пока не достиг выступа скалы, у подножия которой была расположена его обитель.

Лавра была построена в довольно приятном месте. Она представляла собой двойной ряд грубо сложенных циклопических келий, ее окружала роща старых финиковых пальм росших в вечной тени у южного склона утесов. Находившаяся в скале пещера разветвлялась на несколько коридоров и служила часовней, складом и больницей. По залитому солнцем склону долины тянулись огороды общины, зеленевшие просом, маисом и бобами. Между ними извивался ручеек, тщательно вычищенный и окопанный; он доставлял необходимую влагу этому небольшому клочку земли, который добровольный труд иноков ревностно охранял от вторжения всепоглощающих песков. Эта пашня была общим достоянием, как и все в лавре, за исключением каменных келий, принадлежащих отдельным братьям, и являлась источником радости и предметом заботы для каждого. Ради общего блага и для собственной пользы братья таскали в корзинах из пальмовых листьев черный ил с берега Нила; для общей пользы иноки счищали пески с утесов и сеяли на искусственно созданной почве зерно, собирая затем урожай, делившийся между всеми. Чтобы приобретать одежду, книги, церковную утварь и все, что требовалось для житейского обихода, поучений и богослужения, братья занимались плетением корзин из пальмовых листьев. Старый монах выменивал

эти изделия на другие предметы в более зажиточных монастырях на противоположном берегу. Каждую неделю перевозил туда Филимон старца в легком челноке из папируса и, поджидая его возвращения, ловил рыбу для общей трапезы.

Жизнь в лавре текла просто, счастливо и дружно, согласно с уставами и правилами, чтимыми и соблюдаемыми чуть ли не наравне со священным писанием. У каждого была пища, одежды, защита, друзья, советники и живая вера в промысел божий.

А что еще нужно было человеку в те времена? Здесь скрывались люди из древних городов, в сравнении с которыми Париж показался бы степенным, а Гоморра - целомудренной. Они бежали от тлетворного, адски испорченного умирающего мира тиранов и рабов, лицемеров и распутниц, чтобы на досуге безмятежно размышлять о долге и возмездии, о смерти и вечности, о рае и аде, чтобы обрести общую веру, разделить общие обязанности, радости и горести.

- Ты поздно вернулся, сын мой, - произнес настоятель, не отрывая глаз от работы, когда к нему приблизился Филимон.

- Сушняк стал редко попадаться; мне пришлось далеко уйти.

- Монаху не подобает отвечать, когда его не спрашивают. Я не осведомлялся о причине. Но где ты нашел эти дрова?

- Перед храмом, очень далеко от нашей долины.

- Перед храмом? Что ты там видел?

Ответа не последовало, и Памва поднял на юношу свои пронизательные черные глаза.

- Ты вошел в него, тебя влекло к его мерзостям?

- Я... я не входил... я только заглянул.

- Что ты увидел?.. Женщин?

Филимон молчал.

- Не запретил ли я тебе заглядывать в лицо женщины? Не прокляты ли они навеки вследствие непослушания их праматери, через которую зло проникло в мир? Женщина впервые растворила ворота ада и осталась донине его привратницей. Несчастный отрок, что ты наделал?

- Они были только нарисованы на стене.

- Так, - произнес настоятель, словно освободившись от тяжелого груза. - Но откуда ты знаешь, что то были женщины? Если ты не лгал, - а этого я не могу предположить, - то ведь ты еще никогда не видел облика дочери Евы.

- Быть может... - заговорил Филимон, останавливаясь с видимым облегчением на новом предложении, - быть может, то были лишь дьяволы. Это вполне вероятно, потому что они мне показались поразительно прекрасными.

- А - а... откуда же тебе известно, что дьяволы красивы?

- Когда на прошлой неделе мы с отцом Арсением оттолкнули лодку от берега, то увидели возле реки, не особенно близко, два существа с длинными волосами. Большая часть их тела пестрела черными, красными и желтыми полосами... они рвали цветы над водой. Отец Арсений отвернулся... я же... не мог совладать с собой и думал, что более красивых творений я еще не встречал... Я спросил, почему он отворачивается, и он мне

сказал, что это дьяволы, которые искушали блаженного Антония [*Антоний (251-356 гг. н. э.), прозванный Великим, родился в Египте. Раздав имущество, удалился в пустыню, где вокруг него собиралось много последователей. Основатель монашества отшельнического культа.*]. Позже я вспомнил, что искушения приходили к святому подвижнику в образе прекрасной женщины... И вот... те изображения на стенах были похожи на них... Я подумал... не они ли...

Поняв, что он вот-вот покается в позорном смертном грехе, бедный юноша сильно покраснел, запнулся и замолчал.

- Они тебе понравились! О, безнадежная испорченность плоти! О, коварный враг человеческий! Да простит тебя Господь, мое бедное дитя, как я прощаю тебя. Но отныне ты не выйдешь за ограду нашего сада!

- Не выходить за ограду сада? Я не могу! Не будь ты моим отцом, я бы сказал, - не хочу! Мне нужна свобода, отпусти меня! Я не тобой недоволен, а только самим собой. Я знаю, послушание - подвиг, но опасность еще благороднее. Ты видел свет, отчего же и мне не взглянуть на него? Если ты бежал, когда он тебе показался слишком плохим, то почему бы и мне не поступить так же, но по собственному свободному побуждению? Тогда я вновь вернусь сюда, чтобы впредь уже не расставаться с тобой. Но Кирилл [*Архиепископ Александрийский (жил в конце IV и первой половине V века н. э.). Получил хорошее образование, писал богословские сочинения, принимал участие в церковных соборах. Энергичный, честолюбивый и до крайности фанатичный, он вел ожесточенную борьбу с сектами новициан и донатистов, но с особенной ненавистью относился к Александрийской академии, поддерживавшей традиции язычества в древней философии. С помощью своего духовенства разжигал среди христиан изуверские страсти и был главным виновником волнений 415 года, во время которых была растерзана толпой Ипатия. Умер в 444 году.*] со своим духовенством ведь спасаются же...

Филимон, с трудом переводя дыхание, порывисто изливал эту страстную речь из самых глубин своего сердца.

Наконец, он остановился и стал ждать, что удар доброго настоятеля вот-вот повергнет его на землю. Юноша стерпел бы это наказание с такой же покорностью, как и любой инок этой обители.

Старец дважды поднимал свой посох, чтобы ударить юношу, и дважды опускал его. Наконец он медленно встал, покинул Филимона, упавшего на колени, и в глубоком раздумье, опустив глаза вниз, направился к жилищу брата Арсения.

В лавре все почитали брата Арсения. Его окружал ореол таинственности, усиливавший обаяние его необыкновенной набожности и почти детского смирения и кротости. Во время своих уединенных прогулок монахи иногда шепотом рассказывали друг другу, что некогда он был могущественным человеком и прибыл из большого города, быть может, даже из Рима. Простые монахи гордились, что к их общине принадлежал человек, видевший столицу империи. Во всяком случае, настоятель Памва глубоко уважал его, никогда не бил и не делал ему выговоров, - впрочем, может быть, потому, что он не заслуживал ни того, ни другого.

В эту минуту вся община подвижников занималась плетением корзин и каждый сидел перед своей кельей. Они видели, как настоятель, очень раздраженный, отошел от коленопреклоненного монаха и поспешил к жилищу мудрого старца. Очевидно, произошло нечто чрезвычайное, грозившее неприятностями их общему благу.

Более часа пробыл настоятель у Арсения. Они беседовали тихо и вдумчиво. Потом раздался торжественный гул, какой слышится тогда, когда двое стариков молятся со слезами и рыданиями.

Филимон все еще неподвижно стоял на коленях. Его душа была переполнена, но чем - он не мог бы сказать. "Сердце знает свое горе, и не войти постороннему в радость его".

Памва вернулся, задумчивый и безмолвный. Опустившись на стул, он обратился к Филимону:

- "И сказал младший из них отцу: "Отче, дай мне полагающуюся часть наследства..." По прошествии нескольких дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там растратил полученное, живя распутно"... Ты уйдешь, сын мой, но сначала последуешь за мной и поговоришь с Арсением.

Филимон, равно как и вся братия, любил Арсения и, когда настоятель ушел, оставив их наедине, он не ощутил ни стыда, ни боязни и раскрыл перед ним всю свою душу... Он говорил долго и страстно, отвечая на краткие вопросы старца, который прерывал юношу без строгости и напыщенной педантичности монаха и с детской незлобивостью позволял Филимону перебивать свою речь. Но в звуке его голоса сквозила грусть, когда он отвечал на мольбы молодого инока.

- Тертуллиан, Ориген [*Христианский богослов и философ. Родился в 185 г. в Александрии, в греческой (по другим данным - в эллинизированной египетской) семье. Его богословские теории сложились под сильным влиянием неоплатонических идей. Некоторые из его учений (например, отрицание вечных адских мук) были признаны церковью еретическими. Подвергался преследованиям со стороны высшей церковной иерархии и умер в 254 г. после длительного тюремного заключения.*], Климент [*Архиепископ Александрийский. Один из наиболее выдающихся руководителей церкви, оставивший после себя многочисленные сочинения. Родился в Афинах в половине, 11 века, умер около 215 года.*], Киприан [*Киприан Фасций Цецилий. Широко образованный человек, родился в Карфагене. Вначале язычник, в 246 году крестился, стал священником, в 248 году был избран епископом Карфагена. Известен своими (богословскими сочинениями и посланиями (послание Донату). При гонении на христиан при императоре Деции удалился в пустыню. В 258 году по приказанию императора был обезглавлен. Причислен церковью к лику святых.*] - жили в миру, а кроме них еще многие другие, имена которых мы почитаем, испрашивая их заступничества. Всем им была знакома языческая наука, и они боролись и трудились, оставаясь незапятнанными, живя среди людей. Почему бы и мне ее не испробовать? Даже патриарх Кирилл был вызван из пещер Нитрин, чтобы занять место на александрийском престоле.

Медленно поднял старец руку и, откинув густые волосы со лба юноши, заглянул ему в лицо долгим сосредоточенным взглядом, исполненным кроткого сострадания.

- Так ты хочешь увидеть мир, жалкий глупец?

- Я хочу изменить мир.

- Прежде всего ты должен познать его. Рассказать ли тебе, каков мир, который, как тебе кажется, так легко изменить? Я живу вот здесь бедным, старым, безвестным монахом, который молится и постится, чтобы Господь сжалился над его душой. Но ты не подозреваешь, как глубоко я изучил свет. Если бы ты так же его знал, то был бы рад остаться тут до конца жизни. Некогда при имени Арсения царицы, бледнея, понижали голос. Суета сует, всяческая суета! При виде моего нахмуренного чела содрогался тот, перед кем трепетал весь мир. Я был воспитателем Аркалия [*Восточно-римский император (395-408 гг.). Надменный и ленивый А. почти не занимался государственными делами, предоставлял власть жене своей Евдокии. Вел неудачную войну с вестготами (Аларихом).*].

- Императора Византии? [*Мегарская колония на берегу Босфора, в VI веке до н. э. подчинялась персам, а потом была завоевана греками и вошла в Афинский союз. В I в. н. э. при императоре Веспасиане была завоевана Римом, а в начале IV века при императоре Константине переименована в Константинополь и стала столицей всей империи. При разделении Римской империи на восточную и западную сделалась столицей восточной ее половины и осталась таковой до завоевания ее турками (1453 г.)*]

- Его, его самого! При нем узнал я свет, который ты хочешь увидеть. А что же я увидел? Именно то, что предстоит увидеть и тебе: евнухов, державших в страхе своих повелителей, епископов, лобзающих ноги отцеубийц и развратниц, невинных людей, угождающих грешникам и ради единого слова их разрывающих на части своих братьев в противоестественной борьбе. Свергнутого гонителя немедленно заменяет толпа новых, изгнанный дьявол возвращается с семьей другими, еще худшими. Среди коварства и себялюбия, гнева и похоти, смятения и неурядиц, сатана враждует с собственной братией повсюду, начиная со сладострастного императора, восседающего на троне, до забитого раба, носящего своего Бога.

- Если сатана изгоняет сатану, то его царство не долговечно.

- В будущем мире, - да, в нашем же мире оно будет крепнуть, побеждать и шириться, пока не наступит конец. Наступают последние дни, о которых вещали пророки, приближается начало страданий, каких еще не знавала земля. Я это давно предвидел. Я предсказал, что нахлынет мрачный, неуправляемый поток северных варваров; я молил об отвращении его, но мои пророчества и предостережения ни к чему не привели. Мой питомец противился моим советам. Страсти юности и козни царедворцев оказались сильнее божественных внушений Создателя. Тогда я перестал надеяться, перестал молиться о благоденствии дивного города и понял, что он не избежит суда. Я видел его духовным оком, как некогда его узрел апостол Иоанн в своем откровении. Отчетливо выступал он передо мной со всеми его грехами среди ужасов неотвратимого разгрома. Я бежал тайно ночью и схоронил себя в пустыне, ожидая конца света. Днем и ночью взываю я Создателю, чтобы он ниспослал своих избранных и ускорил пришествие своего царства. С каждой зарей, с трепетом и надеждой, подняв лицо к небесам, ищу я

на них знамение Сына божьего, жду минуты, когда солнце померкнет, луна обратится в кровь, звезды посыпятся с небесных высот, а подземные огни вырвутся из-под земли, возвещая кончину мира. И ты хочешь идти в свет, откуда я бежал?

- Богу нужны рабочие, когда близится жатва. Если времена ужасны, то я избран для необычных дел. Помни меня и позволь сегодня же уйти туда, куда рвется душа - в ряды первых борцов Христа.

- Да будет его святая воля! Ты пойдешь. Вот письмо к патриарху Кириллу. Он станет любить тебя ради меня и ради тебя самого, как я надеюсь. Ступай, и да не оставит тебя Творец. Не льстись на золото и серебро. Не ешь мясного, не пей вина, а живи как доселе, - служителем Всевышнего. Не избегай взора мужчины, но не заглядывайся на лицо женщины. Идем, настоятель ожидает нас у ворот.

Филимон медлил с уходом. У него лились слезы удивления и радости, но в то же время он испытывал и какую-то робость.

- Иди! Зачем печалиться и себя, и своих братьев долгими проводами? Из кладовой захвати себе на неделю запас продовольствия: фиников и пшена. Лодка готова: в ней ты спустишься вниз по Нилу. Бог нам заменит ее новой, когда в ней окажется нужда. В продолжение плавания ни с кем не разговаривай, кроме отшельников божьих. По истечении пяти суток расспроси, как попасть в устье Александрийского канала; когда же доберешься до города, то тебя всякий монах проведет к архиепископу. Дай нам знать о себе через какого-нибудь благочестного вестника. Иди!

Молча пересекли они долину, направляясь к пустынному берегу великой реки. Памва был уже там, его седины озарялись лучами восходящей луны, когда он дряхлой рукой спускал на воду легкий челнок. Филимон бросился к ногам старцев, с рыданиями умоляя их простить и благословить его в путь.

- Нам нечего прощать тебя, - следуй зову внутреннего голоса. Если в тебе заговорила плоть, то она и покарает тебя; мы же не смеем противиться Господу Богу, если твой порыв исходит от духа. Прощай!

Через несколько мгновений челнок несся по течению быстрой реки, скользя в золотистых сумерках летнего дня. Вскоре на землю опустилась южная ночь, все утонуло во мраке, и только на воде отражался лунный свет, озаряя скалу и на ней - двух коленопреклоненных старцев.

Глава

II

Умиравший мир

В Александрии, неподалеку от музея, в верхнем этаже дома, построенного и украшенного в древнегреческом стиле, была небольшая комната, выбранная ее владельцем, вероятно, не только для отдыха. Правда, она находилась довольно далеко от южной стороны двора, но все же сюда долетали голоса прохожих, шум экипажей, проезжавших по оживленной дороге, дикий рев, крики и звон труб из зверинца, расположенного по соседству на другой стороне улицы. Главную прелесть этого покоя

составлял, быть может, вид на сады, на цветочные клумбы, кусты, фонтаны, аллеи, статуи и ниши, которые в продолжение семи столетий внимали мудрости философов и поэтов Александрии. Тут работали философы различных школ, блуждая под сенью платанов, ореховых деревьев и фиговых пальм. Все, казалось, дышало здесь очарованием греческой мысли и поэзии, с тех пор, как некогда тут прохаживались Птоломей Филадельф [*Птоломей II Филадельф. Царь Египта, второй из греко-македонской династии Лагидов (285-247 гг. до н. э.). Значительно расширил владения Египта и покровительствовал наукам и искусствам.*] с Евклидом [*Евклид (315-255 гг. до н. э.). Грек, великий математик Древнего мира, знаменитый геометр, ученик Платоновской школы. Египетским царем Птолемеем был приглашен в Александрию, где основал школу математиков. Он первый дал стройное изложение геометрии.*] и Теокритом, Каллимахом [*Каллимах (310-235 гг. до н. э.). Известный греческий поэт и критик, заведовал александрийской библиотекой, уроженец города Кирены.*] и Ликофроном [*Греческий трагик, родился около 270 года до н. э. в Халкиде, жил при дворе Птолемея Филадельфа в Александрии, написал драму "Кассандра".*].

Слева от садов тянулся восточный фасад музея с картинными галереями, изваяниями, трапезными и аудиториями. В огромном боковом флигеле хранилась основанная отцом Филадельфа знаменитая библиотека, которая еще во времена Сенеки [*Сенека Луций Анней (3 г. до н. э. - 63 г. н. э.). Известный римский философ, родился в Кордове. Получил блестящее образование в Риме и по проискам Мессалины, жены императора Клавдия, был сослан на остров Корсику. В 49 году был вызван в Рим и назначен воспитателем Нерона. Был консулом и советником Нерона, но впоследствии удалился от дел. Обвиненный в заговоре и приговоренный к смерти, Сенека покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. Никакой самостоятельной философской системы Сенека не создал. Он был приверженцем моральной философии стоиков, учивших, что главная мудрость жизни - это довольствоваться малым, никому не желать зла, с твердостью переносить страдания. В своих сочинениях Сенека популяризировал это учение.*] насчитывала четыреста тысяч рукописей, несмотря на то, что значительная часть их погибла при осаде Цезарем Александрии. Здесь, сверкая на фоне прозрачной синевы неба, высилась белая кровля - одно из чудес мира, а по ту сторону, между выступами и фронтонами великолепных построек, взор терялся в сверкающей лазури моря.

Комната была отделана в исключительно греческом стиле и представляла собой обитель спокойствия, чистоты и прохлады, хотя в окна, защищенные сетками от москитов, проникал со двора яркий солнечный свет. В комнате не было ни ковра, ни очага; обстановка состояла из кушетки, стола и кресла, но вся мебель отличалась тонкостью и изяществом форм.

Однако, если бы кто-либо вошел в комнату этим утром, то, вероятно, не обратил бы внимания ни на меблировку, ни на сады музея, ни на сверкающее Средиземное море, так как его взор отыскивал бы нечто более привлекательное, перед чем все остальное меркло и ступшевывалось.

В кресле сидела молодая женщина лет двадцати пяти, погруженная в чтение

лежавшей на столе рукописи. Именно она и была богиней-покровительницей этого маленького храма. Ее одеяние, вполне соответствовавшее характеру комнаты, состояло из простого белоснежного платья старинного фасона. Длинное, строгое и изящное, оно ниспадало до самого пола, собиралось у шеи, совершенно скрывая очертания бюста и обнажая лишь руки и немного плечи. Ее наряд был лишен всяких украшений, кроме двух пурпуровых полосок спереди, обличавших в ней римскую гражданку. Она носила расшитую золотом обувь и золотую сетку на волосах, спускавшуюся на спину.

Цвет и блеск ее волос отливали чистым золотом и сама Афина [*В греческой мифологии - одна из наиболее почитаемых богинь Греции. Дочь Зевса, дева, богиня мудрости, разума, науки и разумной войны. Покровительница Афин. В Риме - Минерва.*] могла бы позавидовать не только оттенку, длине и густоте, но и прихотливым завиткам ее локонов. Черты ее лица, руки и плечи соответствовали строгому, но чудесному стилю древнегреческой красоты. При первом же взгляде обнаруживались прекрасное телосложение и блестящая мягкая кожа, которой отличались древние греки и которая достигалась не только частыми купаниями и постоянными физическими упражнениями, но и ежедневными втираниями душистых масел. Быть может, кого-то неприятно удивила бы чрезмерная грусть ее больших серых глаз, самоуверенность резко очерченных губ и нарочитая строгость осанки. Но чарующая прелесть и красота каждой линии лица и фигуры не только смягчали, но и полностью искупали эти недостатки. Бросалось в глаза поразительное сходство с изображениями Афины, украшавшими простенки комнаты.

Молодая женщина оторвала глаза от рукописи и с пылающим лицом обернулась к садам музея:

- Да, статуи повержены, библиотека разграблена, ниши безмолвны, оракулы безгласны. И все же... кто посмеет утверждать, что угасла древняя религия героев и мудрецов? Прекрасное не умирает. Боги покинули своих оракулов, но они не отталкивают души тех, кто томится стремлением к бессмертию. Они уже не учат народы, но не прервали связи с избранными. Они отвернулись от пошлых масс, но еще благосклонны к Ипатии!

Ее лицо вспыхнуло от восторга, но вдруг она вздрогнула, не то от страха, не то от отвращения. У стены садов, расположенных напротив дома, она увидела сгорбленную дряхлую еврейку, одетую с причудливым и ослепительным, но грубым великолепием. Старуха, очевидно, наблюдала за ней.

- Зачем преследует меня эта старая колдунья? Я ее вижу повсюду. Попрошу префекта, чтобы он узнал, кто она такая, и избавил от нее, прежде чем она меня сглазит своим злобным взглядом. Она уходит - благодарение богам! Безумие! Безумие, и это у меня, женщины-философа! Неужели, вопреки авторитету Порфирия [*Порфирий (235-305 гг. н. э.). Сириец по происхождению, философ, ученик Лонгина и Плотина (см. Неоплатонизм). Находился под сильным влиянием мистического культа Митры (культ Бога солнца, "Непобедимого солнца"), чрезвычайно широко распространенного в эту эпоху. Разрабатывая идею Плотина о едином непознаваемом Божестве, П. приходит к выводу, что эта верховная сущность создала мир путем последовательных*

истечений ("эманации"). П. был врагом христианства, так как последнее отвергало прочие религиозные культы, в каждом из которых, по мнению П., в символической форме скрыты зерна одной и той же религиозной истины. Против христианства П. написал трактат в 15 книгах. Виднейшим учеником и продолжателем философских учений П. был Ямблихий, или Ямблих.], я верю в дурной глаз и колдовство? Но вот и отец. Он, кажется, прохаживается по библиотеке.

Из соседней комнаты вышел старик, тоже, очевидно, грек, но менее чистокровный с обычной внешностью. Он был смугл и порывист, худ и изящен. Стройной фигуре и щекам, ввалившимся от усиленных занятий, как нельзя более подходил простой, непритязательный плащ философа - символ его профессии. Он нетерпеливо зашагал по комнате; напряженная работа мысли сказывалась в тревожных движениях, в пронизывающем взоре блестящих глаз.

- Вот оно... нет, снова ускользнуло. Получается противоречие. Несчастный я человек! Если верить Пифагору [*Греческий мудрец, занимавшийся философией и математикой. Родился на острове Самосе около 580 г. до н. э., в 530 году переселился в Италию в г. Кротон, где образовал пифагорейский союз - аскетическое религиозно-научное общество. Умер на рубеже VI-V веков до н. э. Согласно учению Пифагора, все в мире основано на мере и числе. Каждое число является не только арифметической величиной, но и символом, скрывающим сущность данной вещи. Так, например, единица есть символ первичного мирового начала, два - символ этого же начала в процессе рождения (два равно единице плюс единица) и т. д. Поэтому арифметические и геометрические выкладки и комбинации представляют собой не только математические величины, но, подвергнутые числовому анализу, раскрывают и законы строения вселенной. Законы мироздания, открытые этим путем, не должны разглашаться, а должны храниться в тесном кругу избранных (посвященных). Для достижения посвященности пифагорейцы проходили долгий искус (пост, обет молчания, обет полного полового воздержания и т. д.). Пифагорейская школа оказала огромное влияние на греческих и римских мыслителей и сохранила его до V века н. э., т. е. вплоть до гибели античного мира. По своим социальным симпатиям пифагорейцы тяготели к аристократии и были противниками демократического строя.*], символ - это расширяющийся ряд третьих ступеней, а тут все время получаются кратные числа. Ты не подсчитывала сумму, Ипатия?

- Присядь, дорогой отец, и поешь. Ты сегодня еще не прикасался к еде.

- Что мне пища? Следует выразить необъяснимое, завершить труд, хотя бы это было так же трудно, как найти для круга равновеликий квадрат. Может ли дух, парящий в надзвездных сферах, ежеминутно опускаться на землю?

- Ах, - возразила она не без горечи, - как рада была бы я, если бы, всецело уподобляясь богам, мы могли существовать без питания. Но, замкнутые в эту материальную темницу тела, мы должны изящно влачить наши оковы, если у нас есть вкус. В соседней комнате для тебя приготовлены плоды, чечевица, рис, а также и хлеб, если ты его не слишком презираешь.

- Пища невольников, - заметил он. - Хорошо, пойду и буду есть, хотя и стыжусь еды.

Подожди... Говорил ли я тебе, что в школу математики сегодня утром прибыло шесть учеников? Школа растет, расширяется. Мы, в конце концов, победим.

Она вздохнула.

- Почему ты думаешь, что они пришли к тебе, как Критиас и Алкивиад [*Алкивиад (451-404 гг. до н. э.). Один из выдающихся государственных деятелей Афин эпохи расцвета. Отличавшийся ораторскими и стратегическими талантами, ученик Сократа, А. прошел очень бурную политическую карьеру, выступая то в роли главаря афинской демократической партии, то в роли союзника спартанцев, врагов Афин, то в роли друга персидских наместников. В последние годы жизни А. вернулся в Афины, одержал победы над спартанцами и персами, получил неограниченные полномочия, но вскоре, благодаря проискам врагов, был снова изгнан и в 404 г. убит по приказанию персидского наместника.*] к Сократу, - лишь для изучения политических и светских наук? Ах, отец мой, для меня нет более жестокого страдания, как в полдень видеть у носилок Пелагии толпу тех самых слушателей, которые утром внимали в аудитории моим словам, словно изречениям оракула... А затем вечером... я это знаю - кости, вино и кое-что похуже. Увы, ежедневно Венера [*Венера (греческая Афродита). Богиня любви и красоты, мать Амура, дочь Зевса, родившаяся из пены морской (Венера Анадиомена). В греческой мифологии, по одному из сказаний, подвергшемуся философской обработке, А. почиталась в двух образах: как богиня земной любви, покровительница брака и любовных связей (Афродита всенародная) и как богиня высшей духовной любви (Афродита небесная).*] всенародная побеждает даже Палладу [*Одно из дополнительных имен греческой богини Афины (см. Афина).*]. Пелагия обладает большей властью, чем я!

И в голосе Ипатии звучали ноты, наводившие на мысль, что она ненавидит Пелагию, несмотря на то величавое спокойствие и невозмутимость, которые вменяла себе в обязанность.

В это мгновение беседа внезапно прервалась. В комнату торопливо вбежала молодая рабыня и дрожащим голосом доложила:

- Госпожа! Знатный префект прибыл. Его экипаж ждет уже пять минут у ворот. Он сам идет за мной по лестнице.

- Неразумное дитя, - сказала Ипатия с несколько напускным равнодушием, - может ли это меня обеспокоить? Ну,пусти его.

Дверь распахнулась и, предшествуемый по меньшей мере полудюжиной благоухающих запахов, появился цветущий мужчина с тонкими чертами лица. На нем было роскошное одеяние сенаторов, а на руках и на шее сверкали драгоценные украшения.

- Наместник цезарей почитает за честь поклониться жертвеннику Афины Паллады и счастлив узреть в лице ее жрицы прелестное подобие богини, которой она служит. Не выдавай меня, - но когда я вижу твои глаза, я могу изъясняться лишь по-язычески.

- Правда всесильна, - ответила Ипатия и приподнялась, приветствуя его улыбкой и поклоном.

- Да, говорят... Твой достопочтенный отец удалился. Он, право, слишком скромн и

совершенно беспристрастно оценивает свою неспособность к политическим интригам. Ты ведь знаешь, что я всегда прошу совета у твоей мудрости. Как вела себя беспокойная александрийская чернь во время моего отсутствия?

- Стадо, по обыкновению, ело, пило и... любило, - по крайней мере я так полагаю, - небрежно ответила Ипатия.

- И множилось, без сомнения. Ну, а как идет преподавание?

Ипатия грустно покачала головой.

- Молодежь ведет себя, как молодежь, и я сам готов признаться в своей вине. "Вижу лучшее, а следую худшему". Но не вздыхай, а то я буду неутешен. Да, знаешь, твоя самая опасная соперница удалилась в пустыню и собирается посетить город богов над водопадами.

- Кого ты имеешь в виду? - спросила Ипатия, с далеко не философским раздражением.

- Конечно, Пелагию. Я встретился с этой обольстительной и самой легкомысленной представительницей слабого пола на полпути между Александрией и Фивами и убедился, что она превратилась в настоящую Андромаху [*Дочь мизийского царя, жена троянского героя Гектора, воспетая Гомером в "Илиаде" и выведенная Эврипидом в его трагедии.*]- стала воплощением целомудренной любви.

- К кому, смею спросить?

- К некоему готскому богатырю. Какие люди рождаются у этих варваров! Право, когда я шел рядом с этим верзилкой, я так и думал, что он вот-вот раздавит меня.

- Как, - воскликнула Ипатия, - знатный префект снизошел до беседы с дикарем?

- Его сопровождало около сорока дюжих соплеменников, которые могли бы причинить массу неприятностей робкому префекту, не говоря уже о том, что всегда выгодно оставаться в хороших отношениях с этими готами. После взятия Рима и разграбления Афин [*Столица современной Греции, один из замечательнейших городов Греции, центр ее культурной и умственной жизни. Афины изобиловали замечательными произведениями архитектуры и скульптуры, которые расхищались и римлянами и варварами.*], похожих теперь, на улей, расхищенный осами, я начинаю серьезно смотреть на этих людей. А что касается этого детины, то он знатного рода и хвалится происхождением от своего прожорливого Бога. Он, впрочем, не устаивал беседой презренного римского наместника, пока его верная и любящая подруга не оказала мне покровительства. Этот малый, впрочем, умеет пожить, и мы скрепили наш дружеский союз самыми утонченными возлияниями Вакху. Но с тобой я не смею говорить об этом. Итак, закатилась звезда Венеры, и восходит светило Паллады. Ну, а теперь скажи мне, что делать со святым поджигателем?

- С Кириллом?

- С ним.

- Твори правосудие!

- О, прекрасная мудрость, не произноси этого ужасного слова вне аудитории. В теории оно очень хорошо, но на практике несчастный наместник должен ограничиваться лишь тем, что удобоисполнимо. Если бы я задумал творить истинное

правосудие, то Кирилл со всеми его монахами я должен был бы попросту пригвоздить к крестам на песчаных буграх за городской чертой. Это довольно просто, но совершенно невозможно, как многие другие отличные и простые вещи.

- Ты боишься народа?

- Да, моя дорогая повелительница. Разве вся чернь не на стороне этого гнусного демагога? Разве не могут здесь повториться ужасные константинопольские события [*намек на религиозные распри, происходившие в начале V века в Византии и сопровождавшиеся множеством жертв.*]? Я не могу наблюдать подобные зрелища; право, мои нервы их не выносят. Быть может, я слишком ленив. Ну что ж, пусть так.

Ипатия вздохнула.

- Ах, если бы ты, уважаемый префект, решился допустить великое единоборство, исход которого зависит от тебя одного! Не думай, что дело тут только в борьбе между христианством и язычеством...

- А если бы даже так, то ведь ты знаешь, что я христианин, служу христианскому императору и его августейшей сестре...

- Понимаю, - перебила его она, нетерпеливо махнув рукой. - Борьба идет не только между этими двумя религиями, и даже не между варварством и философией. Борьба, в сущности, идет между патрициями и чернью, между богатством, образованием, искусством, наукой, - словом, всем, что возвеличивает народ, и дикой шайкой пролетариев, толпой неблагородных, которые должны работать на немногих благородных. Должна ли Римская империя повиноваться собственным рабам, или же она должна повелевать ими? Вот вопрос, который разрешится посредством схватки между тобой и Кириллом. И схватка эта будет кровопролитной.

- Вот как? Я бы не удивился, если бы дело дошло до этого, - возразил префект, пожимая плечами. - Вполне возможно, что в один прекрасный день какой-нибудь бешеный монах проломит мне череп на улице.

- Почему бы и нет? Это допустимо в эпоху, когда императоры и консулы ползают на коленях перед могилами ткачей и рыбаков и целуют сгнившие кости презренных рабов.

- Я вполне согласен с тобой, что с практической точки зрения много несоответствия в новой, христианской вере, мир вообще кишит нелепостями. Мудрый не опровергает свою религию, если она ему не по душе, так же как и не негодует на свой больной палец. Он ничего не в силах изменить и поэтому должен извлечь наилучшее из наихудшего, Скажи мне только, как сохранить порядок?

- И обречь философию на гибель?

- Этого никогда не будет, пока жива Ипатия, способная обучать мир. Но помоги и дай совет. Что мне делать?

- Я уже сказала тебе.

- Да, в общей форме. Но вне аудитории я предпочитаю практические советы. Например, Кирилл пишет мне, а он и на одну неделю не может оставить меня в покое! - будто среди евреев возник заговор, преследующий цель перерезать христиан. Вот этот документ. Но, насколько мне известно, существует совершенно противоположный, и христиане намереваются перерезать всех евреев... А между тем я не могу оставить без

внимания это послание.

- Я не согласна с тобой, мой повелитель.

- Если что-либо произойдет, - подумай только, какие доносы и обвинения полетят в Константинополь!

- Ты не должен принимать к сведению это послание уже по причине того тона, в котором оно написано. Ибо подобное ущемляет твоё достоинство и честь государства. Прилично ли тебе объясняться с человеком, отзывающемся о жителях Александрии, как о стаде, которое царь всех царей поручил его руководству! Кто управляет, - ты, знатный наместник, или гордый епископ?

- Право, моя прекрасная повелительница, я уже перестал вникать в этот вопрос.

- Ну, так объяви ему, но только устно, что частное сообщение касается не его, епископа, а тебя, правителя. Поэтому ты можешь принять к сведению его письменные заявления, лишь в том случае, если он представит официальный документ в суд.

- Прекрасно! Царица дипломатов и философов! Я повинуюсь тебе. Ах, почему ты не Пульхерия [*Пульхерия (399-453). Византийская императрица, дочь императора Аркадия. Воспитанная строго в церковном направлении, в девичестве дала обет безбрачия и, став регентшей, превратила двор в монастырь. После смерти воспитанного ею младшего брата Феодосия была избрана императрицей, вышла замуж за старшего сенатора Маркиана и провозгласила его императором.*]? Впрочем, тогда в Александрии царил бы мрак, и Орест не удостоился бы высокого счастья поцеловать руку, которую Паллада, сотворившая тебя, заимствовала у Афродиты [*см. Венера.*].

- Вспомни, что ты христианин, - заметила Ипатия с легкой улыбкой.

Префект простился с ней, миновал приемный покой, переполненный аристократическими учениками и посетителями Ипатии, и, раскланиваясь с ними, прошел мимо, обдумывая удар, который он готовился нанести Кириллу. Перед входом стояло много экипажей, рабов, державших зонтики своих господ, толпа мальчишек и торговцев. Свита префекта наделяла зевак пинками и подзатыльниками, но они не роптали. Как могущественна Ипатия, если сам великий наместник Александрии удостоил ее своим посещением, - думали они. Среди толпы виднелись и недовольные, хмурые лица, ибо в большинстве своем она состояла из христиан и беспокойных политиков, потомков александрийцев - "мужей македонских".

Садясь в колесницу, префект увидел стройного молодого человека, столь же роскошно одетого, как и он сам. Он спускался по лестнице и небрежным движением руки подозвал негрятенка, державшего зонтик.

- Рафаэль Эбен-Эзра! Мой дорогой друг! Какой благосклонный Бог... я хотел сказать - мученик, привел тебя в Александрию именно тогда, когда ты мне нужен?! Садись рядом со мной и поболтаем немного по пути к зданию суда.

Молодой человек принял приглашение. Он приблизился и низко поклонился префекту, хотя этот поклон не только не смягчал, но, по-видимому, и не должен был смягчать пренебрежительного и недовольного выражения его лица. Он спросил, растягивая слова:

- В связи с чем наместник цезарей оказывает такую великую честь одному из своих покорных слуг, который...

- Не беспокойся, я не намереваюсь занимать у тебя деньги, - со смехом отвечал Орест, когда Рафаэль сел рядом с ним.

- Рад это слышать, В семье достаточно и одного ростовщика. Мой отец копил золото, а я растрачиваю его и думаю, что это все, что требуется от философа.

- Не правда ли, как красива эта четверка белых никейских коней? Только у одного из них серое копыто.

- Да... Но я прихожу к убеждению, что лошади надоедают, как и все остальное: они то хворают, то разбивают седока и вообще тем или иным способом нарушают его душевное равновесие. В Кирене меня чуть было до смерти не замучили поручениями по части собак, лошадей, оружия, требующихся его святейшеству, престарелому Нимврону [*По библейской легенде - "первый богатырь" на земле; могучий охотник, властелин Вавилона, Ассирии и других стран, легендарный основатель Ниневии.*], епископу Синезию.

- Теперь переключись на время на низменные земные дела. Кирилл пишет мне, что евреи собираются перерезать всех христиан.

- Прекрасное, доброе дело! Я бы сердечно порадовался, если бы это подтвердилось. Я думаю, что это соответствует истине.

- Клянусь бессмертными богами... я хочу сказать - святыми! Неужели ты в этом уверен, Рафаэль?

- Да отвратят от меня четыре архангела подобные помыслы. Меня это нисколько не касается. Я только думаю, что мой народ состоит из таких же глупцов, как и прочий мир, и, вероятно, носится с подобными планами. Ему это, конечно, не удастся, и потому ты не должен тревожиться. Если же ты придаешь значение этим сплетням - я им значения не придаю - то я могу расспросить обо всем одного из раввинов, так как приблизительно через неделю должен посетить синагогу по делам.

- О, ленивейший из смертных! Мне нужно сегодня же дать ответ Кириллу.

- Лишний повод не осведомляться у своих соплеменников! В таком случае ты можешь заявить со спокойной совестью, что ничего не знал об этом деле.

- Хорошо. По здравому рассуждению такое неведение кажется мне надежной точкой опоры для несчастного государственного мужа. Поэтому не торопись.

- Могу уверить твою светлость, что мне это и в голову не приходит...

- Смотри, вон Кирилл спускается по ступеням Цезареума. Представительный мужчина, хотя и похож на свирепого медведя.

- А за ним следуют его птенцы. Какая мошенническая физиономия вон у того стройного молодца, монаха-псаломщика или что-то в этом роде, судя по одежде.

- Вот они шепчутся друг с другом. Да ниспошлет им Небо приятные думы и более привлекательные лица!

- Аминь! - воскликнул Орест с насмешливой улыбкой. Он произнес бы это с большим убеждением, если бы мог слышать ответ Кирилла Петру:

- Он идет от Ипатии, говоришь ты? Но ведь он только сегодня утром вернулся в

город.

- Я видел его лошадей у ее дверей, когда полчаса тому назад шел сюда по улице Музея.

- Мир, плоть и дьявол знают своих приверженцев, которые не придут к нам, пока у них есть возможность посещать своих собственных пророков. Нечего и ожидать этого, Петр.

- А если убрать с дороги этих пророков?

- Тогда, за отсутствием лучшего развлечения, они вспомнили бы и о нас... Царство божие в Александрии попирается ногами и власть принадлежит не епископам и священникам единого Бога, а предводителям мира сего, с их гладиаторами [*Бойцы, выступавшие в римских цирках и сражавшиеся или друг с другом, или с дикими зверями. Бои гладиаторов давались, начиная с III века до н. э., для развлечения народа и принимали все более и более жестокий и роскошный характер. Гладиаторы обучались в специальных школах и вербовались из военнопленных, рабов и преступников.*], ростовщиками и паразитами. И так будет до тех пор, пока возвышаются эти аудитории, египетские храмы, полные языческих обольщений, эта выставка сатаны, где дьявол преобразуется в ангела света, подражает христианской добродетели и украшает своих слуг наподобие слугителей истины.

Сопровождаемые небольшой кучкой параболанов [*Низшие духовные служители в древней церкви. В их обязанности входило: ухаживать за больными, хоронить умерших и вообще оказывать помощь нуждающимся. В Александрии в IV веке их насчитывалось свыше 500 человек.*], Кирилл и Петр направились по набережной и внезапно скрылись в темном переулке тесного и нищего матросского квартала. Но мы не будем сопутствовать им в делах милосердия, а подслушаем беседу наших изящных друзей.

- За маяком дует отличный ветер, Рафаэль. Это очень хорошо для моих кораблей с пшеницей.

- Они уже отплыли?

- Да. А что? Первую флотилию я отправил три дня тому назад, а прочие снимутся с якоря сегодня.

- А, так ты, значит, ничего не слышал о Гераклиане? [*Наместник Африки, христианин, живший в конце IV и V века до н. э. Гераклиан создал план разделения Римской империи не на восточную и западную, а на южную и северную, причем императором южной Римской империи должен был стать он сам. В 413 году он собрал армию и двинулся на Рим, но был разбит императорскими войсками.*]

- Гераклиан? Какое отношение - во имя всех святых - имеет наместник Африки к моим судам с пшеницей?

- О, никакого. Меня это дело не касается, но я слышал, что он готовит восстание. Но вот мы уже у твоих ворот.

- Он готовит восстание? - повторил Орест испуганным голосом.

- Он хочет восстать и завладеть Римом.

- Всеблагие боги! Я хочу сказать - Боже мой... Вот еще новая забота. Войди и поведай

все несчастному жалкому рабу, именуемому наместником. Но говори тихо, ради самого Неба! Надеюсь, что эти предатели-слуги не расслышали твоих слов.

- Нет ничего проще, как сбросить их в канал, если они слышали что-либо, - произнес Рафаэль, следуя с невозмутимым спокойствием за взволнованным префектом.

Бедный Орест остановился, дойдя до покоев, выходивших во внутренний двор. Тут он знаком подозвал еврея, запер дверь, бросился в кресло, уперся руками в колени и, охваченный страхом и смятением, уставился в лицо Рафаэля.

- Расскажи мне все, все немедленно!

- Я уже сказал тебе все, что знаю, - ответил Рафаэль, спокойно опускаясь на диван и играя кинжалом, украшенным драгоценными камнями. - Я думал, что тебе известна эта тайна, а то бы я ничего не сказал. Меня ведь это не касается.

Оресту, как большинству слабых и развращенных людей, - в особенности римлян, - была присуща звериная жестокость, и она теперь проснулась в нем.

- Ад и фурии! Бесстыдный провинциальный раб! Твоя наглость не знает границ. Знаешь ли ты, кто я, проклятый еврей? Открой мне без утайки всю правду, или, клянусь головой императора, я ее вырву у тебя раскаленными клещами.

На лице Рафаэля появилось упрямое выражение. Зловещее спокойствие сквозило в его улыбке, когда он произнес:

- Тогда, мой милый наместник, ты окажешься первым человеком на земле, который заставил меня, еврея сказать или сделать то, чего я не хочу.

- Увидим! - воскликнул Орест. - Сюда, рабы! - и он громко хлопнул в ладоши.

- Успокойся, уважаемый, - произнес Рафаэль, приподнимаясь. - Дверь заперта, перед окнами сетка от москитов, а этот кинжал отравлен. Если со мной что-либо случится, ты смертельно оскорбишь всех еврейских ростовщиков и кроме того будешь умирать в мучительной трехдневной агонии. Тебе не удастся занять денег у Мириам. Ты потеряешь самого денежного из твоих друзей и оставишь финансы префектуры, равно как и свои собственные, в плачевном состоянии. Гораздо благоразумнее будет, если ты спокойно сядешь и выслушаешь то, что я могу тебе сообщить, как философ и преданный ученик Ипатии. Не можешь же ты требовать от человека, чтобы он сказал тебе то чего сам не знает.

Орест, оглядев комнату и убедившись, что ускользнуть нельзя, опять спокойно уселся в кресло. Когда рабы стали стучать в дверь, он настолько уже овладел собой, что приказал прислать не палача, а мальчика с вином.

- Ах вы, евреи, - сказал он, пытаясь смехом загладить свою вспышку. - Вы до сих пор остались такими же воплощенными дьяволами, какими были при Тите!

- Именно, мой милый префект. Но обсудим сначала это дело, которое, действительно, важно, по крайней мере для язычников. Гераклиан в любом случае поднимет восстание - это я узнал от Синезия. Он снарядил войско, уже готов отплыть в Остию, задержал собственные суда с пшеницей и собирается написать тебе, чтобы ты попридержал и свой груз, дабы таким образом уморить голодом и вечный город, и готов, и сенат, и императора, и всю Кампанью [*Кампанья (римская). Окрестности Рима. В древнюю эпоху была цветущей местностью с роскошными виллами, а впоследствии*

превратилась в заболоченную малярийную полупустыню, пригодную лишь для пастбищ.]. Конечно, только от тебя зависит, согласится или нет на это разумное и, пожалуй, незначительное требование.

- А это, в свою очередь, зависит от его планов.

- В самом деле, нельзя требовать, чтобы ты... мы будем выражаться иносказательно... Если вся затея не стоит связанных с нею трудов...

Орест сидел в глубоком раздумье.

- Нет, - произнес он почти бессознательно, но тут же гневно взглянул на еврея: он боялся выдать себя. - А почему мне знать, не расставляешь ли ты мне одну из своих адских ловушек? Скажи мне, как узнал ты обо всем этом, или клянусь Геркулесом [*Геракл. Легендарный греческий герой - сын Зевса и смертной женщины Алкмены; вынужден был служить царю Эврисфею, на службе которого совершил свои 12 подвигов. Все эти подвиги имели цель: освобождение людей от чудовищ или облегчение жизни человеческого рода. Поэтому Геркулес принадлежал к числу божеств, наиболее популярных среди трудовых классов греческого и римского народов. После смерти был взят Зевсом на небо.*], - в это мгновение он совершенно забыл о своем христианском вероисповедании, - клянусь Геркулесом и двенадцатью олимпийцами...

- Не употребляй выражений, недостойных философа, я почерпнул эти сведения из верного и простого источника. Гераклиан вел переговоры о займе с раввинами Карфагена, но из-за боязни и верноподданнических чувств, они в конце концов отказали ему. Он знал, как и все мудрые наместники, что евреям бесполезно угрожать и поэтому обратился ко мне. Я никогда не давал денег в займы, - это противно духу философии, но я его свел со старой Мириам, которая не побоится вести дела с самим чертом. Не знаю, получит ли он деньги, знаю только, что мы владеем его тайной. Если же потребуются все подробности, то тебе их сообщит старуха, которая любит интриги не меньше фалернского вина.

- Так, так... Ты истинный друг...

- Да, без сомнения. А вот и Ганимед [*В греческой мифологии - красавец-юноша, сын троянского царя, был унесен посланным Зевсом орлом на небо, где сделался любимцем и виночерпием Зевса.*] с вином, - он является как раз вовремя. Да здравствует богиня мудрых советов, мой благородный повелитель! Что за вино!

- Настоящее сирийское - огонь и мед! Ему исполнится четырнадцать лет в следующий сбор винограда. Уходи, Ганимед! Смотри, не подслушивай! Итак, о чем же мечтает наместник?

- Он жаждет получить вознаграждение за убийство Стилихона [*Стилихон Флавий (родился в половине IV в. н. э., точная дата неизвестна). Родом вандал, блестящий римский полководец, вел непрерывную борьбу с германцами, дважды отразил Алариха. Был предательски убит завистливым императором Гонерием в 408 году.*].

- Как? Разве ему не достаточно быть властителем Африки?

- Я думаю, он считает, что это звание вполне оплачено его заслугами за последние три года.

- Да, он спас Африку.

- А следовательно и Египет. Ты, вместе с императором, в долгу у него.

- Дорогой друг, мои долги слишком многочисленны, чтобы я мог надеяться погасить когда-либо хоть один из них. Какую же награду он требует?

- Порфиру.

Орест встрепнулся и погрузился в глубокое раздумье. Рафаэль наблюдал за ним несколько мгновений.

- Могу я теперь удалиться, мой благородный патриций? Я сказал все, что знал. Если я теперь не отправлюсь домой, чтобы закусить и подкрепиться, то вряд ли успею разыскать для тебя старую Мириам и обговорить с ней наше небольшое дельце до заката солнца.

- Постой! Как велика численность его войска?

- Уверяют, что около сорока тысяч. Бессовестные донатисты [*Донатизм. Секта в африканской церкви, возглавлявшаяся епископом Донатом, жившим в IV веке. Донатисты боролись с политикой римских пап и восточных патриархов, стремившихся путем уступок завоевать расположение императоров и опереться на светскую власть. В области церковного управления донатисты отстаивали независимость местных церковных организаций в противовес централистским тенденциям Рима и Византии. Эта оппозиционность по отношению к светской власти снискала донатистам расположение жестоко эксплуатируемых демократических классов населения. Во второй половине IV века в африканских провинциях Римской империи произошло восстание христиан и рабов, т. н. "агонистика", в котором принимало участие донатистское духовенство. Восстание было потоплено в крови, и после этого донатисты, как массовая церковная организация, перестали существовать.*] пойдут за ним все, как один человек, если только его финансы позволят ему заменить их деревянные дубинки стальным оружием.

- Прекрасно, ступай... Так! Сто тысяч было бы достаточно, - произнес он задумчиво, когда Рафаэль с низким поклоном покинул комнату. - Он не наберет столько, но все-таки, право, не знаю... У этого человека голова Юлия Цезаря. Арсений, этот безумец, поговаривал о присоединении Египта к Западной империи. Мысль не дурна. Гераклиан - римский император, я - неограниченный владыка по эту сторону моря... Затем нужно хорошенько стравить донатистов и церковников, чтобы они с полным благодушием перерезали друг другу горло... Не иметь более на шее Кирилла с его шпионством и сплетнями... Это было бы недурно... Но сколько хлопот и треволений!

С этими словами Орест вышел из комнаты, чтобы принять теплую ванну.

Глава III

Готы ^[*]

[*] - Народ германского племени, живший в I веке у Балтийского моря, а затем перекочевавший через Карпаты к Дунаю. Готы подразделялись на две группы: вестготов и остготов. Вестготы двигались на запад, совершали набеги на Западно-

римскую империю и в III и IV веках осели на севере Пиренейского полуострова и в соседних с ним областях Галлии (нынешней Франции). Остготы двинулись на восток. Во II веке они основали собственное государство на берегах Дуная и стали совершать нашествия на Рим, Афины и Малую Азию. В 336 году император Константин заключил с ними мир, а в 370 году они были вытеснены гуннами.

Молодой монах уже два дня плыл по Нилу. Справа и слева виднелись красивые города и виллы, возбуждавшие томительное любопытство. Он долго смотрел назад, пока они не скрывались за выступом берега, и ему безумно захотелось узнать, каковы вблизи эти роскошные здания и прекрасные сады, какой жизнью живут те люди, которые теснятся на набережных и непрерывной вереницей идут и едут по широкой дороге вдоль Нила.

На крутом повороте реки он увидел пестро раскрашенную барку. На ее палубе сновали вооруженные люди в неуклюжем иноземном одеянии и с дикими возгласами следили за каким-то большим и бесформенным зверем, барахтавшимся в воде. На носу стоял человек исполинского роста. В правой руке он держал наготове гарпун, а в левой - веревку от другого гарпуна, вонзившегося в громадный окровавленный бок гиппопотама. Животное билось несколько поодаль от барки, разбрасывая пену и брызги. Один из воинов, стоявших у руля, держал по веслу в каждой руке и неуклонно направлял барку на чудовище, несмотря на неожиданные и порывистые движения последнего. Любопытство овладело Филимоном. Он подплыл почти к самой барке, не замечая, что за ним следят томные черные глаза нескольких существ, сидевших под разукрашенным навесом около кормы судна.

Это были женщины... Коварные оболъстительницы весело болтали, встряхивали блестящими локонами в золотых сетках и улыбались. Увидев их, Филимон от смущения вспыхнул, схватился за весла, чтобы уйти от соблазна, но гиппопотам заметил его и ринулся, освирепев от боли, на беззащитный челнок. Веревка гарпуна обвилась вокруг стана юноши, лодка мгновенно опрокинулась вместе с ним, и чудовище, широко разинув огромную клыкастую пасть, стало наступать пловца, боровшегося с течением.

К счастью, Филимон, в отличие от большинства монахов, часто купался и умел хорошо плавать. Чувство страха ему было чуждо; как и прочие отшельники, он с детства привык размышлять о смерти, и она не внушала ему ужаса даже в эту минуту, когда ему улыбалась жизнь. Но этот монах был молодым мужчиной, не желавшим умереть без борьбы, не отомстив за себя. Он быстро освободился от веревки и выхватил короткий нож, свое единственное оружие. Ловко нырнув, юноша избежал пасти страшного зверя и напал на него с тыла. Варвары кричали от восторга. Гиппопотам бешено метнулся на нового врага и одним движением челюстей раздробил пустой челнок. Но это нападение оказалось роковым для животного: барка очутилась возле него, и, когда гиппопотам высунул из воды свою незащищенную широкую грудь, гарпун, брошенный мускулистой рукой великана, поразил его прямо в сердце. Зверь судорожно вытянулся, и его огромное синевато-черное тело всколыхнулось и всплыло

над водой.

Бедный Филимон! Он оставался безмолвным среди общих восторженных возгласов и одиноко плавал вокруг своего разбитого маленького челнока. Тоскливо поглядывал он на далекие берега и думал, что, пожалуй, лучше добраться до них во что бы то ни стало, лишь бы спастись от... Но тут он вспомнил о крокодилах и повернул назад. Однако страх перед соблазнительными женщинами привел его к окончательному решению: крокодилов, быть может, и не встретит, а кто спасется от женщин? Он храбро поплыл к берегу, но вдруг вокруг его тела обвилась веревка, и дружеская рука варвара при общем одобрительном смехе вытащила его на палубу. Никто не сомневался, что юноша обрадуется оказанной ему помощи, и добродушные готы совершенно не понимали причины его недовольствия.

Филимон с удивлением смотрел на этих странных людей, а их бледные лица, круглые головы, широкие скулы, коренастые сильные фигуры, рыжие бороды и желтые волосы, причудливыми узлами связанные на макушке. Их неуклюжие одеяния, представлявшие смесь римской и египетской моды, состояли наполовину из неизвестных ему мехов. Безвкусно украшенные самоцветными камнями, римскими монетами и драгоценностями в виде ожерелий, эти одежды, однако, носили на себе следы многих невзгод и схваток. Только рулевой, подошедший к борту, чтобы посмотреть на гиппопотама и помочь поднять на палубу грузное животное, носил допотопный наряд своего народа: белые полотняные штаны, стянутые ремнем, кожаный нагрудник и медвежью шкуру вместо плаща. Язык варваров был совершенно непонятен Филимону.

- Какой это рослый, отважный юноша, Вульф, сын Овиды! - обратился богатырь к старому воину в медвежьей шкуре. - Он, пожалуй, не хуже тебя сумеет носить шубу в этом пекле.

- Я сохранил одежду моих предков, Амальрих-амалиец; Асгард [*В скандинавской мифологии - жилище богов асов, победивших прежних богов ванов. Некоторых побежденных асы приняли в свою среду.*] я сумею найти в той же одежде, в какой некогда брал Рим.

Костюм богатыря представлял собой смесь римского военного и гражданского одеяния. На нем был шлем, панцирь и сенаторская обувь; с дюжину золотых цепочек обвивалось вокруг шеи, и на всех пальцах сверкали драгоценности. Он отвернулся от старика с нетерпеливой насмешливой улыбкой.

- Асгард! Асгард! Если ты спешишь достигнуть Асгарда по этой вырытой в песке канаве, то расспроси юношу, далеко ли нам еще плыть.

Вульф тут же исполнил его желание и обратился к монаху с вопросом, на который тот мог ответить лишь отрицательным движением головы.

- Спроси его по-гречески.

- Греческий язык - наречие рабов. Пусть им пользуются невольники, - я от него отрекаюсь.

- Эй, девушки, подойдите-ка сюда! Пелагия, ты, во всяком случае, понимаешь язык этого молодца. Спроси его, Далеко ли еще до Асгарда?

- Ты должен повежливее обращаться со мной, мой суровый герой, - ответил нежный

голос из-под палубного навеса. - Красоту следует просить, ей нельзя приказывать.

- Ну так подойти сюда, мое оливковое дерево, моя газель, мой лотос, моя... ну, как так еще называется эта чепуха, которой ты меня учила недавно. Приди и спроси этого дикого человека из песчаной пустыни, далеко ли до Асгарда от этих проклятых кроличьих нор.

Занавес шатра отдернули, и, сладострастно раскинувшись на мягком ложе, под опалами из павлиньих перьев, сверкая рубинами и топазами, показалось существо, какого Филимон никогда еще не видел.

То была женщина лет двадцати двух, с чувственными, обольстительными формами гречанки. Под чудесным золотистым загаром кожи едва просвечивались тончайшие жилки, а маленькие босые ножки были красивее, чем у Афродиты. Мягкие округленные контуры бюста и рук явственно обозначались под прозрачной тканью, а стан был перехвачен шелковой шалью оранжевого цвета, богато затканной гирляндами из раковин и роз. Густые локоны темных волос, перевитые золотом и драгоценностями, лежали на подушке, а темные глаза сияли, как алмазы, из-под век, подведенных сурью. Женщина медленно подняла руку, медленно раскрыла губы и на чистейшем, благозвучном греческом наречии повторила вопрос своего исполинского возлюбленного. Она дважды повторила слова, прежде чем юный монах, преодолев очарование, смог ей ответить.

- Асгард? Что такое Асгард?

Красавица взорами спросила новых указаний у богатыря.

- Град бессмертных богов, - торопливо и серьезно вмешался старый воин, обращаясь к молодой женщине!

- Град Бога - на небесах, - возразил Филимон переводчице, отвернувшись от ее сияющих, похотливых и испытующих глаз.

Все, кроме вождя, пожавшего плечами, встретил ответ единодушным хохотом.

- Висеть в вышине на облаках или тащиться по Нилу - для меня, в сущности, безразлично, - сказал Амальрих. - Мне сдается, что нам также легко, или, вернее так же трудно долететь до Асгарда, как доплыть до него на веслах по этой длинной канаве. Пелагия, спроси, откуда течет река.

Пелагия повиновалась, и тут последовал беспорядочный набор сказок, которыми Филимона в детстве развлекали монахи.

- Нил направляется к востоку мимо Аравии и Индии; путь идет лесами, населенными слонами и женщинами с собачьей пастью, а дальше тянутся Гиперборейские горы [*Гиперборейские горы. Горы "по ту сторону северного ветра", за которыми, по греческой мифологии, лежит райская страна сказочного народа - гиперборейцев, не ведающего ни старости, ни войн.*], где царит вечный мрак... Одна треть реки течет оттуда, другая из южного океана, через лунные горы, куда еще не ступала человеческая нога, а последняя треть из страны, где живет Феникс. Далее следуют водопады, а по ту сторону порогов тянутся лишь песчаные бугры да развалины, кишацие дьяволами. А что касается Асгарда, то о нем никто никогда не слышал.

Все озадаченнее и смущеннее становились лица слушателей, а Пелагия все

продолжала переводить, путаясь и перевирая. Наконец великан хлопнул себя рукой по колену и торжественно поклялся, что больше ни шагу не сделает вверх по Нилу. А Асгард пусть себе гниёт, пока не погибнут боги.

- Проклятый монах, - пробормотал Вульф. - Разве об этом может что-нибудь знать такая жалкая тварь?

- Почему бы ему не знать столько же, как и той обезьяне - римскому наместнику? - спросил Смид.

- О, монахам все известно, - вмешалась Пелагия. - Они странствуют на сотни и тысячи миль по Нилу и пересекают пустыню, переполненную чертями и чудовищами, где всякий другой лишился бы рассудка или был бы немедленно разорван на части.

- Почему бы ему не знать столько же, сколько знает префект? Это ты правильно заметил, Смид. Я думаю, что секретарь наместника нагло лгал, когда уверял нас, что до Асгарда не более десяти суток езды.

- Зачем ему было лгать?

- До причины мне нет дела. Я только говорю, что наместник походил на лжеца, а этот монах - на честного парня. Ему я и верю, и больше об этом ни слова!

- Не смотри на меня так сердито, викинг [*У древних скандинавов - старейшина рода. Иногда это название применялось и вообще к витязям, особенно действовавшим на море.*] Вульф. Я не виновата, я ведь только повторяла то, что мне рассказывал монах, - прошептала Пелагия.

- Кто сердито смотрит на тебя, моя царица? - взревел амалиец. - Пусть-ка он выйдет, и клянусь молотом Тора...

- Да разве тебе кто-нибудь сказал хоть слово, глупенький? - стала успокаивать его Пелагия, ждавшая каждую минуту какой-нибудь бешеной вспышки. - Никто ни на кого не сердится, только я недовольна тобой: ты во все вмешиваешься. Берегись, я исполню свою угрозу и убегу с викингом Вульфом, если ты не будешь вести себя хорошо. Гляди, все ждут от тебя речи...

Амалиец встал.

- Слушайте, Вульф, сын Овиды, и все вы, воины! Если мы ищем богатств, то мы не найдем их среди песчаных бугров. Женщин надо? Но лучше этих мы не увидим даже у чертей и драконов. Не смотри так грозно, Вульф. Ведь ты же не намерен взять в жены одну из тех девушек с собачьими мордами, о которых рассказывал монах - а? Вернемся же обратно, пошлем послов в Испанию, к одному из вандальских племен, - им уже успел надоест Адольф [*Адольф (начало I века н. э.). Вождь вандальского племени, провозглашенный королем на севере Испании.*], я же упрочу их положение. Мы соберем рать и возьмем Византию. Я стану августом, Пелагия будет августой, вы, Вульф и Смид, превратитесь в цезарей, а монаха мы сделаем начальником над евнухами. Выбирайте любое, пора пожить спокойно. Но по этой проклятой горячей луже я больше не поплыву. Герои, спросите ваших девушек, а я переговорю со своей. Ведь все женщины - пророчицы.

- Если они не потаскушки, - пробормотал Вульф себе в бороду.

- Я последую за тобой на конец света, мой повелитель, - со вздохом произнесла

Пелагия. - Но в Александрии, конечно, приятнее быть, чем здесь...

Вульф гневно вскочил.

- Выслушай меня, Амальрих, амалиец, сын Одина [*Один (древнегерманская мифология). Владыка неба и земли, Бог войны.*], и все вы, герои! - сказал он. - Когда мои предки поклялись быть слугами Одина и уступили царство священным амалийцам, сынам Эзира, какой договор был заключен между вашими предками и моими? Не решено ли было, что мы направимся к югу и неуклонно будем двигаться туда, пока не дойдем до города Асгарда, обители Одина, и не передадим Одину господство над Вселенной? Не соблюдали ли мы наш обет? Не были ли мы неизменно преданы тебе, сын Эзира?

- Вульфа, сына Овиды, никто не уличит в нарушении клятвы, данной другу или недругу, - сказал амалиец.

- Почему же тогда его друг не исполняет своего обещания? Почему он изменил клятве? Где найдет стадо вожака, когда бык бросил его и валяется в грязи.

- Разве Один еще не насытился пролитой нами кровью? Если он в нас нуждается, пусть ведет нас сам! - возразил амалиец.

- Нам нужно отдохнуть перед новым походом! - закричал один из воинов.

- Вы ведь слышали, монах говорит, что мы никогда не проедем через пороги, - кричал другой.

- Мы сначала заткнем ему глотку с его бабьими рассказями, а потом сделаем то, что нужно, - вскричал Сמיד вскочив с места, взялся одной рукой за боевой топор, другой сдавил горло Филимона. Еще мгновение - и монаха не стало бы.

Филимон впервые в жизни ощутил прикосновение врага, и новое, еще неведомое чувство овладело всем его существом. Он вырвался из рук гота, остановил левой рукой занесенный топор, а правой схватил противника за пояс.

Женщины тщетно упрашивали своих любовников разнять борцов.

- Ни за какие блага! Силы равны, и схватка бесподобна! Во имя всех валькирий [*В древнегерманской мифологии - бессмертные девы чудной красоты. По приказу высшего Бога Одина руководят битвами людей, а равно сражениями, устраиваемыми в загробном мире для потехи убитых героев.*]... смотрите, они лежат на полу и Сמיד очутился под монахом!

Так оно и было в действительности. Филимон мог бы вырвать боевой топор у гота, но к величайшему удивлению зрителей он отпустил противника, а сам поднялся с пола и тихо сел на свое прежнее место. Заговорившая совесть заглушила ту жажду крови, которая охватила его, когда он ощутил врага под собой.

Все присутствовавшие онемели от удивления: они были убеждены, что он воспользовался своим неотъемлемым правом и на законном основании раскроит противнику череп. Они искренно погоревали бы о подобном исходе, но, как честные люди, не помешали бы монаху. Правда, чтобы отплатить за гибель товарища, они, быть может, содрали бы кожу с победителя, или изобрели бы что-либо иное, дабы рассеять свою скорбь и доставить отраду душе умершего.

С боевым топором в руке Сמיד встал и оглянулся кругом, точно спрашивая, чего от

него ожидают. Потом замахнулся, готовясь нанести удар.

Филимон не тронулся с места и спокойно смотрел ему в глаза.

Зоркий глаз старого воина заметил, что судно поплыло вниз по Нилу и что никто не пытался направить его против течения. Тогда он отложил в сторону свой топор и в раздумье опустил на сиденье, поразив всех не меньше, чем Филимон.

- Так долго длилась борьба и никто не убит! Это позор! - воскликнул кто-то. - Мы должны видеть кровь, и мы лучше полюбуемся на твою кровь, чем на кровь того, кто лучше тебя!

С этими словами один из готов кинулся на Филимона. В этом порыве сказалось настроение всех. Не в опьянении или в припадке безумия, как кельты и египтяне но с хладнокровной жестокостью тевтонов поднялись готы все вместе и, повалив Филимона на спину, обсуждали, каким способом его умертвить.

Филимон бесстрастно покорился своей участи, если можно назвать покорностью такое душевное состояние когда внезапное удивление и новизна впечатлений разрушают все привычки человеческой природы и самые невероятные поступки и страдания принимаются, как нечто разумное и неизбежное. Да и кроме того, он отправился странствовать, чтобы познакомиться с миром, и теперь увидел его. Филимон приготовился ко всему и спокойно ждал развязки. Она наступила бы тут же и притом в неопишимо отвратительной форме.

Но и у грешниц порой бьется сердце в груди, и Пелагия громко закричала:

- Амальрих! Амальрих! Не допускай этого. Я не могу этого видеть!

- Воины - свободные люди, моя дорогая. Они знают, что делают. Жизнь подобной твари не может иметь для тебя цены.

Тут Пелагия неожиданно вскочила со своей подушки и бросилась в толпу хохотавших дикарей.

- О пощадите его! Пощадите его ради меня!

- Красавица! Не мешай забаве воинов!

В одно мгновение сорвала она с себя плащ и накинула его на Филимона. Она стояла перед ними, неподвижная и прекрасная. Все очертания ее прекрасного стана обрисовывались под тонкой кисеей хитона, и готы невольно отступили, когда она воскликнула:

- Не смейте прикасаться к нему!

Пелагию они уважали, правда, не больше чем остальное человечество, но в это мгновение она была не александрийская Мессалина [*Мессалина Валерия. Жена римского императора Клавдия, красивая, жестокая и властолюбивая женщина, до крайности развращенная. С одним из своих любовников составила заговор против императора, за что и была казнена.*], а просто девушка. Охваченные древним инстинктом почитания женщины, они смотрели, не отрываясь, на ее глаза, выражавшие не только великодушное сострадание и благородное негодование, но и чисто женский страх. Они отошли в сторону.

С минуту нельзя было сказать, что восторжествует - добро или зло. Затем Пелагия ощутила на своем плече тяжелую руку и, обернувшись, увидела Вульфа, сына Овиды.

- Назад, красавица! Товарищи, я требую юношу для себя. Смид, отдай мне его - он твой. Ты мог его убить, Я бы захотел. Ты этого не сделал, и никто кроме тебя не смеет этого сделать.

- Дай его нам, викинг Вульф! Мы так давно не видели крови.

- Вы увидели бы целые потоки ее, если бы решились идти вперед. Этот парень мой, он храбрый, ибо он сегодня победил воина и пощадил его; за это мы из него тоже сделаем воина.

Вульф приподнял распростертого монаха.

- Ты теперь принадлежишь мне! Любишь ли ты войну?

Филимон, не понимавший языка, на котором тот обратился к нему, кивнул головой. Впрочем, говоря по совести, он не ответил бы отрицательно, даже если бы понял смысл вопроса.

- Он покачал головой! Он не любил войны! Он трус! Отдай его нам!

- Я уже убивал людей, когда вы еще стреляли в лягушек! - вступился Смид. - Послушайте меня, сыны мои! Трус сильно сопротивляется в первое мгновение, но быстро ослабевает. Рука же храброго становится тем тверже, чем дольше он держит противника, ибо на него нисходит дух Одина. Я испытал прикосновение этого юноши и уверяю вас, из него выйдет мужчина. Я его сделаю мужчиной. А пока мы извлечем из него пользу. Дайте ему весло!

Воины снова взялись за весла, вложив одно из них в руки Филимона, который заработал с такой силой и ловкостью, что его мучители, в сущности добродушный народ, несмотря на свою склонность к убийству и грабежу, начали ласково трепать его по плечу. А затем все, не занятые греблей, отправились осматривать только что убитого диковинного зверя.

Глава Мириам

IV

На той же неделе рано утром любимая рабыня Ипатии с испуганным лицом вошла в комнату своей госпожи.

- Старая еврейка, колдунья, которая так часто подсматривала за тобой последнее время... Вчера вечером она заглянула в дверь и страшно испугала нас. Мы все сказали, что если у кого дурной глаз, то именно у неё.

- Что ей нужно?

- Она внизу и хочет говорить с тобой, госпожа. Я сама не боюсь ее, потому что на мне амулет. Наверное, и ты его носишь?

- Глупая девушка! Те, кто, подобно мне, посвящен в таинства богов, презирают духов, потому что могут повелевать ими. Неужели ты думаешь, что любимица Афины Паллады унизится до волшебства? Пошли ее наверх...

Девушка удалилась, бросив на свою госпожу боязливый взгляд. Вскоре она вернулась со старой Мириам, держась из предосторожности сзади. Мириам вошла, поклонившись

до земли, и не спускала глаз с гордой красавицы, которая приняла ее сидя.

Лицо еврейки было худощаво, а полные, резко очерченные губы носили отпечаток силы и чувственности. Но что мгновенно привлекло и приковало внимание Ипатии - это черные глаза старухи со странным сухим блеском. Окруженные густой каймой ресниц, они горели, выделяясь на фоне черных с проседью кудрей, покрытых золотыми монетами. Ипатия не могла оторваться от этих глаз.

Она покраснела и даже рассердилась, когда заметила, что старуха смотрит на нее не отрываясь. После краткого молчания Мириам вытащила из-за пазухи письмо и передала его, еще раз низко поклонившись.

- От кого это?

- Быть может, само послание ответит прекрасной госпоже - счастливой, мудрой, ученой госпоже, - заговорила Мириам лъстиво. - Может ли бедная старая еврейка знать тайны важных господ!

- Важных господ?

Ипатия взглянула на печать, скреплявшую шелковый шнурок, которым было обвито послание. Печать и почерк принадлежали Оресту. Странно, что он избрал такого посланного! Какова же была весть, требовавшая столь глубокой тайны?

Ипатия хлопнула в ладоши, призывая рабыню.

- Пусть эта женщина подождет в приемной!

Мириам пошла, низко кланяясь и направляясь к дверям. Но когда Ипатия подняла глаза, чтобы убедиться, одна ли она, она снова встретила упорно устремленный на нее взгляд и уловила в нем выражение, заставившее ее похолодеть и содрогнуться.

Оставшись, наконец, одна, она прошептала:

- О как я безрассудна! Что мне за дело до этой колдуньи? Лучше взглянем на письмо.

"Благороднейшей, прекраснейшей представительнице философии, любимице Афины, шлет привет ее ученик и раб".

- Мой раб! Он не называет своего имени!

"Есть люди, которые полагают, что любимая курочка Гонория [Гонорий Флавий. Сын Феодосия, первый император Западно-римской империи, вел борьбу с наступавшими варварами. При полководце Стилихоне эта борьба была удачна, а после его умерщвления неспособный Гонорий начал терпеть поражения.], носящая имя столицы, будет жить лучше под властью нового хозяина. Наместник Африки, по собственному желанию и по воле бессмертных богов, намеревается теперь присматривать за птичником цезарей, - по крайней мере на время отсутствия Адольфа и Платидии [Дочь императора Феодосия Великого, сестра императоров Аркадия и Гонория. В 409 г. н. э. была взята в плен Аларихом, королем готов, и вышла замуж за его родственника Адольфа, провозглашенного испанским королем. Когда Адольф был убит, она попала в рабство к его племяннику, была выкуплена римским двором и вышла замуж за военачальника Констанция. После смерти императора Гонория ей удалось сделать

императором своего сына Валентиана. Она была регентшей и фактически управляла государством. Ее правление было отмечено преследованиями еретиков, язычников и евреев.]. Некоторые же думают, что тем временем удастся убедить нумидийского льва [Нумидия, одна из африканских провинций Римской империи, славилась множеством львов, отличавшихся большой свирепостью.] взять себе в спутники нильского крокодила. Земли, которые войдут в состав владений этой четы, вероятно, будут простираться от верхних водопадов до столбов Геркулеса и представят некоторую прелесть даже для философа. Но новая Аркадия [Средняя гористая часть греческого Пелопоннеса, населенная пастухами и охотниками и воспетая поэтами как счастливая страна.] останется незавершенной, пока земледелец будет лишен своей нимфы [В греко-римской мифологии - женские божества, жившие в озерах, реках, гротах и пещерах.].

Чем был бы Дионис [Дионис (Вакх, римский Бахус). По греческому мифу - сын Зевса, Бог вина и веселья, виноградной лозы и всего произрастающего, распространитель культуры. Один из воскресающих и умирающих богов древности. Празднества в честь Диониса, которые возникли первоначально среди землевладельческого населения, смотревшего на Диониса, как на своего Бога-покровителя, впоследствии приняли характер исступленных оргий и были очень популярны в Греции и Риме эпохи упадка.] без Ариадны [По греческой легенде - дочь критского царя Миноса. Дала герою Тезею клубок ниток, при помощи которого Тезей после убийства чудовища Минотавра выбрался из лабиринта (отсюда выражение "нить Ариадны", - главная мысль, помогающая разрешить тот или иной трудный вопрос).], Арес [Бог войны в греческой мифологии.] без Афродиты, Зевс [Зевс (греч. мифология). Главный Бог греческой религии, царь всей природы - неба, бури, грозы, отец богов и людей, тождественен с римским Юпитером. Покровитель рода и семьи. Культ Зевса возник в родовой (доисторический) период Греции.] без Геры [Гера (греч. мифология). Римская Юнона. В греческой мифологии - старшая сестра и жена Зевса; богиня неба и покровительница брака.],? Даже Артемида [Артемида (в греч. мифологии). Дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона, богиня луны, охоты, покровительница зверей и домашних животных. Изображалась с полумесяцем и звездой в волосах, с луком и стрелами в руках. Была идеалом девственной красоты. В римской мифологии - Диана.] имела своего Энидимиона. Одна лишь Афина осталась без супруга, и то лишь потому, что Гефест [Гефест (греч. мифология). Римский великан. По греческой мифологии, Бог огня и кузнечных изделий, сын Зевса и Геры, а по другим мифам - только Геры. Был сброшен с Олимпа и стал хромым и уродливым. Женой его, по Гомеру, была Афродита. Считался покровителем ремесленников. Одно из наиболее демократических божеств древней мифологии.] казался слишком грубым претендентом. Но тот, кто дает представительнице Афины возможность разделить с ним нечто, достижимое при содействии ее мудрости и немислимое без нее, не таков... Неужели Эрос, от века непобедимый, не сможет овладеть благороднейшей добычей, в которую когда-либо метили его стрелы?"

На щеки Ипатии, побледневшие от взгляда старой еврейки возвращался румянец, по мере того как она пробежала глазами это странное послание. Наконец, она встала и, сложив письмо, поспешила в смежные комнаты, где сидел Теон над своими книгами.

- Отец, известно ли тебе что-либо об этом? Посмотри, что Орест посмел мне прислать через эту противную еврейскую колдунью.

И она нетерпеливо развернула перед ним письмо, Дрожа от гнева и оскорбленной гордости. Старик прочел медленно и внимательно, а затем взглянул на дочь, очевидно не очень оскорбленный содержанием послания.

- Как, отец! - воскликнула Ипатия с упреком. - Неужели ты не понимаешь, какое оскорбление нанесено твоей дочери?

- Мое дорогое дитя, - возразил он в смущении, - разве ты не видишь, что он тебе предлагает?

- Я понимаю, отец. Владычество над Африкой. Он предлагает покинуть горные высоты науки, оторваться от созерцания необъяснимого великолепия и спуститься в грязные равнины и долины земной практической жизни. Стать рабыней, погрязнуть в борьбе политических интриг и мелочного честолюбия, в грехах и обманах смертного человечества... А в награду он предлагает мне, целомудренной и неуязвимой, свою руку...

- Но, дочь моя, дитя мое, - целое государство...

- Даже власть над всем миром не вознаградит меня за утрату самоуважения и законной гордости. Стать собственностью, игрушкой мужчины, предметом его похоти, рожать ему детей, терзаться отвратительными заботами жены и матери... Долгие годы искал он моего общества для того, чтобы употребить их для эгоистических, земных целей! Я была тщеславна, я слишком ему потакала! Нет, я несправедлива к себе. Я только думала и надеялась, что дело бессмертных богов возвеличится и окрепнет в глазах толпы, если Ореста будут видеть у нас... Я пыталась поддерживать небесный огонь земным топливом - и вот справедливая кара! Я ему немедленно напишу и пошлю письмо с тем самым посланцем, которого он ко мне направил!

- Во имя богов, дочь моя! Заклинаю тебя ради твоего отца, ради тебя самой! Ипатия! Моя гордость, моя радость, моя единственная надежда! Сжался надо мной.

Бедный старик бросился к ногам дочери и с мольбой обнял ее колени.

Ипатия нежно приподняла и обняла его. Ее слезы падали на голову старика, но лицо выражало непреклонную решимость.

- Подумай о моей гордости, о моей славе, которая заключается в твоей славе, - вспомни обо мне - не ради меня! Ты знаешь, я никогда не думал о себе! - рыдал Теон. - Я готов умереть, но перед смертью желал бы видеть тебя императрицей!

- А если я умру во время родов, как умирает столько женщин?

- А-а, - начал старик, стараясь придумать довод, способный убедить прекрасную фанатичку, - а дело богов? Сколько бы ты могла совершить, - вспомни Юлиана!

Руки Ипатии внезапно опустились. Да, верно. Эта мысль поразила ее душу, наполняя ее восторгом и ужасом... Видения детства восстали перед ней. Храмы... жертвоприношения... священнослужители... коллегии и музеи! Чего только не удастся

ей совершить! Что бы она сделала из Африки! Десять лет власти - и ненавистная религия христиан будет предана забвению, а исполинское изваяние Афины Паллады из слоновой кости и золота осенит гавани языческой Александрии... Но какой ценой. Она закрыла лицо руками и, разразившись слезами, медленно вернулась в свою комнату.

Старик робко последовал за ней. Он остановился на пороге и от всего сердца молил богов, демонов и прочих духов, чтобы они изменили решение, которое рассудок его не мог одобрить, но которому по слабости своей он не смог бы воспротивиться.

Борьба завершилась и красавица выглядела опять ясной, спокойной и гордой.

- Это должно совершиться ради бессмертных богов, в интересах искусства, науки и философии. Так и будет! Если боги требуют жертвы, я готова ее принести.

И она села писать ответ.

- Я приняла предложение Ореста с некоторыми условиями, - сказала она отцу, - но все зависит от того, хватит ли у него мужества исполнить их. Не спрашивай, каковы мои требования. Пока Кирилл еще остается вожак христианской черни, тебе лучше всего отрицать всякое отношение к этому делу. Можешь быть доволен: я ему сказала, что если он поступит так, как я желаю, я сделаю то, чего он от меня ждет.

- Не была ли ты слишком опрометчива, дочь моя? Не потребовала ли ты от него то, чего он не смеет сделать из боязни общественного мнения?

- Если мне суждено стать жертвой, то жрец, приносящий меня в жертву, должен быть мужчиной, а не трусом, не лукавым льстецом! Если он действительно предан христианству, то пусть защищает его от меня, ибо должны погибнуть или христианство, или я. Если же он не верит в Христа - а я знаю, что он не верит, - то пусть откажется от лицемерия и перестанет поносить бессмертных богов, ибо это противно его сердцу и разуму.

Она позвала служанку и молча передала ей письмо, Заперла дверь комнаты и попробовала снова приняться за комментарии к Платону [*Знаменитый греческий философ. Родился между 430 и 427 г. до н. э. в Афинах, в аристократической семье. В двадцать лет поступил в ученики к Сократу, а после смерти последнего предпринял долгие странствия по южной Италии и Востоку. После возвращения в Афины П. основал собственную философскую школу. Философская система П. была первой разработанной системой идеалистической философии и оказала огромное влияние не только на мыслителей Древнего мира (в частности и на Ипатию), но и на умозрительное построение средних веков и новой эпохи. В конце II и III века н. э. философия Платона подверглась дальнейшей переработке в трудах так называемых "неоплатоников" (см. Неоплатонизм). Именно эта ее разновидность и пользовалась наибольшим влиянием в описываемую в романе эпоху.*]. Но что значили все грезы метафизики в сравнении с действительной пыткой человеческого сердца? Где связь между чистым верховным разумом и отвратительными ласками развратного трусливого Ореста? Нет, Ипатия не хочет, она воспротивится подобно Прометею, она не покорится судьбе, а отважно вступит с ней в борьбу!

Красавица вскочила, чтобы потребовать письмо назад. Но Мириам уже ушла, и, в отчаянии бросившись на постель, Ипатия залилась слезами.

Ее настроение, конечно, не стало бы радостнее, если бы она увидела, как старая Мириам торопливо вошла в грязный дом еврейского квартала, вскрыла письмо, прочла и потом снова запечатала его с такой удивительной ловкостью, что никто не мог бы заподозрить ее в нескромности. Столь же мало утешительно было бы для Ипатии подслушать беседу, происходившую в летнем дворце Ореста между этим блестящим государственным мужем и Рафаэлем Эбен-Эзра. Они лежали на диванах друг против друга и забавлялись игрой в кости, чтобы убить время в ожидании ответа Ипатии.

- Опять у тебя три очка! Тебе помогает нечистая сила, Рафаэль!

- Я в этом уверен, - сказал тот, загребая золото.

- Когда же, наконец, вернется старая колдунья?

- Как только прочтет твое письмо и ответ Ипатии... А вот и Мириам, - я слышу ее шаги в приемной. Давай, побьемся об заклад, прежде чем она войдет. Я держу два против одного, что Ипатия потребует от тебя возвращения к язычеству.

- А что поставим на заклад? Негритянских мальчиков?

- Что тебе угодно.

- Согласен. Сюда, рабы!

С недовольным видом вошел мальчик.

- Еврейка стоит там с письмом и нагло отказывается передать его мне.

- Так пусть она сама его принесет.

- Не знаю, к чему я в доме, если есть тайны, которые от меня скрывают, - ворчал мальчик.

- Не желаешь ли ты, чтобы я украсил синяками твоя белые ребра, обезьяна? - заметил Орест. - Если так, то там вон висит наготове кнут из бегемотовой кожи. Но вот и Мириам с ответом! Поддай-ка письмо сюда, царица сводниц.

Орест начал читать, и его лицо омрачилось.

- Ну, что же, выиграл я?

- Вон из комнаты, рабы, и не смейте подслушивать!

- Так, значит, я действительно выиграл?

Орест подал приятелю письмо, и Рафаэль прочел:

"Бессмертные боги требуют нераздельного почитания, тот, кто желает пользоваться внушениями их пророчиц, должен принять к сведению, что они ниспошлют своим слугам вдохновение свыше лишь тогда, когда будут восстановлены их утраченные права и погибший культ. Если тот, кто намеревается стать властителем Африки, осмелится втоптать в грязь ненавистный крест, то он должен вернуть верховную власть олимпийцам, для прославления которых возникла империя и окрепла власть цезарей. Если он публично, словом и делом, выразит свое презрение к новому варварскому суеверию, то я сочту высшей для себя славой разделить с подобным человеком труды, опасности, даже смерть. А до тех пор..."

На этом месте письмо прерывалось.

- Что мне делать?

- Согласиться.

- Великий Боже! Тогда меня отлучат от церкви. Что станет с моей бедной душой?

- То, что ее ожидает во всяком случае, мой повелитель! - ласково возразил Рафаэль.

- Но меня назовут отступником. И это - перед лицом Кирилла и всего народа. Говорю тебе, - я не могу на это отважиться.

- Никто от тебя не требует отступничества, благородный префект.

- Как? А что же ты сам только что говорил?

- Я посоветовал только соглашаться на все. Перед браком дают не мало обещаний, которым никогда не суждено осуществиться.

- Я не смею, я не хочу обещать. Я подозреваю, что тут какая-то западня, расставленная вами, еврейскими интригами. Вам нужно, чтобы я опозорил себя перед христианами, которых вы ненавидите.

- Уверяю тебя, я слишком глубоко презираю людей, чтобы ненавидеть их. Но тебе, право, следует принести небольшую жертву, чтобы овладеть этой своенравной девушкой. При помощи ее глубокого и смелого духа ты мог бы справиться и с римлянами, и с византийцами, и с готами, если бы она пожелала использовать их для твоих целей. А что касается красоты, то одна ямочка у кисти ее маленькой прелестной ручки стоит всех красавиц Александрии.

- Клянусь Юпитером! Ты так ею восторгаешься, что я начинаю подозревать, не влюблен ли ты сам в нее. Почему бы тебе не жениться на ней? Я бы сделал тебя первым министром, и мы могли бы пользоваться ее мудростью, не страдая от ее капризов.

Рафаэль встал и поклонился до земли.

- Милость знатного префекта подавляет меня, до сих пор я заботился только о собственном благе, и трудно представить, что в настоящее время я посвящу себя чужим интересам, хотя бы и твоим. Кроме того, как с практической, так и с теоретической точки зрения, женщина, на которой я когда-либо женюсь, будет моей частной собственностью. Ты меня понимаешь?

- Довольно откровенно с твоей стороны!

- Конечно, но мы упустили из виду третий пункт, а именно, что она, вероятно, не согласится выйти за меня замуж.

- Клянусь Юпитером, она меня отвергла всерьез! Она раскается в этом. Глупо было делать ей предложение. К чему телохранители, если не можешь взять силой то, чего добиваешься? Если кроткие меры недействительны, - помогут строгие. Я немедленно велю доставить ее сюда.

- Благородный повелитель, это ни к чему не приведет. Разве тебе не знакома непреклонная твердость этой женщины? Ни бичевание, ни истязание раскаленными клещами не поколеблют ее решительности при жизни. Мертвая же она совершенно бесполезна для тебя, но не бесполезна для Кирилла...

- В каком смысле?

- Он с радостью ухватится за эту историю, как оружие против тебя. Он заявит, что она умерла целомудренной мученицей во славу вселенской апостольской веры, подстроит

чудеса над ее прахом и, опираясь на эти знамения, сравнивает с землей твой дворец.

- Так или иначе, Кирилл узнает обо всем, - и это второе затруднение, в которое ты, пронырливый интриган, вовлек меня. Ипатия оповестит всю Александрию, что я искал ее руки, а она отказала мне.

- Положись на меня. Как бы ни грезила наша красавица о заоблачных сферах, престол сам по себе - настолько заманчивая вещь, что даже пифия [*Прорицательница в дельфийском храме Аполлона. Подготовившись к прорицанию постом и омовением, пифия садилась на треножник, стоявший над расселиной скалы, откуда исходили одуряющие газы, впадала в экстаз и давала ответы на поставленные ей вопросы. Ответы всегда давались в крайне смутной форме, допускавшей самые разнообразные толкования.*] Ипатия не откажется от него. На прощание побьемся еще раз об заклад: держу три против одного. Не предпринимай ничего ни в том, ни в другом направлении, и не пройдет месяца, она сама пришлет тебе письмо. Поставим кавказских мулов? Хочешь? Решено!

И Рафаэль, низко поклонившись, покинул комнату.

Выходя из дворца, он заметил на другой стороне улицы Мириам, которая, очевидно, поджидала его. Но, увидев его она спокойно пошла дальше, как бы вовсе не желая с ним говорить. Завернув за угол, Рафаэль остановил ее, и она порывисто схватила его за руку.

- Дурак решился?

- Кто решился и на что?

- Ты знаешь, о чем я говорю! Неужели ты думаешь, что Мириам способна передавать письма, не ознакомившись с их содержанием? Отречется ли он от христианства? Скажи мне. Я буду нема, как могила!

- Дуралей нашел в каком-то закоулке своего сердца старый изъеденный крысами клочок совести - и не решается.

- Проклятый трус! У меня сложился такой великолепный план заговора! В течение года я бы вышвырнула всех христианских собак из Африки. Чего опасается этот человек?

- Адского огня.

- Он и без того не избежит его, поганый язычник!

- Я ему на это намекнул, по возможности деликатно и осторожно, но, подобно остальному человечеству, он предпочитает отправиться в преисподнюю собственной дорогой.

- Трус! Кого мне взять теперь? О, если бы во всем теле Пелагии было столько ума, сколько в мизинце Ипатии, то я бы посадила ее на трон цезарей вместе с ее готом.

- Она, без сомнения, самая знаменитая из твоих питомиц. Ты, мать, вправе гордиться ею.

Старуха слегка усмехнулась и быстро повернулась к Рафаэлю:

- Посмотри, у меня есть подарок для тебя, - сказала она, вытаскивая роскошное кольцо.

- Но, мать, ты постоянно делаешь дорогие подарки. Всего месяц тому назад ты

прислала мне этот отравлений кинжал.

- Почему бы и нет? Возьми кольцо от старухи.

- Какой чудесный опал!

- Да, это настоящий опал. На нем начертано непроизносимое имя божие, - точь-в-точь как на кольце Соломона. Возьми его, говорю тебе. Тому, кто его носит нечего бояться огня и стали, яда и женских очей.

- Включая даже твои?

- Возьми, говорю тебе! - Мириам силой надела кольцо на его палец. - Вот оно тут. Теперь ты в безопасности. Не смейся! Прошлой ночью я составляла твой гороскоп [*Чертеж расположения небесных светил в момент рождения человека. По этому чертежу астрологи якобы предсказывали судьбу новорожденного.*] и знаю, что тебе сейчас не до смеха. Тебе угрожает великая опасность и великое искушение. Когда же ты пройдешь через это испытание, ты сможешь стать ближайшим советником цезаря, первым министром или даже императором. И ты будешь им, клянусь четырьмя архангелами!

И старуха скрылась в боковом переулке, оставив Рафаэля в полнейшем недоумении.

Глава

V

День в Александрии

Пока происходили все эти события, Филимон плыл вниз по течению реки с приютившими его готами. Перед ними мелькали древние города, превратившиеся в развалины. Наконец они вошли в устье большого александрийского канала и, проплыв всю ночь по озеру Мареотис, к рассвету очутились среди несчетных мачт, возле шумных набережных одной из величайших гаваней мира. Пестрая толпа чужеземцев, гул наречий всех народов, от Тавриды до Кадикса, высоко громоздившиеся склады товаров, огромные груды пшеницы, сваленной под открытым небом, не знавшим дождя, суда, могучие корпуса которых вздымались ярусами и напоминали плавучие дворцы, - вся эта оживленная картина навела молодого монаха на мысль, что мир не так ничтожен, как он думал.

Перед большими грудями плодов, только что подвезенных базарными лодками, грелись на солнце группы негритянских рабов, которые, болтая и смеясь, с тревогой и нетерпением высматривали покупателей. Филимон отвернулся, не желая смотреть на мирскую суету, но всюду, куда ни обращались его глаза, он видел ее в самых разнообразных проявлениях. Он изнемогал от массы новых впечатлений, его оглушал шум, и он едва овладел собою настолько, чтобы воспользоваться первой возможностью и постараться ускользнуть от своих опасных спутников.

- Эй, - заревел оружейный мастер Сמיד, когда Филимон начал подниматься по лестнице пристани. - Ты никак задумал сбежать, даже не попрощавшись с нами?

- Оставайся со мной, парень, - сказал старый Вольф. - Я тебе спас жизнь, и ты принадлежишь мне.

Филимон с некоторым колебанием повернулся к нему.

- Я монах и слуга божий.

- Им ты можешь остаться везде. Я хочу сделать из тебя воина.

- Оружие мое - не плотские вещи, а молитва и пост - возразил бедный Филимон, чувствуя, что это средство самообороны в Александрии нужнее, чем где-либо в пустыне. - Пустите меня, я не создан для вашей жизни. Я благодарю и благословляю вас. Я буду молиться за тебя, мой повелитель, но отпусти меня.

- Проклятие трусливому псу! - завопило с полдюжины голосов. - Почему ты не дал нам волю, викинг Вульф? От монаха иного нечего было и ждать.

- Он не дал мне позабавиться, - воскликнул Смид, - но я своего не упущу!

Топор, брошенный искусной рукой, полетел в голову Филимона. Монах едва успел уклониться от удара, и тяжелое орудие разбилось о гранитную стену позади него.

- Ловко увернулся, - холодно заметил Вульф.

Матросы и торговцы закричали: "убивают!", а таможенные чиновники, надзиратели и сторожа гавани сбежались со всех сторон. Но все они спокойно разошлись по местам, когда раздался громовой голос амалийца, стоящего у руля:

- Ничего не случилось, ребята! Мы только готы и едем к наместнику.

- Мы только готы, мои милые ослиные погонщики! - повторил Смид.

При этом грозном слове чиновники поспешили удалиться, стараясь сохранить равнодушие и всем своим видом показывая, что их присутствие необходимо как раз на противоположном конце гавани.

- Отпустите его, - сказал Вульф, поднимаясь по лестнице. - Отпустите юношу. Всякий человек, к которому я чувствовал расположение, впоследствии меня обманывал, и от этого малого я не вправе ожидать чего-либо иного, - пробормотал он про себя. - Пойдемте, товарищи, выходите на берег и напейтесь как следует.

Так как Филимону было разрешено удалиться, то он, конечно, пожелал остаться. Во всяком случае ему следовало вернуться, чтобы поблагодарить варваров за оказанное гостеприимство.

Обернувшись, он увидел, что Пелагия садилась на носилки вместе со своим возлюбленным. С опущенными глазами приблизился он к прекрасному созданию и пролепетал несколько слов признательности. Пелагия приветствовала его ласковой улыбкой.

- Перед разлукой расскажи мне побольше о себе. Ты говоришь на прекрасном чистейшем афинском наречии. Ах, что за счастье опять слышать свой родной язык! Бывал ли ты в Афинах?

- Малым ребенком, - я помню, то есть мне кажется, что помню...

- Что? - быстро спросила Пелагия.

- Большой дом в Афинах, битву и потом долгое путешествие на корабле, доставившем меня в Египет.

- Милосердные боги! - воскликнула Пелагия и умолкла на мгновение. - Девушки, вы говорили, что он на меня похож?

- Мы ничего плохого не имели в виду, когда в шутку заметили это, - сказала одна из

ее спутниц.

- Ты похож на меня! Ты должен навестить нас, мне нужно тебе сказать... Приходи непременно!

Филимон, ложно истолковав ее интерес к нему, правда, не отпрянул, но ясно проявил нерешительность. Пелагия громко рассмеялась.

- Глупый юноша, не будь таким тщеславным, не питай подозрений и приходи. Не думаешь же ты, что я всегда болтаю только глупости? Посети меня, быть может, это окажется полезным для тебя. Я живу в...

Она назвала одну из самых роскошных улиц. Филимон в душе дал обет никогда не воспользоваться ее приглашением.

- Брось этого дикаря и иди! - ворчал амалиец, сидя в носилках. - Ты, надеюсь, не собираешься идти в монахини?

- Нет, пока еще жив единственный мужчина, которого я встретила на земле, - возразила Пелагия и, быстро взбираясь на носилки, обнажила прелестную пятку и очаровательную щиколотку.

Это была как бы последняя стрела, пущенная наудачу. Но в Филимона стрела не попала. Толпа смеющихся пешеходов увлекла его вперед. Довольный, что избавился от опасной собеседницы, молодой монах решил узнать, где живет патриарх.

- Дом патриарха? - переспросил маленький, худощавый, черноватый малый, с веселыми, темными глазами, к которому он обратился. Поставив перед собою корзину с плодами, он сидел на деревянном обручке и разглядывал иноземцев с выражением проницательного, простоватого лукавства. - Я знаю его дом, ибо дом этот знает вся Александрия. Ты монах?

- Да.

- Так спроси монахов. Ты и шага не сделаешь, как встретишь кого-нибудь из них.

- Но я не знаю даже в какую сторону идти. А ты разве не любишь монахов, добрый человек?

- Видишь, юноша, мне кажется, ты слишком хорош для монаха. Я - грек и философ, хотя, к несчастью, водоворот событий бросил искру божественного эфира в тело носильщика. Поэтому, юноша, я питаю троякую вражду к монашеству. Во-первых, как мужчина и супруг. Ведь если бы монахам дать волю, они не оставили бы на земле ни мужчин, ни женщин, и сразу погубили бы людской род проповедью добровольного самоубийства. Во-вторых, как носильщик, - если бы все мужчины стали монахами, то не было бы бездельников и моя должность упразднилась бы сама собой. В-третьих, как философ. Как фальшивая монета внушает отвращение честным людям, так и нелепый, дикий аскетизм отшельника претит логическому, последовательному мышлению человека, который, подобно мне, скромному философу, хочет устроить свою жизнь на разумных началах.

- А кто, - спросил Филимон, улыбнувшись, - кто был твоим наставником по части философии?

- Источник классической мудрости - сама Ипатия. Некий древний мудрец ночью качал воду, чтобы иметь возможность учиться днем, а я храню плащи и зонты, чтобы

упиваться божественным знанием у священных врат ее аудитории. Но все-таки я укажу тебе дорогу к архиепископу. Философу приятно поверять скромной юности сокровища своего ума. Быть может, ты сможешь мне отнести эту корзину с фруктами?

Маленький человек привстал и, поставив корзину на голову Филимона, направился в одну из ближайших улиц. Филимон последовал за ним, не то с презрением, не то с любопытством спрашивая себя, какова же та философия, которая поддерживала сомнение этого жалкого, оборванного, маленького обезьяноподобного существа. Миновав ворота Луны, они шли около мили по большой широкой улице, которая пересекалась под прямым углом другой, столь же прекрасной. Вдали на обоих концах этой последней неясно обозначались желтые песчаные холмы пустыни, а прямо перед путниками сверкала голубая гавань сквозь сеть бесчисленных мачт.

Наконец они достигли набережной, в которую упиралась улица, и перед изумленными взорами Филимона широким полукругом развернулось синее море, окаймленное дворцами и башнями. Он невольно остановился, а вместе с ним и его маленький спутник, с любопытством следивший за впечатлением, которое произвела на монаха эта грандиозная панорама.

- Вот, смотри, это все творение наших рук! Это сделали мы, греки, темные язычники. Разве христиане там, на левой излучине, построили этот маяк, чудо мира? Разве христиане возвели каменный мол, который тянется на расстоянии многих миль? А кто создал эту площадь и выстроил вот эти ворота Солнца? Или Цесареум по правую руку? Обрати внимание на два обелиска перед ним!

И он указал на два знаменитых обелиска, один из которых известен под именем иглы Клеопатры.

- Говорю тебе, смотри и убеждайся, как ничтожен, как страшно ничтожен ты на самом деле! Отвечай, потомок летучих мышей и кротов, ты, шестипудовая земляная глыба, ты, мумия скалистых пещер, - могут ли монахи произвести нечто подобное?

- Мы продолжаем работу наших предшественников, - возразил Филимон, пытаюсь сохранить безучастный и бесстрастный вид.

Он был слишком удивлен, чтобы сердиться на выходки своего спутника. Его подавлял необъятный простор, блеск и величие зрелища, ряд великолепных зданий, каких, быть может, никогда, ни раньше, ни позже, земля не носила на своей поверхности. Среди необычайного разнообразия форм можно было видеть и чистые дорические *[Дорийский (дорический) стиль. В древнегреческой архитектуре различалось три стиля: дорический, ионический и коринфский. Первый отличался простотой, мощностью форм и строгой их соразмерностью.]* постройки первых птолемеев, и причудливую варварскую роскошь позднейших римских зданий, и подражания величественному стилю Древнего Египта, пестрый колорит которого смягчал простоту и массивность очертаний. Покой этого громадного каменного пояса составлял разительный контраст с неумемной суетой гавани. Высокие паруса кораблей, отодвинувшись далеко в море, походили на белых голубей, исчезающих в беспредельной лазури. Это зрелище смущало, угнетало и наполняло неопределенным тоскливым чувством сердце молодого монаха. Наконец, Филимон вспомнил о данном

поручении и вторично спросил о дороге к дому архиепископа.

- Вот дорога, молокосос, - сказал маленький человечек, огибая с Филимоном большой фронтон Цесареума. Взор молодого монаха случайно упал на новую лепную работу над воротами, украшенными христианскими символами.

- Как? Это церковь?

- Это Цесареум. Временно он стал церковью. Бессмертные боги на короткий срок позволили поступиться своими правами, но тем не менее здание остается по-прежнему Цесареумом. Вот, - сказал он, указывая на дверь с боковой стороны музея, - здесь последнее убежище муз - аудитория Ипатии, школа, где мы все учимся. А тут, - он остановился перед воротами прекрасного дома, находившегося напротив, - место жительства благословенной любимицы Афины. Теперь ты можешь опустить корзину.

Проводник постучал в двери, сдал плоды чернокожему привратнику, вежливо поклонился Филимону и, по-видимому, намеревался удалиться.

- А где же дом архиепископа?

- У самого Серапеума [*Название храмов египетского Бога Сераписа. Самый знаменитый из них, с богатой библиотекой (50-70 тыс. рукописей) находился в Александрии. Александрийский Серапеум славился своими мистическими празднествами (мистериями), оказывавшими чрезвычайно большое влияние на толпу. В 389 году н. э. был разрушен христианским императором Феодосием после длительной осады.*]. Ты не ошибаешься. Четыреста мраморных колонн, разрушенных христианскими гонителями, стоят на возвышении...

- Далеко ли это отсюда?

- Около трех миль, у ворот Луны.

- Как? Значит это те самые ворота, через которые мы вошли в город?

- Те самые, ты не заблудишься, потому что уже раз прошел со мной весь этот путь.

Филимону захотелось схватить за горло бессовестного болтуна и разбить его голову об стену. Хотя он и подавил это желание, но не мог удержаться, чтобы не сказать:

- Итак, негодяй, язычник, ты заставил меня попусту прогуляться шесть или семь миль?

- Точно так, молодой человек. Если ты вздумаешь меня обидеть, то я позову на помощь: рядом - еврейский квартал, и оттуда, словно осы из гнезда, немедленно высыплют тысячи людей, чтобы убить монаха при столь удобном случае. Но я действовал с самыми благими намерениями: во-первых, по указаниям практической мудрости, - чтобы корзину пришлось нести не мне, а тебе; во-вторых, из высших философских соображений, - чтобы, пораженный величием нашей славной цивилизации, которую хотят уничтожить твои братья, ты понял, какой ты осел, черепаха, бесформенное ничто! Если же ты познал свое ничтожество то постарайся стать хоть чем-нибудь!

- Ты пойдешь со мной и будешь указывать мне дорогу. Если ты согласен, - все обойдется мирно, в противном же случае я силой заставлю тебя повиноваться. Это справедливая кара за твой поступок.

- Философ преодолевает препятствия, подчиняясь им. Я стою за миролюбие и за все

его блага.

Итак, они вместе отправились обратно. Пройдя около полумили рядом с носильщиком, Филимон внезапно спросил его:

- А кто эта Ипатия, о которой ты столько рассказываешь?

- Кто Ипатия? О, что за невежество! Она царица Александрии. По уму - Афина, по величавости - Гера, по красоте - Афродита.

- А кто они?

Носильщик остановился, медленно смерил его с головы до ног презрительным взглядом и с выражением безграничной жалости хотел было уйти. Но сильная рука Филимона удержала его.

- Ах... понимаю... Кто Афина? Богиня, дарующая мудрость, Гера - супруга Зевса, царица небожителей; Афродита - мать любви... Впрочем, я не надеюсь, что ты постигнешь мои слова.

Филимон, однако, понял, что Ипатия в глазах его маленького проводника была весьма выдающейся и удивительной личностью, и предложил новый вопрос, чтобы таким образом несколько уяснить себе это чудо Александрии.

- Она дружит с патриархом?

Привратник вытаращил глаза и, шутливо глядя на юношу, стал проделывать какие-то таинственные знаки, смысл которых, впрочем, был совершенно неясен Филимону. Маленький человек остановился, еще раз посмотрел на статную фигуру Филимона и, наконец, произнес:

- Она - друг всего человечества, мой юный спутник. Философ должен возноситься над отдельными личностями, дабы созерцать целое. А вот здесь есть на что посмотреть, и ворота открыты.

И он подошел к фасаду большого здания.

- Это дом патриарха?

- У патриарха более плебейский вкус. Он живет, как рассказывают люди, в двух грязных, маленьких каморках, ибо знает, что ему неприлично роскошествовать. Дом патриарха? Нет, это храм искусств и красоты, дельфийский треножник [*Дельфийский треножник. В г. Дельфах, у подножия горы Парнас, в главном святилище знаменитого храма Аполлона была расселина в скале, из которой якобы выходили одуряющие газы. Над расселиной стоял колоссальный треножник, на который во время прорицаний садилась жрица Аполлона (пифия) и предсказывала будущее.*] поэтического вдохновения, утешение рабов, изнемогающих под земным гнетом, одним словом, театр, который твой патриарх, имея он возможность, завтра же превратил бы... Но философ не должен браниться. Ах, я вижу телохранителей наместника у ворот. Значит, он сейчас отдает распоряжения. Войдем и послушаем.

Прежде чем Филимон успел отказаться, внутри здания поднялась страшная суматоха, а затем заволновался народ, стоявший на улице.

- Это неправда! - раздавались голоса. - Еврейская клевета! Этот человек невиновен!

- Он так же совсем не думает о бунте, как и я, - ревел жирный мясник, который, по видимому, с одинаковой легкостью мог сразить и человека, и быка. - Во время

проповедей святого патриарха он первым начинает хлопать в ладоши и последним заканчивает.

- Добрая, кроткая душа! - причитала женщина. - Еще сегодня утром говорила я ему: - почему ты не бьешь моих мальчишек, господин Гиеракс? Станут ли они учиться, если не бить их? А он ответил, что не терпит розог - от одного их вида у него бегут мурашки по спине.

- Очевидно, это было пророчество!

- Это-то и доказывает его невинность. Как бы он мог прорицать, не будучи святым?

- Монахи, на помощь! Гиеракс, христианин, схвачен и подвергнут пытке в театре! - закричал какой-то пустынный. Волосы и борода ниспадали ему на грудь и плечи.

- Нитрия! Нитрия! За Бога и Богоматерь, монахи Нитрии! Долой еврейских клеветников! Долой языческих тиранов!

И толпа бросилась вниз по сводчатому проходу, увлекая за собой носильщика и Филимона.

- Друзья мои, - начал маленький человечек, пытаюсь сохранить спокойствие философа, хотя не мог более стоять на ногах и, стиснутый локтями двух зрителей, висел в воздухе, - что означает этот шум?

- Евреи распустили слух, что Гиеракс готовит восстание. Да будут они прокляты со своей субботой!

- Поэтому они затевают волнения по воскресеньям. Гм... это борьба партий, которую философ...

Говоривший замолчал; толпа расступилась, он упал на землю, где его тут же стали топтать бесчисленные ноги бегущих.

Услышав о преследованиях и доведенный до неистовства криками, Филимон смело бросился сквозь толпу и вскоре достиг больших ворот с железными решетками преграждавшими путь. Отсюда молодой монах мог беспрепятственно следить за трагедией, разыгравшейся внутри здания, где невинный страдалец, подвешенный на дыбе, извивался и громко вскрикивал при каждом взмахе ременного кнута.

Филимон тщетно стучал и колотил в ворота вместе с отступившими его монахами. Им отвечал лишь хохот телохранителей, находившихся внутри двора. Они громко проклинали мятежное население Александрии с его патриархом, духовенством, святыми и церквями и грозили, что доберутся до каждого из тех, кто тут стоит. Между тем отчаянные вопли пытаемого постепенно ослабевали и, наконец, вслед за последним судорожным криком жизнь и страдание навеки прекратились в этом жалком истерзанном теле.

- Они его убили! Они сделали его мучеником! Назад, к архиепископу! К дому патриарха! Он отомстит за нас!

Страшная весть дошла до народа, теснившегося на площади, и вся толпа повалила по улицам к жилищу Кирилла. Филимон следовал за ней, вне себя от ужаса, ярости и жалости.

Среди тревоги и суматохи он провел часа два перед домом патриарха, прежде чем был допущен к последнему. Вместе с плотно сжавшей его толпой он попал в низкий

темный проход и, наконец, едва переводя дыхание, очутился во внутреннем дворе четырехугольного невзрачного здания, над которым возвышалось четыреста колонн разрушенного Серапеума. Разбитые капители и арки величественного сооружения уже стали зарастать травой.

Наконец, Филимону удалось выбраться из тесноты и вручить хранившееся на груди письмо одному из священников. Последний провел его через коридор и несколько лестниц в большую, низкую, простую комнату. Ждать Филимону пришлось не более пяти минут. Вскоре его допустили к самому могущественному человеку на южном побережье Средиземного моря.

Тяжелый занавес скрывал дверь в смежную комнату, но юноша отчетливо слышал шаги человека, быстро и гневно ходившего взад и вперед.

- Они доведут меня до этого! - воскликнул, наконец, ломкий благозвучный голос. - Они меня доведут до этого. Да падет их кровь на их собственные головы! Мало им поносить Бога и церковь, повсюду расставлять сети всяческих обманов, колдовства и ростовщичества, угадывать будущее, делать фальшивые деньги, - нет, они смеют еще передавать духовенство в руки тирана!

- Так было и во времена апостолов, - вставил более мягкий, но гораздо менее приятный голос.

- Ну, а больше так не будет!

- Бог даровал мне власть, чтобы обуздать их, и да покарает он меня так же, или еще суровее, если я не воспользуюсь своей силой. Завтра я очищу эти Авгиевы конюшни [*Авгиевы стойла - конюшни (греч. мифология). У Авгия, царя Элиды, были несметные стада лошадей, стойла которых никогда не чистились. Герой Геракл очистил конюшни в один день, что было одним из двенадцати его подвигов (см. Геракл).*], полные гнусностей, и в Александрии не останется ни одного еврея, и некому будет кощунствовать и обманывать людей.

- Боюсь, как бы такой самосуд, как бы он ни был справедлив, не оскорбил высокопоставленного префекта!

- Высокопоставленного префекта, - скажи лучше тирана! Почему Орест пресмыкается перед евреями? Только из-за денег, которые они дают ему займы. Он с удовольствием приютил бы в Александрии тысячи чертей, если бы они оказывали ему подобные же услуги. Он натравливает их на мою паству, унижает достоинство религии, а возбужденный им народ поднимается в рукопашную и доходит до насилий вроде сегодняшнего! Говорят, это мятеж! Да разве народ не призывают к мятежу? Чем скорее я устраню один из поводов для мятежа, тем лучше. Пусть поостережется и сам искуситель: его час тоже близок.

- Ты имеешь в виду префекта? Деспот, убийца, угнетатель бедняков, покровитель философии, презирающей и порабошающей неимущих... Не заслуживает ли такой человек наказания, будь он трижды префектом?

Филимон понял, что он, должно быть, уже слишком много слышал, и легким шорохом дал знать о своем присутствии. Секретарь быстро откинул занавес и несколько резко спросил, что ему надо. Имена Памвы и Арсения несколько смягчили

его, и трепещущий юноша был представлен тому, кто фантастически занимал престол фараонов.

Обстановка комнаты была крайне скромна и мало отличалась от жилища ремесленника. Грубая одежда великого человека поражала простотой, забота о внешности сказывалась лишь в тщательно расчесанной бороде и локонах, уцелевших от тонзуры. Высокий рост и величественная осанка, строгие, красивые и массивные черты лица, блестящие глаза, крупные губы и выдающийся вперед лоб - все обличал в нем человека, рожденного для власти. Кирилл окинув юношу взглядом, от которого щеки Филимона стали пунцовыми. Затем архиепископ взял письмо, пробежал его глазами и сказал:

- Филимон. Грек. Пишут, что ты научился повиновению. Если так, то сумеешь и повелевать. Настоятель, твой отец, поручает тебя моему попечению. Теперь ты должен повиноваться мне.

- Я готов.

- Хорошо сказано. Так, ступай к окну и прыгни во двор.

Филимон подошел к окну и открыл его. До мощеного двора было не менее двадцати футов, но Филимон обязан был подчиниться, а не измерять высоту. На подоконнике в вазе стояли цветы; он совершенно спокойно отодвинул их и в следующее мгновение соскочил бы, если бы Кирилл не крикнул ему громовым голосом: "Стой!"

- Юноша нам подходит, Петр! Я теперь не боюсь, что он выдаст тайны, которые, быть может, слышал.

Петр одобрительно улыбнулся, хотя в выражении его лица сквозило сожаление, что молодой человек не сломал себе шею и не лишил себя возможности выдать их секрет.

- Ты хочешь увидеть мир? Сегодня ты уже наверное немножко посмотрел на него.

- Я видел убийство...

- Так, значит, ты видел то, что хотел видеть, - таков свет и таковы справедливость и милосердие, которые присущи ему. Ты, вероятно, не прочь посмотреть, как карает Господь людскую злобу. По твоим глазам я вижу, что и сам ты охотно станешь орудием Божиим в этом деле.

- Я бы хотел отомстить за этого человека.

- Да, да, он погиб, бедный простак-учитель! Его судьба кажется тебе верхом земных ужасов. Подожди немного и, проникнув вместе с пророком Иезекииелем [*Один из пророков израильского народа (VI в. до н. э.). Был уведен в плен к вавилонянам и умер, убитый одним из иудейских князей (по преданию).*] в сокровенные тайники сатанинского капища, ты увидишь там худшее: женщин, оплакивающих Таммуза, сетующих об упадке идолопоклонства, в которое сами более не верят... Да, Петр, в этой области нам тоже придется свершить один из Геркулесовых подвигов.

В эту минуту вошел монах.

- По приказанию вашего святейшества равнины проклятого народа ожидают внизу. Мы провели их через задние ворота, боясь, как бы...

- Верно, верно! Если бы с ними что-нибудь случилось, могло бы погубить вас. Проведите их наверх. Возьми его с собой, Петр, и представь его параболанам. Под чье

начало лучше всего отдать его?

- Брату Теопомпию. Он очень кроток и умерен.

Кирилл со смехом покачал головой.

- Пройди в соседнюю комнату, сын мой...

- Нет, Петр, отдай его под начальство какого-нибудь пламенного и святого человека, который его заставит трудиться до изнеможения и покажет ему все, что нужно, с лучшей и с худшей стороны. Клейтфон для этого более всего пригоден.

Теперь посмотрим, что мне надо сделать. Для разговора с евреями мне достаточно пяти минут. Оресту не угодно было запугать их, - посмотрим, не удастся ли это Кириллу. Потом час для просмотра больничных счетов, час для школ, полчаса для разбора просьб о неотложной помощи, полчаса для себя лично, а потом богослужение... Проследи, чтобы юноша присутствовал на нем. Теперь впускай всех по очереди. Где евреи?

Филимон отправился с параболанами и с отрядом приходских надзирателей. Вместе с ними он увидел темную сторону того мира, светлой частью которого была панорама гавани и города. Вблизи порта, величайшего в мире по вывозу продовольственных продуктов, среди грязи, нищеты, разврата, невежества и дикости умирали с голоду скученные массы старого греческого населения. Городская администрация не заботилась об их нуждах, и обездоленные бедняки порой заявляли о себе лишь отчаянными кровавыми мятежами. Тут-то среди них и для них работали днем и ночью приходские надзиратели.

Филимон пошел с ними; он выдавал пищу и одежду нуждавшимся, отправлял больных в госпитали, хоронил усопших, очищал зараженные дома, - лихорадка никогда не прекращалась в этих жилищах, - и утешал умирающих. Филимон видел в этом труде только исполнение монашеского долга. Вернувшись, он бросился на складную кровать, стоявшую в одной из четырех келий, и через мгновение крепко заснул.

Среди ночи юноша проснулся от торопливых шагов и громких криков, раздававшихся на улице; понемногу приходя в себя, он, наконец, явственно расслышал призыв:

- Александровская церковь горит! На помощь, добрые христиане! Пожар! Спасайте!

Филимон приподнялся на кровати и стал торопливо одеваться. Потом он быстро выскочил из кельи, чтобы узнать в чем дело от монахов, тревожно пробежавших по длинному коридору.

- Да, Александровская церковь горит! - отвечали ему они, устремляясь вниз по лестницам, а дальше через двор на улицу, где высокая фигура Петра служила как бы сборным пунктом.

Филимон подождал с минуту, а потом поспешил к своим товарищам. Это промедление спасло ему жизнь. Не прошло и нескольких секунд, как из тьмы выскочила какая-то мрачная фигура, длинный нож блеснул перед его глазами, и находившийся рядом священник со стоном упал на землю. Убийца бросился бежать вниз по улице, преследуемый монахами и параболанами.

В быстроте бега Филимон мог бы соревноваться со страусами, а поэтому опередил

всех, кроме Петра. От ворот отделилось еще несколько неясных фигур, присоединившихся к преследователям. Пробежав с сотню шагов, люди остановились у бокового переулка и вместе с ними остановился и убийца. Петр, заподозривший ловушку, замедлил бег и схватил Филимона за руку.

- Видишь ли ты вон тех негодяев, что стоят в тени?

Не успел Филимон ответить, как тридцать или сорок человек с кинжалами, сверкавшими в лучах месяца, преградили улицу и окружили бегущих со всех сторон.

Петр немедленно повернул назад и побежал с быстротой столь же стремительной, как и его погоня. Филимон следовал за ним. Едва переводя дыхание, пробежали они к своим.

- В конце улицы стоит вооруженная толпа!

- Убийцы! Евреи! Заговор! - слышались крики. Показался неприятель, осторожно продвигавшийся вперед. Под предводительством Петра духовенство отступило.

Угрюмый и раздраженный, Филимон присоединился к толпе, но едва он успел отойти шагов двенадцать, как услышал чей-то жалобный голос:

- О, помогите! Пощадите! Не оставляйте меня тут - они меня убьют. Я христианка, клянусь, я христианка!

Филимон нагнулся и поднял с земли хорошенькую негритянку, едва прикрытую лохмотьями и горько плакавшую.

- Я выбежала, когда услышала, что горит церковь, - рыдала несчастная, - а евреи избили и ранили меня. Они сорвали с меня шаль и тунику, прежде чем мне удалось вырваться от них, а потом меня опрокинули наши, - и когда я упала, меня стали топтать ногами. Мой муж станет бить меня, когда я вернусь домой. Бежим в этот переулок, иначе они убьют нас! - сказала негритянка.

Вооруженные люди следовали по пятам. Времени терять было нельзя, и Филимон, заверив бедную женщину, что не покинет ее, скрылся вместе с нею в переулке, который она указала. Но преследователи заметили их. От главного ядра их, оставшегося на большой улице, отделились три или четыре человека и бросились за ними в погоню. Филимон оглянулся и при свете луны увидел сверкающие ножи. Он был безоружен и приготовился умереть с мужеством, достойным монаха. Но юность не так-то легко расстается с последней надеждой. Он толкнул негритянку под темный свод ворот, где ей нетрудно было скрыться благодаря своему цвету кожи, а сам спрятался за столб как раз в ту минуту, когда его стал настигать первый преследователь. В боязливом ожидании затаил он дыхание. Увидят ли его? Хитрость удалась. Преследователь пробежал мимо. Через минуту появился другой, но, неожиданно увидев Филимона, испугался и отскочил в сторону. Это спасло Филимона. С быстротой кошки кинулся он на врага, сшиб его одним ударом, вырвал у него кинжал и вонзил в лицо третьему врагу только что отбитое оружие. Раненый зажал рукой окровавленную щеку, и, отступая, столкнулся со своим товарищем. Филимон, упоенный торжеством победы, воспользовался их замешательством и начал наделять врагов ударами кинжала, которые, к счастью, наносились неумелой рукой, а то молодому монаху пришлось бы отвечать за две жизни. Негодяи скрылись, произнося

проклятия на каком-то странном языке, и победитель Филимон остался наедине с дрожавшей негритянкой. Возле них лежал один из раненых; ошеломленный ударом и падением, он стонал, лежа на мостовой.

Все это произошло в течение нескольких секунд. Негритянка упала на колени и благодарила Небо за неожиданное избавление. Филимон спокойно снял с еврея пояс и шаль и предложил их негритянке. Вскоре на улице появилась новая толпа, приближившаяся к ним прежде, чем они ее заметили. Вырвавшийся у них крик ужаса и отчаяния сменился Радостным возгласом, когда Филимон заметил священнические одежды. Во главе толпы шел Петр.

- Ах, юноша! Ты невредим! Благодарение святым угодникам! Мы считали тебя уже мертвым, Кто у тебя тут? Пленный? У нас тоже. Он налетел прямо на нас, и Господь отдал его в наши руки. Он, должно быть, пробежал мимо тебя, - не переставая говорил священник.

- Да, - ответил Филимон, приподнимая своего пленника. - Вот и его подлый товарищ.

Обоих злодеев поспешно связали, и отряд направился дальше к Александровской церкви, месту предполагаемого пожара.

Толпа, состоявшая из монахов и народа, бежала дальше. Захваченные в плен евреи находились в центре толпы, и человек двадцать самозванных судей толкали, допрашивали, били и ругали их так, что пленники сочли за лучшее не открывать рта.

Когда толпа повернула за угол, створчатые ворота массивной арки раскрылись и длинный ряд сверкающих оружием фигур хлынул на улицу и по команде неподвижно остановился, стукнув копьями оземь. Передние попятнулись, и над толпой пронесся боязливый шепот:

- Стража!

- Кто они такие? - шепотом спросил Филимон.

- Солдаты, римские солдаты, - так же тихо ответил сосед.

Филимон, шедший среди вожаков, отступил назад. Так вот они, римские солдаты! Победители мира! Он стоял перед ними лицом к лицу!

Один из начальников, высокий чин которого угадывался по золотым украшениям на шлеме и нагруднике, схватил его за руку. Грозно взмахнув жезлом над головой Филимона, он спросил:

- Что это значит? Почему вы не спите в своих постелях, александрийские негодяи?

- Александровская церковь горит, - ответил Филимон.

- Тем лучше!

- Евреи режут христиан!

- Так и разделяйтесь с ними сами. Назад, солдаты! Это просто маленькая потасовка!

И отряд, сверкнув латами на повороте, с грохотом и звоном исчез в темной пасти казарменных ворот. Людской поток, не сдерживаемый более, понесся дальше.

Филимон не отставал от своих, но испытывал странное разочарование.

"Маленькая потасовка"! Пожар Александровской церкви, резня христиан, учиняемая евреями, гонение на христианскую веру - все это были пустяки, не стоящие внимания

сорока солдат. Филимон возненавидел этих воинов...

Вдруг пронзительный женский голос из верхнего этажа дома оповестил толпу, что Александровская церковь вовсе не горит. Толпа остановилась. Из расспросов выяснилось, что никто не видел горящую церковь, не встречал очевидцев пожара. Никто не знал даже, кто поднял тревогу. Не лучше ли спрятать в безопасном месте своих пленников и пойти к архиепископу за дальнейшими инструкциями? Так и решили и вскоре достигли Серапеума. Перед Серапеумом возвращавшихся встретила другая толпа, которая сообщила им, что их обманули. Александровская церковь вовсе не горела; из тысячи христиан, якобы убитых евреями, налицо были лишь три трупа, в том числе и труп бедного священника, лежащий теперь дома. Но зато говорят, что весь еврейский квартал идет на них!

При этом известии толпа решила как можно скорее удалиться в дом архиепископа, заколотив двери и приготовиться к осаде.

Вскоре вдоль улицы послышались тяжелые шаги; во всех окнах мгновенно показались встревоженные лица, и Петр бросился вниз, чтобы нагреть большие медные котлы, - он по опыту знал оборонительную силу кипятка. Блестящий диск луны осветил длинную шеренгу шлемов и панцирей. Слава Богу, это были солдаты!

- Евреи идут! Спокойно ли в городе? Почему вы не предупредили убийства? В то время как вы храпели, перерезали более тысячи граждан!

Таковыми возгласами толпа приветствовала проходивших воинов, а воины спокойно отвечали:

- Довольно! Молчите и спите, мокрые курицы, или мы спалим ваш курятник!

Эта "вежливая речь" вызывала негодующие выкрики, и солдаты, хорошо знавшие, что с духовенством, хотя бы и безоружным, шутить нельзя, безмолвно продолжали свой путь.

Опасность миновала; теперь всем хотелось говорить громче прежнего и, без сомнения, эта болтовня продолжалась бы до зари, если бы внезапно не растворилось одно из окон, выходивших во двор, и не раздался властный голос Кирилла:

- Пусть каждый ложится там, где есть место. Утром вы все мне понадобятся. Пусть немедленно явятся ко мне начальники параболанов с двумя пленниками и с теми, которые их захватили.

Через несколько минут Филимон вместе с двумя десятками лиц уже стоял перед великим человеком. Патриарх сидел за своим письменным столом и писал краткие приказы на небольших полосках бумаги.

- Вот юноша, который помог мне преследовать убийцу, - сказал Петр. - Он перегнал меня и поэтому подвергся нападению со стороны пленников. Мои руки, благодарение Господу, не обогреты кровью.

- Трое бросились на меня с ножами, - оправдывался Филимон, - и мне пришлось вырвать кинжал у этого человека, чтобы оружием обратить в бегство двух других.

- Ты храбрый отрок, но не читал ли ты в священном писании: если человек ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую.

- Я не успел убежать, подобно Петру и всем прочим.

- Но почему же?

Филимон сильно покраснел, но не решился солгать.

- Мне попалась... бедная раненая негритянка... ее сшибли с ног... и я не смел ее покинуть, так как она мне сказала, что она христианка.

- Хорошо, сын мой, очень хорошо. Я не забуду этого... Как ее имя?

- Я его не расслышал... нет, кажется, она назвала себя Юдифью.

- Ах, это жена того человека, который прислуживает у ворот проклятой Богом аудитории! Эта набожная женщина, жестоко истязаемая мужем-язычником, делает много добрых дел. Петр, ты завтра сходишь к ней вместе с лекарем и посмотришь, не нуждается ли она в чем-либо. Кирилл никогда ничего не забывает. Теперь подайте мне сюда тех евреев. Два часа тому назад их старейшины обещали соблюдать мир, и вот каким образом исполняют они свои обязательства! Ну, что ж! Нечестивые попали в западню, расставленную их собственным коварством!

Евреев привели наверх, но они упорно молчали.

- Посмотри, святейший отец, - заметил кто-то, - все они имеют на правой руке кольцо из зеленой пальмовой коры.

- Весьма зловещий признак! Очевидно, это заговор, - пояснил Петр.

- Ну, что же это значит, негодяи? Отвечайте мне, если жизнь вам дорога!

- Тебе нет дела до нас. Мы - евреи и не принадлежим к твоему народу, - угрюмо возразил один из них.

- Не принадлежите к моему народу? Но вы убиваете мой народ! Я не намерен вступать в прения с вами, как я не пускался в рассуждения и с вашими старейшинами. Петр, возьми с собой обоих молодцов, запри их в дровяном сарае и приставь к ним надлежащую стражу. Кто их упустит - ответит мне за них собственной жизнью!

Обоих евреев вывели.

- Здесь, мои братья, предписания для вас. Разделите их между собой и затем передайте преданным и ревностным христианам ваших участков. Подождите час, пока не успокоится город, а потом соберите верующих и действуйте. К восходу солнца мне нужно тридцать тысяч человек.

- Для чего, святой отец? - спросило несколько голосов.

- Прочтите эти предписания. Тому, кто пожелает завтра сражаться под хоругвями Господа Бога, разрешается безнаказанно грабить еврейский квартал, запрещается лишь насилие и убийство. Пусть Бог поразит меня той же карой или еще суровее, если хоть один еврей останется в Александрии к завтрашнему полудню. Ступайте!

Представители христианской общины удалились, благодаря Небо за такого распорядительного и отважного вождя.

Филимон хотел последовать за ними, но Кирилл удержал его.

- Остайся тут, сын мой. Ты молод, порывист и не знаешь города. Ложись и спи в соседней комнате. Через три часа начнется бой с врагами божьими.

Филимон бросился на пол и заснул крепко, как ребенок. На заре его разбудил один из параболанов.

- Вставай, юноша! Посмотри, какова наша сила! К стопам Кирилла стеклось тридцать

тысяч человек!

- Вот, братья мои, - говорил Кирилл, одетый в епископское облачение и шедший во главе блестящей свиты священников и монахов, - христианская церковь сильна своей сплоченностью и единством, и земные тираны трепещут перед ней, не будучи в силах ей противостоять. Собрал бы Орест в течение трех часов тридцать тысяч человек, готовых умереть за него?

- А мы готовы умереть за тебя! - воскликнуло множество голосов.

- Не за меня, а за царство божье!

Кирилл выступил со всей толпой.

Глава

VI

Новый Диоген

На следующий день, около пяти часов утра, Рафаэль Эбен-Эзра лежал на своей постели, лениво зевая над рукописью Филона. Он трепал за уши огромного британского бульдога, созерцая серебристую пыль фонтана, бывшего на дворе, и спрашивая себя, скоро ли мальчишка доложит ему, что теплая ванна готова.

Вошел юный слуга и возвестил не о ванне, а о приходе Мириам. Старуха, пользовавшаяся благодаря своему ремеслу правом свободного доступа почти во все дворцы александрийских патрициев, торопливо вошла, но вместо того, чтобы начать разговор, продолжала стоять. Рабу она приказала удалиться властным жестом руки.

- Как поживаешь, матушка? Садись же! Что же ты не принес вина для этой знатной женщины? Разве тебе еще не знакомы ее причуды?

- Убирайся прочь! - воскликнула Мириам, обращаясь к рабу.

- Теперь не время распивать вино, Рафаэль Эбен-Эзра, - продолжала она. - Почему ты лежишь? Разве ты не получил письма вчера вечером?

- Письмо? Да, получил, но я его не прочел, так как меня сильно клонило ко сну... Вот это? Цитата из Иеремии [*Иеремия. Один из четырех главных библейских пророков, горячий патриот, живший за шесть веков до н. э. Он пережил осаду и разрушение Иерусалима вавилонянами и оплакивал падение царства иудейского ("плач Иеремии").*] "Встань и спасай жизнь свою, ибо злое задумано против всего дома Израилева!" Это от верховного раввина. Я всегда считал этого почтенного отца здравомыслящим человеком. В чем дело, Мириам?

- Безумец! Вместо того чтобы издеваться над священными изречениями пророка, вставай и повинуйся им. Письмо прислала тебе я!

- Почему я не могу исполнить волю пророка, оставаясь на своем прекрасном ложе? Чего тебе еще надо?

Старуха была не в силах совладать со своим нетерпением; она бросилась на Рафаэля и, бешено скрежеща зубами, потащила его с кровати на пол. Рафаэль привстал, ожидая, что будет дальше.

- Рафаэль Эбен-Эзра! Неужели ты так ослеплен своей философией, своим

язычеством, ленью и презрением к Богу и людям, что станешь равнодушно смотреть, как твой народ становится добычей хищника и твои богатства растаскивают нечестивые собаки? Вот что сказал Кирилл: "Пусть Бог накажет меня такой же карой или еще суровее, если завтра в это время останется хоть один еврей в Александрии".

- Тем лучше, если этот шумный Вавилон надоел и остальным евреям почти так же, как мне. Но чем я могу помочь? Я не царица Есфирь. Я не могу, как она, отправиться во дворец к Агасферу [*Еврейское имя персидского царя Артаксеркса, при катером, по библейской легенде, было решено истребить живших в персидском царстве евреев. От этой судьбы их избавила Эсфирь, еврейка, красавица, взятая царем в жены и умолившая мужа пощадить ее соплеменников.*] и устроить все так, чтобы он протянул мне золотой скипетр.

- Несчастный, если бы ты вчера вечером прочел письмо, то, быть может, пошел бы к нему и спас нас. Тогда твое имя, как имя Мардохея [*По библейской легенде - дядя Эсфири (см. Агасфер), взятой в жены Артаксерксом и спасшей еврейский народ от истребления.*], передавалось бы из поколения в поколение.

- Дорогая матушка, Агасфер, наверное, слишком крепко спал или был слишком пьян, чтобы слушать меня. Но почему же ты сама не поспешила к нему?

- Неужели бы я не пошла, если бы могла? Я ведь не так ленива, как ты. С опасностью для собственной жизни я пробралась к твоему дому в надежде спасти тебя.

- Значит, мне нужно одеться? А что еще?

- Ничего! Кириллова чернь обложила все улицы. Слышишь крики и вой? Они уже наступают на дальнюю часть квартала.

- Как, они режут евреев? - спросил Рафаэль Эбен-Эзра, накидывая плащ. - Потеха, должно быть, действительно, началась, и я с удовольствием постараюсь ей помешать, если смогу. Сюда, мальчик! Мой меч и кинжал!

- Не надо! Лицемеры уверяют, что кровь не будет пролита, если мы не станем сопротивляться и покорно позволим себя ограбить. Кирилл сам присутствует, чтобы со своими монахами предупреждать всякие насилия... Да уничтожит христиан ангел господний!

Беседа была прервана домочадцами, которые прибежали в комнату, бледные от ужаса. Рафаэль, окончательно выведенный из своей апатии, подошел к окну и стал следить за всем, происходящим на улице.

Переулок был запружен бранившимися женщинами и плачущими детьми. Молодые, старые мужчины смотрели, как расхищают их имущество. Рассудок запрещал им сопротивляться, мужество не позволяло жаловаться. А между тем домашняя утварь летела изо всех окон. Из каждой двери выбегали свирепые громы, уносившие деньги, драгоценности, шелка, - словом, все сокровища, которые в течение многих поколений успели накопить еврейские купцы и ростовщики. Среди грабителей и ограбленных стояла расставленная вдоль улицы духовная полиция Кирилла, одно слово которой действовало на толпу сильнее, чем копыта римских солдат. Убийство было запрещено, и ни одного насилия не совершилось.

Рафаэль молча наблюдал, а Мириам в исступлении бегала по комнате и тщетно

призывала хозяина действовать словом или делом.

- Оставь меня в покое, мать, - сказал он, наконец. Пройдет не меньше десяти минут, прежде чем они почтят меня своим посещением, а тем временем я ничего лучшего не могу предпринять, как следить за этой сценой, напоминающей изгнание израильтян из Египта.

- Нет никакого сходства. Тогда мы шли с песнями под звуки тимпанов, и в Красном море нас ждала победа. Тогда каждая неимущая женщина брала займы у соседки серебро, золото и драгоценности, чтобы достойно украсить себя.

- А теперь мы их возвращаем. Тысячу лет тому назад мы должны были послушаться Иеремии; нам не следовало, как глупцам, возвращаться в страну, у которой мы были так сильно в долгу.

- Проклятая страна! - воскликнула Мириам. - В недобрый час ослушались пророков наши предки, и теперь мы пожинаем плоды наших грехов. Что ты думаешь делать?..

Мириам схватила Рафаэля за руку и с силой тряхнула ее.

- А ты что намерена предпринять?

- Я вне опасности, у канала меня ожидает лодка. Ни одна христианская собака не заставит старую Мириам поступать против ее воли. Мои драгоценности зарыты, девушки проданы. Спасай, что можешь, и следуй за мной.

- Дорогая матушка, почему тебя так сильно беспокоит мое благополучие? Почему ты заботишься обо мне больше, чем о других сынах Иудеи?

- Потому... потому что... Нет, я тебе скажу это в другой раз. Я любила твою мать, и она меня любила. Иди! Довольно!

Рафаэль задумался, молча наблюдая за погромом.

- Как эти христианские священники умеют держать в повиновении своих людей! Они все-таки сильные люди нашей эпохи, верь мне, Мириам, дочь Ионафана...

- Зачем ты назвал меня дочерью? У меня нет ни отца, ни матери, ни мужа, ни... Зови меня матерью.

- Не все ли равно, как называть тебя? Прошу тебя; возьми из той комнаты все драгоценности. Если их продать, то можно купить половину Александрии. Я собираюсь в путь...

- Со мной?

- Нет, в обширный божий мир, моя дорогая повелительница. Вон тот молодой монах постиг истину. Я решил стать нищим.

- Нищим?

- Почему бы нет? Не старайся отговорить меня. Я уйду, а мне даже не с кем проститься! Эта собака - единственный друг, который у меня есть на земле. Ну пойдём, Бран, радость моя!

- Ты можешь пойти вместе со мной к префекту и спасти большую часть своего богатства.

- Вот этого-то я и не намерен делать! Говоря откровенно, прекрасная язычница становится мне слишком дорога.

- Как! - вскричала старуха. - Ипатия?

- Да. Во всяком случае, мое отсутствие проще всего устранит это затруднение; я доберусь до Кирены на первом отходящем корабле и стану изучать жизнь Италии. Бери скорее все мои драгоценности. Я уйду. Мои освободители стучат уже у наружных ворот.

Мириам с жадностью хватала алмазы, жемчуг, рубины, изумруды и, торопливо пряча их в своих широких карманах, шептала:

- Ступай, ступай. Беги, я сохраню твои сокровища.

- Да, спрячь их. Несомненно, ты удвоишь их количество к тому времени, когда мы снова встретимся. Прощай, мать!

- Но не навеки, Рафаэль, не навсегда! Поклянись мне именем четырех архангелов, что напишешь мне в дом Евдемона, если когда-либо будешь в горе или опасности. Ты все получишь обратно. Заклинаю тебя Илией, скажи, где черный агат? Сломанная половинка талисмана из черного агата?

Рафаэль побледнел.

- Откуда ты знаешь, что у меня есть черный агат?

- Откуда бы ни знала! - воскликнула она, хватая его за руку. - Где он? Все зависит от этого. Безумец, - продолжала она, отталкивая его, - уж не отдал ли ты его этой язычнице?

- Клянусь душой моих отцов, тебе, старой колдунье, по-видимому, все известно. Ну да, я поступил именно так, я ей отдал агат лишь потому, что ей понравился начертанный на нем талисман.

- Чтобы при помощи его обольстить тебя же? Да?

- Тварь, торговка рабами! Ты всех считаешь такими же низкими существами, как те жалкие создания, которых ты покупаешь, перепродаешь и превращаешь в исчадия ада, подобные тебе самой!

Мириам посмотрела на него, и ее большие черные глаза расширились и сверкнули. Она было потянулась к кинжалу, а затем горько зарыдала и закрыла лицо морщинистыми руками.

В это мгновение послышался глухой грохот, сопровождаемый радостными восклицаниями, и Мириам выбежала из комнаты, догадавшись, что наружные ворота выбиты толпой.

- Сюда, Бран... Мальчики, рабы, где вы? Берите себе все, что можете, а затем спасайтесь через задние ворота!

Рабы торопливо исполняли его приказания. Пройдя пустые комнаты, Рафаэль спустился вниз по лестнице, и в передней увидел толпу монахов, ремесленников, торговков, рабочих из гавани и нищих. Они шумели и кидались в двери, то направо, то налево. Предводительствовал ими Филимон. - Привет вам, почтенные гости! - сказал Рафаэль. - Что касается пищи и питья, то мои кухни и погреба к вашим услугам. А что касается одежды, то я готов отдать этот хитон из индийских шалей и эти шелковые шаровары тому из вас, кто согласится обменять их на свои священные лохмотья. Быть может, ты окажешь мне эту услугу, прекрасный, юный вождь этой новой школы пророков?

Филимон, к которому Рафаэль обратился с этими словами, презрительно молчал.

- Слушай же меня, юноша! Смотри, этот кинжал отравлен: малейшая царапина, и ты умрешь. Эта собака - чистой британской породы, и если она в тебя вцепится, то даже раскаленное железо не заставит ее выпустить тебя, пока не захрустят твои кости. Если кто-нибудь из вас поменяется со мной платьем, я отдам вам все мое имущество. А если не согласны, то первый, кто тронется с места, погибнет.

Рафаэль говорил со спокойной решительностью воспитанного человека.

- Я готов поменяться с тобой одеждой, еврейская собака, - заревел, наконец, какой-то грязный оборванец.

- Я твой вечный должник. Пройдем в эту боковую комнату. А вы, друзья мои, идите наверх, но будьте осторожны. Этот фарфор оценивается в три тысячи золотых, за разбитый же вы не получите и трех грошей.

Грабители не теряли времени: они хватали все, что попадалось под руку, и разбивали то, что нельзя было унести или что не возбуждало их алчности.

Рафаэль спокойно снял свою роскошную одежду, накинул изодранную холщовую тунику, надел соломенную шляпу, поданную нищим, и скрылся в толпе.

Глава

VII

Творящие неправду

Целый день Филимон мучился воспоминаниями о прошедшем утре. До сих пор все христиане, а в особенности монахи, казались ему непогрешимыми, а евреи и язычники - проклятыми Богом безумцами. Кротость и твердость духа, презрение к мирским радостям и любовь к бедным были добродетелями, которыми гордилась христианская церковь, как своим неотъемлемым наследием.

Но кто в наибольшей степени проявил эти качества сегодня утром? Образ Рафаэля, раздавшего все богатства и в образе бездомного нищего пустившегося странствовать по свету, храня на устах спокойную, самоуверенную улыбку, неустанно всплывал в памяти Филимона.

Пока последний вспоминал и размышлял о случившемся, настал полдень, и юноша обрадовался предстоящей трапезе и послеобеденным работам, которые должны были рассеять его тягостные думы.

Сидя на своей овчине, Филимон, как настоящий сын пустыни, грелся на солнце. Петр и архидьякон сидели в тени возле него, ожидая прихода параболанов и шептались об утренних происшествиях. До слуха Филимона долетели имена Ореста и Ипатии.

К ним подошел старый священник и, почтительно поклонившись архидьякону, стал просить милостыню для семьи одного матроса, которую нужно было перевезти в больницу, так как все ее члены заболели изнурительной лихорадкой.

Архидьякон, взглянув на него, равнодушно ответил: "хорошо, хорошо" - и продолжил беседу.

Священник наклонился еще ниже и стал доказывать необходимость немедленной

помощи.

- Очень странно, - произнес Петр, как бы обращаясь кружившимся в небе Серапеума ласточкам, - что некоторые люди не умеют приобрести в собственном приходе достаточно влияния и не могут сделать даже малое доброе дело, не утруждая его святейшество.

Старый священник пробормотал нечто вроде извинения, а архидьякон, даже не посмотрев на него, приказал:

- Дай ему кого-нибудь, брат Петр, - все равно кого. Что тут делает этот юноша - Филимон? Пусть-ка он идет со священником Гиераксом.

Петру, по-видимому, не понравилось предложение, и он что-то шепнул архидьякону.

- Нет, без тех я не могу обойтись. Навязчивые люди должны рассчитывать только на счастливый случай. Идем! А вот и братья. Мы отправимся вместе.

Филимон пошел с ними. По дороге он спросил своих спутников, кто такой Рафаэль.

- Друг Ипатии.

Это имя тоже интересовало его, и он попытался деликатно и по возможности осторожно узнать что-либо о ней. Но его замысел не удался. Одно имя Ипатии привело всех в исступление.

- Да сокрушит ее Господь, эту сирену, волшебницу, колдунью! Она и есть та необыкновенная женщина, появление которой предсказал Соломон.

- По-моему, она предтеча антихриста, - добавил другой.

- Значит, Рафаэль Эбен-Эзра ее ученик по части философии? - спросил Филимон.

- Он ее ученик по части всего, что она замышляет для оболъщения человеческих душ, - сказал архидьякон.

- А все-таки не следует так сильно осуждать ее, - вступился старый священник. - *Синезий Киренейский [Синезий Киренейский (родился в Кирене в 379 г.). Философ, поэт, оратор, философию изучал в Александрии и был другом Ипатии. Приняв христианство, стал епископом. Умер в 412 году, по другим данным - в 436 году.]* - святой муж, а он очень любит Ипатию.

- Святой муж, а имеет жену! Он имел наглость сказать самому благословенному Феофилу, что не согласен стать епископом, если ему не разрешат остаться с ней! Немудрено, что человек, подобный Синезию, пресмыкается у ног возлюбленной Ореста.

- Она вероятно очень безнравственна? - спросил Филимон.

- Она не может не быть безнравственной. Разве язычница может обладать верой и благодатью? А без них всякая праведность - грязные лохмотья!

Филимон был достаточно умен и понимал, что утверждение не есть еще доказательство. Но заключение Петра: "так должно быть, следовательно так и есть", было удобно, ибо избавляло от дальнейших вопросов. Да и наверное Петр основывался на достоверных сведениях.

Филимон продолжал свой путь. Но ему почему-то было грустно думать, что Ипатия - страшная колдунья и оболъстительница, вроде Мессалины. А, с другой стороны, - если она ничему не могла научить, то откуда же взялись у Рафаэля сила и твердость? Если

философия умерла, то что же такое Рафаэль?

Тем временем Петр со своими спутниками свернул в боковой переулок, а Филимон с Гиераксом остались одни. Они прошли несколько шагов молча, друг возле друга, спустились по одной улице, поднялись по другой, и, наконец, молодой монах спросил, куда они идут.

- Туда, куда надо. Нет, юноша, если архидьяконы позволяют себе оскорблять меня, священника, то от тебя мне все-таки не хотелось бы слышать оскорблений.

- Уверю тебя, я не хотел сказать ничего обидного.

- Конечно! У всех вас одни манеры, и молодые люди, к сожалению, слишком скоро перенимают их у стариков.

- Но ты, надеюсь, не хочешь сказать ничего плохого об архидьяконе и его товарищах? - спросил Филимон, пылавший воинственной преданностью братству, к которому он сам принадлежал.

Ответа не последовало.

- Разве они не самые святые и набожные люди?

- Да, конечно, - сказал спутник таким тоном, который явственно говорил: "конечно, нет".

- Ты говоришь не то, что думаешь! - воскликнул Филимон грубо.

- Ты молод, очень молод! Поживи с мое, тогда и увидишь. Наш век - развращенный век, сын мой: он не похож на то доброе старое время, когда люди готовы были страдать и умирать за веру. Ныне мы благоденствуем. Знатные дамы в шелковых, расшитых золотом одеждах прикидываются кающимися Магдалинами и носят евангелие на шее. В дни моей юности они шли на смерть за то, чем теперь украшают себя.

- Но я говорил о параболанах.

- Ах, между ними много таких, которым не место там, где они находятся. Не говори, что слышал это от меня. Возьмем хотя бы проповедников. Когда-то люди говорили - и даже сам авва [*Древнееврейское, перешедшее к христианам обращение к Богу или духовным лицам - отче, отец.*] Исидор, - что я проповедую не хуже любого человека. Но, поверишь ли, в течение одиннадцати лет, которые я провел тут, я еще ни разу не был допущен к проповеди в собственном приходе.

- Ты, верно, шутишь?

- Это так же истинно, как и то, что я христианин. Я знаю причину, мне она известна. Они боятся учеников Исидора. Они, наверное, недолгобливают привычку этого святого - говорить правду в глаза, ведь в Александрии уши у людей очень чувствительные. Потому-то я, священник, и стал тут невольником, а люди, вроде Петра, смотрят на меня, как на раба, с высоты своего величия. Впрочем, всегда так бывает. В Александрии, в Константинополе, даже в Риме наиболее преуспевает гибкий, слащавый, суетливый человек, собирающий крупные суммы для бедных все равно из каких источников. В городах идет великая борьба за положение и могущество. Каждый завидует своему соседу, священники - дьяконам и имеют на то веские основания; епископы провинции завидуют епископу метрополии, а тот в свою очередь соперничает с епископами северной Африки. А патриархи Римский и

Константинопольский завидуют нашему патриарху.

- Кириллу?

- Конечно, потому что он им не подчиняется и не допускает постороннего вмешательства в дела Африки.

- Но этому, вероятно, могут помочь соборы? [*Собор - в старину, собрание, съезд.*]

- Соборы? Подожди говорить, пока сам не побываешь на одном из них. Игумен Исидор говорил, что если бы он когда-нибудь стал епископом, то ни за что бы не поехал на собор. Он не видел ни одного собора, который не пробуждал бы в человеческих сердцах дурные страсти и излишними словопрениями не усложнял бы первоочередных вопросов. Да и решение иногда заранее продиктовано царедворцем, командированным императором или, хуже того, евнухом или поваром, как будто они преисполнены благодати духа святого и более всех способны устанавливать догматы святой вселенской церкви.

- Неужели на соборах бывают и повара?

- Да ведь прислал же Валент [*Валент Флавий. Римский император. Сначала был военачальником, а в 364 году брат его Валентинан, провозглашенный императором, взял его в соправители и дал ему восточную половину империи с Византией в качестве столицы. В. вел удачную борьбу с варварами, но в Мезии, в 378 году, вестготы нанесли ему поражение, и он погиб в бою. Был христианином.*] своего лейб-повара, чтобы помешать Василию Кесарийскому [*Василий, прозванный Великим. Архиепископ Кесарийский (338-379 гг.), родился в Кесарии в богатой христианской семье. Получил блестящее философское образование в Константинополе и Афинах, вел усиленную борьбу с арианством, поддерживая догмат троицы.*] провести учение, не разделяемое двором. Уверяю тебя, самое главное здесь - снискать сочувствие двора или самому пролезть туда. Я, конечно, строптивый старый ворчун. Молодость должна учиться на собственном опыте, а не брать готовое от стариков. Открой глаза, юноша, и суди сам. Ты увидишь, каких святых порождает подобное руководство вселенской церковью. Вот один из таких сосудов благодати, гляди! Я ничего больше не скажу.

Пока он говорил, к ним приблизились два огромных негра, которые опустили у лестницы ближайшей церкви какой-то предмет, еще невиданный Филимоном. То было кресло, напоминавшее носилки, ручки и спинка которого были богато отделаны серебром и слоновой костью, а верхняя часть была задрапирована шелковыми розовыми занавесями.

- Кто сидит в этой клетке? - спросил Филимон старого священника.

Негры остановились, стирая с лица пот, а молодая хорошенькая невольница торопливо подбежала с зонтиком и туфлями и почтительно приподняла край занавески.

- Это святая, говорю тебе, святая!

- Посмотри, - шептал старик, - им недостаточно того, что христиан делают вьючными животными. А игумен Исидор не понимает, как это человек, любящий Христа и познавший благодать, которая освободила весь род человеческий, может держать рабов.

- Я этого тоже не понимаю, - сказал Филимон.

- Ну, а мы, в Александрии, думаем иначе. Мы даже не можем подняться по ступеням храма божия, не снабдив особой защитой наши изнеженные ноги.

С кресла сошла женщина, при виде которой Филимон еще шире раскрыл глаза, чем при недавней встрече с Пелагией.

Белая шелковая туника женщины была испещрена всевозможными рисунками: на ней были вышиты и притча о Лазаре, и ряд крестов, и Иов [*Иов с тремя друзьями ("Книга Иова")*]. По библейской легенде - праведник, мужественно перенесший ниспосланные ему бедствия. В довершение всего он заболел проказой (*"Иов на гноище"*) и, удалившись в безлюдное место, поселился на мусорной куче. За свое долготерпение был вознагражден Богом.] с его тремя друзьями.

- Ее одежда, - шепнул старый священник, - свидетельствует о паломничестве, предпринятом около двух лет тому назад в Аравию, чтобы увидеть и поцеловать ту самую навозную кучу, на которой сидел патриарх Иов.

На шее важной дамы среди полдюжины ожерелий висела рукопись евангелия с позолоченными краями и замком из драгоценных камней. На голове посредине высокой жемчужной диадемы красовался крест, а сзади диадемы и вокруг нее вздымалось сплетение напомаженных локонов и кос вышиной с полфута. Вероятно, в это утро какая-то несчастная рабыня потрудилась не один час над возведением этой башни, не получив в награду ничего, кроме выговоров.

Смирненно, с жеманным лицом и потупленным взором, всходила по ступеням нарядная прихожанка, испуская порой вздохи раскаяния, склоняя голову и прижимая руку к груди, блистающей самоцветными камнями. Увидев священника и монаха, она отвесила им поклон и с глубочайшей покорностью испросила позволение поцеловать край их одежды.

- Женщина, ты бы лучше поцеловала подол собственного платья, - сердито ответил Филимон.

Ее лицо вспыхнуло гневом и с выражением оскорбленной гордости она сказала:

- Я искала твоего благословения, а не проповеди. Проповедь я найду в другом месте, если пожелаю.

- И такую, какая тебе угодна, - пробормотал старый священник.

Женщина поплыла вверх по лестнице, бросив несколько мелких монет оборванным ребятишкам, которые сидели на ступенях и играли фисташками.

Филимон молчал, а старый ворчун продолжал:

- Видишь, юноша, ты должен еще изучить столичные нравы. Когда ты возмужаешь, то, вместо того чтобы говорить неприятные истины матронам [*Домохозяйка из знатной семьи в Риме.*] с крестами на прическе, ты по малейшему их намеку побежишь хоть на край света, в надежде, что их бескорыстное участие наградит тебя доходным приходом или даже епархией. Женщины все это устраивают для нас.

- Женщины?

- Да. Женщины, друг мой! Как рассказывают, этой, например, женщине внимает даже августейшее ухо Пульхерии; она ежемесячно шлет императрице послания и могла бы даже патриарху причинить неприятности, если бы он воспротивился ее благочестивой

воле.

- Как! Даже Кирилл подчиняется таким созданиям?

- Кирилл - умный человек, иные находят даже, что он слишком умен для сына истины. Он знает, что бесполезно бороться с теми, кого мы не можем одолеть. Зачем же нам осуждать его, если он из зла пытается извлечь некоторую долю добра и пользуется деньгами этих знатных особ для своих домов призрения, сиротских приютов, больниц, мастерских и всего прочего?

Филимон шел рядом со старым священником, безмолвный, смущенный и огорченный. Он покинул старую, дорогую лавру, все радости и всех друзей детства, чтобы ринуться в водоворот трудов и искушений. Вот какова сила и целостность этой вселенской церкви, в которой, как его учили с отрочества, царит единый Бог, единая вера, единый дух. Но нет! Бог не мог ошибиться и церковь не заблуждалась! Зло заключалось не в ней самой, а исходило от ее врагов, обуславливалось не ее чрезмерным благоденствием, как утверждал старик, а позорным рабством. Если Орест был проклятием для Александрийской церкви, то Ипатия была проклятием Ореста. Вся вина падала на ее голову. В ней был корень зла! Неужели же невозможно искоренить это зло? Почему бы не попытаться? Пусть это грозит опасностями, но независимо от того, чем бы ни кончилась эта попытка - успехом или неудачей, - она была бы доблестным делом.

Сердце Филимона билось с тревогой и надеждой: он жаждал удобного случая, который дал бы ему возможность отличиться или умереть.

Возможность скоро представилась. Как только он вернулся к своим товарищам, он поспешил собрать у них более подробные сведения об Ипатии.

Но он услышал только новые обвинения. Потолковав о победе, одержанной в это утро сторонниками истинной веры, его спутники заговорили о великом поражении, нанесенном язычеству двадцать лет тому назад, при патриархе Феофиле, когда Олимпиодор с вооруженной языческой чернью защищал Серапеум от христиан.

Прежних кумиров теперь уже не существовало, уцелела только философия.

- Почему бы не перенести борьбу в самое сердце вражьего стана и не поразить сатану в его собственном логове? Почему не отправиться какому-либо божьему избраннику в аудиторию волшебницы и смело, лицом к лицу, вступить в единоборство с ней? - сказал юноша.

- Попробуй-ка это сам, если хватит отваги, - возразил Петр. - Мы со своей стороны вовсе не желаем, чтобы александрийские развратники проломили нам черепа.

- Я пойду, - сказал Филимон.

- Я спешу уведомить его преосвященство о твоём наглом желании.

- Сделай одолжение, - спокойно сказал Филимон, всецело поглощенный своей идеей.

- Самоуверенность молодого поколения становится совершенно нестерпимой, - заметил Петр в тот же вечер, обращаясь к своему повелителю.

- Тем лучше, она побуждает старших вступать с ними в соревнование. Но кто же сегодня проявил самоуверенность?

- Безумный отрок, которого Памва прислал сюда из пустыни. Он сказал, что готов

выступить в защиту веры против Ипатии. Он выразил желание отправиться в ее аудиторию и вступить с ней в прения. Не правда ли, - замечательный образчик юношеской скромности и недоверия к собственным силам?

Несколько мгновений Кирилл молчал.

- Что прикажешь передать ему? Послать его на месяц в Нитрию и посадить его там на хлеб и воду? Я уверен, ты не оставишь без наказания подобную выходку. Ведь этак погибнет всякое уважение к старшим, всякая дисциплина.

Кирилл все еще безмолвствовал, и Петр нахмурился. Наконец патриарх заговорил:

- Наше дело нуждается в таких энтузиастах. Пришли ко мне отрока.

В лице Петра появилось выражение, напоминавшее зависть. Пожимая плечами, он спустился вниз и через минуту ввел к патриарху дрожащего юношу.

Войдя в комнату, Филимон упал на колени.

- Так ты хочешь идти в аудиторию язычницы и вызвать ее на бой? Чувствуешь ли ты в себе достаточно мужества?

- Бог мне его внушит.

- Но ее ученики могут убить тебя.

- Я стану защищаться, - сказал Филимон. - Во всяком случае нет смерти более славной, чем мученическая.

Кирилл ласково улыбнулся.

- Ты должен мне обещать две вещи.

- Две тысячи, если пожелаешь.

- Даже эти две довольно трудно выполнить. Молодость быстро обещает, но еще скорее забывает. Обещай мне, что бы там ни случилось, не наносить удара первым.

- Обещаю.

- Обещай мне также не вступать с ней в прения.

- Но что же иное могу я делать?

- Противоречь, обличай, вызывай ее на возражения, но сам не приводи доводов. Иначе ты пропал. Она хитрее змеи и знакома со всеми тонкостями логики. Ты станешь посмешищем и с позором обратишься в бегство. Обещай мне это.

- Обещаю.

- Тогда иди!

- Когда?

- Чем скорее, тем лучше. В котором часу читает завтра проклятая женщина, Петр?

- Мы видели, что сегодня утром, она прошла в музей.

- В таком случае иди туда завтра рано утром. Вот тебе деньги.

- Зачем? - спросил Филимон, с любопытством разглядывая первые монеты, попавшие в его руки.

- Чтобы заплатить за вход. К философам никто не идет без денег. Это не церковь божия, которая открыта весь день и для нищих, и для рабов. Хорошо, если ты ее убедишь, если же нет...

И тихо, про себя, Кирилл прошептал: "а если нет, то тоже хорошо, даже, пожалуй, еще лучше"...

- Ну, - с горечью сказал Петр, выпроваживая Филимона, - ступай и преуспевай, молодой безумец. Какой злой дух привел тебя сюда, чтобы угождать единственной слабости благородного патриарха?

- Что ты хочешь этим сказать? - спросил Филимон с вызывающим видом.

- Патриарх твердо убежден, что проповедь, обличения и мученичество могут изгнать хананеян, а между тем от них можно освободиться только мечом Бога и Гедеона [*Один из виднейших "судей" израильского народа в эпоху, когда евреи завладели землей ханаанской и вели постоянные войны с соседними племенами и народами. "Меч Гедеона" вошел у древних евреев в поговорку, как символ силы и мужества.*]. Его дядя Феофил хорошо понимал в чем дело. Если бы он этого не знал, то Олимпиодор и теперь властвовал бы в Александрии, а перед Серапеумом и доныне совершались бы жертвоприношения. Иди же, и пусть она обратит тебя в свою веру!

Петр и Филимон расстались недружелюбно.

Глава

VIII

Восточный ветер

На следующее утро, когда Ипатия торжественно направилась в свою аудиторию, сопровождаемая благоговейной толпой философов, философствующих умников, знатной молодежи и учеников, ей преградил дорогу оборванный нищий, за которым шла большая собака свирепого вида. Он протянул к ней грязную руку и попросил милостыню. Утонченный вкус Ипатии не выносил ничего некрасивого и низменного, и она отступила назад, приказав рабу, шедшему за ней, бросить бедняку монету и поскорее удалить его. Некоторые из юных щеголей начали издеваться над нищим, стараясь показать свое остроумие. Он слушал с поразительным спокойствием, но, когда ему подали милостыню, оттолкнул руку жертвователя и не сдвинулся с места, намереваясь помешать Ипатии пройти.

- Что тебе надо? Господа, прогоните этого несчастного с его ужасной собакой, - с тревогой сказала прекрасная Ипатия.

- Прекрасная Сивилла, ты, по-видимому, уже забыла самого преданного из своих учеников, так же, как забыли его эти щенки.

И нищий сдвинул со лба широкополую соломенную шляпу, скрывавшую черты Рафаэля Эбен-Эзры. Ипатия отступила с криком удивления.

- А, ты удивляешься? Чему, смею я спросить?

- Мне странно видеть тебя в таком костюме.

- Что же тут особенного? Ты нам долго проповедовала, как прекрасно избегать обольщений чувств. Не высокого же ты мнения о своих учениках и влиянии собственного красноречия, если так поражена поступком одного из своих последователей, который решился, наконец, на деле осуществить твои мечты.

- Что означает этот наряд, почтенный Рафаэль Эбен-Эзра? - спросило несколько голосов.

- Спрашивайте у Кирилла. Я отправляюсь в Италию и хочу разыграть роль нового Диогена - искать Человека. Если я найду такое чудо, то с радостью возвращусь и поделюсь с тобой этим необычным открытием. Прощай! Мне хотелось еще раз взглянуть на твое лицо. Как видишь, я стал циником. Теперь моим единственным наставником будет моя собака, которая, к счастью, не требует вознаграждения. А если бы она пожелала получить плату, то я остался бы совсем без учителя, так как богатство моих предков вчера утром улетучилось. Вы слышали, конечно, что произошел бунт, направленный против евреев и удавшийся как нельзя лучше благодаря руководству святого народного трибуна?

- Постыдное дело!

- И опасное, моя дорогая повелительница. Успех вдохновляет... Дом Теона так же легко ограбить, как и еврейский квартал. Берегись!

Ипатия наклонилась к Рафаэлю и прошептала на сирийском языке:

- Остайся, прошу тебя! Ты самый способный из моих учеников, быть может, самый верный... Мой отец найдет тебе убежище, где можно укрыться от злодеев. Если же ты нуждаешься в деньгах, то помни, что он твой должник. Мы тебе до сих пор не отдали золото, которое...

- Прекраснейшая из муз, это была лишь моя плата за вход на Парнас [*Гора в средней Греции. По греческой мифологии - местопребывание муз, вдохновительниц художественного и научного творчества (см. Музы).*]. Я твой должник и этим опаловым кольцом хотел бы погасить числящийся за мной долг. Что же касается пребывания под твоей крышей, - продолжал он еще тише и также по-сирийски, - то язычница Ипатия слишком прекрасна и может нарушить душевное спокойствие еврея Рафаэля.

И, сняв с пальца кольцо, подаренное Мириам, он подал его Ипатии.

- Не надо! - воскликнула девушка зардевшись, - я не могу его принять.

- Умоляю тебя, возьми его! Кольцо - мое последнее земное бремя, если не считать эту темницу из плоти и крови, в которой томится мой дух. Я вынужден настаивать на своей просьбе, потому что воины Гераклиана способны убить меня из-за этой драгоценности.

- Но неужели ты не можешь продать кольцо и бежать к Синезию? Он даст тебе приют.

- Этот гостеприимный непоседа? Правда, он даст мне приют, но лишит покоя. С таким же успехом я мог бы расположиться и в кратере Этны. Он будет говорить весь день и всю ночь, стараясь вбить мне в голову ту эклектическую смесь, которую ему угодно называть философским христианством. Но если ты ни в коем случае не хочешь взять кольцо, то я все-таки сумею быстро освободиться от него. Мы, восточные люди, умеем быть расточительными и сходить со сцены так, как приличествует владыкам мира.

И он обратился к толпе философов.

- Вот, господа представители Александрии, не желает ли какой-нибудь повеса сразу рассчитаться со всеми своими долгами? Это радуга Соломонова! Посмотрите, вот опал, еще невиданный в Александрии; тому, кто пожелает стать обладателем этого

сокровища, стоимостью в десять тысяч золотых, придется выудить его из водосточной трубы, в которую я его бросаю.

Рафаэль хотел уже бросить драгоценность на мостовую, как вдруг кто-то схватил его за руку и вырвал кольцо. Молодой еврей гневно обернулся и увидел старую Мириам, глаза которой пылали яростью и презрением.

Собака мгновенно кинулась к горлу старухи, но попятилась, испуганная ее сверкающим взглядом.

Рафаэль позвал собаку и с невозмутимым видом обратился к разочарованным зрителям.

- Делать нечего, мои незадачливые друзья! Вам придется, кажется, подзанять денег, хотя после ухода нашего ненавистного здесь племени это будет гораздо труднее, чем раньше. Богини рока, правительницы вселенной, которым даже философы не могут противостоять, вернули прежнему владельцу эту чудную радугу Соломона. Прощай, царица философии! Если я найду Человека, то ты об этом услышишь. А с тобой, матушка, я хотел бы еще раз по-дружески побеседовать, прежде чем расстаться, - добавил Рафаэль и ушел вместе с Мириам.

Ипатия продолжала свой путь к музею. Она была смущена этой странной встречей и еще более потрясена заключительной сценой.

Она подавила свое волнение и ничем не обнаруживала его, пока, наконец, не осталась одна в небольшой приемной, находившейся возле аудитории.

Здесь она бросилась в кресло и, совершенно неожиданно для себя самой, почувствовала, что на ее глаза навернулись слезы.

Девушка-философ теряла в лице Рафаэля самого преданного ученика, а может быть даже своего единственного учителя. Она ясно понимала, что под личиной Силена [*Силены (греч. мифология). Низшие боги греческой мифологии. Один из них считался воспитателем и наставником Диониса (Вакха), которого он научил сокровенным знаниям.*] таилась натура, способная на то, о чем она едва осмеливалась помышлять.

Но кто же теперь мог заменить его? Не отец ли? Человек, увлекающийся исключительно математикой, ученый, для которого нет ничего дороже треугольника и конических сечений! Как жалки все они в сравнении с этим талантливым и дерзким евреем! Все они ткнут изящную паутину, но мухи не хотят оставаться в ней. Они строят воздушные замки, но люди не находят в них приюта. Они проповедуют возвышенную нравственность, но их ученики и не думают приводить ее в жизнь.

Прошло несколько минут, Ипатия заставила себя успокоиться.

Она вытерла слезы и гордо шагнула в аудиторию. Под аплодисменты всех собравшихся поднялась она на кафедру и начала свою лекцию. Будут ли повиноваться ей эти слушатели? Станут ли они исполнять ее требования? Все равно. Ипатия прочитала половину лекции, прежде чем ей удалось овладеть собой и изгнать воспоминание о Рафаэле.

О чем же вещала девушка-философ?

- Истина! Где она, если не в душе человека? Факты, предметы - все это только призраки, сотканые из материи. Через покров чувственного восприятия постигаем мы

духовную истину, которая таится под случайной оболочкой. Поэтому-то философ может пренебречь фактами ради идеи, скорлупой ради ядра, телом ради души, символом которой является плоть. Для философа безразлично, были ли образы Гектора и Приама, Елены [*Елена Троянская. По греческой легенде - дочь Леды и Зевса, жена Менелая, похищенная Парисом, что послужило поводом к троянской войне (Гомер). После взятия Трои возвратилась к Менелая. О ее изумительной красоте, похищении и похождениях сохранился ряд легенд.*] и Ахиллеса [*Ахиллес (Ахилл). Легендарный герой Древней Греции. Сын Пелея и Фетиды, участник Троянской войны, воспетой Гомером в "Илиаде". Во время Троянской войны убил Гектора и сам был убит Парисом.*] когда-либо доступны людскому взору, обладали ли они обычными жизненными формами. Что нам за дело, так ли говорили они и мыслили, как вещал о них слепой певец? Возможно ли утверждать, что его дивная душа унизилась до описания действительно происходивших пиршеств, плясок, ночных разбоев, преданных собак и верных свинопасов? Унизительная мысль! Так может говорить только грубая, ограниченная чернь, способная ценить только то, что доступно осязанию и зрению. Если рассуждать так, то почему не поверить книгам христиан, рассказывающим о Божестве с руками и ногами, глазами и ушами, о Божестве, которое достигло совершенства, воплотившись в сына крестьянской девушки и осквернив себя потребностями, свойственными самым низким рабам...

- Это ложь! Это богохульство! Священное писание не может лгать, - раздался чей-то громкий голос в другом конце зала.

Филимон не выдержал. Он слушал лекцию, не столько внимая словам Ипатии, сколько любуясь красотой учительницы, стройностью ее фигуры, благозвучием ее голоса. Первый раз в жизни вставали перед ним основные вопросы религии и философии.

"Кто я, и что я? Откуда я явился? Что могу знать? - спрашивал себя юноша, чувствуя однако, что необходимо бороться против властного очарования. - Ведь она язычница, эта чудная красавица. Ее считают пророчицей!"

Когда представился случай ухватиться за нечто осязаемое, на что можно возражать, Филимон заговорил, отчасти потому, что был возмущен богохульством Ипатии, отчасти потому, что чувствовал необходимость перейти к делу, из-за которого пришел в эту аудиторию. Раздались громкие крики:

- Выбросить монаха! Вышвырнуть этого дурака в окно!

Некоторые из наиболее отважных молодых людей перепрыгнули через скамьи и устремились к Филимону, который радостно приготовился встретить славную мученическую кончину. Но в этот миг раздался серебристый голос Ипатии:

- Господа, позвольте юноше продолжать слушать лекцию. Он простой монах, необразованный и ничего не знающий. Его ничему не учили. Пусть он сидит спокойно и, быть может, нам удастся внушить ему иные понятия.

Ипатия, как ни в чем не бывало, продолжила прерванную лекцию.

- Обратимся теперь к отрывку из шестой книги "Илиады", где я нашла подтверждение моей мысли. Все вы знаете это великое творение, но я все-таки хочу его прочесть.

И Филимон впервые услышал потрясающие строки стихов Гомера.

Она читала сцену, где описывается прощание Гектора с Андромахой.

- Вот миф. Считаете ли вы, что Гомер хотел передать грядущим поколениям такие общие понятия, как животная любовь матери и испуг ребенка? Без сомнения, глубокому взору философа позволительно усмотреть в этой сцене указания на величавую тайну, не заслуживая упрека в фантастическом произволе.

Ипатия с увлечением говорила о Гомере, объясняла те или другие сцены из его бессмертного творения и, наконец, закончила лекцию словами:

- Смейтесь, если хотите, но не ждите, чтобы я научила вас необъяснимым вещам, которые превосходят всякую науку. Они недоступны вам! Жалкие циники, идите прочь! Прочь и вы, стоики [*Стоицизм (стоики). Одна из главнейших философских школ в Греции, поставившая себе задачей найти прочное разумное основание для нравственной жизни и сделать человека свободным и счастливым посредством добродетели. Наука и знание, по мнению стоиков, только средство к добродетельному поведению и достижению счастья. Основателем этой философской школы был Зенон (334-262 г. до н. э.).*], поклоняющиеся чувствам! Еще несколько дней томления в этой темнице нашего духа - и все вернется к своему первоначальному источнику: капля крови к неведомому мировому сердцу, вода к потоку, а поток к сверкающему морю. Росинка, упавшая с неба, вновь воспарит к небесам, освободившись от песчинок, удерживавших ее на земле; она растает весной, прикованная к земле морозом, и устремится вверх, паря над звездами и солнцами, над богами и отцами богов, последовательно очищаясь в различных фазах бытия, пока не достигнет того Ничто, которое есть все, и не найдет, наконец, свою настоящую родину -

Ипатия внезапно замолчала; в ее глазах заблестели слезы, и вся она трепетала от восторга. С минуту она оставалась неподвижной и сосредоточенной, глядя на своих слушателей. Ипатия надеялась зажечь их сердца родственны огнем. Потом, овладев собой, она добавила задушевым, несколько грустным тоном:

- Теперь идите, мои ученики, Ипатии нечего больше сказать вам сегодня. Ступайте, но так как Ипатия все же женщина, то избавьте ее от мучительного сознания, что она слишком много дала вам, приподняв покров Изида перед недостойными очами! Прощайте!

Ипатия умолкла. Замер ее чарующий голос. Филимон, быстро вскочив, выбежал на улицу...

Как она прекрасна, как спокойна! Как вдохновляется она всем благородным! Не говорила ли она о невидимом мире, о надежде на бессмертие, о торжестве духа над плотью, точно так же, как говорил бы истинный христианин на ее месте? Разве такие речи можно назвать обольщением? Кто она? Служительница сатаны в оболочке ангела света? А светом она действительно была: чистота, сила воли и нежная любовь сияли в ее глазах и проявлялись в каждом движении.

Не успел Филимон сделать несколько шагов по улице, как маленький человек схватил его за руку; это был тот самый носильщик, которому он помог донести корзину с

фруктами и которого он не видел с той минуты, как тот исчез в проходе под ногами толпы. Суетливый человечек схватил его за руку и, задыхаясь, проговорил:

- Боги... осыпают... своими милостями тех, кто меньше всего заслуживает этого! Ты дерзкий, глупый человек, а между тем тебе везет.

- Оставь меня, - сказал Филимон, которому вовсе не хотелось возобновлять знакомства с маленьким человечком.

Но хранитель зонтиков крепко держал его за край одежды.

- Безумец! Сама Ипатия призывает тебя! Она зовет тебя к себе, бесчувственный истукан! Теон прислал меня за тобой, - добавил носильщик дрожащим от зависти и быстрой ходьбы голосом. - Ступай, любимец несправедливых богов.

- А кто этот Теон?

- Ее отец, невежда! Он приказывает тебе явиться к ней в дом, вот сюда, завтра же, в третьем часу. Слушай и повинуйся! Что это? Все выходят из музея и могут перепутать зонтики! О, я несчастный!

И бедный маленький человечек бросился назад. Филимон, ошеломленный, охваченный страхом и любопытством, быстро шел по дороге к Серапеуму. Молодого монаха толкали и едва не сбили с ног, но он ничего не видел и не сознавал. Ему хотелось скорее очутиться в жилище архиепископа и побеседовать с ним. Разыскав Петра, он попросил, чтобы Кирилл дал ему аудиенцию.

Глава

IX

Струна лопается

Кирилл с улыбкой выслушал рассказ Филимона о лекции Ипатии и отпустил юношу в город на обычные монашеские работы. Он приказал Филимону никому не рассказывать о своих приключениях, а за дальнейшими приказаниями зайти вечером, когда он успеет все обдумать.

Филимон вместе с товарищами отправился странствовать по тесным переулкам. Все окружающее казалось юноше мрачным сном. Перед его глазами сияло лицо Ипатии, в ушах звучал ее серебристый голос, говоривший: "Он монах и невежда! Его ничему не учили!"

Речь Ипатии, как дивная музыка, продолжала звучать в ушах юноши, не ослабевая, не замирая. Это возвышенное вдохновение, кроткое и скромное при всем своем величии, это чувство жалости, сквозившее в ее обаятельном существе и совсем не походившее на презрение, эта печать избрания - все это делало ее непохожей на толпу и на тех, кто был рядом с ним.

Филимон изнемогал под тяжким бременем новых впечатлений и метался, как больной в лихорадочном жару.

"Не растрчиваю ли я попусту свои силы? - думал юноша. - Ведь я обладаю и разумом, и вкусом? Почему же не развить своих способностей? Наряду с христианским познанием существует и языческое. Разве мое стремление к знанию не является

доказательством того, что я способен к его усвоению?" Спутники Филимона - он вынужден был в этом себе признаться - казались ему теперь гораздо менее почтенными. Ему невольно вспомнились рассказы и сетования старого священника, ибо факты говорили сами за себя. Эти люди, взявшие на себя обязанность помогать ближнему, оказались грубыми, неприветливыми, жестокими. Без единого слова сострадания говорили они об убитых или загубленных жертвах и толковали со смехом о прошлых или предстоящих погромах, считая, что любое бедствие - достойная небесная кара для еретиков и язычников. Они спорили о страшной борьбе, которая вот-вот грозила вспыхнуть между императором и наместником Африки, и интересовались только одним вопросом: возрастет или уменьшится в конце концов власть Кирилла, а следовательно и их собственная. Упомянув об Оресте и о советнице его Ипатии, они раздражались проклятиями, призывали небесный гром на их головы и утешали себя надеждой, что их постигнут адские муки.

Филимон слушал и удивлялся: "Неужели, - думал он, - это служители евангелия? Неужели они христиане?"

И в глубине души неиспорченного юноши голос сомнения шептал: "Существует ли евангелие для этих людей? Понимают ли они дух христов? Неужели все это плоды христианства?"

Утомленный работой и еще более измученный думами, Филимон возвратился домой поздно вечером. Он надеялся и в то же время боялся, что ему будет разрешена вторая беседа с Ипатией.

В доме патриарха царило необычайное оживление. Группы монахов, священников, параболанов, богатые и бедные горожане стояли посередине двора, возбужденно беседуя между собой. Кучка монахов из Нитрии громко и дико кричала, убеждая более миролюбивых товарищей смыть оскорбление, нанесенное церкви. У этих монахов были всклокоченные волосы, длинные бороды и то характерное выражение, которое свойственно фанатикам всех национальностей. С бледными лицами, истомленные постом и самоистязаниями, в длинных изодранных одеяниях, окутывавших тело с ног до головы, они казались спесивыми, самоуверенными и в то же время тупыми и лукавыми.

- Что случилось? - спросил Филимон какого-то статного горожанина, спокойно стоявшего в стороне и смотревшего вверх на окна патриарха.

- Не спрашивай, - мне нет до них никакого дела! Отчего не выходит его святейшество и не поговорит с ними? О, Пресвятая Дева Мария, хотя бы скорее все это кончилось!

- Трус! - проревел монах над его ухом. - Эти торгаши ни о чем не беспокоятся, пока их лавки в безопасности. Они готовы отдать церковь на разграбление язычникам, лишь бы только не потерять своих покупателей.

- Не надо нам никого! - кричал другой. - Мы справились с Диоскуром и его братом и конечно одолеем Ореста! Нам безразлично, какой ответ он пришлет. Дьявол получит то, что заслужил.

- Они должны были бы вернуться часа два тому назад, теперь их наверное убили.

- Он не посмеет их тронуть! Ведь один из посланных - архидьякон!

- Пустяки! Он на все отважится. Но Кириллу не следовало ни под каким видом посылать их, как овец в волчью стаю. Зачем понадобилось уведомлять наместника об уходе евреев? В свое время он и сам бы об этом узнал, как только ему понадобились бы деньги.

- Что это все значит, почтенный отец? - спросил Филимон Петра, который вне себя от ярости бегал взад и вперед по двору.

- А, ты тут? Подожди до завтра, молодой безумец, у патриарха нет времени говорить с тобой. Да о чем вам толковать? По-моему есть люди, которые слишком высоко задирают нос. Да, ты можешь идти к ней, но если ты еще не совсем сошел с ума, то, вероятно, завтра лишишься последней капли рассудка. Мы скоро увидим, чем кончится эта история и как будет унижен тот, кто сам себя возвышает!

Петр хотел удалиться, но Филимон удержал его, рискуя вызвать новую вспышку гнева. Юноша не ошибся. Петр с яростью обернулся к нему.

- Дурак, как смеешь ты надоедать Кириллу своими глупыми вопросами в такую трудную минуту?

- Он сам приказал мне прийти сегодня вечером, - произнес Филимон кротко. - И я пройду к нему во что бы то ни стало. Ведь не захочешь же ты лишиться меня его совета и благословения?

Петр злобно посмотрел на Филимона и вдруг ударил его по лицу и стал звать на помощь.

Если бы старец Памва в лавре дал ему пощечину, то Филимон спокойно перенес бы такое унижение, но неожиданное оскорбление от такого человека, как Петр, переполнило чашу разочарований. Юноша не стерпел удара, и в одно мгновение длинная фигура Петра очутилась на мостовой. Как раненый бык, громко ревел Петр, призывая на помощь монахов Нитрии.

Дюжина грязных, загорелых людей бросилась на Филимона. Петр с трудом поднялся на ноги.

- Держите его! Держите его! - кричал он. - Изменник! Еретик! Он братается с язычниками!

- Долой его! Выбросить его! Ведите его к архиепископу! - орало множество голосов.

Филимону удалось вырваться, а Петр продолжал выкрикивать свои обвинения.

- Я призываю в свидетели всех добрых христиан! Он ударил духовное лицо... и где же, в обители Господа! В твоих стенах, о Иерусалим! Сегодня утром, я знаю наверное, он посетил аудиторию Ипатии.

Поднялся ропот и шум, слышались бранные крики, Филимон прислонился спиной к стене и спокойно ответил:

- Меня послал его святейшество патриарх.

- Он сознается, он сознается! Он злоупотребляет добротой патриарха и обманывает его. Лукавством и хитростью он добился разрешения посетить лекцию Ипатии под предлогом обращения язычницы. Даже сейчас он осмеливается докучать архиепископу. Он увлекся плотской страстью к проклятой колдунье и намеревается завтра опять идти к волшебнице!

Толпа бросилась на бедного юношу. Наиболее осторожные из крикунов, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, благоразумно удалились и предоставили юношу на растерзание монахам. Они заботились о своей репутации, не желали подвергать себя опасности.

Филимону нечего было рассчитывать на помощь. Он оглянулся кругом, в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не нашел. Монахи окружили его, и хотя с каждым в отдельности юноша легко мог бы справиться, но борьба со всеми была невозможна.

- Пустите меня! - смело сказал Филимон. - Богу известно, еретик ли я, и пусть он сам судит меня. Святой патриарх узнает о вашей несправедливости. Я не буду оправдываться. Называйте меня, как хотите, - еретиком или язычником. Но я не перешагну этот порог, пока сам Кирилл не призовет меня обратно и не пристыдит вас!

Юноша двинулся вперед и силой проложил себе путь к воротам, не обращая внимания на вой и насмешки, хотя кровь его вскипала от незаслуженного оскорбления. Пока он шел под сводчатым проходом, на него дважды хотели напасть сзади, но более разумные из преследователей помешали этому.

Порывистый и горячий юноша не хотел уйти, не сказав последнего слова, и, остановившись у выхода, обратился к своим гонителям:

- И вы еще называете себя учениками Господа Бога! Нет, такие люди, как вы, подобны адским духам, которые днем и ночью живут среди могил и с диким воем осыпают друг друга камнями!

Толпа снова ринулась на него, но, к счастью, совершенно неожиданно столкнулась с группой духовных лиц, которые спешили во двор с бледными, искаженными от страха лицами.

- Он отказал! - кричали они. - Он объявляет войну церкви божьей!

- О, друзья мои, - говорил один из посланцев - архидьякон, едва переводя дыхание, - мы спаслись, словно птицы из силков птицелова. Тиран заставил нас ждать два часа перед воротами своего дворца, а потом выслал к нам солдат с веревками и топорами и приказал сказать, что это единственный его ответ разбойникам и мятежникам.

- Назад, к патриарху!

Вся толпа повалила обратно, и Филимон остался один, один на всем свете...

- Куда теперь идти? Что делать?

Он прошел сотни две шагов, прежде чем задать себе этот вопрос, на который не было ответа.

Его несло по течению, его выбросило из гавани в открытое море. Земля и небо скрылись у него из глаз. Он был одинок, и гнев душил его.

Он долго шел, прежде чем очутился в аллее, которая ему показалась знакомой.

Не виднеются ли там вдали ворота Солнца?

Филимон беззаботно шел все дальше и дальше и, наконец, очутился на большой площади, куда дня три тому назад привел его маленький носильщик.

Итак, значит, он был вблизи музея, около дома Ипатии. Юноша не знал, в котором из домов жила Ипатия, но дверь музея он помнил отлично. Усевшись возле ограды сада, освеженный прохладой ночи, очарованный тишиной и ароматом неведомых цветов,

Филимон тщетно ждал, не появится ли существо, ради которого он пришел сюда.

Он осмотрелся и увидел, что одно окно было открыто и из него лился яркий свет лампы... Юноша встал и сделал несколько шагов, чтобы заглянуть вовнутрь освещенной комнаты. Хотя окно находилось высоко, ему все же удалось различить полки с книгами и картины, развешенные по стенам. Затем он услышал чей-то голос. Голос был женский.

Ипатия громко читала стихи, - он явственно различил в ночной тишине отдельные звуки и замер от восторга, точно прикованный неведомыми чарами.

Но вот голос умолк; женская фигура подошла к окну и остановилась, глядя на чистое звездное небо и словно упиваясь великолепием, безмолвием и одурманивающими ароматами.

Она ли это?

Сердце юноши сильно и порывисто забилося...

Филимон не мог разглядеть лица Ипатии, но яркий свет месяца озарял ее лоб, поднятый кверху и окаймленный золотистыми прядями волос, падавшими на ее плечи.

- Что она делает? Что? Молится? Творит свои ночные заклинания?

Сердце юноши так сильно билось и стучало, что ему казалось, что она непременно должна услышать это шумное биение.

Но Ипатия ничего не слышала. Словно изящное изваяние из слоновой кости, она продолжала стоять неподвижно, созерцая небо. А позади нее, в ярко освещенном покое было множество картин и книг - целый мир неведомого знания и красоты...

Ипатия, жрица всего прекрасного в мире, пригласила его учиться и стать мудрым! Искушение! Мгновениями Филимону хотелось бежать. "Я безумец - быть может это вовсе и не она!" - подумал юноша. И он сделал неосторожное движение. Ипатия глянула вниз из окна, увидела чью-то фигуру, быстро затворила ставни, исчезла и больше не появлялась.

Глава Беседа

X

На следующее утро, еще задолго до восхода солнца, Филимона разбудили служители, пришедшие убирать аудиторию. Грустный и голодный, начал он блуждать по улицам, с нетерпением ожидая, когда пройдут, наконец, эти долгие часы, отделяющие его от желанной минуты. Он не знал, как раздобыть себе кусок хлеба, но, обладая здоровыми руками, надеялся хоть немного заработать переноской тяжестей. Филимон спустился к набережной, но работы не нашел. Он сел возле парапета и, глядя в воду, стал наблюдать за ожесточенной борьбой двух больших крабов. Ухватившись клешнями за морскую траву, каждый из них тянул к себе мертвую рыбу. Неожиданно борьба закончилась: рыба разорвалась на две части, и крабы со своей добычей быстро скрылись в глубине моря. Филимон невольно расхохотался.

- В чем дело? - спросил юношу хорошо знакомый голос, раздавшийся позади него.

Монах обернулся и увидел маленького носильщика, несшего на голове большую корзину с финиками, виноградом и арбузами.

- Почему ты не в церкви, юный друг? Посмотри - уже все набожные люди спешат в Цесареум.

Филимон пробормотал что-то невнятное. 0.

- Хо, хо! Никак ты уж повздорил с преемниками апостолов?

Филимон рассказал маленькому человечку все случившееся вчера и закончил свой рассказ просьбой научить его, как заработать немного денег на завтрак.

- Заработать на завтрак! Неужели любимец богов, гость Ипатии, станет зарабатывать себе кусок хлеба тяжелым трудом, когда у меня есть обед и я готов разделить его тобой. Унизительная мысль! Юноша, прости меня: я был несправедлив к тебе. Вчера утром, совсем не по-философски, я позволил чувству зависти завладеть своим рассудком. Теперь мы товарищи и братья, так как оба ненавидим монахов!

- Но я вовсе их не ненавижу! - возразил Филимон. - Я ненавижу только дикарей из Нитрии!

- Но они-то и есть самые настоящие представители монашества, и ты их ненавидишь. Большее включает в себе меньшее, а следовательно вместе с ними ты ненавидишь и остальных монахов. Я не без пользы слушал курс логики. Теперь пойдем искупаемся, а дома нас ожидает вкусная рыба, красующаяся на празднично убранном столе, и пиво, пенящееся в бокалах.

Искупавшись в море, Филимон последовал за гостеприимным маленьким человечком до дверей жилища Ипатии, куда тот принес свой обычный груз плодов. Затем они свернули в узкий переулок и вошли в большой деревянный дом, разделенный на множество квартир. Хозяин провел Филимона в маленькую комнату, где запах жареной рыбы приятно щекотал обоняние молодого монаха.

- Юдифь! Юдифь, где ты? Пентеликонский [*Пентеликон. Так назывался в древности лежащий на северо-востоке Греции (Аттики) горный хребет, где добывался знаменитый пентеликонский мрамор.*] мрамор! Лилия Мареотийского озера! Будь ты проклята, черная Андромеда [*В греческой мифологии - дочь эфиопского царя, разгневавшая бога моря Посейдона. В отместку ей Посейдон наслал на страну морское чудовище, и царь Эфиопии вынужден был для спасения страны отдать дочь на съедение чудовищу. Герой Персей убил чудовище, спас красавицу и женился на ней. После ее смерти Афина поместила ее среди созвездий.*], если ты не подашь нам завтрак сию же минуту! Торопись, не то я тебя разрежу на куски!

Внутренняя дверь раскрылась, и, неся несколько блюд, появилась дрожавшая от страха высокая, стройная негритянка, одетая в обычный костюм чернокожих. На ней была белоснежная рубашка из хлопчатобумажной ткани и ярко-красная шерстяная юбка, на голове же красовался ярко-желтый тюрбан.

Молодая женщина поставила кушанье, и носильщик к величественным движением руки пригласил Филимона к столу. Негритянка отошла в сторону, чтобы прислуживать своему повелителю, который не нашел нужным представить гостю чернокожую красавицу, составляющую весь его гарем! Но не успел еще Филимон проглотить первый

кусок рыбы, как негритянка бросилась к нему и стала осыпать его восторженными поцелуями.

Маленький человечек громко закричал и вскочил с места, потрясая ножом. Возмущенный странным поступком негритянки, Филимон тоже вскочил, пытаясь освободиться от ее объятий. Лишенная возможности проявлять благодарность по своему, негритянка, как безумная, бросилась к ногам монаха и охватила его колени.

- Что это такое? В моем присутствии! Встань, бесстыдница, или ты умрешь! - кричал носильщик, схватив ее за горло.

- Этот монах - тот человек, о котором я тебе рассказывала. Он спас меня от рук евреев. Какой добрый ангел направил его к нам и дал мне возможность отблагодарить его! - воскликнула бедная женщина. Слезы текли по ее лоснящемуся черному блестящему лицу.

- Этот добрый ангел - я, - сказал носильщик с самодовольным видом. - Встань, дочь Эреба; я тебя прощаю только потому, что ты женщина. Юноша, приди в мои объятия! Истина гласит устами философов, которые утверждают, что вселенная представляет собою магическую совокупность таинственных отношений, связующих родственные элементы. Поэтому я и не восхваляю, не благодарю тебя за сохранение единственной пальмы, осеняющей мое жилище. Ты следовал собственному инстинкту, божественному наитию, которому не мог противиться точно так же, как сейчас не можешь не есть рыбу. Превозносить тебя, следовательно, не за что!

- Благодарю, - произнес Филимон.

- Поэтому, - продолжал маленький человечек, - мы изображаем собой как бы одну душу, вмещающуюся в двух телах. Тебе, быть может, оказано предпочтение в смысле телесном, но ведь душа составляет сущность человека. Положись на меня, и я никогда не отрекусь от тебя. Если тебя оскорбит кто-нибудь, зови меня, и как только я услышу твой голос, вот моя правая рука...

Он попытался положить руку на голову Филимона, но попытка оказалась неудачной, потому что маленький человечек был на две головы ниже монаха.

Завтрак продолжался; носильщик налил холодного пива в рог и, придерживая мизинцем нижнее отверстие импровизированного кубка, высоко приподнял его:

- За здравие десятой музы [*Музы (греч. мифология). Богини-вдохновительницы, навевающие творческие замыслы художникам, поэтам, певцам, актерам, писателям. Муз числилось девять, и обычно они изображались в свите Аполлона как Бога - покровителя искусств. В данном случае Ипатия приравнивается к "десятой" музы, - собеседник хочет сказать, что по силе вдохновения Ипатию можно сравнить только с музы.*]! Желаю тебе побеседовать с ней!

Он отнял мизинец, и струя потекла ему прямо в рот. Осушив рог, он облизнулся, вторично наполнил его и подал Филимону, а затем жадно набросился на рыбу.

Позавтракав, Филимон встал и, по обычаю, закончил трапезу монастырской благодарственной молитвой. Кроткое, благоговейное "аминь" долетело из противоположного конца комнаты. Это слово произнесла негритянка; встретив благодарный взгляд Филимона, она скромно опустила глаза и удалилась, унося остатки

завтрака.

- Твоя жена христианка? - спросил Филимон, выходя из комнаты.

- Да, что делать! Душа варваров склонна к суеверию. Но она доброе и бережливое существо, хотя и негритянка. Правда, время от времени ее, как и всякое низшее животное, необходимо наказывать и учить. Я женился на ней в силу философских соображений. По различным причинам мне нужно было иметь жену, но так как мудрецу необходимо все-таки обуздывать свои материальные потребности и возноситься над низменными наслаждениями, если даже природа требует их удовлетворения, то я решил сделать эти наслаждения как можно менее приятными. Когда, благодаря щедротам Ипатии и ее учеников, мне удалось скопить небольшую сумму, я пошел на рынок и купил негритянку. Затем в этом переулке я нанял шесть комнат, которые и сдаю в наем юношам, изучающим божественную философию.

- А у тебя сейчас есть жильцы?

- Гм!.. Несколько комнат занято одной знатной дамой! Но я понимаю твою мысль. У меня найдется для тебя комнатка, что же касается столовой, в которой ты уже был, то разве ты не родственная мне душа? Мы можем соединить наши трапезы, потому что наши души уже слились.

Филимон сердечно поблагодарил его за предложение, хотя не решился принять его. Вскоре они очутились перед дверью того дома, возле которого он провел ночь. Значит, вчера он действительно видел Ипатию!

Черный привратник сдал монаха с рук на руки хорошенькой невольнице, которая провела его через ряд коридоров в большую библиотеку, где пять или шесть молодых людей под руководством Теона усердно переписывали рукописи и чертили геометрические фигуры.

Филимон с любопытством смотрел на эти символы неведомой науки и спрашивал себя, скоро ли настанет день, когда он будет посвящен в их тайны.

Заметив, с каким явным презрением уставились юноши на его изодранную овчину, Филимон смутился. Едва овладев собой настолько, чтобы повиноваться почтенному старцу, молодой монах по его знаку последовал за ним.

До Филимона доносилось хихиканье молодых людей, пока он шел за своим проводником по галерее. Наконец Теон остановился и осторожно постучал в дверь...

Ипатия, вероятно, находилась в той комнате...

Наконец дверь растворилась, и Филимон, переступив порог, увидел Ипатию во всем блеске ее красоты. Она была обаятельнее, чем накануне, увлекшись пылом собственного красноречия, прекраснее, чем в минувшую ночь, когда ее золотистые кудри сверкали в лунном свете.

Ипатия не шевельнулась, когда Теон и юноша вошли в комнату. Она ласково улыбнулась отцу и устремила свои большие серые глаза на Филимона.

- Вот тот юноша, дочь моя! Я исполнил твое желание, и, думаю, тебе лучше знать...

Новая улыбка Ипатии прервала эту речь, и старик со смущенным видом направился к противоположной двери. Взявшись за ручку, он еще раз остановился.

- Если тебе кто-либо понадобится, позови нас. Мы все будем в библиотеке, - сказал

старик уходя.

Филимон стоял, опустив голову, и дрожал. Куда девались все те мудрые речи, которые он подготовил для этой минуты? Он забыл их все, взглянув ей в лицо... Но чем настойчивее он отворачивался, тем отчетливее видел ее облик. Он чувствовал, что Ипатия смотрит на него, наблюдает за ним, и из его памяти улетучивались все те убедительные доводы, которые он заранее подобрал.

Ипатия продолжала молчать и неподвижная, как статуя, оглядывала его с головы до ног. Когда же кончится это невозможное состояние?

- Ты позвала меня сюда? - начал, наконец, юноша, не то сердясь, не то извиняясь.

- Да. Я следила за тобой во время лекции. Мне показалось, что ты осмелился прервать меня так грубо из-за своего юношеского невежества. Твоя внешность указывает на благородство натуры, которую боги очень редко даруют монахам. Мне хотелось убедиться, насколько основательно мое предположение, а потому я и спрашиваю тебя: с какой целью ты пришел сюда?

Этого-то вопроса Филимон и ждал. Наступила минута исполнить свою миссию! Собрав все силы, он пробормотал в ответ:

- Чтобы обличить тебя в твоих грехах.

- В моих грехах? В каких грехах? - спросила она, пристально глядя на него.

В больших серых глазах девушки светилось такое горделивое удивление, что Филимон поник головой. Какие грехи? Он и сам этого не знал. Но разве она не похожа на Мессалину? Разве не язычница она, не колдунья?

Юноша вспыхнул, потом поднял голову и робко, но отчетливо вымолвил:

- В отвратительном колдовстве и, что еще хуже, в испорченности, которые, как говорят...

Он не в силах был продолжать начатую речь. Подняв глаза, Филимон увидел презрительную и гордую усмешку на ее губах. Его слова не вызвали даже краски стыда на этих мраморных щеках!

- Говорят? Но кто же говорит? Ханжи и клеветники, дикие звери пустыни, крючкотворцы, которые, выражаясь словами их учителя, обыскивают все небо и землю в погоне за одним последователем, а когда обретут его, делают его еще хуже, чем они сами. Ступай, я прощаю тебя! Ты молод и не посвящен в мирские тайны. Быть может, когда-нибудь наука откроет тебе, что прекрасная внешность является доказательством душевной красоты. Присутствие такой души мечтала я найти в твоём лице, но, видно, ошиблась. Только низменные натуры способны предаваться низким подозрениям, приписывая другим то, на что сами способны. Ступай! Разве я похожа на...? Если бы ты был знаком с символикой, то уже одни эти тонкие заостренные пальцы уличили бы тебя во лжи.

Ипатия обратила к нему свое дивное лицо, как бы давая ему возможность полюбоваться ее лучезарной красотой. Чувство стыда и раскаяния овладело им. Охваченный потребностью извиниться, вымолить прощение, юноша упал на колени и в отрывочных выражениях молил о пощаде.

- Ступай, я прощаю тебя. Но прежде чем уйти, запомни, что душа дочери Теона так

же чиста, как божественное молоко, пролившееся из груди Геры и наделившее вечной белизной цветов, смоченный им!

Не поднимаясь с колен, Филимон смотрел ей в лицо и инстинктивно понимал, что девушка говорила правду. Сдавленный порывом раскаяния, Филимон продолжал:

- О не гневайся на меня! Не гони меня прочь! У меня нет ни друга ни родины, ни учителя. Я обманулся в них прошлой ночью бежал от своих братьев по вере, возмущенный их грубостью, черствостью и невежеством, доведенный почти до безумия горькими оскорблениями и несправедливостью. Я не смею, не могу, не хочу возвращаться во мрак Фиваидской лавры. Я должен разрешить тысячу вопросов, меня томит любознательность, и я хочу познать тот великий, древний мир, о котором ничего не знаю... Посвяти меня в тайнства, известные лишь тебе одной, как говорит молва! Научи меня всему тому, что знаешь, и тогда я сравню это с тем, что я уже знаю... Если только, - он вздрогнул при этих словах, - я что-либо знаю...

- Ты забыл оскорбления, которыми только что осыпал меня?

- Нет! Нет! Но ты забудь их! Они мне были навязаны другими. Я сам не верил тому, что говорил. Мне было больно, но я поступал так потому, что своими укурами хотел принести тебе пользу, хотел спасти тебя. О, разреши мне приходить и слушать тебя хоть издали, из самого отдаленного угла аудитории. Я буду молчать, ты меня никогда не увидишь. Вчера твои слова вызвали во мне... Нет, не сомнения, сомнений во мне нет, но я хочу слушать тебя, чтобы не остаться жалким невеждой, я хочу жить не только телом, но и душой!

И юноша с мольбой устремил на нее взгляд.

- Встань! Эта горячность и эта поза не подобают ни тебе, ни мне!

Филимон встал. Молодая девушка тоже поднялась с места и прошла в библиотеку к своему отцу. Через несколько мгновений она вернулась вместе с Теоном.

- Следуй за мной, молодой человек, - сказал старик, ласково положив руку на плечо Филимона. - Мы все уладим.

Филимон ушел вместе с Теоном, не решаясь взглянуть на Ипатию. Туман застилал ему глаза.

- Так, так. Я слышал, что ты наговорил моей дочери много неприятностей, но она простила тебя...

- В самом деле? Простила? - повторил монах радостно.

- Да, простила. Я понимаю твое удивление. Я тоже прощаю тебя. Хорошо, впрочем, что я не слышал твоих слов. Я стар, но все-таки не знаю, что сделал бы в этом случае. Ах, ты ее не знаешь! Не знаешь!

В глазах старого педанта сверкнуло выражение нежной любви и гордости.

- Да даруют тебе боги такую дочь! Смотри, молодой человек, вот залог прощения, хотя ты его не заслуживаешь. Вся знать Александрии рада была бы приобрести за много унций золота этот входной билет на все ее лекции, начиная с сегодняшнего дня. Ступай! Тебе оказано предпочтение не по заслугам, и ты видишь, что философ может на деле исполнить то, чему христиане только поучают: воздавать добром на зло.

С этими словами старик вложил листок бумаги в руку Филимона и поручил одному

из писарей проводить его до наружной двери музея.

Молодой монах вышел из дома Ипатии с ощущением человека, который очутился в новом, неведомом для него мире. Якорь сломался, и судно уносило могучим течением. Куда оно унесет его?

- Что новенького? - спросил маленький носильщик, ожидавший его у выхода. - Какие вести принес ты от любимицы богов?

- Я буду у тебя жить и работать с тобой. Не спрашивай меня ни о чем... Я... я...

- Те, которые спускаются в пещеру Трофония и созерцают чудесное, в течение трех последующих дней находятся в столбняке от удивления. Это предстоит и тебе, мой юный друг...

И они пошли вместе зарабатывать на дневное пропитание.

Чем занималась теперь Ипатия на своем Олимпе, где она обычно отдыхала от шума и труда? Девушка сидела, держа развернутую рукопись на коленях, но она не могла более сосредоточиться и думала не о рукописях, а о молодом монахе.

- Он прекрасен, как Антиной [*Антиной (II век н. э.). Прекрасный юноша, любимец и постоянный спутник императора Адриана. После смерти А. Адриан приказал считать его полубогом, построил в честь его г. Антинополь и многочисленные храмы.*], даже более, как юный Феб, только что победивший Пифона [*Мифический дракон, охранявший в древности Дельфы и впоследствии убитый Аполлоном.*]. Почему бы ему в самом деле не восторжествовать над Пифонами и отвратительными чудовищами, порожденными тinou чувственности и материи? Он смел и серьезен. Сколько в нем душевной нежности! Он не постыдился открыто и благородно покаяться, он не плебей по рождению. Ах, как давно я желала иметь настоящего ученика. Я надеялась найти его между эгоистичными, жалкими юношами, которые уверяют, что слушают меня. Я думала найти достойного человека в Рафаэле, и вот, когда я его утратила, приходит другой. Если мне удалось воспитать из него Лонгина [*Лонгин Дионисий Кассий (умер в 273 г. н. э.). Философ-неоплатоник, учитель Порфирия (см. Порфирий), наставник и советник пальмирской царицы Зеновии. После поражения ее в 273 году был казнен императором Аврелианом.*], то я могла бы взять на себя роль Зеновии [*Зеновия Септимия. Жена Одената Пальмирского (Пальмира - царство в Малой Азии). Став с 268 года царицей пальмирской, оставила план завладения Римом и приняла титул августы. В 273 году римский император Аврелиан нанес ей поражение, захватил ее в плен и занял Пальмиру. Плененная царица украсила собою триумф Аврелиана и вскоре умерла в подаренном ей императором поместье.*], а он стал бы моим советником... как же быть с Орестом? Орест! Ужасно!

При этой мысли Ипатия закрыла лицо руками.

- Нет! - произнесла она, вытирая слезы. - Все, все принесу я в жертву ради богов, ради торжества философии!

Безмятежная тишина царила в Сетской долине. Ночной сумрак еще окутывал окрестности, но уже прояснялся под светом занимавшейся зари. Туман еще висел над полями и над ручьем; перистые листья пальмы неподвижно повисли, ожидая знойных дневных лучей. Везде было тихо: ни звука, ни движения. Только в монастырском саду работали два старца, в глубоком безмолвии свершая свой ежедневный труд.

- Эти бобы великолепны, брат Арсений, - наконец заговорил один из них. - В нынешнем году мы, с божьей помощью, раньше, чем в прошлом году, покончим со вторым посевом.

Человек, к которому относились эти слова, не отвечал, и его собеседник, бросив на него вопросительный взгляд, продолжал:

- Что с тобой, брат мой? За последнее время я заметил в тебе скорбь, которая вряд ли приличествует слуге божьему.

Арсений глубоко вздохнул. Старец Памва положил лопату и продолжал:

- Я не ссылаюсь на право настоятеля, который должен знать тайны твоего сердца, так как уверен, что в твоей душе не таится ничего недостойного.

- Памва, друг мой, - торжественно заговорил Арсений, - я чистосердечно признаюсь тебе во всем. Мои грехи еще не искуплены; жив еще Гонорий, мой питомец, а вместе с ним продолжается горе и позор Рима. Моя вина не искуплена! Каждую ночь встают передо мной грозные видения. Духи мужей, убитых на поле брани, вдов, сирот, девственниц, посвященных Богу и вопиющих в когтях варваров, - все они теснятся вокруг моего ложа и взывают: "Если бы ты исполнил свой долг, - шепчут они мне, - то это бедствие не обрушилось бы на нас! Как использовал ты власть, дарованную тебе Богом?"

Старик закрыл лицо руками и горько зарыдал. Памва нежно положил руку на плечо плачущего.

- Разве это не гордость, брат мой? Кто ты? Можешь ли ты изменить судьбы народов и сердца царей, которыми управляет Господь?

- Но отчего же так терзают меня эти ночные видения -

- Не бойся их, друг мой, - они лживы, ибо они - порождение лукавого. Мужайся, брат мой! Эти думы принадлежат тьме ночной, посвященной дьяволу и темным силам. С утренней зарей они пропадают.

- И все-таки ночью, во сне, перед каждым человеком открывается много сокровенного.

- Быть может, это верно. Но тебе, во всяком случае, ничего не было открыто такого, чего бы ты не знал лучше самого сатаны, а именно, что ты грешен. Для меня, друг мой, при свете дня, а не ночью, стали ясны и понятны таинства мироздания.

Арсений вопросительно посмотрел на него. Памва улыбнулся.

- Разве ты не знаешь, что я, как многие набожные люди старины, человек темный? Моя книга - вся вселенная, раскрытая передо мной, и из нее-то черпаю я слово божие, когда ощущаю в нем потребность.

- Не слишком ли низко оцениваешь ты науку, друг мой?

- Я состарился среди монахов и познал самые разнообразные характеры. И тут-то, в

своем смирении, я убедился, как изнывает иной над изучением рукописей, как терзает свою душу мыслью: так ли он понимает тот или другой догмат. Я видел, как монах постепенно превращался в ученого богослова, который придерживается только буквы христианства. А между тем в душе его исчезает любовь и милосердие, слабеет непоколебимая вера и упование на небесную благодать. А потом его душа переполняется тревогой по поводу прений, возбуждающих только раздоры, и он совершенно забывает откровение той книги, которая удовлетворяла самого святого Антония.

- О каком откровении говоришь ты, о какой книге?

- Смотри, - произнес настоятель, протянув руку к востоку. - Смотри и, как подобает мудрому человеку, суди сам.

При последних словах Памвы вспыхнул великолепный сноп света и пробудил к новой жизни дремлющий мир. Красный диск солнца мгновенно прорезал мрачную мглу пустыни. Поток света сверкнул между скалами, словно живой яркий глаз, и сотни ласточек взлетели над долиной, кружась в воздушном хороводе. Из лавры доносились голоса монахов, певших утренний гимн.

Новый день занялся над Сетской долиной, такой же, минувшие и предстоящие дни, из года в год протекающие среда труда, молитвы и тишины, безмятежной, как сон.

- Чему это поучает тебя, Арсений, брат мой?

Арсений молчал.

- Я убеждаюсь, что Бог есть свет, в котором нет места мраку. Его присутствие дарует вечную жизнь и радость, и он любит нас, обнимая в своем милосердии все свои творения, а также и тебя, малодушного. О, друг мой, мы должны смотреть вокруг, чтобы познать Бога.

Арсений покачал головой.

- Может быть, ты и прав. Но я должен покаяться в том, что предо мною встает - и с каждым днем все настойчивее - воспоминание о свете, из которого я бежал. Если бы я вернулся обратно, то, знаю, не нашел бы удовлетворения в блеске, который презирал и тогда, когда жил среди него. Однако дворцы на семи холмах, государственные люди и полководцы, их козни, их поражения и конечная возможная победа - все это продолжает занимать мое воображение. Меня постоянно томит соблазн, мне хочется вернуться и, подобно мотыльку, порхать вокруг огня, который уже опалил мои крылья. Я несчастен, - я должен последовать этому призыву или скрыться в отдаленной пустыне, откуда уже нет возврата.

Памва улыбнулся.

- Ты ли это говоришь, мудрый психолог? Ты хочешь бежать из маленькой лавры, которая все-таки отвлекает тебя от суетных грез, и похоронить себя в совершенном одиночестве, где тебя окончательно одолеют эти мечтания. Ничего дурного нет в том, что порой тебя тревожат заботы о братьях. Заботиться о ближних похвальнее, чем заниматься только самим собой. Несравненно лучше любить, даже оплакивать что-либо, чем считать себя центром всего, скрываясь в уединенной пещере. Кто не может молиться за тех, кого видит перед собой, со всеми их грехами и искушениями, будет

нерадиво молиться за братьев, которых не знает. А кто не хочет трудиться для своих братьев, тот скоро перестанет любить их и молиться за них.

- По-твоему, значит, следовало бы жениться, да иметь детей и вернуться в водоворот плотских привязанностей, чтобы умножить число любимых существ, для которых работаешь и живешь, за которых молишься?

Памва молчал.

- Я монах, а не философ. Повторяю, с моего согласия ты не покинешь лавру для пустыни. Если бы я осмелился советовать, то предпочел бы видеть тебя поближе к столице например, в Трое или Канопусе, где бы ты на деле, в борьбе за слово божие, мог применить свои знания. К чему знакомиться со светской мудростью, если не для того, чтобы пользоваться ею впоследствии для дела церкви? Но довольно об этом. Пойдем в келью.

И оба старца направились обратно домой, не подозревая, что спорный вопрос уже разрешился на практике, благодаря появлению высокого и довольно мрачного священнослужителя, который ожидал их в келье Памвы. Он жадно насыщался финиками и пшеницей, не пренебрегая и пальмовым вином, единственным лакомством, имевшимся в монастыре и появлявшимся на столе только в честь гостей.

Вежливое и горделивое гостеприимство Востока и сдержанная приветливость монашеской общины запрещали настоятелю прерывать трапезу незнакомца, и Памва осведомился об его имени и причине его посещения только тогда, когда тот уже плотно поел.

- Я - ничтожнейший из слуг господних, именуюсь Петром-оратором. Меня прислал Кирилл с письмами и поручениями к брату Арсению.

Памва встал и почтительно поклонился.

- Мы слышали много лестного о тебе, отче. Говорят, что ты ревностно трудишься во славу святой церкви. Неудобно ли тебе будет последовать за мной в келью брата Арсения?

С важным видом Петр пошел к маленькой хижине монаха; там он вынул из-за пазухи письмо Кирилла и вручил его Арсению. Старик долго читал послание и хмурился, перечитывая некоторые строки. Памва тревожно следил за Арсением, но не решался прерывать его размышления.

- Действительно, наступают последние дни мира, о которых вещали пророки, - сказал наконец Арсений. - Так значит Гераклиан отплыл в Италию?

- Купцы из Александрии встретили его флот в открытом море недели три тому назад.

- И сердце Ореста все больше и больше ожесточается?

- Да, он настоящий фараон! Его настраивает язычница Ипатия.

- Я всегда опасался ее влияния больше, чем всех языческих школ вместе взятых, - сказал Арсений. - А каков наместник Африки, Гераклиан, которого я всегда считал лучшим и мудрейшим из людей! Впрочем, какая добродетель устоит, когда честолюбие овладевает сердцем?

- Да, - сказал Петр, - стремление к власти поистине ужасно. Но я никогда не доверял Гераклиану, особенно с тех пор, как он оказался таким снисходительным к донатистам.

- Ты прав. Один грех порождает другой.

- По моему мнению, снисхождение к виновным - худшее из зол.

- Ну, все-таки это не наихудшее зло, достойный отец! - скромно вмешался Памва.

Петр оставил без внимания это замечание и продолжал, обращаясь к Арсению:

- А какой ответ пошлет патриарху твоя мудрость?

- Позволь мне подумать. Этот, вопрос следует тщательно обсудить, а я не знаком с положением дел. Насколько мне известно, Кирилл уже вступил в переговоры с епископами Африки и пытался договориться с ними?

- Да, два месяца тому назад, но непокорные еретики все еще завидуют ему и держатся в стороне.

- Еретики? Я полагаю, что это слишком резкое выражение, друг мой. Обращался ли он в Константинополь?

- Ему нужен посол, знакомый с придворными сферами, и он желал бы поручить эту миссию тебе, в виду твоей опытности.

- Мне? Кто такой я? Увы, каждый день все новые и новые искушения! Пусть он отправляет, кого хочет. Но, будь я в Александрии, я мог бы давать ему советы и указания... Там, конечно, я мог бы правильнее судить... Может случиться нечто непредвиденное... Памва, друг мой, не следует ли по-твоему повиноваться в этом случае святому патриарху?

- Ага, - улыбаясь, заговорил Памва, - не прошло еще часа, как ты хотел бежать в пустыню! А теперь, услышав издали боевой клич, ты вздымаешься на дыбы, как добрый боевой конь. Ступай, и да поможет тебе Бог. Ты слишком стар, чтобы влюбляться, слишком беден, чтобы купить епархию, и слишком честен, чтобы принять ее в дар.

- Ты серьезно это говоришь?

- А что я тебе раньше говорил в саду? Ступай, взгляни на нашего сына и пришли мне весть о нем.

- О, как меня обуяли мирские помыслы! Я ведь забыл осведомиться о нем. Как поживает юноша, почтенный отец?

- Кого ты разумеешь?

- Филимона, нашего духовного сына, которого к вам послали месяца три тому назад, - сказал Памва, - Я уверен, что он занял не последнее место, не правда.

- Он? Он ушел от нас.

- Ушел?

- Да. Несчастный юноша скрылся с проклятием Иуды на челе. Он пробыл у нас не более трех дней, а затем при всех ударил меня во дворе патриарха, отрекся от христианской веры и бежал к язычнице Ипатии, в которую влюблен.

Старцы смотрели друг на друга, бледнея от ужаса.

- Это невозможно, - зарыдав, сказал Памва. - Вероятно, с мальчиком обошлись жестоко. Его обидел кто-нибудь и он не мог снести несправедливости, ведь он привык к ласке! Вы, бездушные люди и недобросовестные пастыри! Господь взыщет с вас за этого отрока!

- Вот что! - воскликнул Петр, гневно приподнимаясь. - Вот оно, земное правосудие! Осуждай меня, осуждай патриарха, обличай всех, кроме виновного. Как будто горячая голова и еще более горячее сердце юноши недостаточно объясняют все происшедшее? Молодой глупец поддался соблазну, увидев красивое женское лицо, - разве этого никогда не бывало раньше?

- О друзья мои, друзья мои! - сокрушался Арсений. - Зачем вы так неосмотрительно осыпаете друг друга упреками? Вся вина лежит на мне. Это я дал тебе совет, Памва! Я послал его! Я, старый мирянин, должен был бы знать, что делал, когда отправил бедного невинного агнца в жертву всем соблазнам Вавилона. Пусть Гераклиан и Орест предпринимаят то, что им заблагорассудится; меня это не касается. Я буду искать Филимона и найду. О Авессалом [*Третий сын библейского царя Давида, красавец, славившийся своими пышными волосами. Воспользовавшись недовольством народа, поднял восстание, овладел Иерусалимом, но был разбит и погиб.*]; сын мой! О, если бы Бог допустил меня умереть за тебя, сын мой! Сын мой!

Глава

XII

Приют неги

Дом, который наняли Пелагия и амалиец по возвращении в Александрию, принадлежал к самым роскошным постройкам города. Они жили в нем уже месяца три. За это время прихотливый вкус Пелагии добавил те мелочи, которых недоставало, чтобы превратить его в приют роскоши и ленивой неги.

Пелагия и сама была богата, а кроме того и гости ее, захватившие в Риме очередную добычу, охотно предоставили хозяйке расточать добытые в кровавых схватках сокровища, так как сами не умели пользоваться ими. Шум событий не надоедал ленивым титанам, подобно тому, как грохот и дребезжание колес не беспокоили красивых и редких птиц, щебетавших под портиками за золотой проволокой. Стоило ли волноваться? Ведь каждое восстание, каждая казнь, заговор или банкротство были признаками того, что близится время, когда можно будет сорвать зрелый плод. Даже восстание Гераклиана и участие в нем Ореста казались юным и грубым готам детской забавой и давали лишь повод с утра до вечера держать пари за ту или другую из борющихся сторон.

Более рассудительные люди, вроде Вульфа и Смида, находили, что эти события образуют новые трещины в той великой стене, которую в дерзком сознании своей мощи они намеревались взять штурмом, как только наступит подходящий момент. А до тех пор им не оставалось ничего иного, как есть, пить, спать, и развлекаться.

Для такого приятного занятия они избрали себе прелестное убежище и были очень довольны.

Колонны из пурпурового и зеленого порфира, между которыми белели кое-где изящные статуи, окружали бассейн, наполнявшийся постоянно бьющей струей. Освежающая прохлада царила под апельсиновыми деревьями и под листвой мимоз, и

плеск воды смешивался с щебетанием тропических птиц, гнездившихся в ветвях деревьев. У фонтана на подушках, под сенью широколиственной пальмы, растянулся исполинский амалиец, рядом с ним возлежала Пелагия. Она склонилась над краем бассейна и, небрежно опустив пальцы в воду, грелась на солнце и наслаждалась блаженством бытия.

По другую сторону водоема лежали ближайшие друзья и соратники амалийца: Годерик, сын Ерменриха, и Агильмунд, сын Книва. Тут же был и важный Смид, сын Тролля, глубоко уважаемый за разнообразные искусства, которыми он владел. Он не только умел делать и исправлять всевозможные вещи: от плавучего моста до запястий, но и подковывал и лечил лошадей, заклинаниями изгонял хворь у людей и животных, чертил рунические [*Руны. Древние письмена германцев.*] знаки, истолковывал знамения войны, предсказывал погоду, а за кубком перепивал всех, кроме Вульфа, сына Овиды. Кроме того, за время своего пребывания среди полувцивилизованных мезоготов [*Мезоготы. Одно из готских племен.*] он приобрел некоторые познания в латинском и греческом языках и умел кое-как писать и читать.

В нескольких шагах от него растянулся старый Вульф, приподняв колени и заложив руки за голову. Сквозь сон почти бессознательно, он вставлял ворчливые замечания в беседу.

- Прекрасное вино, не правда ли?

- Очень хорошее. А кто его купил для нас?

- Старая Мириам приобрела его на публичной распродаже имущества крупного откупщика, который обанкротился. Она уверяет, что получила его за полцены.

- Жадная колдунья! Наверное, эта старая лиса получила немалый барыш при этой сделке!

- Все равно. Мы можем щедро платить, потому что наживаемся, как герои.

- наших доходов не надолго хватит, если затраты не уменьшатся, - проворчал старый Вульф.

- Тогда мы пойдем за новой добычей. Меня уже утомило безделье.

- Да вообще в Александрии нет ничего хорошего.

- Кроме красивых женщин, - вмешалась одна из девушек.

- Ну, для женщин я делаю исключение, но мужчины...

- Мужчины ни на что не годны... Они только и умеют, что ездить верхом на ослах.

- Они занимаются философией, как известно...

- А что такое философия?

- Я не могу объяснить как следует, - сказал амалиец. - Должно быть что-то вроде рабской пачкотни, бумагомарания... Пелагия, тебе неизвестно, что такое философия?

- Нет, да мне и не нужно этого знать.

- А я знаю, - вмешался Агильмунд, с выражением превосходства, - недавно я даже видел философа.

- Это что за штука?

- Сейчас расскажу. Я спустился к гавани по большой улице и увидел, что толпа мальчиков, которых здесь называют мужчинами, входит под высокую арку какого-то

красивого здания. Я спросил одного из них в чем дело, а он вместо ответа указал другим на мои ноги, причем все остальные обезьяны рассмеялись. Ну, конечно, я дал ему затрещину, и он свалился с ног.

- В Александрии все они падают, как только отвесишь хорошую пощечину! - задумчиво заметил амалиец, как будто открыв великий закон причинности.

- Но мне пришло в голову, что мальчик, быть может грек и не понял меня, потому что я говорил на готском языке. Тогда я сам направился к воротам. Там стоял какой-то малый и протягивал руку, вероятно, для получения платы. Я дал ему несколько золотых и тоже наградил пощечиной. Он также упал, хотя казался весьма довольным. Затем я вошел.

- И что же ты увидел?

- Огромный зал, который мог бы вместить с тысячу героев. Он был битком набит этой египетской сволочью. Все чертили что-то на маленьких табличках. На противоположном конце зала сидела женщина, прекраснее которой я никогда не видывал. У нее были золотистые волосы и голубые глаза. Она говорила, но я ничего не мог понять. Она была хороша, как солнце, и говорила, как вещая дева-альруна [*Альруны. У древних германцев - мудрые женщины, предсказательницы.*]. Я заснул. Потом при выходе я встретил человека, который меня понял и объяснил мне, что это знаменитая женщина - великий философ.

- Так, значит, она попусту тратит свои силы на этих изнеженных людей. Почему не возьмет она себе в мужа какого-нибудь героя?

- Потому что здесь их нет, - возразила Пелагия. - Кроме немногих, которые, как я надеюсь, уже попали в другие сети.

- Но о чем же они там толкуют, Пелагия? Что они советуют делать людям?

- Они никому не говорят, что нужно делать, а если бы говорили, то их никто бы не слушал. Они рассказывают о звездах и солнце, о правде и неправде, о привидениях, духах и тому подобных вещах.

- Она, без сомнения, вещая дева-альруна! - тихо сказал Вульф.

- Она страшно высокого мнения о себе, и я ее ненавижу, - возразила Пелагия, расслышавшая слова Вульфа.

- Охотно верю тебе, - ответил Вульф.

- Что такое дева-альруна? - спросила одна из женщин.

- Нечто, столь же мало похожее на тебя, как лосось на пиявку. Герои, хотите послушать мою сагу?

- Да, если она прохладна, - сказал Агильмунд, - и если дело происходит среди льдов, соснового бора и зимней вьюги. Еще три дня - и я совершенно изжарюсь.

- Ну что же, хотите слушать мою сагу? - нетерпеливо спросил Вульф.

- Да, хотим, - произнес амалиец. - Надо же как-нибудь разогнать тоску.

- Но пусть там говорится о снегах! - воскликнул Агильмунд.

- А не о вещих девах-альрунах?

- Также и о них, - вступился Годерик. - Моя мать была альруной, и потому я заступаюсь за них.

- Верно, юноша. Надеюсь, что ты окажешься достойным ее. Слушайте же, готские волки!

И старик, взяв в руки свою небольшую лютню, запел одно из германских сказаний, исполненных дикой поэзии. Старый бард пел о храбром племени винилов. С боевыми топорами, с луками, в латах пошли воины на врагов. Но не вернулся из них никто, и только вещая дева-альруна оплакивала их гибель. А Фрейя услышала ее вопли и через бураны, метели прилетела к женщинам винилов на златогривых конях. "Собери всех своих женщин, - сказала она деве-альруне. - Пусть наденут они набедренники, пусть прикроют грудь латами, пусть распустят волосы вокруг шеи, наподобие бороды, и смело ринутся на врагов". С вершины Валгаллы [*Валгалла (по скандинавской мифологии). Дворец в загробном мире, предназначенный для обиталища убитых в бою героев.*] увидел Один их полчища. "Кто эти длиннородые герои?" - спросил он Фрейю. "Это девушки и женщины пленных винилов, - отвечала Фрейя. - Дай им победу, отец!" Рассмеялся Один, отец богов, и сказал: "Смелы и хитры эти женщины! А если таковы эти женщины, то каковы же мужчины? Да зовутся они отныне ингобардами (длиннородыми) и да будет дана им победа!"

- Ну, - спросил он, кончив песню, - достаточно ли это вас освежило?

- Она нас почти заморозила; как ты думаешь, Пелагия? - смеясь, заметил амалиец.

- Таковы были ваши матери, - продолжал с горечью, старик, - таковы были ваши сестры, и такими же должны быть ваши жены, если вы не хотите, чтобы род ваш вымер. В сердцах этих женщин жили высокие помыслы; их желания не ограничивались хорошей пищей, крепкими напитками и мягкой постелью.

- Все это справедливо, викинг Вульф, - возразил Агильмунд, - но все-таки твоя сага мне не нравится! Она слишком похожа на то, о чем, по словам Пелагии, толкуют философы, распространяющиеся о правде, лжи и тому подобных вещах.

- Это верно, - сказал Вульф. - Я стал философом. Сегодня после обеда я пойду слушать вещую деву-альруну.

- Прекрасно! Мы, молодежь, тоже пойдем с тобой и, во всяком случае, уьем время тем или другим способом.

- О, нет, нет, нет! Вы не должны этого делать! - испуганно воскликнула Пелагия.

- Почему же нет, моя красавица?

- Она колдунья... она... Я тебя не буду больше любить, если ты пойдешь к ней, Амальрих. Ты ведь прельстился только рассказом Агильмунда об ее красоте.

- Да. Но неужели ты боишься, что я предпочту твоим черным кудрям ее золотистые волосы?

- Это мне-то бояться? - воскликнула Пелагия, задыхаясь от гнева. - Пойдемте сейчас же и бросим вызов этой монахине, которая считает, что она слишком умна для женского общества и слишком чиста для мужской любви! Приготовьте мои драгоценности! Оседлайте белого мула! Мы поедем с царской пышностью и не постыдимся надеть на себя одежды Купидона [*Купидон (также Амур). Название греческого Бога Эроса, или Эрота. Согласно греческому мифу, сын Афродиты и неизменный ее спутник. Изображался (в эллинистическую и*

римскую эпоху) в виде крылатого мальчика с луком и стрелами в руках; раны ими сердца людей, К. возбуждал в них любовную страсть. Философ Платон (см. Платон) углубил миф об Эросе, в котором он видел не легкомысленное Божество народных сказаний, а одну из стихийных сил жизни, властвующую и над богами, и над людьми.]. Девушки, подайте мне шелковую желтую шаль и все самое нарядное! Идемте же и посмотрим, устоит ли Афина Паллада со своей совой перед победоносной Афродитой.

С этими словами Пелагия стрелой вылетела со двора. Трое молодых людей разразились громким смехом, но Вульф, по-видимому, был доволен, хотя и хранил свой обычный угрюмый вид.

- Так ты в самом деле хочешь пойти послушать эту женщину? - спросил Смид.

- Воину не стыдно внимать святому мужу или вещи женщине. Разве Аларих [*Аларих I. Вестготский король (370-410 гг.). Вел войну с Римской империей. Трижды осаждал Рим, разграбил его (410 г.) и в том же году скончался. В последние годы жизни принял христианство (был арианом).*] не повелел нам щадить монахинь в Риме? Я не был христианином, как он, но не считал позором для сына Одина принять их благословение. Почему же не послушать мне поучений этой вещи девы, Смид, сын Тролля?

Глава

XIII

На дне бездны

Наконец-то, - рассуждал вслух Рафаэль Эбен-Эзра, - я благополучно достиг самого дна бездны. Теперь я стою на твердой почве первичного ничто и, как ребенок, начинающий плавать, учусь побеждать новую стихию, которую считал непреодолимой. Ни человек, ни ангел, ни демон не уличат меня теперь в том, что я признаю или отвергаю какой-либо факт или какую бы то ни было теорию относительно неба и земли. Я начинаю сомневаться в существовании неба, земли и всего прочего. Почему нельзя предположить что наши сны есть реальность, а то, что мы думаем наяву есть сон?

Таким рассуждениям предавался Рафаэль в обстановку вполне гармонизировавшей с его мрачным настроением: в римской Кампанье, среди голых стен печальной, обгоревшей башни. Башня стояла на холме, на котором еще торчали сосны, закопченные дымом и опаленные огнем. Здесь он разрабатывал последнюю формулу великой мировой задачи: найти Бога, если дано "я".

Сквозь арку каменного свода, лишенного ворот, открывался вид на когда-то прекрасную равнину. Всюду, вплоть до далеких пурпуровых гор и безмятежного серебристого моря, виднелись обгорелые пни деревьев, закопченные, уничтоженные нивы и еще дымившиеся виллы - уродливые следы только закончившейся войны.

Здесь, в борьбе за всемирное владычество, наместник Африки поставил на карту все и - проиграл.

- Как оно жестоко, старое солнце, - заговорил Рафаэль. - Оно сверкает на клинках

мечей, не заботясь о том, что за каждым отблеском следует предсмертный вопль. Да и не все ли равно? Это его не касается. Астрологи [*Звездочет, человек, занимающийся наблюдениями над звездами и на основании их расположения старавшийся предсказать будущие события. Астрология зародилась в древнем Вавилоне и была очень популярна в эпоху поздней античности.*] - дураки. Его назначение - озарять мир, и в общем оно дает мне одно из немногих, оставшихся на мою долю наслаждений. Впрочем, наслаждение это довольно сомнительное.

При этих словах Рафаэля вдали показалась колонна солдат, которая направлялась прямо к его убежищу.

- Если эти господа меня застанут здесь, то, без сомнения, вызовут во мне новое ощущение, вслед за которым будут невозможны все дальнейшие... Кто знает, что намерены они делать? Вполне возможно, что в будущем мне не предстоит более испытать каких бы то ни было ощущений, если двуногий призрак призрачным железным острием порвет цепь моих чувств. Но я ничего не отрицаю. Я не догматик. В самом деле, призраки идут прямо на башню. Я думаю, что лучше всего будет избежать встречи с ними. Иди сюда, Бран! Где же ты? Уж не насыщаешься ли ты трупами убитых солдат? Очень жаль, что мое неразумное отвращение препятствует мне последовать примеру моей собаки, хотя я так же голоден, как она. Бран! Бран!

Он вышел из башни и долго звал собаку.

- Бран! Зачем мне ждать ее? Что хорошего сознавать, что за мной по пятам следует некое пегое животное с обрезанными ушами? Правда, она мне спасла жизнь, когда, бросившись в море в Остии, я решился сорвать завесу с тайны, которой, может быть, совсем и не существует. Вот она! Где ты была, моя прелесть? Разве ты не видишь, что я собрался в поход и жду тебя с посохом в руке и сумкой на плече? Вперед!

Верная псина заглядывала ему в лицо с особым собачьим выражением, бегая к развалинам и возвращаясь назад, пока Рафаэль не последовал за ним.

- Это что? Опять новое ощущение! Бран! Бран! Неужели ты не нашла другого, более удобного дня в году, чтобы порадовать мои уши визгом одного, двух, трех, нет - девяти щенят?

Бран посмотрела на хозяина и шмыгнула в угол, где с визгом и пискom барахталась ее новая семья. Затем она появилась опять, держа в зубах одного из щенят, и положила его к ногам Рафаэля.

- Бесполезно, уверяю тебя. Я прекрасно понимаю, что случилось. Как? Еще один? Глупое, старое создание! Неужели, подобно знатным патрицианкам, ты гордишься тем, что осчастливила мир беспокойными подобиями твоего драгоценного "я"? Что это такое? Она тащит сюда все свое потомство! Почтенная матрона, серьезно напоминаю, что тебе предстоит сделать выбор между семейными узами и предписаниями долга.

Бран схватила его за край одежды и потащила к щенятам; затем подняла одного из них, протянула к Рафаэлю и повторила то же со всеми прочими.

- Безумное старое животное! Неужели ты смеешь требовать, чтобы я носил на руках твоих детенышей?

Бран села и принялась выть.

- Прощай, старуха! В общем, ты была для меня приятным сном... Но если ты такова же, как все прочие призраки, - прощай! - И Рафаэль тронулся в путь.

Бран побежала за ним, лая и прыгая, потом вспомнила о своем потомстве и вернулась. Она пыталась тащить одного щенка за другим, потом попробовала забрать их всех вместе, а когда ей и это не удалось, опять жалобно завывала.

- Иди, Бран! Иди со мной, моя старушка!

Бедная собака бросилась было к нему, но с полпути вернулась обратно к щенятам. Несколько раз бегала она то туда, то обратно, и, наконец, остановилась. Опустив хвост, Бран поплелась к своим беспомощным детенышам, испуская глухой, укоризненный вой.

У Рафаэля вырвалось проклятие.

- Ты все-таки права! Новые создания появились на свет, и отрицать их существование невозможно. Они представляют собою нечто, точно так же, как и ты, моя старая Бран! Ты не я, но ты не хуже меня, и твои дети, насколько мне известно, имеют столько же прав на существование, как и Рафаэль Эбен-Эзра. Клянусь семью планетами и всем прочим, я понесу твоих щенят.

Он завязал их в платок и пошел дальше. Бран с восторгом лаяла, прыгала, бросалась к его ногам и едва не опрокинула его от избытка благодарности.

- Вперед же! Куда тебе угодно идти, почтенная матрона? Мир обширен! Ты, благодаря своему здравому смыслу, будешь моей руководительницей. Ты - царица философии! Вперед, новая "Ипатия"! Обещаю следовать с настоящего дня всем твоим указаниям!

Рафаэль продолжал путь. Порой ему приходилось шагать через трупы, а иногда сворачивать с дороги на тропинку и пробираться к холмам, чтобы избежать встречи с одичалыми конями и мародерами, обиравшими убитых.

Дойдя до большой виллы, от которой уцелел лишь дымящийся остов, молодой еврей перескочил через стену и наткнулся на груды трупов. Они лежали кучей возле садовой калитки. Не больше трех часов тому назад здесь произошла ожесточенная схватка.

- Заверши мои страдания! Пожалей и убей меня! - простонал чей-то голос.

Рафаэль поглядел на несчастного. Это был страшно изувеченный человек, который, очевидно, не смог бы уже поправиться.

- С удовольствием, друг мой, если ты этого желаешь.

И Рафаэль вытащил свой кинжал.

Раненый протянул к нему шею и ожидал смертельного удара с застывшей на губах кроткой улыбкой, но Рафаэль, встретив этот ужасный взгляд, невольно содрогнулся. Мужество изменило ему.

- Что ты посоветуешь, Бран? - обратился он к своему другу. Но собака убежала далеко вперед и нетерпеливо лаяла и прыгала.

- Я повинуюсь тебе! - прошептал Рафаэль и последовал за животным, в то время как раненый жалобно призывал его к себе.

- Ему недолго осталось страдать. Эти грабители не так мягкосердечны, как я. Странно! Я был уверен, что во мне нет ни нежности, ни кротости, что я могу поступать

по призеру моих предков, вырезывавших целые семьи хананеян. А между тем из простого духа противоречия я не мог убить беднягу, только потому, что он меня просил об этом. Но оставим подобные рассуждения и будем повиноваться внушениям моей собаки!

- Что же теперь делать, Бран? Ах, как больно видеть такое превращение! Это ведь та самая красивая вилла, мимо которой я вчера проходил!

Рафаэль направился к группе мертвецов, среди которых, прижавшись к стволу дерева, полусидел один из высших начальников, молодой человек с благородными чертами лица. Бесчисленные удары врагов помяли и изрубили его шлем и латы, щит был расколот, меч сломан, но еще держался в его похолодевшей руке. Отрезанный от своего отряда, он занял последнюю позицию у дерева и прислонился к стволу.

В насмешку или из сострадания природа-мать покрыла его увядшими розами и золотистыми плодами, осыпавшимися с кустов и деревьев во время ожесточенной схватки. Рафаэль остановился и посмотрел на воина с грустной улыбкой.

- Молодец! Ты дорого продал свое воображаемое существование! Сколько убитых!.. Девять... одиннадцать! Какое самомнение! Кто сказал тебе, что твоя жизнь стоила одиннадцати жизней, которые ты загубил?

Бран подошла к трупам, предполагая, быть может, что человек еще жив, лизнула его холодную руку и отошла с унылым воем.

- Вот так следует относиться к явлениям жизни, не правда ли? Я, право, жалею тебя, несчастный юноша!.. Все раны нанесены тебе спереди, как и подобает мужчине! Прости меня, юноша, существуешь ли ты или нет, а я все-таки не могу оставить твоё ожерелье для двуногих гиен, которые продадут и пропьют эту драгоценность!

И с этими словами Рафаэль наклонился над мертвецом и осторожно снял с него великолепное ожерелье.

- Не для меня лично, уверяю тебя. Подобно золотому яблоку Атеи, оно достанется прекраснейшей. Вот, Бран, это тебе!

Он одел ожерелье на шею своей собаки. Бран с лаем побежала вперед, избрав ту самую дорогу к Остии, по которой они шли от взморья к Риму. Рафаэлю было безразлично куда идти, и, следуя за собакой, он продолжал громко говорить сам с собой:

- С какой напыщенностью рассуждает человек о своем достоинстве, духе, о своем небесном сродстве, о стремлении к незримому, прекрасному, бесконечному и прочему, что на него не похоже! Как может он это доказать? Лежащие кругом бедняги - прекрасные образчики рода людского. С первого дня рождения терзало их стремление к беспредельному. Есть, пить, уничтожить известное число собратьев или произвести на свет некоторое количество таких же существ, из которых две трети умирают в детстве... Сколько горя для матери и сколько издержек для мнимых или действительных отцов... Рафаэль Эбен-Эзра, чем ты лучше животного? Какое у тебя преимущество перед этой собакой или даже перед блохами, которых ты так презираешь? Человек производит одежду, а блохи поселяются в ней... Кто мудрее? Человек погиб, а блоха живет...

На повороте дороги эти назидательные соображения Рафаэля были нарушены громким женским криком.

Молодой еврей поднял голову и увидел вблизи, между дымящимися развалинами фермы, двух свирепого вида негодяев, которые вели за собой молодую девушку. Ее руки были связаны за спиной. Она беспрестанно оглядывалась, как бы ища чего-то на пожарище, и старалась вырваться из лап мучителей.

- Подобный образ действий непростителен для какой бы то ни было блохи, не правда ли, Бран? Но почему я знаю? Быть может, все это для ее же блага, если она попробует спокойно рассуждать. Что ее ожидает? Ее отведут в Рим и продадут там, как невольницу, а затем, по всей вероятности, она заживет несравненно лучше, чем прежде.

- Ну, Бран, как ты смотришь на это? - спросил Рафаэль свою спутницу.

Но Бран не разделяла воззрений господина. Минуты две-три она наблюдала за обоими негодьями, а затем быстро, со сноровкой, свойственной ее породе, кинулась на них и повалила одного на землю.

- О, это самое правильное и самое прекрасное, что можно было сделать в данном случае, как выражаются в Александрии, не так ли? Я повинуюсь тебе.

И, бросившись на второго грабителя, Рафаэль поразил его насмерть ловким ударом кинжала, а потом обратился ко второму, которого Бран схватила за горло.

- Пощады, милосердия! - кричал несчастный. - Даруй мне жизнь! Только жизнь!

- За полмили отсюда один человек просил меня убить. Чье желание должен я исполнить? Оба вы не можете быть правы.

- Жизнь, только жизнь!

- Плотское желание, которое мужчина должен подавлять в себе! - произнес Рафаэль, взмахнув кинжалом.

Через мгновение все было кончено. Девушка побежала к развалинам фермы, и Рафаэль последовал за ней.

- Что с тобой, моя бедная девушка? - спросил Рафаэль несчастную жертву, обращаясь к ней на латинском языке. - Не бойся. Я тебе не сделаю зла.

- Отец мой! Отец мой!

Молодой еврей развязал веревки, стягивавшие ее окровавленные, распухшие руки, но она не остановилась даже, чтобы поблагодарить его, и бросилась к груде обрушившихся камней и бревен. А потом изо всех сил принялась расчищать обломки, отчаянным диким голосом повторяя:

- Отец мой! Отец!

- Вот благодарность блохи по отношению к другой блохе! Смотри, Бран! Что ты об этом думаешь, мой милый философ?

Бран села и тоже стала наблюдать. На нежных руках девушки выступила кровь, в то время как она сдвигала камни; золотистые волосы опустились на лоб, она откинула их назад и в каком-то исступлении продолжала работать. Сообразив, наконец, в чем дело, Бран подбежала и принялась помогать ей изо всех сил. Рафаэль встал, пожал плечами и присоединился к общему делу.

- Да будут прокляты животные инстинкты! Мне стало невыносимо жарко от такой

работы! Но что это?

Слабые стоны слышались из-под камней, и вскоре показалась человеческая нога. Молодая девушка припала к ней, жалобно рыдая и повторяя "отец, отец!" Рафаэль ласково отвел в сторону измученную девушку, начал работать вместо нее и вскоре вытащил из-под обломков пожилого человека в блестящей одежде высшего военного чина.

Старик еще дышал. Девушка приподняла его голову и стала осыпать ее поцелуями. Рафаэль оглянулся, ища воду, и, заметив источник, черпнул из него каким-то разбитым черепком, а затем начал смачивать влагой виски раненого, пока тот не открыл глаза и не пришел в себя.

Девушка сидела возле старика; она ласкала возвращенного к жизни отца и орошала слезами его лицо.

- Ну, наше дело закончено, - сказал Рафаэль. - Пойдем, Бран!

Девушка вскочила, бросилась к ногам еврея и поцеловала его руки, называя своим спасителем и освободителем ниспосланным самим Богом.

- Это неправильно, дитя мое. Ты должна быть признательна только моей наставнице-собаке, а не мне.

Девушка в точности исполнила его желание и обняла шею Бран своими нежными руками. Как бы понимая ее чувство, собака помахивала хвостом и ласково лизала ее миловидное личико.

- Все это становится чрезвычайно нелепым, - заметил Рафаэль. - Я должен уйти, Бран.

- Ты хочешь удалиться? Неужели ты покинешь здесь старика, оставив его на верную гибель?

- А не все ли равно? Смерть - самое лучшее, что его ожидает.

- Да, ты прав... Это самое лучшее, - прошептал воин, молчавший до тех пор.

- О Боже! Но ведь он мой отец!

- Ну так что же?

- Он мой отец.

- Прекрасно! Верю...

- Ты должен спасти его. Ты обязан, говорю я.

И в порыве возбуждения девушка схватила руку Рафаэля. Он пожал плечами, но, почувствовав странное влечение к прекрасному созданию, решил повиноваться.

- Не имея никаких определенных занятий, я могу приняться за это дело так же, как и за что-либо иное. Куда проводить вас?

- Куда хочешь. Наше войско разбито, воины погибли... По праву войны - мы твои пленные и готовы следовать за тобой.

- Что за жалкая судьба! Вот еще новая ответственность! Почему это я не могу ступить ни шагу, чтобы живые существа, начиная с блох, не цеплялись за меня? Почему судьба заставляет меня заботиться о других, тогда как я и о самом себе не хочу заботиться? Я дарую свободу вам обоим. Мир достаточно просторен для всех нас, а я, право, не требую выкупа.

- Ты, вероятно, философ, мой друг?

- Я? Избави Боже! Я только что выбрался из этой трясины и нахожусь на противоположном берегу! Философия бесполезна в мире, где живут только глупцы.

- Ты и себя к ним причисляешь?

- Без сомнения, достойный воин. Не думай, что я представляю какое-либо исключение. Если я могу что-либо совершить в доказательство своего безумия, то никогда ее отказываюсь от такого удовольствия.

- Ну, так помоги мне с дочерью добраться до Остии.

- Удачное испытание! Представь себе, моя собака совершенно случайно направилась по той же дороге! По-видимому, ты тоже не лишен значительной доли человеческой безрассудности и потому годишься мне в товарищи. Надеюсь, ты не причисляешь себя к мудрецам?

- Богу известно, что нет! Разве я не принадлежу к армии Гераклиана?

- Прекрасно. А вот эта молодая особа, вероятно, из-за тебя лишилась рассудка?

- Возможно. Таким образом мы, три безумца, вместе отправимся в путь.

- И величайший дурак, по обыкновению, окажется опорой и руководителем прочих. Но в моей семье числится уже девять щенят. Я не в силах нести и тебя, и их.

- Я возьму щенят, - предложила девушка.

Умная Бран отнеслась с некоторым сомнением к такой перемене, но затем успокоилась и просунула голову под руку девушки.

- Ого, ты ей, значит, доверяешь, Бран? - тихо спросил Рафаэль. - Право, мне придется отказаться от твоего руководства, если ты потребуешь и от меня такой же наивности. А вон там бродит мул без седока. Мы можем воспользоваться его услугами!

Рафаэль поймал мула, посадил раненого на седло, и маленькая группа двинулась в путь. Они покинули большую дорогу и свернули на боковую тропинку, которая, по словам воина, хорошо знавшего местность, должна была кратчайшим путем привести их в Остию.

- Мы спасены, если достигнем цели до заката, - произнес он.

- А пока, - возразил Рафаэль, - нас охраняет моя собака и кинжал. Кинжал отравлен, о чем я уведомляю всякого встречного. Таким образом мы оградим себя от мародеров.

"Но все-таки, как глупо было с моей стороны вмешиваться во все это дело - продолжал размышлять молодой еврей. - Какой интерес может представлять для меня этот старый бунтовщик? Если мы будем достигнуты и схвачены, мне грозит самое меньшее, смерть на кресте за то, что я способствовал бегству этой парочки. А все-таки довольно странно, что в этом дурацком путешествии я наткнулся на этого почтенного старика, да еще с молоденькой дочерью. Посмотрим, к какому разряду блох они относятся!"

Раздумывая о старике, Эбен-Эзра невольно думал и о его дочери и то и дело поглядывал на нее. Эта девушка была красива, очень красива. Правда, черты ее не были столь правильны, как у Ипатии, в фигуре не было той величественности, но зато в лице выражались бодрость, решительность и нежная задумчивость, - сочетание, которого ему еще не приходилось встречать в человеческих лицах.

Рафаэль не мог отвести от нее глаз и с удивлением заметил, что девушка отвечала на

его взгляд лучезарной улыбкой, свободной от жеманства и кокетства.

"Она патрицианка, - подумал он. - Но, вероятно, не уроженка города. В ней чувствуется сама природа, а может быть что-то другое, чистое и неоскверненное человеческими выдумками и прикрасами".

Наблюдая за девушкой, молодой еврей испытывал какое-то особенное наслаждение, которого его утомленное сердце не испытывало уже много лет.

Рафаэль и его спутники долго шли молча; наконец старый воин обратился к нему с вопросом:

- Могу ли я узнать, кто ты, мой благородный спаситель? Я должен был бы еще раньше выразить тебе свою признательность, если бы не эта моя дурацкая слабость!

- Я? Блоха. Простая блоха, не более!

- По крайней мере, патрицианская блоха, судя по твоему разговору и обращению.

- Не совсем так. Я был богат, мог бы и снова разбогатеть, как уверяют, если бы был настолько глуп, чтобы пожелать этого.

- О, если бы мы были богаты! - со вздохом сказала девушка.

- Тогда бы ты была еще несчастнее, моя дорогая юная повелительница. Поверь блохе, которая основательно изучила этот вопрос.

- О нет, тогда мы могли бы уплатить выкуп за брата! А теперь мы сможем достать денег только по возвращению в Африку.

- Мы и там ничего не получим, - прошептал воин. - Ты забываешь, мое бедное дитя, что я заложил все свое имущество для снаряжения легиона. Нужно смотреть правде в глаза.

- Да, но ведь он пленник! Он будет продан в рабство. Быть может, даже распят! Он не римлянин. О Боже, будет распят!

И девушка горько заплакала, но скоро овладела собой. Ее лицо прояснилось и опять стало приветливым.

- Прости меня, отец, - заговорила она, - Бог не оставит нас!

- Милая девушка, - начал Рафаэль, - если тебя так пугает будущность твоего брата и ты нуждаешься в некотором количестве презренного металла, то может быть мне удастся достать для тебя в Остии необходимую сумму.

Она недоверчиво посмотрела на еврея и на его изодранную одежду. Смущенно краснея, она попросила извинить ее за невольные сомнения.

- Твое недоумение совершенно законно. Но моя собака так полюбила тебя, что без сомнения предложит тебе свое ожерелье, в награду за хлопоты и возню с ее щенками. Я схожу к раввинам, приведу в порядок все свои дела и достану денег.

- К раввинам? Ты еврей? - спросил воин.

- Да, я еврей. А ты христианин, как мне кажется? Может быть, стесняешься принять что-либо от меня? Я знаю, ваша секта в большинстве случаев легко относится к таким вопросам и прекрасно ведет денежные дела с моим упрямым, неверующим народом. Но не смущайся, милая девушка. В сущности я так же мало еврей, как и христианин.

- В таком случае, да поможет тебе Господь!

- Кто-то или что-то, но всегда помогало мне в течение тридцати трех лет привольной

жизни. Но, извини, это странная речь для христианина!

- Тебе нужно быть прежде всего хорошим евреем, а затем ты станешь хорошим христианином.

- Вполне возможно. Но я не стремлюсь ни к первому, ни ко второму, не собираюсь даже стать хорошим язычником. Оставим этот разговор; я буду вполне доволен, если мне удастся быть добрым животным, вроде моей собаки.

Старый воин посмотрел на Рафаэля с выражением сосредоточенной грусти. Молодой еврей уловил этот взгляд и понял, что перед ним находится человек недюжинного ума.

- По-видимому, мне придется строго обдумывать каждое выражение, чтобы не быть вовлеченным в истинно-сократовские прения... Позволь мне поэтому спросить тебя, кто ты?

- Сегодня утром я был предводителем легиона, а что я теперь ты знаешь так же хорошо, как и я.

- Вот этого-то я и не знаю. Меня глубоко удивляет ясность твоего духа в такую минуту, когда, мне кажется, тебе следовало бы оплакивать свою судьбу, подобно Ахиллесу на берегах Стикса [*Стикс (греч. мифология). Река, протекающая в царстве мертвых.*], или переносить горе с улыбкой, как учили меня в юности, когда я забавлялся стоицизмом. Но ты не принадлежишь к этой школе, так как только что называл себя глупцом?

- А истинного глупца, не правда ли, не скоро удастся довести до подобного признания? Да будет так! Я безумец, но если Бог приведет нас благополучно в Остию, то почему же мне не предаваться радости?

- А чему тебе радоваться?

- Высшее благо достается безумцу тогда, когда Господь открывает ему его неразумие. А это случается в то время, когда он считает себя мудрейшим из мудрых. Выслушай меня. Четыре месяца тому назад у меня было все, что дорого сердцу: здоровье, почести, имения, друзья. В порыве безумного честолюбия, не слушая настоятельных предостережений моих верных друзей и умнейшего из святых, я рискнул всем. Но жестокий урок доказал мне, что друг, никогда меня не обманывавший, оказался правым.

- Смею спросить, кто этот верный друг?

- Августин из Гиппона.

- Ах, как выиграл бы весь мир, если бы великий диалектик направил свое убедительное красноречие против самого Гераклиана! - воскликнул Рафаэль.

- Он сделал это, но Гераклиан не послушался.

Рафаэль с горечью рассмеялся.

- Ты знаешь наместника?

- Я знаю его лучше, чем бы мне того хотелось!

- Сомневаюсь в твоей проницательности, если ты не сумел открыть много интересного в этом возвышенном характере.

- Почтенный воин, я не сомневаюсь в его высоких качествах, даже в некотором вдохновении. Как удачно был выбран, например, момент, когда он убил своего брата

по оружию, Стилихона!

- Тише, тише, - прошептала девушка. - Ты не подозреваешь, какую боль ты причиняешь моему отцу. Он боготворит наместника. Не из честолюбия, как он утверждает, а от излишней преданности он последовал за ним!

- Прости меня. Ради тебя я готов замолчать. - Рафаэль перестал издеваться, и разговор принял иной характер.

Наступила ночь, путешественники были еще далеко от Остии, и положение их становилось все опаснее. Временами волки со своей добычей пересекали им дорогу, словно духи тьмы, и снова скрывались в ночном мраке, щелкая зубами в ответ на ворчание Бран. Иногда среди ночной тишины раздавались громкие, грубые голоса мародеров. Тогда путники останавливались и выжидали.

Но худшее было впереди. Над долиной прокатился шум, похожий на раскаты грома. Путники прислушались. Это был топот приближавшейся конницы. Колонна направлялась к Остии. Что если она захватит путников? Что будет тогда?

- А что если ворота Остии уже заперты и перед ними расположились лагерем императорские войска? - прошептал Рафаэль.

- Бог не оставит нас, - возразила девушка.

Рафаэль не решался лишать ее сладкой надежды, хотя был уверен, что им предстоит много неприятностей и тревог.

Бедная девушка устала; мул едва тащился, и они так медленно продвигались вперед, что колонна должна была перегнать их.

Путники шли вперед, и Рафаэль начал благословлять темноту, дававшую возможность скрыть от девушки овладевшее им отчаяние. Как бы ничего не сознавая, девушка развлекала старика-отца веселой, милой болтовней.

Судьба преследовала ее. Она случайно наткнулась на острый камень и со стоном упала на землю. Рафаэль приподнял ее, но девушка, напрасно пытаясь встать на ноги, опять бессильно упала.

- Я ожидал этого! - тихим, торжественным голосом сказал старик. - Выслушай меня! Кто бы ты ни был - еврей, христианин или философ, - все равно. Я вижу, что Бог наградил тебя добрым сердцем, и я могу довериться тебе. Твоему попечению поручаю эту девушку, - она, так же как и я, твоя собственность по праву войны. Посади ее на мула и уезжай поскорее прочь отсюда. Куда - безразлично... Бог вездесущ! Он поступит с тобой так, как ты поступишь с моей дочерью. Старому, обесчещенному солдату осталось только одно - смерть.

Он хотел встать, но пошатнулся в седле и склонился на шею мула. Рафаэль и молодая девушка успели подхватить его.

- Отец! Отец! Это невозможно! Это жестоко! О, неужели ты думаешь, что я оставлю тебя? Разве я не последовала за тобой из Африки даже вопреки твоей воле? Неужели же теперь я покину тебя?

- Дочь моя, я тебе приказываю.

Девушка упала на землю и горько зарыдала.

- Вижу, мне придется обойтись без вашей помощи - произнес старик, опускаясь с

мула. - Уважение к отцу утрачивается с годами, особенно в минуту унижения.

Девушка продолжала плакать. Рафаэль не мог смеяться. Весь запас его остроумия истощился, и он старался убедить себя, что вся эта странная история несколько его не касается.

- Я готов служить вам обоим, - сказал он наконец, - только прошу вас, решайте скорее. Но, клянусь адом, кажется, вопрос будет решен помимо вашей воли!

При этих словах послышался звон лат и тяжелый топот коней, приблизившихся к путникам.

Виктория - так звали девушку - вскочила на ноги: слабость и боль исчезли без следа.

- Отца еще можно спасти. Перенеси его вон за те кусты, - торопливо сказала она Рафаэлю. - Подними его скорее, а я побегу вперед, навстречу к ним. Моя смерть задержит их, и ты успеешь скрыть отца!

- Смерть! - воскликнул Рафаэль, схватив ее за руку. - Если бы это грозило только смертью...

- Бог не оставит нас! - спокойно возразила девушка, поднося палец к губам.

Вырвавшись из рук еврея, Виктория исчезла во мраке ночи. Отец хотел последовать за ней, но со стоном упал на землю. Рафаэль приподнял его, чтобы перенести за живую изгородь, но колени у него подкосились и силы оставили его. Между тем топот конницы приближался. Внезапно сверкнувший среди тьмы луч месяца озарил фигуру Виктории, остановившейся с протянутыми вперед руками. С ног до головы обливалось ее яркое сияние, а может быть это были только слезы, застилавшие ему глаза...

Звуки все приближались. Раздался стук и грохот копыт по дороге. Отряд остановился. Рафаэль отвернулся и закрыл глаза.

- Кто ты? - услышал молодой еврей чей-то грубый голос.

Тихий голос звучал так ясно и спокойно, что каждый слог звенел в ушах Эбен-Эзры.

Пронесся радостный возглас, крик, потом беспорядочный шум многочисленных голосов. Рафаэль невольно поднял глаза и увидел, что один из всадников соскочил с лошади и сжимает Викторию в объятиях.

Сердце Рафаэля, дремавшее столько лет, мучительно затрепетало и, выхватив кинжал, он бросился в толпу.

- Негодяи! Адские псы! Пусть она лучше умрет! - и в руках Рафаэля сверкнул блестящий клинок. Он занес его над головой Виктории.

Кто-то оттолкнул еврея. Ошеломленный, почти утративши сознание, он снова поднялся и с энергией безумного отчаяния бросился вперед.

Его обхватили нежные руки - руки Виктории!

- Спасите его! Пощадите! Это он, он нас спас! А это - мой брат! Мы теперь в безопасности! Пожалейте собаку, она спасла моего отца!

- Мы, очевидно, не поняли друг друга, - произнес молодой трибун голосом, дрожащим от неожиданной радости - Где мой отец?

- Шагах в пятидесяти отсюда, Назад, Бран! Смирно!

Рафаэль очутился на сильном боевом коне, трибун посадил Викторию перед собой на седло. Двое солдат поддерживали префекта, сидевшего на муле, и подбадривали

упрямое животное, похлопывая его по бокам. Остальные солдаты окружили своего предводителя, благословляя его.

- Так вы, значит, знали, где нас найти? - спросила Виктория.

- Некоторым из солдат это было известно. Вчера, когда мы занимали нашу позицию, отец указал эту тропинку, сказав, что, быть может, она пригодится. Так оно и оказалось.

- Но мне сказали, что тебя захватили в плен! О Боже! Какие муки я вынесла из-за тебя!

- Неразумное дитя! Могла ли ты предположить, что сын твоего отца попадет живым в руки неприятеля?

Глава

XIV

Утесы сирен^[*]

[] - Сирены (греч. мифология). Женские существа, жившие в море и чарующим пением заманивавшие путешественников в морскую пучину.*

Четыре месяца быстро промелькнули для Ипатии и Филимона на среди трудов и занятий. Здоровый, увлекающийся юноша превратился в бледного, задумчивого ученика, подавленного тягостными мыслями и мучительными воспоминаниями.

За это время, благодаря совместному умственному труду, Ипатией и Филимоном возникла серьезная и вместе с тем нежная дружба, какая бывает между мужчиной и женщиной, если они взаимно уважают друг друга. Снисходительная, почти материнская любовь определяла отношение Ипатии к молодому монаху. Польщенная глубоким, почти фанатическим вниманием Филимона Ипатия убедила отца выделить юноше место в библиотеке среди молодых людей, занимавшихся изучением популярных в то время писателей.

Первое время Ипатия видела Филимона довольно редко, гораздо реже, чем бы ей хотелось. Она боялась злословия как со стороны язычников, так и со стороны христиан, и ограничивалась лишь тем, что ежедневно расспрашивала отца об успехах юноши.

Но постепенно влечение язычницы к монаху усилилось, и, желая видеть юношу возле себя, Ипатия поручила ему переписывать выбранные ею рукописи. Прочитав его работу, девушка возвращала переписанные листы с собственноручными поправками, и Филимон хранил их, как драгоценный знак отличия.

Проходя мимо юноши, сидевшего в саду музея над какой-нибудь книгой, Ипатия иногда с ласковой улыбкой приглашала его присоединиться к толпе щеголей, окружавших ее, когда она прогуливалась вместе с отцом. Случалось, что она звала его в одну из уединенных беседок, где они подолгу беседовали наедине. Случайно брошенная фраза, ласковый взгляд - все это, несмотря на горделивую сдержанность Ипатии, заставляло думать, что Филимон внушает ей больший интерес, чем прочие ученики, и что в нем она чувствует честную и восприимчивую душу, способную

понимать ее.

Трудно жить на свете, не имея хлеба насущного. В течение первого месяца Филимону не раз приходилось бы ложиться спать голодным, если бы о нем не заботился его великодушный хозяин. Маленький человек и слышать не хотел, чтобы молодой монах занимался тяжелой работой. Носильщик наотрез отказывался от платы за комнату, а что касается пропитания, говорил он, то это пустяки. Ему придется немного побольше работать, и они будут оба сыты весь день. В конце концов, если Филимон захочет, то успеет рассчитаться с ним, когда сделается великим софистом. А это неминуемо должно случиться рано или поздно, - с убеждением повторял Евдемон.

Как-то вечером, спустя несколько дней после поступления Филимона в число учеников Теона, юноша с удивлением нашел блестящий золотой на окне своего чердака. На следующее утро он показал странную монету маленькому человечку с просьбой вернуть неизвестному владельцу потерянную им вещь.

Носильщик начал подпрыгивать, жестикулировать и с величайшей таинственностью сообщил юноше, что никто монеты не терял, а весь долг Филимона уплачен ему, Евдемону, милостью верховных сил, от которых ежемесячно будет присылаться новый золотой. Напрасно допытывался юный философ, кто этот неизвестный благодетель. Евдемон свято хранил тайну и грозил своей жене, что он побьет ее, если она не будет держать язык за зубами, хотя несчастное создание и так вечно молчало.

Но кто же был этот неведомый друг? Только она одна дивная девушка, могла это сделать! Однако Филимон не решался останавливаться на такой мысли, казавшейся ему слишком дерзкой.

Во всяком случае, юноша принял деньги, купил себе плащ новейшего фасона и радостно любовался покупкой, возвращаясь домой.

Но что случилось с его христианскими убеждениями, с его верой? Филимон не отрекся от нее, не стал безбожником и искренно возмущался бы, если бы кто-то стал высказывать такое мнение.

Но, ежемесячно получая таинственный золотой, юноша имел возможность всецело предаваться научным занятиям и очень скоро усвоил такие принципы, которые Петр назвал бы языческими. Вначале по детской привычке юноша тайком посещал христианскую церковь, но таковая скоро исчезла, тем более, что Филимон боялся быть узанным и схваченным. Постепенно он прекратил посещать церковь и перестал встречаться и разговаривать с христианами. Даже добрая жена носильщика стала избегать его, не то из скромности, не то из отвращения к вероотступнику. Лишенный общения с верующими, юноша все более и более удалялся от них и в нравственном отношении. Проходя мимо церквей, он отворачивался, чувствуя, что Кирилл со всей своей могучей организацией стал для него более чуждым, чем мир далеких планет.

Ипатия с радостью замечала все это, все более и более надеясь, что при помощи Филимона ей удастся осуществить свои самые смелые мечты. Чисто по-женски она наделяла юношу всеми желательными ей свойствами и талантами, помимо тех, которыми он действительно обладал, Филимон удивился бы и слишком много возомнил о себе, если бы увидел свой идеализированный и вместе с тем карикатурный

образ, созданный прекрасной фантазеркой. Для Ипатии это были блаженные месяцы. Орест по каким-то неизвестным причинам перестал упорствовать в своих исканиях, и жертвоприношение отодвинулось на задний план. Может быть, думала Ипатия, ей удастся добиться желанной победы без его помощи. Но как долго придется ждать. Вполне вероятно, что пройдут целые годы, пока окончится воспитание Филимона, а за это время будут упущены многие удобные моменты, которые вряд ли повторятся.

- Ах! - вздыхала иногда Ипатия, - если бы Юлиан жил еще в настоящее время! Тогда я сложила бы все свои сокровища к ногам певца солнца и сказала: возьми меня! Герой, воин, государственный муж, мудрец, священнослужитель Бога света! Возьми меня, твою рабыню! Повелевай, пошли меня на мученическую смерть, если пожелаешь! Было бы великой милостью, если бы ты позволил мне стать смиреннейшим из твоих сподвижников, сотрудницей Ямблиха, Максима [*Максим Эфесский. Философ-эклектик, живший в IV веке н. э. Преподавал философию в Эфесе, откуда был римским императором Юлианом вызван в Византию.*], Либания [*Либаний (314-393). Греческий ритор (оратор) и писатель, родился в Антиохии, учился у знаменитого ритора Зиновия в Антиохии и в философской школе в Афинах. Основал школу красноречия в Константинополе, имевшую большой успех.*] и сонма мудрецов, поддерживавших трон последнего Цезаря!

Глава

XV

Воздушные замки

В своих беседах с Филимоном Ипатия тщательно избегала тех вопросов, по которым они расходились из-за религиозных убеждений. Она была уверена, что божественный свет философии постепенно проникнет в его душу и приведет его к самостоятельным выводам. Однажды девушка почувствовала потребность поговорить со своим учеником довольно откровенно.

Как-то раз Теон познакомил Филимона с новым трудом Ипатии по математике, и юноша, встретившись с ней в садах музея, с восторгом посмотрел на свою учительницу. Ей захотелось узнать его мнение относительно сделанных ею поразительных открытий, и она, остановившись, сделала знак отцу, чтобы тот поговорил с Филимоном.

- Ну, - начал старик, с одобрительной улыбкой глядя на юношу, - как понравились нашему ученику новые -

- Ты подразумеваешь, конечно, мои труды о конических сечениях, отец? В моем присутствии ты не услышишь беспристрастного суждения.

- Почему? - спросил Филимон. - Почему мне не сказать перед кем бы то ни было, что твоя работа открыла мне новую исключительную область мысли?

- Но что тут необыкновенного? - с улыбкой воскликнула Ипатия, как бы заранее угадывая ответ. - В чем же мой комментарий отстает от сочинения Аполлония [*Имеется в виду Аполлоний Тианский, живший во второй половине I в. н. э. и*

оставивший после себя многочисленные сочинения по математике и особенно философии, из которых ни одно до нас не дошло. А. стремился реформировать наивные античные верования и истолковывал богов, как частичные проявления единой и непостижимой для человека божественной силы, а на себя самого смотрел, как на пророка, посланного в мир для обновления человечества. Его проповедь имела большой успех: его аскетический образ жизни и равнодушие к земным благам завоевали ему широкую популярность. Его считали чудовищем, и для "языческих" кругов он являлся соперником Христа. Объехав весь известный тогда мир, А. поселился в Эфесе, где и умер.], на основе которого я строила свои выводы?

- Отличается так же, как живой человек от мертвого. Вместо сухого исследования прямых и кривых линий я нашел истинную сокровищницу поэзии. Все скучные математические положения, точно по волшебству, преобразились в эмблемы мудрого и возвышенного закона незримого мира.

- Мой юный друг, - заговорил Теон, - для философа математика служит средством, помогающим найти духовную истину. Для чего изучаем мы числа: для подведения счетов, или для того, чтобы, следуя учению Пифагора, на основании их соотношений постигать идеи, на которых зиждется вселенная, человек и даже само Божество?

- Не знаю, но последняя цель, по-моему, благороднее!

- Как ты думаешь: мы исследуем конические сечения ради изобретения более совершенных машин или стараемся открыть таким путем значение символов, связующих божественное с земным?

- Ты владеешь диалектикой, как сам Сократ, отец мой, - вмешалась Ипатия. - Твои слова безусловно верны, но мне хотелось бы, чтобы Филимон старался достигнуть высшего духовного понимания природы. В своих прекраснейших проявлениях она проникнута божественной искрой и воплощается в осязаемых формах. Он должен убедиться, что учение христиан лживо, ибо они, с одной стороны, говорят, что Бог сотворил мир, а с другой - что после творения он удалился от него.

- Христиане, - произнес Филимон, - не говорят, как мне кажется, ничего подобного.

- На словах - может быть, но фактически они видят в Боге творца бездушного механизма. Приведенный в движение единым словом, механизм продолжает двигаться по инерции. Христиане презирают, как еретика, всякого мыслителя и последователя Платона, который, не удовлетворяясь их представлением о мироздании, хочет возвысить Божество и признает его живым, движущимся и принимающим участие в жизни вселенной.

Филимон осмелился скромно возразить, что эта идея, но в несколько иных выражениях, заключается в священном писании.

- Да, но если вселенная живет и движется в лоне Бога, то не должен ли Бог проникать во все сущее?

- Почему же? Прости мое незнание и объясни мне подробнее.

- Потому что все, не проникнутое Божеством, находилось бы вне его сущности.

- Совершенно верно, но все-таки оно осталось бы в сфере его влияния.

- Правильно. Но тем не менее природа жила бы не в нем, а сама по себе. Для

объединенной жизни с Божеством она должна всецело преисполниться его духом. Взгляни на лотос, который, как Афродита, поднимается над водами. Он дремлет ночью, склонив свою лебединую шею, но зато всегда приветствует солнце! Неужели в нем заключена только грубая материя, сводящаяся к трубочкам, волокнам и краскам? Неужели это лишь бессознательная жизнь, которую называют прозябанием? Нет, древним египетским жрецам это было известно лучше, чем нам, и на основании числа и формы лепестков, золотистых тычинок и ежегодного таинственного возрождения на лоне вод они вывели ряд сокровенных законов. Этим законам подчинялась, вместе с лотосом, и жрица, державшая его в руке во время религиозных обрядов в храме, а также и сама богиня, покровительница цветка, и девственницы-жрицы, облаченные в белоснежные одежды... Цветок Изиды! Да, природа обладает не только прекрасными, но и скорбными символами!

Филимон, по-видимому, успел уже далеко отойти от христианства, потому что он не только без ужаса услышал намек на Изиду, но даже попытался утешить Ипатию.

- Я уверен, - начал он, - что истинный философ не станет оплакивать распад внешнего языческого идолопоклонства. Если, как ты думаешь, в символизме природы заключена духовная истина, то эта истина не может умереть. Поверь, лотос сохранит свое значение до тех пор, пока лотосы будут существовать на земле.

- Идолопоклонство! - возразила она с улыбкой. - Моему ученику не следовало бы повторять пошлую клевету христиан. В какие бы низменные суеверия ни впадала благочестивая чернь, сейчас настоящими идолопоклонниками являются не язычники, а христиане. Они приписывают чудесную силу костям мертвецов, превращают покойницкие в храмы, преклоняются перед изображениями самих низких представителей рода человеческого и потому не должны обвинять в идолопоклонстве греков и египтян, которые под формами символической красоты олицетворяли идеи, не выразимые словами. Идолопоклонство! Разве я поклоняюсь маяку, если смотрю на него целыми часами, как на памятник всепобеждающей мощи Эллады? Разве я поклоняюсь свитку, исписанному стихами Гомера, когда я с восторгом воспринимаю божественные истины, заключающиеся в нем? Мы поклоняемся идее, эмблемой которой является внешний обязательный образ.

- Значит, ты считаешь языческих богов? - дрожащим голосом спросил Филимон, не в силах более сдерживать свое любопытство.

Его вопрос оскорбил Ипатию, но она ответила с горделивым спокойствием:

- Если бы на твоем месте был Кирилл, я не стала бы разговаривать с ним. Тебе же я готова объяснить, что такое те, кого ты дерзаешь называть языческими богами. Невежественные массы или, вернее, клеветники, из личных соображений порицающие философов, утверждают, что языческие боги - простые люди, подверженные терзаниям горя, боли и любви. Но первые мудрецы Греции, жрецы Древнего Египта и звездочеты Вавилона научили нас признавать в них общие силы природы, детей всеоживляющего духа, которые являются лишь разнообразными порождениями первичного единства. Они почитаются в разных формах, сообразно климату, местным условиям и характеру расы. Поэтому человек, почитающий многих богов, поклоняется, в сущности одному,

вещающему в себе все совершенства. Каждый из этих богов совершенен по-своему, но каждый является лишь образом того или другого совершенства единого Божества.

- Но почему же ты так ненавидишь христианство? - спросил Филимон, почувствовав некоторое облегчение от такого объяснения. - Разве эта вера не такое же проявление одного из способов почитания?

- Нет, нет, - прервала его Ипатия. - Оно опровергает все бывшие прежде способы почитания и исключительно себе приписывает божественное откровение. - Отец, посмотри! Вон женщина, которую я не могу и не хочу встречать. Свернем в эту аллею. Скорее!

Ипатия смертельно побледнела и быстро увела своего отца на одну из боковых дорожек.

- Да, - закончила девушка, стараясь овладеть собой, - если бы это галилейское суеверие скромно заняло место среди других религий, терпимых в империи, его можно было бы принять, как одно из видоизменений идеи божественного, но...

- Опять Мириам! - перебил Филимон горячую речь Ипатии. - Смотри, она идет прямо на нас!

- Мириам? - с удивлением спросила Ипатия. - Ты ее знаешь? Каким образом?

- Она живет в доме Евдемона, так же, как и я, - просто ответил Филимон. - Но я еще ни разу не говорил с ней, да и вообще не хотел бы беседовать с этой отвратительной женщиной!

- И никогда не смей разговаривать с ней. Я тебе запрещаю! - резко сказала Ипатия.

Избегнуть встречи с Мириам было теперь уже невозможно, и Ипатия столкнулась лицом к лицу с ненавистной еврейкой.

- Удели мне одну минуту, прекрасная дева, - заговорила старуха, почтительно кланяясь. - Не будь жестока! Смотри, что у меня есть для тебя.

И с таинственным видом старая Мириам показала Ипатии кольцо - радуго Соломона.

- Я знаю, если ты остановишься на минуту, то не ради кольца, даже не ради того, кто некогда подносил тебе эту драгоценность! Ах, где-то он теперь, бедный! Быть может, он уже умер от любви! Так вот это его последний дар самой прекрасной и самой жестокой девушке. О, она права, конечно! Она может сделаться императрицей, да, императрицей! Это выше того, что мог бы предложить бедный еврей. Но все-таки... Даже императрица может иногда внять просьбам своих подданных...

Всю эту речь Мириам проговорила чрезвычайно быстро, в льстивом тихом тоне и низко кланяясь. Только глаза ее, упрямо устремленные в лицо девушки, казалось, леденили душу. От этого взгляда нельзя было убежать.

- О чем ты говоришь? Какое мне дело до твоего кольца? - резко спросила Ипатия.

- Препятствие предлагает тебе это кольцо. Ты помнишь, у тебя был маленький черный агат, не имеющий никакой ценности. Если ты его не бросила, он желал бы выменять агат на этот опал. Эта драгоценность, без сомнения, лучше украсит такую руку.

- Рафаэль подарил мне агат, и я сохраню его!

- Но этот опал стоит десять тысяч золотых. Возьми его взамен сломанной вещи,

стоящей червонец...

- Я не торговка, как ты, и не оцениваю подарков по их денежной стоимости! Я дорожу талисманом, начертанным на агате, и не желаю расстаться с этим кольцом...

- А, ради талисмана! Как это мудро, как благородно... Но знает ли мудрая дева, как нужно пользоваться агатом?

Ипатия покраснела; ей было стыдно признаться, что Рафаэль не посвятил ее в эту тайну.

- Ах, счастливой красавице, значит, все известно? И талисман поведал ей - овладел ли Гераклиан Римом и станет ли она матерью новой династии Птолomeев, или умрет девственницей. Наверное к ней прилетал великий демон, когда она терла плоскую сторону камня?

- Ступай, неразумная женщина... Я - не ты... Меня не прельщает глупое суеверие!

- Глупое суеверие! Ха-ха-ха! - воскликнула старуха, собираясь удалиться и кланяясь еще ниже. - Так она еще не видела ангелов!.. Ну, хорошо. Может быть, настанет день, когда прекрасная дева пожелает воспользоваться талисманом, и тогда бедная, старая еврейка откроет ей эту тайну.

Мириам скрылась за деревьями.

Конечно, Ипатия не знала, что старуха, оставшись одна, бросилась на землю и стала корчиться точно в судорогах, в бешенстве кусая себе пальцы.

- Но я его все-таки добуду! Добуду, даже если мне придется вырвать его из сердца Ипатии! - шептала Мириам.

Глава

XVI

Венера и Паллада

В полдень того же дня, когда Ипатия направлялась в свою аудиторию, она встретила на полдороге необыкновенную процессию. То были десятка два готов вместе с молодыми девушками. Впереди всех ехала Пелагия на белом муле, Роскошно одетая, а рядом с ней ее друг, амалиец. Длинные ноги красавца-гота почти касались земли, а тяжесть его жгучего тела, казалось, придавливала к земле маленькую берберийскую лошадку, совсем не похожую на мощных боевых коней его родины. Толпа любопытных ротозеев сопровождала кавалькаду до дверей музея, где готы остановились и сошли на землю, поручив рабам присмотреть за лошадьми и мулами.

Положение Ипатии было крайне затруднительно: гордость мешала ей уйти. Между тем амалиец снял Пелагию с мула, и соперницы в первый раз в жизни очутились лицом к лицу.

- Да будет Афина благосклонна к тебе, Ипатия! - начала Пелагия с любезной улыбкой. - Я привела с собой своих гвардейцев, чтобы дать им возможность вкушать хотя бы каплю твоей мудрости. Меня, право, интересует, что лучше: твои поучения или те легкомысленные песенки, которым меня научила Афродита, после того как приняла меня из пены морской и нарекла Пелагией.

Ипатия горделиво смотрела на нее и продолжала молчать.

- Надеюсь, моя гвардия не уступает твоей. Мои спутники - викинги и потомки богов. По справедливости, им следует войти в музей прежде твоих слушателей. Не укажешь ли ты им путь?

Ипатия продолжала молчать.

- Ну, в таком случае я сама это сделаю. Идем, амалиец!

Пелагия поднялась по ступеням лестницы, и готы последовали за ней, отшвыривая присутствующих, как маленьких детей.

- Вероломная изменница! - неожиданно раздался голос какого-то молодого человека среди густой толпы зрителей. - Ты отняла у нас все до последнего гроша и, ограбив нас, тратишь наследие наших отцов с дикими варварами!

- Отдай нам наши подарки, Пелагия! - воскликнул другой юноша. - Тогда мы примиримся с твоим свирепым спутником.

- Хорошо! - ответила Пелагия и, сорвав с себя браслеты и ожерелье, готовилась бросить их в изумленную толпу -

- Вот, берите ваши подарки! Пелагия и ее спутницы не хотят быть в долгу у мальчишек, обладая любовью вот таких красавцев, - сказала она, указывая на амалийца, к счастью для учеников Ипатии, не понявшего ни слова из всей беседы.

Схватив за руку Пелагию, он с тревогой сказал:

- Ты с ума сошла?

- Нет! Нет! - кричала она в исступлении. - Дай мне золото! Дай все, что у тебя есть, до последней монеты! Эти жалкие люди укоряют меня своими подарками, - вопила Пелагия, прижимаясь к груди амалийца.

- А, они смеют говорить, что мы живем за их счет? Так бросьте сейчас же свои кошельки этим негодяям, - воскликнул амалиец и первый бросил пригоршню золотых в толпу учеников.

Все готы последовали его примеру и стали кидать браслеты и ожерелья в лицо испуганным философам.

- У меня нет подруги сердца, мои юные друзья, - заявил Вульф на довольно сносном греческом языке, - значит, я не в долгу перед вами и имею право сохранить свои деньги. Советовал бы и вам сделать то же, друзья мои! Ты, старый Смид, поступил бы очень умно, следуя моему благоразумному примеру. - За золото я расплачиваюсь железом, - продолжал Вульф и вынул из ножен широкое лезвие со зловещими бурными пятнами - следами крови.

Испуганные философы попятились назад, и готы свободно прошли в пустой зал, где и разместились в передних рядах.

Сначала Ипатия хотела отказаться от чтения лекции, потом решила послать к Оресту или заставить учеников отстоять священную неприкосновенность музея. Но гордость, а равно и благоразумие в конце концов подсказали ей иное решение.

Отступить - значило признать себя побежденной, а это повредило бы авторитету философии и лишило бы последнего оплота колеблющихся юношей. Нет, она пойдет и с презрением отнесется к оскорблениям, даже к насилию. Дрожа всем телом и сильно

побледнев, Ипатия появилась на кафедре...

Но к удивлению и удовольствию девушки ее посетители, варвары, вели себя превосходно. Пелагия, как ребенок, наслаждалась своим торжеством и, желая выказать сопернице полное пренебрежение, предоставила ей свободу действий. Она приказала своим спутникам молчать и быть внимательными и в продолжение целого получаса сдерживала хихиканье юных спутниц. Вместе с тем тяжелое дыхание спящего амалийца, которого она уже два раза будила, стало громко разноситься по аудитории и, наконец, перешло в возмутительно громкий храп.

Вскоре сама Пелагия тоже сладко задремала. Тогда старый Вульф принял на себя обязанность поддерживать порядок. С того мгновения, как началась лекция, он не сводил глаз с Ипатии, и чуткое сердце девушки угадывало в нем внимательного слушателя. Ей нравилась улыбка, освещавшая суровое, изборожденное рубцами лицо Вульфа; седая борода его нередко склонялась на грудь, как бы в знак сочувствия к словам лектора.

Задолго до конца лекции Ипатия заметила, что совершенно инстинктивно обращалась своей речью как бы исключительно к новому слушателю. Ученики, занявшие последние скамьи и державшиеся весьма тихо и скромно, торопливо вскочили по окончании лекции, чтобы поскорее избежать опасной встречи с готами. К величайшему удивлению Ипатии с ними вместе приподнялся и старый Вульф; тяжелой походкой приблизился он к кафедре и положил свой кошелек к ногам Ипатии.

- Что это? - спросила она, несколько испуганная его угрюмой и дикой фигурой.

- Я плачу свой долг за то, что слышал сегодня. Ты поистине благородная дева: да соединит тебя Фрейя с супругом, достойным тебя, чтобы ты стала родоначальницей царской династии!

И старый Вульф удалился вместе со своим обществом. На глазах Пелагии соперница одержала явную, несомненную победу, а красавица готова была возненавидеть старого Вульфа.

Но он оказался единственным изменником. Остальные готы единогласно решили, что Ипатия слишком глупа, так как тратит свою молодость и красоту на какие-то поучительные беседы с мальчиками, разъезжающими на ослах.

В сопровождении готов Пелагия торжественно тронулась в обратный путь, ощущая странную тоску, несмотря на свою мнимую победу.

С детства живя только для удовольствий, Пелагия не знала высших потребностей. Но ее новая привязанность или, вернее, уважение, которое внушала ей мужественная энергия и сила красавца-гота, возбудило в Пелагии неведомое еще чувство: желание удержать при себе амалийца, жить для него, последовать за ним на край света, даже если она ему надоест, и он начнет ее презирать.

Постепенно под влиянием насмешливых улыбок и замечаний Вульфа в душе Пелагии зародилось опасение, не презирает ли ее амалиец уже и теперь?

За что же? Она не могла понять.

Красавица была печальна и недовольна - не собой, так как иначе она не была бы Пелагией, одаренной всеми совершенствами. Нет, - ее мучили те же странные

сомнения, которые в эту эпоху закрадывались и в умы других людей.

"Почему не пользоваться счастьем, насколько оно нам доступно? - думала молодая женщина. - Разве отречение от личного счастья - заслуга?"

- Посмотри, Амальрих, вон на того старого монаха! - сказала вдруг она. - Почему он так уставился на меня? Скажи ему, чтобы он ушел.

Монах, на которого она указывала пальцем, был старик с тонкими чертами лица и длинной седой бородой; казалось, он понял ее слова, потому что внезапно обернулся, закрыл лицо руками и, к удивлению Пелагии, разразился рыданиями.

- Что это значит? Позовите его немедленно сюда, ко мне, - потребовала Пелагия, желая избавиться от тревожного ощущения.

Один из готов подвел к ней плачущего старца, который смело и спокойно остановился возле мула красавицы.

- Почему ты расплакался при виде меня? - задорно спросила она.

Старик взглянул на нее с нежной грустью и тихо, так, чтобы только она слышала его слова, ответил ей:

- Я не могу удержаться от слез, потому что, глядя на твою красоту, я вспоминаю, что ты осуждена на вечные адские муки!

- Адские муки? - повторила Пелагия, содрогаясь. - Как так? Почему?

- Разве тебе это неизвестно? - спросил старик, смотря на нее со скорбным удивлением. - Разве ты забыла, кто ты?

- Я? Да я никогда даже мухи не обидела.

- Почему у тебя такой испуганный вид, моя милая? Что тебе сказал старый негодяй? - спросил амалиец, замахиваясь бичом.

- О, не бей его! Приходи, пожалуйста, ко мне, прошу тебя. Завтра приходи и объясни мне, что ты хотел сказать.

- Нет, мы не позволим монахам приходить к нам. Прочь, болтун! Благодарю Пелагию, что твоя шкура осталась Цела!

И амалиец, схватив под уздцы мула красавицы, поспешил уехать, в то время как старик провожал их печальным взглядом. Прелестная грешница, очевидно, смутила старого пустычника, потому что он не скоро успокоился.

Вздыхнув свободно, монах поспешил к дверям музея и здесь стал внимательно разглядывать лица выходящих, терпеливо снося неизбежные шутки и замечания учеников.

- Ну, старый кот, какую мышь караулишь ты тут?

- Спрячься скорей, а то мыши отгрызут тебе бороду.

- Вот моя мышь, - с улыбкой сказал монах, положив руку на плечо Филимона, с удивлением увидевшего перед собой тонкие черты и высокий лоб Арсения.

- Отец мой! - воскликнул он в порыве радости и любви.

Да, юноша давно ожидал этой встречи, но теперь смертельно побледнел, когда настал момент свидания. Ученики заметили его волнение.

- Руки прочь, старая мумия!.. Он принадлежит нам и нашей корпорации, твой сын! У монахов, не имеющих жен, не может быть сыновей. Не отколотить ли нам его,

Филимон?

- Советую вам разойтись. Ведь готы еще недалеко! - возразил Филимон, научившийся давать меткие, остроумные ответы. Затем, опасаясь новой дерзости со стороны молодежи, юноша увлек за собой старика и молча пошел с ним по улице в ожидании неизбежного объяснения.

- Это твои друзья?

- Избави, Боже! У меня нет ничего общего с ними, кроме того, что мы вместе сидим в аудитории Ипатии.

- У этой язычницы?

- Да, у язычницы! Ты, наверное, виделся с Кириллом, прежде чем прийти сюда.

- Видел и...

- И? - прервал его Филимон. - Тебе передали все, что может придумать злоба, тупость и мстительность. Тебе сказали, что я наступил ногой на крест, совершил жертвоприношения перед всеми богами Пантеона, а, должно быть, и...

Сильно покраснев, Филимон продолжал:

- Что я и... это чистое, святое существо, которое следовало бы почитать как царицу света, не будь она язычницей... - Он остановился.

- Разве я сказал тебе, что верю речам, которые, быть может, слышал?

- Нет, но так как все это самая низкая ложь, то поговорим лучше о чем-либо другом. Во всем остальном я с радостью отвечу на все твои вопросы, дорогой отец...

- Я тебе еще не предлагал их, дитя мое!

- Да, конечно. В таком случае, оставим этот предмет.

Филимон засыпал старого друга вопросами о нем самом, о Памве и всех обитателях лавры, испытывая неизъяснимую радость от обстоятельных и добродушных рассказов Арсения.

Умный старик угадывал причину лихорадочного оживления и словоохотливости Филимона.

- А все-таки ты кажешься мне бледным и худым, мой бедный мальчик!

- Это от усиленной умственной нагрузки, - возразил юноша. - Но теперь я щедро вознагражден, а в будущем ожидаю еще большего.

- Дай Бог! Но кто эти готы, с которыми я только что встретился на улице?

- Ах, отец мой! - обрадовался Филимон возможности поговорить о постороннем. - Так это, значит, с тобой Пелагия беседовала, остановившись в конце улицы? О чем мог ты говорить с подобным существом?

- Про это знает Всевышний! Непонятная симпатия овладела мной при виде... Ах, бедная, несчастная девушка! Но где же ты мог с ней познакомиться?

- Вся Александрия знает эту гадкую женщину! - сказал чей-то голос позади них.

Это был маленький носильщик, давно уже наблюдавший за ними и шедший следом. Он не мог далее молчать и решил принять участие в их разговоре.

- Да, для многих богатых щеголей было бы лучше, если бы старая Мириам вовсе не привозила Пелагию из Афин.

- Мириам?

- Да, монах. Ее имя, как говорят, пользуется известностью не только на невольничьем рынке, но и во дворцах.

- Это еврейка со злыми глазами?

- Еврейку в ней обличает ее имя, а что касается ее глаз, то я нахожу их одновременно и божественными, и дьявольскими; предоставляю твоему воображению, монах, по своему вкусу определить их выражение.

- Но как ты познакомился с Пелагией, сын мой! Это совершенно не подходящее для тебя общество.

Филимон откровенно передал Арсению историю своего путешествия по Нилу и последовавшее за ним приглашение Пелагии.

- Ты, конечно, не воспользовался им?

- Да сохранит Небо ученика Ипатии от подобного унижения.

Арсений печально покачал головой.

- Наверное тебе было бы нежелательно, чтобы я принял ее приглашение?

- Конечно, сын мой! Но скажи, давно ли ты считаешься учеником Ипатии и находишь унизительным посетить хотя бы самое грязное существо, если при твоём содействии возможно обратить на путь истинный заблудшую овцу? Впрочем, ты слишком молод для этого. Без сомнения, она хотела обольстить тебя.

- Не думаю. По-видимому, ее восхитило мое чистое греческое произношение, а также и то, что я родом из Афин.

- А давно ли она сама прибыла из Афин в Александрию? - спросил Арсений после некоторого молчания.

- Сейчас же после разграбления города варварами, - сказал маленький носильщик, который, подозревая какую-то тайну, метался, как раздраженный попугай. - Старуха привезла ее с грузом пленных мальчиков и девочек.

- Время совпадает. Возможно ли найти эту Мириам?

- Мудрый вопрос, вполне достойный монаха! Разве тебе неизвестно, что Кирилл изгнал всех евреев еще четыре месяца тому назад?

- Правда, - тихо пробормотал старик.

- Что с тобой, отец мой? Кажется, ты глубоко заинтересовался судьбой этой женщины.

- Она - рабыня Мириам?

- Нет, она уже четыре года считается свободной женщиной, - ответил носильщик. - По определенным соображениям красавица сочла нужным посвятить свою жизнь александрийской публике и обирала ее, где и как могла.

- Да не покинет ее Творец. Но уверен ли ты, что Мириам нет в Александрии?

Маленький человечек сильно покраснел, а вместе с ним и Филимон. Оба они молчали, помня данное обещание.

- Вижу, что вы знаете более, чем можете сказать. Тебе, друг, не удастся обмануть старого политика, хотя теперь он только смиренный инок. Если ты откроешь мне всю истину, то уверяю тебя, что ни ты, ни Мирам не пострадают от оказанного мне доверия. В противном случае я сам сумею найти старую еврейку.

Филимон и носильщик продолжали молчать.

- Филимон, сын мой! Неужели и ты в заговоре против меня, или, вернее, против самого себя? Я спрашиваю тебя, бедный юноша, совращенный с истинной стези!

- Против самого себя?

- Да. Я сказал это.

- Я должен сдержать данное слово.

- Я же поклялся бессмертными богами. Знай это, государственный муж или монах, а может быть и то и другое, или ни то, ни другое, - напыщенно добавил маленький человек.

Арсений молчал несколько секунд.

- Если ты считаешь грехом нарушить клятву, данную идолам, - заговорил он потом, - то не бери на себя эту вину. Что же касается тебя, мое бедное дитя, то для тебя должно быть свято всякое обещание, данное хотя бы самому Иуде Искарриоту. Но выслушай меня. Пусть кто-нибудь из вас спросит эту женщину, не захочет ли она переговорить со мной? Скажите ей, если она в Александрии, - я желаю этого всем сердцем, - что Арсений, имя которого ей хорошо знакомо, приносит торжественную клятву христианина не причинять ей зла и не выдавать ее врагам. Согласны ли вы на это?

- Арсений? - переспросил маленький человек, глядя на монаха с выражением жалости и уважения.

Старик улыбнулся.

- Да, Арсений, которого некогда называли учителем императора. Даже старая Мириам отнесется с доверием к этому имени.

- Я немедленно побегу, я полечу, почтенный отец!

И носильщик стремительно исчез на повороте улицы.

- Станный маленький человек совершенно забыл, что он сообщил мне весьма многое, - с усмешкой заметил Арсений. - Как легко было бы проследить его до гнезда старой колдуньи...

Затем старик с нежностью взял за руку своего питомца.

- Не правда ли, ты не покинешь своего бедного старого отца? Ты не изменишь ему ради языческой девушки?

- Обещая остаться при тебе, если ты не будешь несправедлив к ней.

- Я ни о ком не скажу дурного слова, никого не стану обвинять, кроме самого себя. Я не буду суров и к тебе, мой бедный мальчик. Но слушай! Знаешь ли ты, что ты родом из Афин? Известно ли тебе, что я привез тебя сюда?

- Ты?

- Я, сын мой. По прибытии в лавру мы нашли нужным скрыть от тебя, что ты производишь из знатного рода. Теперь скажи мне: помнишь ли ты своего отца, мать, братьев, сестер, или вообще что-либо, имеющее отношение к твоему родному городу Афинам?

- Нет!

- Благодарение Создателю! Но, Филимон, если бы у тебя оказалась сестра?.. Тише! Я ведь говорю только... если...

- Сестра! - прервал его Филимон. - Пелагия?

- Спаси Бог, сын мой! Но у тебя была сестра, казавшаяся года на три старше тебя.

- Как? Ты знал ее?

- Я ее видел только раз, в ужасный, скорбный день. Ах, бедные вы, несчастные дети! Я не хочу тебя печалить и сообщать подробности.

- Но почему же ты не привез ее вместе со мной? Как решился ты разлучить нас?

- Ах, сын мой, может ли старый монах предьявлять права на молодую девушку? К тому же это было трудно сделать, даже если бы я рискнул на подобный поступок. Алчность богатых людей прельстилась ее молодостью и красотой. В последний раз я видел ее в обществе еврейки. Дай Бог, чтобы Мириам оказалась той самой старухой.

- У меня есть сестра! - воскликнул Филимон с радостными слезами. - Мы должны разыскать ее! Поможешь ли ты мне? Теперь, сейчас! Я ни о чем другом не хочу и не могу ни думать, ни говорить... Я ни за что не смогу приняться, пока не найду ее!

- Ах, сын мой, сын мой! Может быть лучше оставить это дело на волю божью? Что, если она уже умерла? Это открытие причинило бы нам только горе. А что если, - да отвратит это Господь, - она жива телом, а в духовном смысле умерла наихудшей смертью, предаваясь греховной жизни?

- Мы бы спасли ее или сами бы погибли ради такого святого дела. Знать, что у меня есть сестра...

Арсений опустил голову. Он не подозревал, какое светлое чувство, какая нежность охватила молодое сердце Филимона.

Сестра! Какие таинственные чары заключались в этом слове, от которого голова юноши кружилась, а сердце трепетало? Сестра! Не только подруга, но и спутница, дарованная ему самим Богом! Девушка, любовь к которой не могли бы ему поставить в укор даже монахи!

- Она была в Афинах в одно время с Пелагией! - воскликнул Филимон после долгого размышления. - Быть может, она ее знала. Пойдем к ней немедленно, спросим Пелагию!

- Избави Боже! - сказал Арсений. - Во всяком случае нам нужно предварительно дождаться ответа Мириам.

- Пойдем! Тем временем я укажу тебе ее дом. Ты можешь войти к ней, если пожелаешь. Идем! Я твердо убежден, что поиски моей сестры как-то связаны с Пелагией.

В душе Арсений полностью разделял предположение Филимона, но он ограничился лишь тем, что согласился последовать за взволнованным юношей к дому танцовщицы.

Они уже приближались к воротам, когда услышали за собой торопливые шаги и голоса, называвшие их по именам. Обернувшись, они с удивлением и досадой увидели Петра-оратора, сопровождаемого значительной толпой монахов.

Сначала Филимон решил было спастись бегством, и даже Арсению, схватившему его за руку, тоже хотелось ускользнуть.

- Нет! - решил юноша. - Не убегу! Разве я не свободный гражданин и философ?

Смело оглянувшись, он стал поджидать врагов.

- А, вот он, молодой отступник! Ты скоро нашел презренного грешника, почтенный отец. Возблагодарим Небо за такой неожиданный успех.

- Мой добрый друг, что привело тебя сюда? - спросил Арсений дрожащим голосом.

- Я решил обеспечить надежной защитой твою священную особу и почтенный возраст против оскорблений этого негодного мальчишки и его гнусных товарищей. Мы все утро издали следим за тобой и оберегаем тебя.

- Благодарю тебя, но, право, ты напрасно утруждал себя. Мой сын всегда относился ко мне с самой нежной привязанностью, и я считаю его далеко не столь виновным, как утверждает молва. Теперь же он готов спокойно вернуться со мной. Не правда ли, Филимон?

- Я поклялся не переступить порога, пока...

- Знаю. Кирилл поручил тебе передать, что встретит тебя, как сына; он готов забыть и простить все прошлое.

- Забыть и простить? Прощать приходится мне, а не ему. Заявит ли он открыто, перед всеми, что я - невинный страдалец, которого избили и выгнали только за послушание патриарху? Пока это не будет сделано, я не забуду, что, к счастью, я свободный человек!

- Свободный человек? - произнес Петр со злобной улыбкой. - Это еще надо доказать, мой дорогой! Изящный плащ и красиво уложенные волосы - недостаточное доказательство.

- Что это значит?

- Пощади меня, ради Бога! - воскликнул старик, увлекая Петра в сторону. Филимон от изумления замер на месте.

- Не говорил ли я тебе много раз, что не могу называть рабом христианина, а тем более моего духовного сына.

- А тебя, достойный отец, разве не убедил патриарх, насколько неосновательны твои сомнения? Неужели ты думаешь, что мы оба, - он и я, - с большей снисходительностью относимся к рабству? Избави Бог! Но когда вопрос идет о спасении бессмертной души, когда следует вернуть в стадо заблудшую овцу, - необходимо воспользоваться правом, которое дарует тебе закон, и обратить на путь истины вверенную тебе душу!

Арсений колебался, слезы блестели у него на глазах. Филимон прервал этот тягостный разговор.

- Что это значит? Неужели и ты, мой отец, идешь против меня? Говори, Арсений!

- Это значит, - вмешался Петр, - что ты, закостенелый грешник, - раб Арсения, которого он на законном основании и на собственные деньги купил в Равенне. Ради твоего вечного спасения он воспользуется своим правом, чтобы принудить тебя вернуться в лоно церкви.

Филимон отскочил на противоположную сторону улицы, его глаза загорелись.

- Вы лжете! - воскликнул он. - Я - сын афинского гражданина. Арсений сам мне сказал это!.. Сам!

- Ну, это к делу не относится. Он тебя купил, купил публично, на невольничьем рынке, и может это доказать.

- Выслушай меня, о, выслушай меня, сын мой!

Старик с воплем бросился к нему, но Филимон, ложно истолковав это движение, порывисто оттолкнул его.

- Твой сын? Твой раб! Не оскверняй название сына, применяя его ко мне. Да, я твой раб телом, но не душой, На, схвати беглеца, истязай и заклейми его, закуй даже в цепи, если можешь, но даже и тогда свободное сердце найдет выход. Если ты не разрешишь мне жить, как подобает философу, то увидишь, что я сумею умереть, как истинный стояк.

- Держите негодяя, братья! - воскликнул Петр, в то время как Арсений, в сознании своей беспомощности, горько заплакал, закрывая лицо руками.

- О, презренные! - закричал Филимон. - Никого достанусь я вам живым, пока у меня есть еще зубы и ноги. Вы на меня смотрите, как на животное. И я буду защищаться, как дикий зверь.

- Прочь с дороги, негодяи! Место префекту [*В позднюю эпоху Римской империи - наместник города или провинции, совмещавший в своем лице судебные, военные и административные функции.*]! Что вы тут спорите, невежественные монахи? - раздалась вдруг повелительные голоса. Толпа расступилась, и показалась стража Ореста, за которой следовал он сам в богатой одежде.

Внезапная надежда блеснула в душе Филимона. Бросившись сквозь толпу, он ухватился за экипаж префекта.

- Я - освобожденный афинский гражданин, которого эти монахи хотят закабалить! Умоляю тебя о заступничестве!

- И в нем тебе не будет отказано, прав ли ты или нет, мой прекрасный отрок, - проговорил Орест. - Клянусь Богом, ты слишком красив, чтобы сделаться отшельником!

- Его владелец тут же, поблизости, и готов под присягой подтвердить, что купил его, - возразил Петр.

- А вместе с тем готов подтвердить и многое другое для вечной славы церкви. Прочь с дороги, долговязый мерзавец! Лучше не попадайся мне на глаза. Я тебя уже давно заметил. Прочь!

- Его владелец требует покровительства закона, будучи римским гражданином, - продолжал Петр, толкая вперед Арсения.

- Если он римский гражданин, то пусть завтра в установленной форме предъявит жалобу в суд. Но не мешало бы тебе, почтенный старец, не упускать из виду, что я потребую доказательства твоего римского гражданства, прежде чем разбирать вопрос о купле невольника.

- Этого не требуется по закону, - задорно вмешался Петр.

- Прогоните этого молодца, - обратился префект к страже.

Петр мгновенно исчез, а в толпе монахов поднялся зловеющий ропот.

- Что мне делать, благородный повелитель? - спросил Филимон.

- До завтра - что тебе угодно, если ты настолько глуп, чтобы явиться в суд. В противном случае последуй моему совету: растолкай этих негодяев и спасайся

бегством.

Орест поехал дальше.

Филимон, понимая, что это единственное средство спастись, с точностью выполнил совет наместника. Не прошло и секунды, как он бросился под арку, в ворота дома Пелагии. Дюжина монахов преследовала его по пятам.

К счастью, наружные двери дома были еще открыты, так как готы только что вернулись домой. Внутренние двери, ведущие в дом, оказались запертыми. Юноша попытался открыть их, но неудачно. В это мгновение в щель неплотно притворенной калитки он увидел Вульфа и Смиды, которые, как истые воины, сами расседывали и кормили своих лошадей. Филимон бросился к ним.

Быстро пробежав длинный ряд конюшен, он очутился перед удивленными готами.

- Клянусь душами предков, - воскликнул Смид, - ведь это наш молодой монах! Что привело тебя к нам, парень? Чего ты несешься, сломя голову?

- Спасите меня от этих презренных!

Филимон указал на монахов, столпившихся возле ворот.

Вульф сразу все понял. Он схватил увесистый кнут, бросился на врага и, очистив двор от монахов, запер за ними наружные ворота.

Филимон хотел объяснить в чем дело и выразить свою признательность, но Смид зажал ему рот.

- Не стоит благодарности, паренек! Ты теперь наш гость, и мы тебе рады, как и всегда. Ты понимаешь, что ничего такого не случилось бы, если бы ты тогда не убежал от нас.

- Да, кажется, ты ничего не выиграл, променяв нас на монахов, - сказал старый Вульф. - Пойдем через внутренние ворота. Смид! Выгони монахов из-под арки!

Толпа, яростно стучавшая в наружные ворота, наконец уступила тревожным просьбам Петра, уверявшего, что ни один христианин не уцелеет в Александрии, если на них обрушатся готы, эти воплощенные дьяволы; оставив на страже несколько человек, чтобы следить за Филимоном, монахи, обманутые в своих надеждах, обратили свой гнев на префекта и, готовые на все, окружили его экипаж.

Бедный правитель тщетно пытался продолжать свой путь. Стража боялась диких отшельников и отступила назад, а без ее помощи пробраться сквозь сплошную массу грозно поднятых рук и страшных всклокоченных бород было невозможно. Дело принимало серьезный оборот.

- Это самые отъявленные негодяи во всей Нитрии, высокородный префект, - шепнул последнему один из телохранителей, побледнев от ужаса.

- Если вы не хотите пропустить меня, святые отцы, то, вероятно, я не нарушу церковных постановлений, повернув обратно, - заговорил Орест, пытаясь сохранить спокойствие. - Оставьте лошадей в покое. Чего же вам надо, во имя Создателя?

- Не считаешь ли ты, что мы забыли Гиеракса! - крикнул чей-то голос из толпы.

Этот возглас был подхвачен со всех сторон, и толпа, все более возбуждаясь от собственных криков, перешла к прямым угрозам.

- Мечь за святого мученика Гиеракса! Возмездие за все оскорбления, нанесенные

церкви! Долой друга язычников, евреев и варваров! Долой любовника Ипатии! Тиран! Мясник!

- Зарезать мясника!

Какой-то бешеный монах попытался взобраться на колесницу префекта, но его сбросил солдат, которого тут же начала избивать толпа. Монахи наступали все решительнее, а стража, убедившись, что враг превосходит ее раз в десять, побросала оружие и в паническом ужасе обратилась в бегство. Еще мгновение - и надежда богов и Ипатии погибла бы, а Александрия лишилась бы удовольствия состоять под управлением самого утонченного патриция на юге Средиземного моря, если бы не явилась неожиданная помощь.

Глава

XVII

Мимолетный луч

Последняя голубоватая скала Сардинии скрылась на северо-западе, и крепкий попутный ветер гнал корабли, оставшиеся от военного флота Гераклиана. В беспредельном просторе моря, под безоблачной лазурью неба сверкали белые паруса. Но смелые воины, измученные страхом и страданиями, смотрели не так радостно, как месяц тому назад, когда они тронулись в путь со смелыми надеждами и отважными планами. О, кто мог бы подвести итог всем бедствиям этого страшного бегства!

На одном из судов унылого флота царили мир и спокойствие - спокойствие среди позора и страха, среди стонов раненых и вздохов умирающих от голода. Большие трех- и пятирусные галеры бешено проносились мимо транспортных кораблей, и экипаж их забывал, что, спасаясь от опасности, они оставляли своих товарищей без всякой защиты. Только на этой небольшой рыбацкой барке не раздавалось ни просьб, ни горьких проклятий, когда мимо нее, под мощными ударами весел, мелькали суда более счастливых беглецов. Быстро скользили галеры, обгоняя друг друга. Однажды с кормы пронесившегося мимо корабля кто-то крикнул, что неаполитанский флот императора послан в погоню. У всех сердце замерло от страха. Путники, находившиеся на небольшой барке, безмолвно взглянули в сосредоточенное и бледное лицо префекта. Виктория заметила как он вздрогнул и отвернулся. Она быстро встала и, войдя в толпу суровых воинов, воскликнула:

- Бог не оставит нас!

И солдаты верили ей и не теряли спокойствия духа, верили даже тогда, когда маленькая барка со своим жалким парусом осталась позади всех в открытом море, отстав от торговых и грузовых кораблей.

Рафаэль Эбен-Эзра находился на ней.

Держа голову Бран на коленях, он сидел у входа в кубрик на рулевой части судна, где под тентом лежали раненые, спасаясь от солнечного зноя.

Отсюда молодой еврей слышал ласковые голоса Виктории и ее брата, ухаживавших за больными или читавших им вслух слова божественного писания, на которые не в

силах было откликнуться его ожесточенное сердце...

"Клянусь жизнью, я бы охотно поменялся местами с одним из этих несчастных калек, но с тем условием, чтобы этот голос повторял мне такие же слова, а я мог бы им верить", - думал Рафаэль, снова принимаясь за чтение своей рукописи.

- Да, - со вздохом произнес он, - это самое приятное, если не самое утешительное воззрение на наше предназначение, с которым я когда-либо встречался с тех пор, как перестал верить в рассказы моей няньки.

На плечо Рафаэля легла чья-то рука, и знакомый голос спросил:

- А в чем же заключается это утешительное воззрение?

- Откровенно признаюсь тебе во всем, но не выдавай меня своему сыну или дочери, а также не предполагай, что я пришел к каким-то окончательным выводам. Я размышлял о взглядах Павла из Тарса на историю и судьбы моего упрямого народа. Посмотри-ка, что твоя дочь убедила меня прочесть, - и он указал на рукопись послания Павла [*Павел (апостол). Один из полубогословных основателей христианства.*] к евреям. - Оно написано очень плохим греческим языком, но должен сознаться, что оно содержит в себе много здоровой философии. Автор послания знаком с Платоном лучше всех мудрецов Александрии вместе взятых, если только я вправе судить об этом.

- Я простой воин и ничего не смыслю в подобных ведах. Не знаю, изучил ли он Платона, но я уверен, что он познал Бога.

- Не торопись, - с улыбкой прервал его Рафаэль, - тебе, быть может, неизвестно, что последние десять лет моей жизни я провел среди людей, которые считались очень сведущими по части философии.

- Августин [*Августин (Аврелий). Известный мыслитель и богослов христианской церкви (354-430 гг. н. э.). Родился в г. Тагасте в Африке, юрист по образованию. Посвятив всю молодость философско-религиозным исканиям, А. принял христианство, роздал имущество и стал сначала священником, а потом епископом. Усиленно боролся с возникавшими в ту эпоху сектами и был одним из основоположников христианского богословия.*] тоже провел лучшие десять лет своей жизни в такой же обстановке, но теперь опровергает теории, которым прежде поучал других, - сказал префект.

- Потому, вероятно, что нашел нечто лучшее?

- Несомненно! Но ты сам должен побеседовать с ним и основательно обсудить все эти пункты. Для меня эти вопросы недоступны и непонятны.

- Хорошо... Может быть, в один прекрасный день я последую твоему совету. Новообращенный философ - довольно диковинное зрелище. Да, почтенный префект, мне нужна вера, которая возносится над всеми доказательствами, вера, которую я воспринял бы слепо и без рассуждений и согласно которой я мог бы действовать. Я не хочу обладать верой, - я хочу, чтобы вера обладала мной. Если я когда-либо достигну такого счастья, то, уверяю тебя, это случится благодаря наглядному примеру, который я вижу под тентом.

- Под тентом?

- Да! Под этим тентом, где ты и твои дети совершаете подвиги, которые мне, еврею,

столь же новы, как и Ипатии, язычнице. Я не без пользы наблюдал за тобой много дней подряд. Сначала я только удивлялся, что ты, опытный воин, оставил заботы о собственном спасении и стал ухаживать за ранеными. Потом я видел, как ты и твоя дочь и, что самое замечательное, твой сын, этот молодой, веселый Алкивиад, терпите голод ради того, чтобы накормить этих несчастных. Со временем я убедился, что все это делается вполне искренне, а затем в книге, данной мне твоей дочерью, я натолкнулся на теорию того самого учения, с которым вы сообразуете ваши поступки. Тогда я начал подозревать, что вера, приводящая к такому образу действий, не только отличается большей доказательностью, но и вдохновляется тем, что мы, евреи, называли когда-то могучей силой Бога.

Весь вид Рафаэля, тревожно смотревшего на префекта, говорил, что в его душе происходит мучительная борьба. Старый воин невольно вздрогнул, заметив глубокую и мрачную сосредоточенность его лица.

- Поэтому-то, - продолжал молодой человек, - следи за своими поступками и за поступками твоих детей. Если мою вновь рожденную надежду уничтожит какая-нибудь глупость или низость, свойственная всем человеческим существам, с которыми я до сих пор постоянно сталкивался, если случайный поступок с вашей стороны вырвет с корнем эти надежды, то лучше бы вам убить моего первенца, потому что я тогда буду вас ненавидеть!

- Да поможет нам Господь! - произнес старый воин.

- А теперь, - заговорил Рафаэль, желая переменить разговор, - нам нужно основательно обсудить, в каком направлении нам следует плыть. Что будет, если ты вернешься в Карфаген или Гиппон?..

- Я буду обезглавлен!..

- Несомненно! Но если подобное событие не представляет для тебя ничего прискорбного, то подумай о своей дочери и о сыне...

- Друг мой, - прервал его префект, - я знаю, ты имеешь в виду общее благо. Но не искушай меня, прошу тебя. Тридцать лет я сражался рядом с Гераклианом и рядом с ним хочу умереть, ибо вполне заслужил такую честь.

- Виктория! Виктория! - крикнул Рафаэль. - Помоги мне! Твой отец, - продолжал он, когда девушка вышла из-под тента, - хочет жертвовать собственной головой и рисковать нашей жизнью, высадившись в Карфагене.

- Пожалей меня, пожалей нас! - взмолилась Виктория, нежно прильнув к отцу.

- А также и меня, - добавил Рафаэль со спокойной улыбкой. - Я не так груб, чтобы выставлять напоказ услуги, которые имел удовольствие оказать вам, но все-таки надеюсь, что ты вспомнишь и о моей жизни. А кроме того мне странно, что ради своей чести ты готов пожертвовать жизнью полсотни честных солдат, слепо верящих тебе, не умеющих отличить правую руку от левой. Хочешь, я спрошу, что они об этом думают?

- Зачем? Это вызовет бунт! - сурово заметил старец.

- Я готов повиноваться тебе, но с условием, что ты я уступишь. Не знаешь ли ты, например, какого-либо надежного человека в Киренаике?

Префект молчал.

- Выслушай нас, отец мой! Почему бы нам не отправиться к Еводию? Он твой старинный товарищ... и... и с полным сочувствием относился к этому походу... Подумай, теперь, вероятно, и Августин там. Он собирался отплыть в Веренику для переговоров с епископами Пентаполиса, когда мы уехали из Карфагена.

При имени Августина старик оживился. - Правда, Августин будет там, и я должен увидеться с ним. Это наш друг. По крайней мере мне удастся воспользоваться его советами. Если он решит, что моя обязанность - возвратиться в Карфаген, то я всегда успею это сделать. А наши воины?

- Насколько мне известно, - возразил Рафаэль, - Синезий и все землевладельцы Пентаполиса с радостью будут кормить и содержать таких удальцов, умеющих владеть оружием. Чернокожие так теснят их, что они едва дышат. Думаю также, что мой приятель Викторий с удовольствием примет участие в походе против языческих грабителей.

Старый воин молча кивнул головой в знак согласия. Молодой трибун, все время с мучительным ожиданием следивший за выражением лица своего отца, поспешил уведомить солдат о принятом решении. Эта новость была встречена восторженными возгласами, и через несколько мгновений, при попутном северо-западном ветре, судно направилось к западной оконечности Сицилии.

- А теперь, - обратился префект к Рафаэлю и к своему сыну, - я прошу вас не истолковывать превратно мои побуждения. Может быть, я и слаб, - это так свойственно усталым людям, лишенным всяких надежд, - но не думайте, что я забочусь о собственной безопасности. Богу известно, что я с радостью бы умер. Я отказался бы от своего плана только потому, что мои дети не помешают мне вернуться в Карфаген, если Августин одобрит мое решение. Молю Бога только о том, чтобы я успел укрыть мою дорогую дочь под верной защитой монастыря.

- Монастыря?

- Да, конечно. С самого ее рождения я мечтал посвятить ее жизнь служению Всевышнему. Да и что может быть лучше для бедной, беззащитной девушки в наше смутное время.

- Прости меня, - сказал Рафаэль, - но я решительно не понимаю, какое удовольствие или какую пользу извлечет Божество из безбрачия твоей дочери?

- Послушай! - воскликнул префект, вспыхнув от того презрительного тона, которым говорил Рафаэль. - Когда ты поближе познакомишься с посланиями святого Павла, ты не станешь оскорблять убеждения и чувства последователей христианской религии, посвящающих Богу свои лучшие сокровища!

- Я понимаю. Значит, Павел из Тарса внушил тебе эту мысль? Благодарю тебя за сообщение, которое избавит меня от труда изучать его творения. Позволь мне с великой благодарностью вернуть эту рукопись твоей дочери, вечным заточением которой ты мечтаешь угодить своему Божеству. Теперь мне хотелось бы как можно реже общаться с членами твоей семьи.

- Дорогой друг, - заговорил старый воин, искренне опечаленный. - Мы у тебя в долгу и слишком сильно к тебе привязались, чтобы так неожиданно и глупо расстаться. Если

я чем-либо оскорбил тебя, то забудь и прости меня, молю тебя.

И старик крепко сжал руку Рафаэля.

- Уважаемый друг, - невозмутимо отвечал Рафаэль, - я также не забуду тех прекрасных мгновений, которые я провел с вами. Но мы должны расстаться. Откровенно признаюсь тебе, что полчаса тому назад я почти готов был перейти в христианство. Я находил, что Павел прав, совершенно прав, считая церковь развитием и осуществлением нашего древнего национального строя. Очень благодарен тебе за то, что ты указал на мое заблуждение. Я сохраню мою зарождающуюся веру для того Божества, которое не заставляет своих детей попирать основные законы бытия. Прости!

Пораженный префект не успел еще прийти в себя, как Рафаэль удалился на противоположный конец палубы.

"Разве я не предвидел, - размышлял он, - что такой яркий луч неизбежно должен угаснуть? Разве я не предвидел, что этот старик окажется ослом, как и все прочие?.. Безумец! Я все еще ищу разума на этом свете! Назад, в хаос, Рафаэль Эбен-Эзра! Продолжай черпать воду решетом до конца этой комедии!"

И, присоединившись к солдатам, он не разговаривал более ни с префектом, ни с его детьми до самой Вереники. Здесь он передал Виктории ожерелье, снятое с убитого воина, и быстро скрылся в толпе.

Глава

XVIII

Злополучный префект

Судьба снова забросила Филимона к его старым друзьям - готам. Он искал два существеннейших условия своего благополучия: свободу и родного по крови человека. Свободу он нашел немедленно в том большом зале, где пировали и веселились готы. Остановившись в углу, у входа в зал, юноша совсем забыл недавний гнев и страх. Он думал только о своей сестре.

Может быть, она находится здесь, в этом самом доме?

Лелея эту мечту, Филимон соображал, которая из присутствующих девушек могла оказаться этим дорогим для него существом! Не Пелагия ли - самая прекрасная и самая грешная из всех?

Ужасная мысль! Юноша вспыхнул от такого предположения, хотя, в сущности, оно было для него и приятным. Филимон припомнил, что на палубе судна, когда он плыл вместе с готами, одна из девушек обратила внимание на его внешнее сходство с Пелагией. Наверное, так оно и есть. Но надо ждать, стараясь любыми путями отыскать правду.

Мысли юноши внезапно были отвлечены в другую сторону.

- Идите сюда, идите! Посмотрите! На улице происходит схватка! - крикнула одна из девушек, стоя на лестнице.

Уличный шум все возрастал. Через несколько мгновений Вульф торопливо спустился

по лестнице и прошел через зал во двор гарема, к амалийцу.

- Амальрих, нам представляется удобный случай, Негодяи-греки собираются убить наместника под самыми нашими окнами.

- А зачем нам вступаться?

- А зачем допускать его убийство, если можем его спасти и заручиться его расположением? Наши воины жаждут боя, а, ты знаешь, собакам иногда следует лизнуть крови, а то они совсем отучатся бегать за зверем.

- Хорошо! На это нам понадобится немного времени!

- Да, герои должны доказать на деле, что они умеют прощать врагов, когда те в нужде.

Это правда! И это вполне подобает амалийцу! И богатырь вскочил, призывая своих соратников.

- Прощай, моя радость! Что это, Вульф! - крикнул он старику, выбежав на двор. - Кажется, это опять наш монах! Клянусь Одним, я тебе рад, мой прекрасный юноша! Следуй за нами и сражайся в наших рядах!

- Он принадлежит мне! - ответил Вульф, положив руку на плечо Филимону. - Он должен отведать крови!

Все трое устремились к выходу. Охваченный возбуждением, Филимон был готов на все.

- Захватите плети, - мечи нам не нужны! Эти негодяи недостойны благородного оружия, - кричал амалиец, размахивая тяжелым ременным кнутом, длиной футов в десять. Он растворил ворота и в то же мгновение отступил перед густой толпой, которая хотела ворваться, но сейчас же попятилась, как только гот-великан начал прокладывать себе дорогу, продвигаясь вперед вместе со своими грозными товарищами и каждым ударом бича сшибая с ног по несколько человек.

Они подоспели как раз вовремя. Четверка кровных белых рысаков в испуге жалась и путалась в упряжке, а сам Орест едва держался на ногах. Кровь заливала ему лицо. Десятка два свирепых монахов с кулаками наступали на него.

- Пощадите! - кричал несчастный префект. - Я христианин! Клянусь, я христианин! Меня крестил епископ Атик в Константинополе.

- Долой мясника! Долой языческого тирана, который не хочет примириться с патриархом! Тащите его с колесницы, - кричали монахи.

- Трусливый пес, - произнес амалиец, внезапно останавливаясь, - не стоит выручать его!

Но Вульф ринулся вперед, раздавая удары направо и налево. Монахи подались назад, а Филимон, желая предупредить событие, столь позорное для еще дорогой ему религии, вскочил в колесницу и подхватил на руки истерзанного Ореста.

- Теперь ты в безопасности. Успокойся! - шептал он ему, между тем как монахи вновь бросились к своей жертве.

Несколько камней полетело в голову Филимона, но это только подкрепило его решительность спасти Ореста. Через одну-две секунды свист кнута и крики отступивших монахов возвестили о благополучном исходе побоища. Филимон отнес

префекта в передний зал дома Пелагии, и Орест очутился среди встревоженных и щебечущих девушек. Руки самых прекрасных женщин Александрии подхватили наместника и унесли его во внутренние покои.

- Меня, как второго Гиласа [*Красавец, любимец Геркулеса; морские божества (наяды), восхищенные его красотой, увлекли его в пучину, и Геркулес тщетно разыскивал его. В Греции Г. был посвящен особый праздник.*], похитили нимфы, - с улыбкой сказал префект, скрываясь в гареме, откуда, впрочем, он скоро вернулся с забинтованной головой. Префект рассыпался в любезностях.

- Несколько мгновений тому назад тебе бы не пришло в голову говорить такие любезности, - заметил амалиец, поглядывая на него, словно медведь на обезьяну.

- Не зарься на красоту, которая тебе не принадлежит, - грубо вымолвил кто-то позади префекта.

Это был Смид, вызвавший единодушный хохот своим замечанием.

- Мои спасители, мои братья, - продолжал Орест со своей обычной любезностью и не обращая внимания на общий смех. - Чем я могу расплатиться с вами?

- Позволь три дня пограбить этот квартал! - воскликнул один из готов.

- Истинная храбрость всегда пренебрегает опасностями. Вы забываете о своей малочисленности, - ответил префект.

- Берегись, наместник, - возразил амалиец. - Если ты воображаешь, что мы, сорок готов, в течение трех дней не перережем горло всем жителям Александрии, с тобою вместе, и не справимся с твоими солдатами, то...

- Половина их перейдет на нашу сторону! - воскликнул чей-то голос. - Они ведь и так наполовину наши!

- Простите меня, друзья, но я ни на минуту не сомневался в этом. Я хорошо знаю жизнь и людей и давно убедился, что при первом удобном случае овчарка разорвет ягненка, которого она обязана была охранять. Ну, что ты скажешь, почтенный старец? - обратился Орест, кланяясь Вульфу, только что подошедшему к группе. Вульф мрачно засмеялся и на германском наречии сказал амалийцу что-то насчет вежливости по отношению к гостям.

- Вы меня извините, мои геройские защитники, - начал Орест, - но с вашего любезного позволения осмеливаюсь заметить, что я ощущаю некоторую слабость и усталость после недавно происшедшего. Было бы непозволительно далее пользоваться вашим гостеприимством. Не соизволите ли вы послать раба на поиски моих телохранителей...

- Ни за что, клянусь богами, - заревел амалиец. - Ты теперь у меня в гостях или, по крайней мере, в гостях у моих девушек. Никто и никогда не покидал моего дома в трезвом виде, если только я был в силах этому помешать.

- Уступаю сладостной неизбежности, - сказал Орест. Пойдите, кажется, кто-то захватил в плен монаха? Он тут, конунг [*У древних германских племен - король, властвующий над несколькими родовыми вождями.*]. Мы его связали по рукам и ногам.

И готы притащили высокого, худого, полуобнаженного монаха.

- Это восхитительно! Высокородный префект вынесет приговор, пока готовится

трапеза, а Сמיד повесит негодяя, так как, занятый едой, он не принимал участия в схватке.

- Да, я согласен. Но существуют некоторые судебные формальности...

- Не болтай много, - вмешался один из готов. - Ты можешь повесить его сам, если желаешь; мы хотим только избавить тебя от лишних хлопот.

- Ах, достойный друг, неужели ты намереваешься лишать меня божественной отрады отомстить за себя? Я собираюсь завтра посвятить по меньшей мере четыре часа казни этого блаженного мученика.

- Ты слышишь, монах? - сказал Сמיד, ткнув пленника в подбородок.

Остальное общество со смехом следило за происходившей сценой и безо всякого стеснения издевалось то над наместником, то над его жертвой.

- Кровопийца сказал, что я мученик, - угрюмо возразил монах.

- Ну, ты еще не сразу им сделаешься.

- Смерть продолжительна, но слава вечна.

- Твоя правда, я это забыл, и потому отсрочу эту славу еще на год или на два. Кто бросил в меня камень?

Ответа не последовало.

- Скажи мне правду, и в то мгновение, когда виновного схватят ликторы [*Почетная стража римских высших сановников. Знаком их должности была связка прутьев.*], ты будешь прощен и выпущен на свободу.

- Прощен, - засмеялся монах. - На что твое прощение человеку, которого ожидает вечное блаженство и все то неизъяснимое, что сулит Бог мученикам? Тиран и мясник! Я, я ранил тебя, второго Диоклетиана! [*Диоклетиан (дата рождения точно не известна, дата смерти 313 г.). Римский император. Диоклетиан происходил из "низов" и начал свою карьеру в армии рядовым солдатом. Постепенно он выдвинулся, проявил незаурядные стратегические таланты и в 284 году был провозглашен легионерами императором. Свое царствование ознаменовал рядом государственно-административных реформ. Он свел на нет значение сената, постарался упорядочить государственные финансы, разделил империю на две части - восточную и западную, и назначил себе соправителя, ведавшего западной половиной империи. Руководство всей империей Диоклетиан сохранил за собой. Одной из особенностей его правления было преследование христиан, или, вернее, епископальной верхушки христианской церкви.*] Я бросил камень, я - Аммоний! Жалею, что он не пронзил тебя насквозь!

- Благодарю покорно, приятель. Герои, надеюсь, что у вас найдется погреб для монаха. К сожалению, я только завтра пришлю за ним служителей суда, а эту ночь он будет услаждать ваш слух пением псалмов.

- Если он завоет, когда мы уже удалимся на покой, то к завтрашнему утру от него немного останется, - заметил амалиец. - Но вот уже рабы сообщают, что наш ужин готов.

- Погодите, - произнес Орест, - мне еще нужно свести кое с кем счеты. Вот с тем молодым философом!

- Он сам идет сюда. Я готов побиться об заклад, что бедный малый еще отроду не напивался. Давно пора начать его обучение.

И амалиец положил свою медвежью лапу на плечо Филимона; юноша робко отступил, бросая умоляющий взгляд на своего покровителя.

- Юноша принадлежит мне, конунг, - вступился Вульф. - Он еще не пьяница, и я не хочу, чтобы он сделался таковым в будущем. К сожалению, я не могу ожидать того же от многих других, - процедил он сквозь зубы. - Вышлите нам чего-нибудь поесть; половины барана будет с нас довольно, но не забудьте и вина покрепче, чтобы залить жир. Смид знает, сколько мне требуется.

- Но почему ты не хочешь остаться с нами?

- Часа через два, я уверен, монахи начнут штурмовать ворота нашего жилища. Кто-нибудь должен остаться на страже, и лучше всего, если эту обязанность возьмет на себя человек, у которого голова не кружится от вина, а на губах не горят поцелуи женщин. Юноша останется при мне.

Все общество направилось вглубь дома, а Вульф с Филимоном остались наедине под портиком двора.

Они сидели уже около получаса, украдкой поглядывая друг на друга и как будто стараясь угадать, что совершается в душе другого.

Громкий шум и хохот, долетавшие до них, заставили встрепенуться старого воина.

- Как ты называешь это времяпрепровождение? - спросил он Филимона по-гречески.

- Безумием и суетой.

- А как бы это назвала она, альруна, вещая дева?

- Кого ты имеешь в виду?

- Ну, ту греческую девушку, которую мы слушали сегодня утром?

- Безумием и суетой.

- Почему она не излечит от этого безумия того римского вертопраха?

Филимон молчал.

- Почему же? - повторил Вульф.

- Разве ты думаешь, что она может исцелить кого бы то ни было?

- Должна бы. Она замечательная женщина. Никогда не видывал я подобной, а я немало встречал их на своем веку. Когда-то на одном из островов Везера тоже жила пророчица, и эта девушка удивительно на нее похожа. Она годится в жены любому конунгу.

Филимон встрепенулся. Почему испытывал он такое негодование при последних словах старика? Какое-то смутное чувство шевельнулось и заговорило в нем.

- Красота! - продолжал Вульф. - Но на что тело без души? К чему красота без мудрости? Красивое существо без целомудрия, бессмысленно утопающее в грязи. А та дева-альруна чиста?

"Чиста и непорочна, как... Пресвятая Дева", - хотел сказать Филимон, но вовремя удержался. Печальные воспоминания соединились с этим словом.

Вульф снова зашагал, а Филимон опять стал думать о единственной цели, придававшей значение и смысл его жизни. Не может ли Вульф оказаться полезным в

поисках его сестры? Из отдельных намеков старого воина юноша понял, что тот недоволен присутствием Пелагии около амалийца. Внезапная надежда зародилась в сердце Филимона, и он постарался намекнуть старику, что есть люди, которые охотно вырвали бы ее из настоящих условий ее жизни. Вульф понял его и попытался, со своей стороны, выведать у Филимона некоторые подробности. Юноша не долго колебался: он убедился, что откровенность - лучшая политика, и рассказал старику не только все утренние происшествия, но и тайну, только наполовину открытую ему Арсением.

Ужас и восторг одновременно овладели Филимоном, когда Вульф, после непродолжительного молчания, заметил:

- А что ты скажешь, если сама Пелагия окажется твоей сестрой?

Филимон хотел сказать что-то, но старик прервал его и продолжал, устремляя на него испытующий взор:

- Когда бедный молодой монах заявляет о своем родстве с женщиной, которая пьет из одной чаши с царями и занимает место, достойное любой царской дочери, то старик, вроде меня, вправе питать некоторые подозрения... Не имеет ли молодой монах в виду собственную выгоду - а?

- Мою выгоду? - вскакивая с места закричал Филимон. - Великий Боже! Какую же цель могу я преследовать, кроме страстного желания вырвать сестру из когтей позора и вернуть ей прежнее положение?

Пожалуй, Филимон поспешил с таким высказыванием.

- Позор? Ах, ты проклятый египетский раб! - воскликнул побагровевший викинг, срываясь с места, чтобы схватиться за кнут, который висел над его головой. - Позор? Как будто вы оба, ты и она, не должны быть глубоко польщены, если ей будет разрешено мыть ноги амалийцу?

- О, прости меня, - заговорил Филимон, испугавшись возможных последствий своей откровенности. - Но ты забываешь, забываешь, что она ему незаконная жена!

- Как! Законная жена! Она, вольноотпущенная раба? Нет, благодарение Фрейе, он еще не пал так низко и никогда до этого не дойдет, хотя бы мне пришлось задушить собственными руками чародейку. Вольноотпущенная раба!

Филимон закрыл лицо руками и разразился горькими рыданиями.

- Перестань, перестань, - внезапно смягчаясь, заговорил суровый воин. - Женские слезы меня не трогают, но мне тяжело смотреть на плачущего мужчину. Когда ты станешь спокойнее и вежливее, мы еще потолкуем обо всем. Только тише, на сегодня довольно! Нам несут еду, а я проголодался, как волк.

И Вульф начал пожирать пищу с жадностью своего тезки - "серого зверя лесов". Со свойственным ему грубым гостеприимством он угощал и своего собеседника.

- Вот и полегчало! - заметил, наконец, Вульф. - В этом проклятом гнезде только и дела, что есть да спать. Я не могу здесь ни охотиться, ни ловить рыбу. Я ненавижу женщин так же, как и они меня. Впрочем, кроме еды, я, кажется, все ненавижу. Теперь, когда девушки стали играть на флейте и арфе, ни у кого нет охоты слушать настоящую боевую песню. Теперь они опять затянули свою кошачью музыку и кричат все разом, как стая скворцов в туманное утро! Но я знаю, чем заглушить этот писк!

Вульф запел одну из диких, но прекрасных северных мелодий и едва успел окончить ее, как растворились двери гарема и показалась целая вакхическая группа, привлеченная громким пением сурового старого барда. Орест, увенчанный цветами, с чашей в руке, шел между Пелагией и амалийцем, которые его поддерживали с обеих сторон.

- Вот мой философ, мой спаситель, мой ангел-хранитель, - лепетал он. - Приведите его в мои объятия, и я украшу его красивую шею индийским жемчугом и золотом варваров.

- Ради Бога, позволь мне уйти, - шепнул Филимон Вульфу, видя, что вся толпа направляется к нему.

Вульф сейчас же открыл дверь, и юноша бросился на улицу. Старик сказал ему вдогонку:

- Навести меня опять как-нибудь, сын мой. Меня одного. Старый воин тебя не обидит.

В последний раз обернувшись, Филимон увидел, как готы в беспорядке вертелись с девушками по двору в такт древнего тевтонского вальса. Высоко над ними мелькала фигура Пелагии, приподнятой могучими руками амалийца. Она сорвала венок с распущенных волос и осыпала розами танцующих.

- И это, быть может, моя сестра!

Юноша закрыл лицо руками и убежал.

Прошло часа четыре. Пировавшие готы крепко спали после веселой оргии. Месяц ярко светил, заливая своим блеском пустой двор, когда из дома вышел Вульф в сопровождении Смиды. Первый нес тяжелый кувшин с вином, второй - две чаши.

- Сюда, товарищ! Мы сядем здесь, посреди двора, чтобы наслаждаться ночной прохладой. Что, наши дурни все уснули?

- Все до одного. Как тут хорошо и свежо после душного воздуха комнат... А жаль, что только у немногих головы вроде наших.

- Теперь слушай, Смид. Никому на свете я никогда не доверяюсь, но думаю, что ты все-таки не изменишь мне! Видел ты вещь у деву-альруну?

- Конечно.

- Не полагаешь ли ты, что она будет прекрасной женой для достойного мужа?

- Ну?

- Почему бы и не для нашего амалийца?

- Это их дело, а не наше!

- Но я думаю, она сочтет за честь стать супругой сына Одина?

- Она должна удовлетвориться честью, от которой не отказалась даже дочь императора.

- Удовлетвориться?! Амальрих - амалиец чистой крови, сын Одина с обеих сторон!

- Но Пелагия может помешать!

- Ее надо устранить.

- Это невозможно!

- Сегодня утром я бы с тобой согласился, но дело в том, что через неделю все

изменится. Молодой монах, который сегодня был у нас, подозревает, и по моему, его предположения правильны, - что Пелагия его сестра...

- Его сестра? Какое же отношение имеет это к нашим делам?

- Он хочет ее увести, чтобы отдать в монастырь. - И ты позволишь ему терзать это бедное существо?

- Кто мне становится поперек дороги, Смид, того я отбрасываю... Тем хуже для людей, которые мне препятствуют. Старый Вульф никогда не отступал ни перед человеком, ни перед зверем; таким он будет и теперь.

- Собственно говоря, это будет поделом девчонке! Но Амальрих?

- Он забудет Пелагию, как только она скроется с глаз.

- Но говорят, что наместник женится на Ипатии?

- Орест! Эта надменная обезьяна? Нет, вещая девушка не способна на подобную низость.

- Но он думает об этом. Весь город толкует о его планах. Сначала нам нужно убрать наместника.

- За чем же дело стало? Не трудно освободить Александрию от этой лишней обузы. Но если мы его устраним, то нам надо занять город, а я не думаю, чтобы у нас хватило рук на такое смелое дело.

- Стража перейдет на нашу сторону. Я схожу к ней и спрошу обо всем, - если хочешь, хоть завтра. Я бывал в походах с некоторыми из его телохранителей. Но если даже удастся наше дело, викинг Вульф, - ты ведь всегда и везде прав и мы все это знаем, - то какая польза от брака амалийца с Ипатией?

- Какая польза? - воскликнул Вульф, порывисто бросив чашку на мощеный двор. - Какая польза? Значит, ты просто старый слепой хомяк. Дать ему жену, достойную героя, каким он считался у нас до сих пор, жену, которая будет его удерживать от попок, приучит к трезвости, превратит безумца в рассудительного человека, ленивца - в храбреца! Она сумеет, в наших интересах, повлиять на местную знать, а когда мы тут утвердимся, то нашу мощь никто и никогда не сломит. Если они вдвоем будут властвовать над Александрией, то через три месяца мы овладеем и Африкой.

- А потом?

- Когда мы все приведем в порядок в Африке, я подберу себе отряд доблестных героев и мы отправимся на юг, к Асгарду. На этот раз я попытаю счастья со стороны Красного моря. Я хочу узреть Одина лицом к лицу или умереть в поисках его града.

- Да, - вздыхая, сказал Смид, - я надеюсь, что ты и меня взял бы с собой и не покинул бы нас на полпути. Прекрасно! Я завтра же схожу к солдатам, если только у меня не будет болеть голова.

- А я переговорю с юношей насчет Пелагии. Выпей за осуществление нашего замысла!

И старые рубаки пили до зари, пока в темном небе не потухли звезды, а на востоке не загорелся свет.

Еврей против христиан

Исполнив поручение Арсения, маленький носильщик побежал назад, чтобы разыскать Филимона и его приемного отца. Но ему не удалось их найти и он пришел домой в страшном волнении. Только голод и жажда принудили его остаться дома. Во время трапезы, ради успокоения, маленький человечек принялся за свое любимое занятие: стал бить жену. Но две сирийские невольницы Мириам, привлеченные воплями несчастной жертвы, подоспели к ней на помощь и вытолкали его за дверь, предварительно окатив холодной водой.

Однако это не лишило носильщика его обычного самообладания. Подпрыгивая, точно сорока, Евдемон прогуливался по улице в течение нескольких часов подряд и осыпал прохожих остроумными насмешками. Наконец, после долгого ожидания, он увидел Филимона, стремительно бежавшего домой.

- Стой! Ко мне! Твоя звезда еще не закатилась! Она зовет тебя!

- Кто?

- Старуха Мириам. Будь нем, как могила. Мириам хочет тебя видеть и говорить с тобой. Она отвергла предположение Арсения с такой гордостью, что я удивился. Иди, но будь с ней приветлив, ведь она волшебница. Она может остановить движение светил, она повелевает духами третьего неба!

Филимон вместе с Евдемоном поспешил домой. Предостережения Ипатии относительно Мириам теперь не тревожили его. Ведь он искал свою сестру!

- А, ты все-таки вернулся, презренный человек, - воскликнула одна из девушек Мириам, когда хозяин и жилец постучались у наружных дверей квартиры еврейки. - С чего это ты вздумал приводить к нам молодых людей в ночную пору?

- Молчите, девушки! Я привел сюда молодого философа по личному приказанию вашей госпожи.

- Так пусть он подождет в передней; у моей повелительницы теперь другой посетитель.

В это время Мириам с усмешкой выслушивала рассказ молодого загорелого еврея.

- Я знал, мать Израиля, что все зависит от моей быстроты, и потому скакал день и ночь из Остии в Терент. Но так как лошадь моего врага была лучше, то я подкупил врага, и он искалечил ей ногу. На следующий день мне удалось опередить его на целый перегон. Но ночью филистимлянин меня снова настиг. Ему покровительствовали злые духи, и моя душа изнывала от обиды.

- Дальше, дальше!

- Мы были одни, я убил его...

- А потом?

- Из Терента я отплыл на галере, нанятой у морских разбойников. На полпути нас нагнала другая галера. Я узнал в ней александрийское судно, и капитан его сообщил мне, что она направляется в Брундузиум с письмами от Ореста.

- Ну?

- Переговорив с атаманом разбойников, я предложил ему из своих собственных средств двести золотых. Посоветовавшись, пираты решили потопить судно.

- И им это удалось?

- Конечно, иначе меня бы тут не было. Бог передал их в наши руки, и они погибли, как фараон со своим войском.

- Да постигнет такая же участь всех врагов нашего народа! - воскликнула Мириам. - Значит теперь, по твоему мнению, новые вести не могут достичь Александрии раньше десяти дней?

- Совершенно невозможно! Так уверял меня капитан, ибо с юга надвигался ураган.

- Хорошо. Вот возьми эти письма к верховному раввину и передай ему вместе с благословением матери Израиля. Ты оказался достойным сыном своего народа и сойдешь в могилу в глубокой старости, щедро осыпанный почестями.

Еврей повернулся и ушел, считая себя счастливейшим из смертных во всем Египте. После его ухода Филимона тотчас же провели к Мириам.

Старуха лежала на диване, свернувшись, как змея, и то-то записывала что-то на табличках, лежавших у нее на коленях. Возле нее на подушке сверкали великолепные драгоценные камни, которыми она забавлялась, как ребенок игрушками. Вдоль стен стояли шкафы и сундуки, разукрашенные фантастической восточной резьбой; исписанные свитки пергамента громоздились в углу, а с потолка спускалась лампа причудливой формы и тусклыми лучами освещала все предметы.

Старуха заговорила, наконец, резким, пронзительным голосом:

- Что скажешь, мой прекрасный юноша, зачем тебе понадобилась старая гонимая еврейка?

Филимон сообщил ей причину своего посещения. Старуха слушала, не спуская с него пронизывающего взгляда, а затем медленно возразила:

- А что, если ты на самом деле раб?

- Я - раб? Неужели это правда?

- Без сомнения. Арсений сказал правду. Я сама видела, как пятнадцать лет тому назад он купил тебя в Равенне. Одновременно с ним я купила твою сестру. Теперь ей двадцать два года. Ты казался моложе ее года на четыре.

- О, Боже! И ты знаешь мою сестру? Это Пелагия?

- Ты был хорошенький мальчик, - продолжала колдунья, словно не расслышав вопроса юноши. - Я бы сама купила тебя, если бы могла предвидеть, что ты станешь таким красивым и умным. Арсений заплатил за тебя только восемнадцать или двадцать золотых. Я старею и, кажется, начинаю забывать многое. А ведь мне пришлось бы воспитывать тебя за свой счет, да и сестра твоя обошлась очень дорого. Громадные суммы истратила я на нее! Однако она стоит затраченных на нее денег. Это милое создание!

- И ты знаешь, где она? О, скажи мне, скажи! Я готов служить тебе, если ты сможешь мне разыскать ее...

- Вот как! А если я тебя к ней приведу? И если это окажется сама Пелагия, - что тогда? Она теперь богата и счастлива. Можешь ли ты сделать ее еще богаче и

счастливее?

- И ты еще спрашиваешь! Я должен, я хочу вырвать ее из того круга, в котором она находится. Спасти от порока, которому она предается!

- А, так вот что, почтеннейший монах! Я ожидала чего-нибудь в этом роде... Я не обещаю тебе, что ты ее увидишь, но и не помешаю свиданию; я не утверждаю, что это Пелагия, но и не отрицаю этого. Знай, теперь ты в моей власти. Не гневайся, красавчик. Я могу выдать тебя Арсению как его раба в любой момент. Мне стоит сказать Оресту одно слово, и ты очутишься в оковах, как беглый невольник.

- Я убегу...

- Убежишь от меня! - Она засмеялась и указала пальцем на терафима. - Если ты скроешься от меня за горами Каф или схоронишь себя на дне океана, по моему велению эти мертвые уста заговорят и откроют мне твое местонахождение а демоны, по одному моему слову, принесут тебя ко мне на своих крыльях. Убежать от меня!.. Слушайся лучше меня, и ты увидишь свою сестру.

Филимон покорился, дрожа от страха. Отуманенный властным взором старухи и ее ужасными словами, невольно внушавшими доверие, юноша прошептал:

- Я буду тебе повиноваться, только... только...

- Только ты еще совсем не мужчина, а по-прежнему монах, так? Мне нужно это знать, прежде чем содействовать твоим планам, мой прекрасный юноша. Монах ты или мужчина?

- Думаю, что я все-таки мужчина.

- Не могу согласиться. Если бы ты был настоящим мужчиной, то давно увивался бы вокруг какой-нибудь языческой женщины, как делают это все.

- Мне? Мне увиваться? Ухаживать?

- Да! Тебе! - повторила Мириам, грубо передразнивая смущенного юношу. - Да, ты должен ухаживать за нею, потому что ты самый красивый мужчина в Александрии, а она - самая тщеславная женщина города. В этом заключается твоя сила и превосходство, и ты можешь вить из нее веревки и заставить ее пасть к твоим ногам. Все это свершится, как только ты откроешь глаза и поймешь, что ты красивый мужчина.

Филимон вспыхнул. Сладостная отравка проникла в его кровь, и томительное, неведомое чувство загорелось огнем в его венах. Мириам видела, какое она произвела на него впечатление.

- Ну, не пугайся новой науки! Скажу тебе по правде, что ты понравился мне с первого мгновения, как только я встретила тебя. Я расспрашивала о тебе своих демонов и они мне дали ответ. Какой ответ! Я тебе сообщу его со временем. Оттого-то бедная, старая, мягкосердечная еврейка начала бросать на ветер свои деньги. Знаешь ли ты, от кого ты получал каждый месяц таинственный золотой?

Филимон оцепенел от изумления, а Мириам разразилась громким хохотом.

- Готова побиться об заклад, - ты считал, что этот золотой является даром прекрасной греческой женщины и ни разу не подумал о бедной, старой еврейке. Не так ли, глупое, тщеславное дитя?

- Неужели это ты? Значит тебе должен я выразить свою признательность за такое редкое великодушие? - пробормотал Филимон.

- Мне вовсе не нужна твоя признательность. Я требую только одного: повиновения. Знай, я всегда могу доказать твой долг и потребовать обратно свои деньги, как только захочу. Но не тревожься, я не буду так жестока по отношению к тебе, не буду потому, что ты и так в моей власти. Я умею расточать свои дары ради счастья молодежи, и, следовательно, тебе нечего страшиться принимать помощь от доброй старой женщины. Итак, ты вчера спас жизнь Оресту.

- Как ты узнала об этом?

- Я? Я все знаю. Теперь ты должен поступить на службу к Оресту. Что такое? Тебе это как будто неприятно? Разве ты не знаешь, что он к тебе расположен? Он сделает тебя своим секретарем, а со временем, если ты сумеешь воспользоваться своим счастьем, ты сможешь занять даже более высокий пост.

Пораженный, Филимон, наконец, вымолвил:

- Быть слугой этого человека! Зачем мне почести, которыми он может меня осыпать? Зачем ты меня так терзаешь? У меня только одно желание: увидеть свою сестру!

- Ты гораздо скорее найдешь сестру, если будешь служить при дворе в качестве высокопоставленного сановника. Что возможно для сановника, то недостижимо для монаха. Но я тебе не верю. Это не твое единственное желание. А разве тебе не хотелось бы видеть прекрасную Ипатию?

- Мне? Как же мне ее не видеть? Ведь я ее ученик!

- Ну, недолго еще будут у нее ученики, дитя мое. Если в будущем ты пожелаешь упиваться ее мудростью, - Да послужит она тебе на пользу, - то тебе придется пристроиться поближе к дворцу Ореста. Ага, ты удивлен... поражен. Теперь мне удалось, кажется, убедить тебя. Возьми-ка эти письма; завтра утром ступай во дворец Ореста и спроси его секретаря, халдея Езана. Заяви смело, что принес важные государственные вести и следуй за своей звездой, намного лучезарнее, чем ты предполагаешь. Ступай! Повинуйся мне, или ты никогда не увидишь своей сестры.

Филимон чувствовал себя связанным по рукам и ногам. "Но, кто знает, - думал он, - может быть, эта старая женщина действительно сделает для меня многое". Он взял письма и удалился в свою каморку.

- И ты полагаешь, что получишь ее, свою сестру! - со злобным смехом прошептала Мириам вслед ушедшему юноше. - Нет, почтеннейший монах! Пусть она лучше умрет! Иди только следом за моей приманкой! Теперь ты в моей власти, да и Орест попал в мои руки... Завтра, я думаю, надо покончить дело с новым займом. Правда, я ни гроша не получу обратно, но власть... Вот что важно! Подождем, пока Орест сделается императором на юге, а он будет им, хотя бы мне пришлось заложить все драгоценности Рафаэля. Он женится на гречанке - это тоже несомненно. Она его ненавидит. Тем лучше, тем действительнее моя месть! Она любит монаха, это я прочла в ее глазах еще тогда, в саду. Тем лучше для меня! Филимон добровольно последует по пятам Ореста, чтобы оставаться возле нее, жалкий безумец! Он будет секретарем или камердинером. На это, как и на все прочее, у него хватит разума. Таким образом, Орест и Филимон

изобразят из себя клещи, которыми я извлеку из этой греческой Иезавели все, что мне нужно. И тогда, тогда - черный агат!

При этих словах Мириам сняла с груди сломанный талисман, совершенно сходный с тем, которого она так страстно добивалась. Она долго смотрела на него, целовала, орошала слезами, обращалась к нему с речью и, прижимая к груди, как мать ребенка, бормотала отрывки старинных колыбельных песен. Постепенно злобное выражение ее лица сменилось возвышенным.

Мириам не подозревала, что в это самое время в частном покое Кирилла находился загорелый, грубоватый монах, которому в знак особого благоволения было разрешено осушить кубок доброго вина в присутствии самого патриарха и Арсения, с жадностью внимавших следующему рассказу.

- Узнав, что евреи наняли судно пиратов, я отправился к капитану и упросил его дать мне место гребца. Из всего услышанного я заключил, что евреи спешат доставить в Александрию весть о поражении Гераклиана. Я чуть не умер, так мне было нехорошо: тошнота, головная боль... Я не мог ничего есть. Но я не унывал, поддерживаемый мыслью, что тружусь и страдаю ради великой христианской церкви!

- А. какой награды требуешь ты за исправную службу? - спросил Кирилл.

- С меня вполне достаточно сознания, что я действительно был полезен. Но если святой патриарх хочет наградить меня свыше моих заслуг, то старая христианка, мать моя во плоти...

- Хорошо, хорошо. Приходи завтра и приведи ее с собой, я позабочусь о ней. Может быть, я тебя сделаю со временем городским дьяконом, когда Петр получит повышение.

Монах поцеловал руку архипастыря и удалился. С сияющим от радости лицом Кирилл повернулся к Арсению.

- Итак, мы победили язычников! - весело воскликнул он, а затем, переходя к обычному сдержанному тону духовного лица, медленно добавил:

- Как посоветуешь ты, отец мой, воспользоваться преимуществом, дарованным нам милостью Всевышнего?

Арсений молчал.

- Я почти уже решил, - продолжал Кирилл, - огласить эту новость сегодня вечером, во время проповеди.

Арсений покачал головой.

- Почему же нет? Почему же нет? - горячо заметил Кирилл.

- Лучше подождать, пока это не разгласится иным путем. Сокрытое знание - все равно, что нерастраченные силы. Пусть Орест сам себя погубит, если он действительно затевает восстание. Ты заговоришь потом, когда захочешь разрушить его вавилонскую башню.

- Ты думаешь, он еще не знает о поражении Гераклиана?

- Если он и знает, то, без сомнения, будет скрывать эту весть от народа.

- Прекрасно! Существование христианской церкви в Александрии зависит от этой борьбы, и необходима крайняя осмотрительность. Какое счастье, что я пользуюсь твоими советами!

После бессонной ночи и освежающего купания в общественных банях Филимон отправился во дворец наместника чтобы исполнить данное поручение.

Орест, удивлявший за последнее время все александрийское общество своей необычайной деловитостью, был уже в соседней с дворцом базилике [*Общественное здание, предназначенное для суда и торговли. В христианскую эпоху базилики были использованы для религиозных собраний и отчасти обращены в церкви.*]. Юношу проводил туда один из телохранителей и оставил его посреди огромной комнаты, которая была роскошно украшена фресками и разноцветным мрамором.

Миновав толпу озабоченных просителей и истцов Филимон направился в противоположный конец зала, где стоял пустой трон наместника. Пройдя еще два покоя, он очутился в боковой комнате, где увидел дородного халдейского евнуха с бледным лицом и маленькими свинными глазками. Писарь взял письмо из рук Филимона, развернул его с торжественной медлительностью, но затем, почти подпрыгнув от удивления, кинулся прочь из комнаты, оставив юношу в совершенном недоумении. Писарь вернулся через полчаса крайне оживленный и радостный.

- Юноша, твоя звезда восходит! Ты счастливый вестник радостных событий. Высокородный префект хочет тебя видеть!

Евнух и Филимон вместе вышли из комнаты. В другом покое, двери которого охранялись вооруженной стражей, тревожно расхаживал Орест. Он был сильно возбужден; на лице его еще виднелись следы ночного кутежа, и он часто прихлебывал какой-то напиток из стоявшего на столе кубка.

- А-а, не кто иной, как мой спаситель! Юноша, я хочу осчастливить тебя. Мириам говорит, что ты хочешь поступить ко мне на службу.

Не зная, как ответить, Филимон молча поклонился.

- А-а, недурно кланяешься, только не по-придворному. Но ты, секретарь, скоро обучишь его, не правда ли? Ну, теперь за дела. Подай мне приказы для подписей и проставления печати. Начальнику гарнизона...

- Вот он, высокородный префект!

- Начальнику хлебного рынка. Сколько судов с пшеницей велел ты разгрузить?

- Два, мой повелитель.

- Хорошо. Теперь приказы тюремщикам по поводу гладиаторов.

- Здесь, высокородный префект!

- Письмо Ипатии. Нет, мою возлюбленную невесту я удостою личным посещением. Клянусь жизнью, слишком много работы для человека с отчаянной головной болью!

"Моя возлюбленная невеста!" Эти слова поразили Филимона, Но в это мгновение наместник произнес другое, еще более дорогое для юноши имя.

- А теперь относительно Пелагии. Мы все-таки можем попытаться...

- Боюсь, что высокородный префект оскорбит гота...

- Да будет проклят этот гот! Я предоставляю ему свободу выбора между всеми красавицами Александрии и сделаю его наместником Пентаполиса, если ему это желательно. Публика жаждет зрелищ, а никто, кроме Пелагии, не может танцевать Венеру Анадиомену!

Вся кровь Филимона хлынула к его голове. Он едва владел собой от охватившего его отвращения и стыда.

- Народ обезумеет от восторга, когда опять увидит ее на подмостках. Эти твари и не догадываются, что я заботился о них, хотя был пьян, как Силен.

- Высокородный префект живет лишь для блага своих рабов!

- Слушай, юноша! Это письмо нужно доставить Пелагии. Что? Почему ты не берешь послания из моих рук?

- Пелагии? - пробормотал юноша. - Она будет выступать в театре? Публично? Будет изображать Венеру Анадиомену?

- Да, что это!? Кажется, ты оглох! Верно, ты тоже был пьян прошлую ночь?

- Она моя сестра...

- Ну, так что же из этого? Впрочем, я не верю тебе, мужик!..- Мгновенно сообразив в чем дело, Орест позвал телохранителей.

Дверь растворилась и появилась стража.

- Этот парень хочет изображать из себя шута. Сделайте его безвредным на несколько дней, но не причиняйте ему зла. Вчера он спас мне жизнь в то время, когда все вы, негодяи, разбежались.

Солдаты молча окружили юношу и повели его к себе в караульную службу. Тут они стали осыпать его насмешками и издеваться, желая отомстить за его вчерашнюю отвагу. Надев на Филимона тяжелые оковы, солдаты отвели пленника в тюрьму и наглухо заперли двери. Несчастный юноша остался один.

Глава

XX

Уступка в настоящем ради победы в будущем

- Подумай только, прекрасная Ипатия, что я перенес, когда в меня бросили камень и несколько сотен негодяев устремились ко мне, точно дикие звери. Еще минут десять и они разорвали бы меня на части. Как бы ты поступила в данном случае?

- Я дала бы себя растерзать на куски и умерла оставаясь верной своим убеждениям.

- Не знаю, так ли ты будешь рассуждать перед лицом смерти?

- Но разве можно человеку бояться смерти?

- Ну, если не самой смерти, то минуты агонии, которая, по крайней мере при подобных условиях, должна быть весьма неприятна. Если наш идеал, великий Юлиан, признавал необходимость некоторого лицемерия, то почему и мне не следовать его примеру? Смотри на меня, как на существо, стоящее неизмеримо ниже тебя, но поверь: достигнув власти, я докажу свою любовь к богам.

Эта беседа происходила между Ипатией и Орестом час спустя после ареста Филимона.

Ипатия устремила на наместника спокойный, пронизательный взор, в котором сквозили и боязнь и пренебрежение.

- Объяснит ли мне знатный префект, что вызвало эту внезапную перемену в его

настроении? В течение четырех месяцев ты не напоминал о своем предложении.

Она не хотела в этом сознаться, но была бы безгранично счастлива, если бы и теперь он не вспомнил о нем.

- Сегодня утром я получил вести и спешу сообщить их тебе в доказательство моего уважения. Я позабочусь, чтобы вся Александрия узнала о них сегодня же до заката солнца: Гераклиан победил.

- Победил? - воскликнула Ипатия, вскакивая с места.

- Победил и полностью разгромил императорскую армию под Остией. Так сообщил посланный, которому я вполне доверяю. Но если бы это известие и оказалось ложным, я сумею предупредить распространение противоположных слухов. Ты сомневаешься? Разве ты не согласна с тем, что наше торжество обеспечено, если такой слух с неделю продержится в народе?

- Как так?

- Я уже переговорил со всеми сановниками Александрии; все они оказались весьма благоразумными и обещали мне свою поддержку, конечно, в зависимости от успехов Гераклиана. Кому не надоел византийский двор, управляемый священниками? Да и весь гарнизон на моей стороне, точно так же, как и войска, стоящие вверх по Нилу. Ты полагала, что я бездействовал в течение четырех месяцев, но разве ты забыла, какая награда обещана мне в будущем? Ты - сама моя награда! Возможно ли быть нерадивым в виду подобной цели?

Ипатия вздрогнула, но промолчала. Орест продолжал:

- Я велел разгрузить несколько судов пшеницы, хотя презренные монахи меня чуть было не опередили - они собирались подкупить бедняков, даром раздавая им зерно. Мне пришлось подкупить монахов, приобрести запасы, уже прибывшие сюда, и распродавать их теперь понемногу, как свою личную собственность. Теперь я совсем не боюсь влияния Кирилла. К счастью, он очень много потерял в глазах богатых и образованных людей после изгнания евреев. Что касается преданной ему толпы, то боги, - тут нет монахов и я могу поблагодарить истинных виновников этой счастливой случайности! - как раз вовремя ниспослали нам дар, который приведет толпу в желанное для нас прекрасное настроение духа.

- Что это за дар?

- Белый слон.

- Белый слон?

- Да, настоящий, живой белый слон, каких уже лет сто не видывали в Александрии. Вместе с двумя ручными тиграми он был отправлен в подарок в Византию от какого-то мелкого восточного властителя. Я взял на себя смелость задержать этих зверей, и после веских доводов с моей стороны слон и тигры очутились в нашем полном распоряжении.

- Но как же ты намерен распорядиться ими?

- Дорогая повелительница, ты сама понимаешь, чем можно привлечь сердца черни. Зрелища! Что ты скажешь, если на этих же днях мы возвестим, что будет дано зрелище, какого еще не видывало нынешнее поколение? Мы будем сидеть рядом: я - как

благодетель народа, ты - как временная представительница весталок былых времен. В тот момент, когда толпа будет вне себя от восторга, один из моих преданных друзей согласно полученным предписаниям воскликнет: "Да здравствует цезарь Орест!" Другой напомнит о победе Гераклиана. Третий соединит твое имя с моим. Народ начнет ликовать. Далее выступит какой-нибудь Марк Антоний, чтобы приветствовать меня в качестве императора, августа [*Август, т. е. "священный". Титул, принятый в 27 г. до н. э. внучатым племянником Юлия Цезаря, Гаем Юлием Цезарем Октавианом (63 г. до н. э. - 14 г. н. э.). Этот титул носили и все последующие императоры.*], словом, чего угодно. Крики возрастут; я отклоню оказанную мне великую честь со скромностью, достойной самого Юлия Цезаря. Затем я приподнимусь и в прочувственной речи упомяну о будущей независимости южного материка, о соединении Африки и Египта, когда империя будет распадаться не на восточную и западную, а на северную и южную. Крики неистового одобрения, - уплачено по две драхмы на голову, - потрясут воздух. И вот, переворот совершен.

- Но, - заметила Ипатия, стараясь скрыть свое презрение и недовольство, - какое же это имеет отношение к делу богов?

- Ну, да... Если ты сочтешь, что народ достаточно подготовлен, то можешь встать и, в свою очередь, обратиться с речью к толпе. Ты можешь заранее подготовить известную группу слушателей. Укажи, что только вследствие галилейского суеверия народ был лишен зрелищ, составляющих некогда гордость империи... Что же касается настоящего зрелища, то вместе с даровой раздачей зерна оно является существенной частью моего замысла. Как ты думаешь, если я устрою, например, небольшое состязание гладиаторов? Закон это запрещает, но...

- Да, запрещает, благодарение богам!

- Моя дорогая повелительница, не советую тебе выражать такое мнение в публичном месте, так как Кирилл, со свойственной ему наглостью, не забудет подчеркнуть, что игры гладиаторов отменены христианскими епископами и императорами.

Ипатия смутилась и замолчала. Могла ли она возражать? Не был ли он действительно прав? Не опирался ли он на факты и опыт?

- Хорошо, пусть будут зрелища, если это необходимо, но все-таки гладиаторов я не потерплю! Почему не устроить вместо этого травлю диких зверей? Это тоже ужасно, но все-таки менее бесчеловечно, чем первое. Разумеется, ты можешь принять меры, чтобы люди не пострадали.

- Но это будет роза без аромата! Без опасности, без кровопролития зрелище утрачивает остроту. Вообще дикие звери теперь слишком дороги, и если мои теперешние экземпляры будут уничтожены, я не смогу заменить их новыми. Почему не воспользоваться людьми, которые ничего не стоят, например, пленниками? Недавно из пустыни прибыли ливийские пленные. Их около пятидесяти или шестидесяти человек. Почему бы не заставить их сражаться с таким же числом солдат? Это мятежники, захваченные во время восстания.

- Значит, они все равно приговорены к смерти? - спросила Ипатия, как бы желая оправдаться в собственных глазах.

- Совершенно верно. Итак, этот вопрос решен.... Перейдем теперь к более игривому, привлекательному роду представлений.

- Ты забываешь, что я сделаюсь верховной жрицей Афины как только достигну власти. Я полностью сочувствую отвращению галилеян к театру и в будущем надеюсь последовать их примеру. Не желаешь ли ты восстановить былое величие греческой драмы, поставив трилогию Эсхила или Софокла [*Софокл (495-406 гг. до н. э.). Один из трех знаменитых (Эсхил, Эврипид) греческих трагиков. Нависал свыше 100 трагедий, огромное большинство которых не дошло до нас.*].

- Это будет слишком скучно, дорогая повелительница. "Эвмениды" или "Филоклет", конечно, были бы вполне пригодны, в особенности если бы можно было подвергнуть героя настоящей пытке, чтобы его вопли сильнее подействовали на зрителей.

- Но это отвратительно!

- Хотя необходимо, как многие другие неприятные, даже отвратительные вещи.

- Пожалуй, трагедия "Орест" окажется наиболее подходящей в данном случае, - тихо проговорила Ипатия.

- Бесподобно, божественно! О, если бы благодарное потомство стало превозносить в моем лице человека, который вдохнул новую жизнь в забытые великие произведения Эсхила, возродив их на греческой сцене! Но не находишь ли ты, - продолжал искуситель, - что эти старинные трагедии внушают слишком мрачное понятие о богах, которым мы вновь готовимся поклоняться? История рода Атрея [*Царь микенский, сын Пелопса, отец Агамемнона и Менелая. По греческой легенде, над родом Пелопса тяготело проклятие богов, приведшее к ряду преступлений, от которых погибли почти все представители Атреева рода.*], при всех своих красотах, право, не занимательнее проповедей Кирилла о страшном суде и геенне, ожидающей несчастных богачей.

- Но неужели мы должны унижаться, дабы угодить грубым вкусам черни?

- Нисколько! Лично мне эти хлопоты неприятны! Но, дорогая повелительница, - "хлеба и зрелищ!" Нужно привести чернь в восторженное состояние, а достигнуть этого можно только одним путем: возбуждениями всякого рода.

- Создать толпе хорошее настроение? Возбуждать? Мне бы хотелось исправить и очистить народ, подготовить его к служению Божеству.

- Моя дорогая, возлюбленная невеста! Ты не можешь требовать, чтобы чернь так быстро оценила твои добрые намерения. Ты слишком мудра, слишком чиста, величава и дальновидна, чтобы быть понятой народом. Тебе необходимо пользоваться властью и не просить, а приказывать и принуждать. Сам Юлиан признал неизбежность насилия.

- Да отвратят боги такую неизбежность!

- Единственный способ избежать ее состоит, поверь мне, в поощрении страстей народа. Его нужно уметь обольщать ради его же собственного блага.

- Ты прав, - со вздохом заметила Ипатия, - поступай по своему усмотрению.

- Ну, перейдем же к вопросу о комических представлениях, В чем они будут заключаться?

- В чем хочешь, с одним только условием, чтобы они не были оскорбительны для

взора и слуха добродетельных женщин. Я не изобретательна по части глупостей.

- Почему бы нам не устроить празднество в честь какого-либо Божества? Это был бы лучший способ изъяснить свою преданность богам. Кого же нам избрать?

- Палладу, если она не окажется слишком возвышенной и целомудренной для твоих александрийцев.

- Но почему не попытаться счастья с презираемой, отвергнутой тобой Афродитой? Предположим, что устраивается празднество в ее честь. Оно может закончиться танцем Венеры Анадиомены. Этот миф необычайно привлекателен.

- Как миф - да, но на сцене, в действительности...

- Этот христианский город издавна привык к подобным зрелищам, и могу тебя уверить, что его нравственность от этого нисколько не пострадает.

Ипатия покраснела.

- В таком случае не рассчитывай на мое присутствие.

- Ты отказываешься показаться в театре? Нет, нет, ни за что! Эти добрые люди так высоко ставят твою особу, что тебе, дорогая повелительница, невозможно оставаться в стороне. Представь себе торжество Афродиты! Она входит, ей предшествуют дикие, закованные в цепи животные, которых ведут амуры. Тут же идет белый слон со многими другими животными. Какой простор для пластического искусства! Ты можешь изобрести различные сочетания цветов и живописные группы в строго-древнем стиле какой-либо драмы Софокла.

- Но где же будут представления?

- Конечно, в театре.

- Но успеют ли зрители пройти из амфитеатра после того...

- Из амфитеатра? Ливийцы будут состязаться с солдатами в самом театре.

- Бой в театре, посвященном Дионису!

- Дорогая повелительница, я должен был сообразить, что это нарушает все законы драмы.

- О, даже хуже! Кровопролитие оскорбляет Божество и оскверняет его алтари.

- Моя прекрасная фанатичка, вспомни, что в моем настоящем безысходном положении я вправе воспользоваться жертвенником Диониса, который я спас. Но я приму меры, чтобы святость алтаря не пострадала, и бой будет происходить только на сцене. Что касается последующей пантомимы, то Дионис, наверное, охотно предоставит свой жертвенник для апофеоза возлюбленной, - если ты только одобришь мой план празднества Афродиты.

Молодая девушка поняла, что хитрый льстец отрезал ей путь к отступлению.

- Скажи, пожалуйста, кто будет играть роль Венеры Анадиомены, покрывающую позором и меня, и тебя?

- О, это будет главная приманка всего представления! Милостью богов, я заручился обещанием... Отгадай чьим?

- Какое мне до этого дело и откуда я могу это знать? - с негодованием возразила Ипатия, помнившая только одно ненавистное имя.

- Самой Пелагии.

Молодая девушка гневно выпрямилась.

- Нет, этого я не могу потерпеть! Ты настойчиво требуешь от меня исполнения обещания, которое я тебе дала только при известных условиях. Вчера ты публично назвал себя христианином, а сегодня смешишь меня уверениями, что дней через десять восстановишь культ богов, от которых отрекся. Без меня ты решил все вопросы, по которым ты якобы ожидал от меня помощи и совета. Ты приказал мне занять место в театре в качестве приманки, игрушки и жертвы, чтобы краснеть перед зрелищем, равно возмутительным для богов и людей! И в заключение ты требуешь от меня еще худшего. Ты хочешь, чтобы я присутствовала при новых успехах женщины, издевающейся над моими поучениями, обольщающей моих учеников, оскорбляющей меня в моей собственной аудитории. В течение последних четырех лет она далеко превзошла Кирилла по части искоренения добродетели и мудрости. О, возлюбленные боги! Когда же кончатся муки, ниспосланные вами вашей жрице, отстаивающей нетленную славу олимпийцев перед лицом извращенного поколения?

Несмотря на присущую Ипатии гордость и на присутствие Ореста, на глазах девушки показались слезы. Голос ее дрожал.

Орест смутился от этой вспышки благородного негодования, но при последних словах Ипатии, произнесенных более грустным и мягким тоном, он взглянул на нее с мольбой. Он думал в это мгновение:

"Она безумная фанатичка! Но она удивительно хороша, и я должен обладать ею!"

- Ах, дорогая, несравненная Ипатия! Что я натворил, я безрассудный глупец! Я оскорбил тебя и погубил дело богов, для которых наравне с тобой готов пожертвовать всем и всеми!

- Погубил дело богов? - переспросила Ипатия с удивлением.

- Я понял смысл твоих слов. Ты решила бросить меня, несчастного, а следовательно лишаешь меня своей помощи и поддержки.

- Всемогущие боги не нуждаются в людской помощи!

- Пусть так! Но почему же не Ипатия, а Кирилл повелевает народными массами Александрии? Только потому, что он и его приверженцы борются и страдают за своего Бога. И почему забыты старые боги, моя прекрасная учительница? А ведь они действительно забыты!

Ипатия дрожала, как в лихорадке. Орест продолжал кротким заискивающим голосом:

- Я не ожидаю ответа на свой вопрос, я молю только о прощении. Я не знаю, в чем заключается мой проступок, но с меня достаточно сознания моей виновности.

Ипатия покраснела и отвернулась, встретив взор Ореста, устремленный на нее с искренним восторгом. Да, она была женщиной и фанатичкой. Она должна сделаться императрицей! Голос Ореста был так благозвучен, его движения отличались таким изяществом! Ей стало жаль его.

- А Пелагия? - спросила она, наконец, овладев собой.

- Я жалею, что встретился с ней. Но, право, я был уверен, что ты одобришь мой образ действий.

- Я? Почему же?

- Подумай только, - ты можешь навеки освободиться от докучливой женщины, если согласишься на это представление.

- Как так?

- Ее вторичное появление на подмостках выставит ее в весьма непривлекательном свете перед мелочными александрийцами, охотниками до скандалов и сплетен. Впоследствии она вряд ли дерзнет называться подругой героя, происходящего от богов, или навязывать свое присутствие Ипатии, как будто она дочь какого-то консула.

Искушение было так соблазнительно, а искушитель был так вкрадчив и изворотлив, что Ипатия прекратила спор.

- Если это необходимо, - делай... Я уйду к себе и начну писать оду. Впрочем, избавь меня от всякого общения с этой женщиной, самое имя которой мне стыдно произносить... Свое произведение я пришлю тебе, и пусть она придумывает танцы, какие ей вздумается. Я не буду руководствоваться ни ее вкусом, ни ее способностями.

- А я, - заговорил Орест с горячей признательностью, тоже ухожу, чтобы заняться приготовлениями. Прощай, царица мудрости! Твоя философия особенно привлекательна, когда она умеет примирять отвлеченную красоту с практическими требованиями современного вкуса.

Орест откланялся, а Ипатия, несмотря на тягостное настроение, начала работать над одой.

Тем временем в политической жизни города все шло своим чередом. На всех общественных зданиях красовались объявления, извещающие о победе Гераклиана, и по разговорам в толпе было ясно видно, что ей все равно, кто властвует в Риме или даже в Византии.

Друзья Ореста не упускали случая появляться то тут, то там, намекая, что недурно было бы сохранить подати в собственном кармане и не отсылать их в Рим, слишком много тратящий на содержание армии. Александрия была некогда главным городом независимого государства. Почему бы не вернуть ее прежнее значение?

В это же время началась бесплатная раздача зерна. Давали много; распространились слухи о всеобщем помиловании заключенных, а так как почти всякий преступник имеет родных и друзей, считающих его мучеником, то большинство партий сочувственно относилось к новым веяниям. Мыльный пузырь, ловко пущенный Орестом, раздувался, увеличиваясь в объеме и переливаясь всеми цветами радуги, то время как Ипатия в мучительной тоске сидела дома, работая над одой в честь Венеры Урании. Орест почти ежедневно навещал девушку-философа и надоедал ей своим присутствием.

Через несколько дней после казни Аммония наместник получил от одного из своих телохранителей известие, что труп распятого вместе с крестом, к которому он был пригвожден исчез без следа. Толпа нитрийских монахов похитила труп казненного на глазах у испуганной стражи. Орест, конечно же, догадался, что его солдаты были подкуплены и допустили кражу. Не прошло и суток после похищения трупа, как на улицах Александрии появилась духовная процессия, к которой присоединились городской сброд и набожные христиане Александрии. Толпы монахов из Нитрии,

священники, дьяконы, архидьяконы и сам Кирилл в полном облачении - все они окружали богато украшенные носилки, на которых лежал похищенный труп Аммония, причем проколотые гвоздями руки и ноги мученика были обнажены, дабы произвести большее впечатление.

Мимо окон дворца Ореста, вдоль набережных и почти до ступеней Цесареума бесконечной вереницей тянулась эта процессия. Через полчаса один из служителей, едва переводя дыхание, доложил злополучному властелину города, что жертва его жестокости покоится на парадном катафалке посреди церкви и что мученик причислен к лику святых. Теперь погибшего именовали не Аммонием, а "Томазием несравненным", а его великие добродетели и героическую смерть Кирилл описал в пространной проповеди.

Что было делать наместнику? Конечно, он мог послать в церковь отряд солдат, приказав им забрать тело казненного, но станут ли солдаты повиноваться? Орест решил стерпеть обиду и целый час проклинал всех святых и мучеников, христиан и язычников. Затем он начал писать подробный отчет о случившемся, сообщая все тому же самому византийскому двору, против которого готовился восстать. Он не сомневался, что в тот же день в Византию будет отправлено другое послание - от самого Кирилла, только иначе истолковывающее происшедшее.

Глава

XXI

Воинственный епископ

В небольшой, бедно обставленной комнате сельского дома, выстроенного наподобие крепости, сидел Синезий, епископ Киренейский. На столе возле него стоял кубок с вином, к которому он, очевидно, еще не прикасался. Медленно и грустно допивал он что-то при тусклом свете лампы, а затем закрыл лицо руками и заплакал. В это время вошел послушник, доложивший, что Рафаэль Эбен-Эзра его видит. Синезий встал и с удивлением и тревогой направился к двери.

- Нет, попроси его лучше сюда. Я не в силах входить по вечерам в те опустевшие, заброшенные комнаты.

Синезий, стоя, ожидал своего гостя. Когда Рафаэль вошел, епископ схватил его за обе руки и хотел заговорить, но голос его прервался.

- Ничего не рассказывай мне сейчас, - произнес Рафаэль, усаживая его в пустое кресло. - Я все знаю.

- Ты все знаешь? Неужели же ты так мало похож на остальное человечество, что все-таки пришел навестить покинутого и обездоленного старика?

- О, не хвали меня! Я такой же, как все. Я ведь пришел с эгоистическими целями, надеясь получить от тебя утешение. Но я был бы безгранично счастлив, если бы Бог помог мне успокоить тебя. Твои слуги мне все рассказали.

- И все-таки ты захотел меня видеть! Разве я в состоянии поддержать тебя? Нет, я никому больше не нужен! Я одинок и бесполезен, - каким родился, таким и умру. Мой

последний ребенок, мое последнее, любимое дитя отнято вместе с остальными. Благодарю Создателя, что он даровал мне один день покоя, так что я успел похоронить моего бедного мальчика рядом с его матерью и братьями. Но кто знает, долго ли останутся неприкосновенными дорогие мне могилы?

- Отчего умер бедный ребенок? - спросил Рафаэль, желая утешить или отвлечь старика.

- От чумы. Какая иная участь может ожидать нас в атмосфере, отравленной тлением трупов, среди целых стай орлов-стервятников? Я со всем бы примирился, если бы мог действовать и бороться. Но сидеть по целым месяцам, словно пленник, в этой ненавистной башне, каждую ночь видеть зарево пылающих жилищ, слышать изо дня в день вопли умирающих и пленных, - ты знаешь, теперь они убивают всех мужчин, до грудного младенца включительно, - и при этом сознавать свою немощь и ждать конца, как параличный идиот! Я жажду открытой борьбы, чтобы умереть с мечом в руке - я ведь единственная и последняя надежда моих прихожан. Наместник не обращает внимания на наши жалобы.

Но что я делаю! Я распространяюсь о собственных горестях, вместо того чтобы выслушать тебя!

- О нет, дорогой друг, ты говоришь о страданиях твоего края а не о себе лично. Что касается меня, то меня терзает отчаяние, но оно неизлечимо. По-моему, тебе не следует тут оставаться. Почему бы тебе не бежать в Александрию?

- Я хочу умереть на посту, как жил до сих пор и как подобает отцу своего народа. Когда настанет конец, и сама Кирена будет освобождена, я вернусь в город со своего передового укрепления, чтобы победители застали епископа перед алтарем с бескровной жертвой в руках! Но не будем более толковать об этом. Я еще могу угостить тебя и после ужина с удовольствием выслушаю твой рассказ.

Гостеприимный епископ позвал слуг и посадил их за работу, желая оказать гостю самый радушный прием, насколько это допускали обстоятельства военного времени. Со свойственной ему проницательностью Рафаэль отправился к Синезию в надежде получить помощь, но безо всякой определенной цели; без сомнения, он не искал у него утешений философского свойства и руководствовался только желанием увидеть единственного христианина, который еще не разучился смеяться от души. Впрочем, вполне возможно, что Рафаэль питал смутную надежду встретить в доме Синезия только что покинутых им спутников. Как мотылек, привлекаемый огнем, он стремился к обаятельной и своеобразно прелестной Виктории, в чем и покался Синезию после ужина, добавив, что страстно ищет случая вторично опалить себе крылья огнем любви.

Впрочем, добрый старик нелегко добился этой исповеди. Он видел, что у Рафаэля тяжело на душе и хотел облегчить его состояние откровенной беседой. Синезий начал выведывать тайну Рафаэля участливыми вопросами и на время забыл о собственном горе. Но Рафаэль сильно изменился; он утратил возможность к блестящей, едкой насмешке и даже лишился природного юмора. Казалось, что его пожирала лихорадка; он был тревожен, задумчив, говорил отрывочно и с видимой неохотой, как будто скрывая слезы, готовые хлынуть из глаз. Любопытство Синезия возрастало, но он был

крайне недоволен, так как Рафаэль упрямо отказывался объяснить положение тому самому врачу, к которому пришел за советом.

- Чем же ты мог бы помочь мне, если бы я тебе все рассказал? - отнекивался Рафаэль.

- Так позволь мне спросить тебя, дорогой друг, зачем ты приехал ко мне, раз ты не желаешь говорить со мной вполне откровенно?

- Странный вопрос! Я хотел насладиться обществом самого приятного собеседника в Пентаполисе.

- Но стоило ли из-за этого предпринимать такое далекое путешествие, рискуя жизнью?

- Кто не дорожит жизнью, для того опасности не существует.

- Признайся мне лучше откровенно во всем. Может быть мне удастся помочь тебе, хотя в практических делах я не могу быть тебе полезен.

- Ну, хорошо, если тебя интересует моя повесть, то слушай.

И торопливо, точно стыдясь своей исповеди, но подчиняясь потребности излить свою душу, Рафаэль рассказал Синезию все, от первой встречи с Викторией до своего бегства в Веренику.

К великому удивлению Эбен-Эзры добрый епископ, по-видимому, нашел все это довольно забавным. Он посмеивался, потирал руки, кивал головой. Может быть он хотел ободрить рассказчика, а может быть думал, что положение Рафаэля не так безнадежно, как тот полагал.

- Если ты издеваешься надо мной, Синезий, то я умолкну. Мне нелегко тебе признаться, что я влюбился как шестнадцатилетний мальчик.

- Издеваться над тобой! Ты хочешь сказать: посмеяться вместе с тобой... Это ее-то в монастырь? Ха-ха! Я убежден, что у старого префекта достаточно здравого смысла и что она не отклонит такую выгодную партию.

- Ты забываешь, что я не имею чести быть христианином.

- Так мы тебя сделаем им. Я знаю, ты не захочешь, чтобы я окрестил тебя, ты всегда потешался над моей философией. Но завтра прибудет сюда Августин.

- Августин?

- Да, завтра, на заре, я выступаю со значительным вооруженным отрядом, чтобы встретить и сопровождать его. Конечно, по дороге туда и обратно мы поохотимся, так как вот уже две недели, как мы питаемся только овощами. Августин быстро исцелит тебя от иудейства. Остальное предоставь мне. Я попытаюсь выяснить дело тем или другим способом и думаю, что мне это удастся. Не стесняйся! Для бедняги, у которого нет другого дела, это будет приятным развлечением. Если же ты не хочешь принимать от меня безвозмездных услуг, то и это можно устранить. Дай мне в долг три или четыре сотни золотых, в которых я, ей-Богу, сильно нуждаюсь. Само собой разумеется, что ты их больше не увидишь!

Рафаэль невольно рассмеялся.

- Я вижу, что Синезий остался по-прежнему достойным потомком своего предка Геркулеса. Правда, он отказывается очистить Авгиевы стойла моей души, но горячится, как старый боевой конь. Дорогой друг, меня нередко соблазняла мысль принять

христианство, но отчасти скромность, отчасти чувство чести удерживали меня. Прежде я не испытывал ничего подобного. Но перед Викторией я не в силах притворяться и не посмел бы заглянуть ей в лицо, если бы скрывал от нее что-либо.

- А может быть ты проникнешься христианским духом?

- Это невозможно! Я бы стал сомневаться в собственных побуждениях, я бы вечно опасался, что изменил своей религии из-за своекорыстного желания и обманул самого себя.

- Ты странный человек, - почти сердито заметил Синезий. - Едва достигнув спасительного утеса, ты снова хочешь броситься в воду. Ты находишь в этом какое-то странное наслаждение.

- Большое наслаждение сойтись в рукопашной с самим дьяволом! Видишь ли, я уже давно перестал верить в его существование. Но вот, возродившись для всего возвышенного и достойного, я снова почувствовал, что вокруг моей шеи обвивается холодная змея. Ты не поверишь, сколько адских мыслей возникло за последнюю неделю в моей голове! Вот, взгляни! Это закладная на все имущество ее отца! По внушению Бога или сатаны я купил ее у ростовщика в тот же день, как покинул их в Веренике, и они теперь всецело в моей власти. Я могу их погубить, продать в качестве невольников, предать смерти, как мятежников! А не нанять ли дюжину молодцов и, похитив ее, разом разрубить Гордиев узел? Нет, не осмелюсь! Я должен быть чист, чтобы приблизиться к ней. Я должен быть честен, чтобы прикоснуться губами к ногам этой целомудренной девушки. Не знаю, откуда взялась у меня эта совесть, но она есть. Даже эту закладную я ненавижу, проклиная, словно демона-искусителя.

- Сожги ее, - спокойно заметил Синезий.

- Может быть я так и сделаю. Во всяком случае я никогда не воспользуюсь ею. Принудить Викторию? О, нет. Я слишком горд или слишком честен, называй как хочешь, и даже просить ее не стану! Она должна сама прийти ко мне по собственной воле, должна сказать мне, что любит меня, будет моей и сделает меня достойным себя. Она должна сжалиться надо мной по собственному побуждению.

- Да поможет тебе Господь в этой великой борьбе, сын мой, - сказал Синезий и прослезился.

- Все это не великая борьба! Это гнусная, отвратительная в мужчине робость, особенно в таком человеке, который прежде не страшился ни Бога, ни людей, ни черта, а теперь так низко пал, что трепещет перед беспомощной девушкой.

- Нет, - снова прервал его Синезий, - это благородный, священный страх! Ты трепещешь перед нравственной чистотой девушки. Мужайся, твою слабость подкрепит Господь своей силой.

На следующее утро, задолго до восхода солнца, Рафаэль в полном вооружении ехал рядом с Синезием. За ними следовали четыре или пять пар крупных борзых и верная Бран. Ее обрезанные уши и широкая голова служили неистощимой темой разговора для двадцати воинов, которые были взяты не только для охоты, но и ввиду возможного нападения разбойников. Воины ехали позади епископа на измученных степных лошадях, несших тяжелую службу, но получавших очень мало корма.

Охотники проехали несколько миль мимо разоренных деревень и покинутых мыз, откуда временами, пугливо озираясь, выходили жители, чтобы поведать несчастному епископу историю своих страданий. Они не просили у него подаяния и даже сами упрашивали принять в дар то немного зерна, то какую-нибудь домашнюю птицу, - жалкие остатки, уцелевшие от разгрома. Едва только охотники миновали разоренную и обезображенную войной местность, как сангвинический темперамент добродушного пастыря немедленно дал о себе знать. Он начал ласкать собак, болтал с воинами, строил планы охоты и убеждал своих спутников не плошать, потому что вечерний ужин всецело зависел от их ловкости и удачи.

Наконец, компания охотников миновала последние нивы и очутилась среди большой открытой равнины, поросшей кустарником и молодым лесом. Равнина местами пересекалась ложбинами, некогда густо застроенными и заселенными.

- Здесь, - заговорил Синезий, - мы будем охотиться. Теперь настало время забыть на минуту горести и предаться радостям благородного искусства. Мы живем в век трусов, Попытаемся забыть о нем, да и о нас самих.

- Даже о философии и об Ипатии? - лукаво спросил Рафаэль.

- Я покончил с философией. Биться, как потомок Геркулеса, и умереть, как подобает епископу, - вот все, что мне осталось, если не считать моей неизменной симпатии к мудрой и вдумчивой Ипатии. Уверю тебя, друг мой, - среди самого глубокого горя я нахожу утешение в сознании, что на нашей грешной, развращенной земле еще может жить такое дивное существо.

Синезий начал превозносить свой идеал в самых напыщенных выражениях, но Рафаэль прервал его.

- Боюсь, что наши общие симпатии к ней объясняются некоторой слабостью. С некоторого времени я сомневаюсь и в ней, и в философии.

- Но ты, надеюсь, не подвергаешь сомнению ее добродетель?

- Ни добродетель, ни красоту, ни ум! Я только пришел к убеждению, что она не в состоянии сделать меня лучшим, чем я есть. Ты скажешь, что я сужу со своей, эгоистической точки зрения. Пусть так... Какой у тебя благородный конь!

- Да, когда-то он был таковым, а теперь поизносился, как и его хозяин, как и наше общее благополучие.

- Бедненькая, - воскликнул вдруг Синезий, заметив степную козочку, выскочившую из кустов у самых его ног. - Тебе, я вижу, не избежать супного котла в теперешнее тяжелое время!

И ловким взмахом аркана достойный епископ захлестнул петлю вокруг длинных ног животного, притянул его к седлу, а затем передал одному из верховых.

- Только зарежь ее скорей, не давай ей бляеть, малый. Она кричит, как ребенок... А вон свежий след страуса!

Синезий сразу умолк и стал осторожно взбираться по откосу.

- Назад! - произнес он наконец. - Тихонько пригнись, как я, к шее лошади, а то длинноногие мошенники могут заметить нас. Они тут, поблизости. Я отлично знаю их любимую лужайку. Обогнем холм с той стороны, а не то они нас почуют, и тогда -

прости-прощай!

В сопровождении верхового Синезий осторожно двинулся вперед, держась одной рукой за шею лошади. Рафаэль тщетно старался ему подражать. Затаив дыхание, Синезий остановился на выступе холма, посмотрел вниз и, трепеща от восторга, поднял два пальца, показывая число птиц.

- Они слишком далеко! Спусти собак, Сифакс!

Через минуту Рафаэль мчался во весь опор с пригорка, а две борзых с непостижимой быстротой гнались за страусами, великолепные перья которых развевались по ветру. - Какой я еще ребенок! - воскликнул Синезий, и в его глазах блеснули слезы радостного возбуждения.

Рафаэль тоже увлекся и, отдаваясь бешеной скачке через камни, холмы, ручьи и песчаные заносы, забыл все на свете, даже Викторю.

- Берегись пересохшего русла! Бодрись, старый конь! Еще две минуты! Против ветра страусы не могут бежать с такой быстротой. Расступитесь вправо и влево, дети мои, и бросьтесь на них, как только они покажутся.

Страусы, как и предвидел Синезий, не смогли больше бежать против ветра, мощно рассекая воздух распушенными перьями. Благодаря попутному ветру, бег их достигал невероятной быстроты.

- Наезжай на них, Рафаэль, и загони в кусты! - крикнул Синезий, положив стрелу на натянутую тетиву.

Рафаэль повиновался, и птица метнулась в низкий кустарник. Хорошо выдрессированная лошадь прыгнула на нее, как кошка, а Рафаэль, не доверяя своему искусству в стрельбе, ударил бичом по длинной шее благородного животного и свалил его на землю. Он хотел было соскочить с седла и ринуться к своей добыче, но Синезий остановил его.

- Ты с ума сошел! Он ногой вышибет из тебя дух! Предоставь его собакам!

- А где же другой? - воскликнул Рафаэль, едва переводя дыхание.

- Там, где ему следует быть. Когда я бью птицу на лету, я редко промахиваюсь.

- Ты, право, перещеголял бы даже императора Коммода!

- Ты думаешь? Однажды... Но что это такое? - и он указал на облако беловатой пыли, которая клубилась в стороне от долины. - Стадо антилоп? - Если это так, то Бог, действительно, покровительствует нам. Собирайтесь! Нечего зря терять время.

И, созвав свой рассыпавшийся отряд, Синезий поспешил навстречу приближавшемуся столбу пыли.

- Антилопы! - кричал один.

- Дикие лошади, - говорил другой.

- Нет, это люди! - с раздражением воскликнул Синезий. - Я вижу блеск оружия.

- Это - авсуры! - раздался всеобщий бешеный воз глас.

- Последуете ли вы за мной, дети мои?

- Мы готовы умереть с тобой!

- Я это знаю. О, если бы у меня было вас семь сотен как у Авраама, тогда мы увидели бы, какая участь постигла бы этих негодяев!

- Счастливым человеком, в наше время ты еще можешь доверять своим рабам, - заметил Рафаэль, когда воины поскакали вперед, держа оружие наготове.

- Рабы? Я, так же как и они, давно забыл, что по закону имею право продать некоторых из них, если они того заслуживают. Их отцы состарились за столом моего отца, и дай Бог, чтобы то же самое выпало и на долю их детей. Мы вместе едим и работаем, охотимся и сражаемся, шутим и плачем. Да поможет нам Бог! Ну, молодцы, - теперь вы узнали врага?

- Это - авсуры, святой отец. Та самая шайка, которая на прошлой неделе устроила налет на Мирсинит.

- А с кем они сражаются?

Этого никто не мог сказать. Несомненно шел бой, но жертвы находились позади разбойников. Отряд поскакал вперед.

- Хотел бы я знать, с кем сцепились авсуры? - заметил Синезий. - Крестьяне давно были бы перерезаны, а солдаты не замедлили бы обратиться в бегство. В нашем краю схватки, продолжающиеся около десяти минут, чрезвычайно редки. Кто это может быть? Теперь я вижу, - они сражаются, как настоящие герои. Все они пешие, кроме двоих, а у нас ведь нет ни одной когорты пехотинцев.

- Я знаю, кто они! - воскликнул Рафаэль, пришпорив коня. - Эти латы я узнаю из тысячи других; я вижу посредине носилки, а впереди идут воины. Мы станем биться насмерть!

- Тише, тише, - увещевал его Синезий. - Поверь старому и, к сожалению, лучшему рубака в нашей несчастной стране. Свернем в ущелье, чтобы атаковать варваров с фланга. Таким образом они нас не увидят, пока мы не очутимся в двадцати шагах от них. Тебе есть еще чему поучиться у меня, Эбен-Эзра!

Храбрый епископ засмеялся, обрадованный предстоящей борьбой. Его небольшой отряд ловко свернул в сторону, а через несколько минут выскочил из ущелья и с бодрым боевым кличем начал осыпать неприятеля градом стрел.

Рафаэль попытался нанести удар одному из находившихся поблизости грабителей, но вдруг очутился на земле под ногами лошади. Поднимаясь, он увидел перед собой высокого человека в епископском облачении. Вместо того, чтобы рассмеяться как Рафаэль, старик торжественно приподнял руку, благословляя его. Молодой еврей не обратил внимания на это благосклонное приветствие и поспешно вскочил с земли. Рассеянные группы авсуров скрывались между холмами, а Синезий стоял рядом с ним, вытирая окровавленный меч.

- Носилки целы? - был первый вопрос Эбен-Эзры.

- Целы и невредимы, как и все мы, но тебя я считал погибшим, когда увидел, что тебя пронзило копьё.

- Меня пронзило копьё? Моя кожа невредима, как шкура крокодила. - смеясь, возразил Рафаэль.

- Вероятно, этот негодяй ударил тебя рукояткой, а не острием. Я видел, как ты поразил трех или четырех авсуров, и они бежали.

- Ах, вот чем объясняется дело. В былое время я считался лучшим бойцом на мечах...

- Мне кажется, ты думал совсем не о разбойниках, а о ком-то другом, - лукаво заметил Синезий, указывая на носилки.

Рафаэль покраснел, как пятнадцатилетний юноша, и вернувшись, сев на лошадь, сказал:

- Да, я доказал свою неловкость.

- Благодарю лучше Бога, за то, что он предупредил кровопролитие, - кротко произнес незнакомый епископ. - Нам дарована победа и мы не должны негодовать, что Творец пощадил не только тебя, но и других людей.

- Мне только досадно, что целая куча негодяев спаслась и будет продолжать грабежи, поджоги и убийства, - сказал Синезий. - Впрочем я не хочу спорить с Августином.

С живым интересом смотрел Рафаэль на знаменитого епископа. Это был старик высокого роста, с тонкими чертами лица, изборожденного, как и высокий лоб глубокими морщинами, свидетельствовавшими о пережитых сомнениях и страданиях. Кроткая, но непреклонная решимость выражалась в тонких, плотно сжатых губах и ясном, безмятежном взгляде.

Молодой еврей недолго наблюдал за епископом. Кто-то окликнул его и он неожиданно очутился в дружеских объятиях Майорика и его сына.

- Итак, мы тебя опять нашли, наш милый, непостоянный друг! - воскликнул молодой трибун. - Видишь, тебе не удалось отделаться от нас.

- То есть уклониться от нашей благодарности, - добавил отец. - Теперь мы вторично обязаны тебе своим спасением. Плохо нам пришлось, когда ты нас покинул.

- Присутствие Рафаэля приносит с собой удачу и благо, где бы он ни появился; несмотря на это, он называет себя зловещей птицей, которая пророчит дурное, - со смехом заметил трибун, поправляя свои латы.

Рафаэль был очень рад, что старые друзья не укоряют его за непонятное исчезновение, но тем не менее сухо заметил:

- Благодарите кого угодно, только не меня; я показал себя по обыкновению глупцом. Но что вас привело сюда? Я бы просто не поверил такому стечению обстоятельств, да еще в такое время.

- А между тем все объясняется очень просто, дорогой друг. Мы застали Августина в Веренике перед самым его отъездом к Синезию и были почти уверены, что встретим тебя, а потому решили сопровождать Августина в качестве конвоя, так как никто из его трусливого гарнизона не решался выехать из города.

- А где твоя дочь? - осмелился спросить Рафаэль, не видя молодой девушки.

- Она там, на носилках, мое бедное дитя, - грустно ответил отец.

- Она здорова, надеюсь?

- К сожалению, нет; накопленная усталость и тревога, вероятно, вызвали у нее полное изнеможение. Как только мы избежали опасности, Виктория заболела. Может быть, нас постигла кара Божия... Кто знает, не заслужил ли я ее? Во всяком случае она истерзана и телом, и душой, особенно с тех пор, как ты покинул нас в Веренике.

Простодушный воин не понимал значения собственных слов, а между тем они сильно взволновали Рафаэля.

- Подойди сюда, Эбен-Эзра, - раздался приветливый голос Синезия. - Ты уже принял благословение Августина и теперь можешь воспользоваться им. Иди же, оба вы философы и должны познакомиться друг с другом. Святой муж, просвети моего друга, являющегося одновременно и мудрейшим, и полезнейшим из людей.

- Соглашаюсь только с последним, - подтвердил Рафаэль, - но готов с глубоким почтением внимать Августину, в особенности, когда мы благополучно достигнем дома, у нас ведь достаточный запас дичи для новых гостей Синезия.

Он отвернулся и молча, погруженный в глубокое раздумье, поехал вслед за своими спутниками, которые рассуждали о планах Майорика и его воинов.

Постепенно Рафаэль заинтересовался беседой Августина. Епископ говорил о плохом управлении и об упадке Кирены так же откровенно и с таким же знанием дела, как любой государственный деятель. Когда его собеседники не могли решить какой-нибудь вопрос, Августин устранял эту трудность простым практическим замечанием. По его совету Майорик привел с собой воинов, которые должны были в течение определенного срока защищать эти отдаленные южные границы провинции.

- Вы забываете, друзья мои, - сказал Майорик, - какой опасности подвергаетесь вы, давая приют мятежникам.

- Царь царей простил тебе твое возмущение и наказал тебя в достаточной мере лишением имущества и почестей, и теперь тебе приходится на деле доказать свое раскаяние, - сказал Августин.

- Что же касается мятежников и самого мятежа, - заговорил Синезий, - то это неприменимо к нашей стране, так как возмущение немыслимо там, где нет правителя. Мы считаем верноподданным всякого, кто оказывает нам помощь в борьбе с авсурами. Вы видите, что не рискуете попасть в среду доносчиков и интриганов. Весь вопрос лишь в том, будете ли вы довольствоваться своим жалованием, так как, - добавил он, понизив голос, - вы буквально ничего не получите.

- По заслугам и вознаграждение, - ответил молодой трибун, - Но мои воины любят поеть.

- В их распоряжении будет вся дичь, все страусы... все, что они сумеют добыть охотой. У меня нет ни одной монеты в кармане, и я даже вынужден питаться и кормить всех исключительно мясом, так как все плоды и прочие запасы сожжены или уничтожены на много миль вокруг.

- На нет - и суда нет, - произнес Августин, не зная, что сказать.

Рафаэль очнулся и спросил:

- Суда с пшеницей уже отплыли в Рим из Пентаполиса?

- Орест задержал их одновременно с александрийским транспортом.

- В таком случае, поверьте мне, зерно в руках евреев, а чем они владеют, то принадлежит и мне. Я отдал в оборот некоторую сумму денег и через месяц или два могу уладить дело. Дайте мне завтра отряд для охраны, и я вас снабжу пшеницей.

- Но, великодушнейший из друзей, я не смогу заплатить тебе за это.

- Это безразлично! За последние тридцать лет я промотал попусту столько денег, что, право, не мешает заняться их полезным применением. Но захочет ли епископ Гиппона

воспользоваться добровольным предложением еврея?

- Кто из трех, - возразил Августин, - был полезнейшим для человека, попавшего в руки разбойников, если не тот, который сжалился над ним? Говорю тебе, друг мой Рафаэль Эбен-Эзра, ты не далек от царства божьего.

- Но какого Бога? - лукаво спросил Рафаэль.

- Бога предка твоего Авраама, которому, как ты услышишь, мы будем молиться сегодня вечером, если на то будет его воля. Синезий, есть ли у тебя церковь, где бы я мог совершить вечернее богослужение и сказать слово утешения и наставления моим детям?

Синезий вздохнул:

- Месяц тому назад у меня была церковь, а теперь осталась только развалина.

- Но все же это по-прежнему храм!

Всадники, разъехавшиеся в различных направлениях в поисках дичи, вскоре вернулись, нагруженные добычей, и все общество еще до наступления сумерек достигло дома Синезия. Больную Викторину поручили попечению старой ключницы епископа. Воины прошли прямо в церковь, в то время как слуги Синезия, не понимавшие службы на латинском языке, занялись приготовлением еды.

Среди почерневших от дыма столбов, под полуразрушенными стропилами церкви началось богослужение. Рафаэлю было странно слышать здесь величественные древние псалмы своего народа и песнопения, которые, по словам раввинов, пелись еще при богослужении в Иерусалимском храме.

Началась проповедь. Августин склонился перед разрушенным алтарем, и лунный свет, падая сквозь пробитую крышу, осветил морщины его лица. Рафаэль с нетерпением ожидал его речи. Что-то скажет этот тонкий диалектик, бывший учитель языческой риторики, ученый-исследователь и аскетический философ? Что связывает Августина с этими суровыми воинами - фракийцами, маркоманами, галлами и белгами?

Начало проповеди казалось Рафаэлю неудачным, несмотря на обаятельный голос, благородную осанку и красоту речи Августина, поражающей изяществом выражений. Но постепенно перед слушателями развернулся целый ряд картин и образов. Это была не восторженная декламация, а скорее драматический монолог, изобилующий вопросами, намеками и укорами, имеющими отношение к общераспространенным недостаткам среди солдат. Августин умел затронуть самые сокровенные струны любой человеческой души, так как ему были знакомы прегрешения людские. К концу проповеди Рафаэль вспомнил доброе старое время, когда он, бывало, сидел на коленях у няньки и слушал легенды о Соломоне и царице Саввской.

А что если Августин прав? Если Иегова Ветхого завета - не только покровитель детей Авраама, но и владыка всей земли и всех народов, населяющих ее? А может быть Августин имеет право идти дальше Ипатии, и Иегова есть действительно Бог не только плоти, но и духа?

У Рафаэля возникло много вопросов, и вечером, в комнате Синезия, он вынес их на всеобщее обсуждение. Майорик с грубоватой простотой солдата направил Рафаэля на Августина; еврей попробовал сначала отделаться шутками, но, пытаясь опровергнуть

какое-то воззрение епископа, вскоре убедился, как трудно сбить с позиции этого серьезного, рассудительного человека. Он несколько раз горячился и, поощренный поддержкой Синезия, вступил в оживленные философские прения с Августином, продолжавшиеся до самого рассвета. В пылу спора Рафаэль забыл все на свете и, конечно, не подозревал, что в соседней комнате Виктория всю ночь на коленях молилась за него. В долетавшем до нее гуле голосов она тщетно пыталась уловить смысл отдельных слов и никому, даже самой себе не решалась признаться, что все ее счастье и земные надежды зависели от исхода этого спора.

Глава

XXII

Безумная оргия

Где же был Филимон в течение всей этой недели?

Первые два дня он метался в темнице, как дикий зверь, попавший в капкан.

Мысль о том, что его планы разрушены и силы скованы приводила его в бешенство. Он тряс решетку окна и с воплями отчаяния бросался на пол. Напрасно призывал он Ипатию, Пелагию, Арсения - всех, кроме Бога. Молиться он был не в силах. Он не решался молиться, не знал даже, к кому обращаться. К звездам? К бездне или к вечности?

В мучительном смятении и безнадежной тоске молил он каждого караульного и часового, проходившего мимо его кельи, и заклинал их, как братьев, как отцов, как людей, помочь ему. Но бедный узник как будто лишался дара речи, тогда тюремщики, обещая свое содействие, предлагали ему рассказать о своих страданиях.

Так, в состоянии тупого изнеможения, провел узник целую неделю и едва не лишился рассудка. Филимон перестал различать смену дня и ночи, не прикасался к пище которую ему приносили, и по целым часам сидел неподвижно на полу, охватив голову руками. Им овладела полудремотная апатия. Зачем двигаться, есть, пить? Во всей вселенной для него существовала только одна цель, но ее-то как раз он и не мог достигнуть.

- Вставай, сумасшедший! - воскликнул хриплый голос. - Вставай и благодари благосклонных богов и нашего милостивого, великодушного наместника. Сегодня он даровал свободу всем заключенным, и я думаю, что такой красивый юноша, как ты, сумеет воспользоваться ею не хуже безобразных негодяев.

Филимон поднял голову и взглянул на тюремщика. Он не совсем понимал его слова.

- Слышишь, что ли? Ты свободен, - повторил тот с проклятием. - Вставай и выходи, а не то я опять запру дверь и ты навеки лишишься удобного случая.

- Танцевала ли она Венеру Анадиомену?

- Она? Кто она?

- Пелагия, сестра моя.

- Одному Богу известно, что только она не танцевала в свое время. Говорят, будто сегодня опять пляшет. Выходи скорее! А то я опоздаю на представление. Оно начнете

через час. Сегодня в театр пускают всех, и негодяев, и честных людей, и язычников, и христиан. Проклятый парень. Да он ведь, право, с ума сошел!

Так оно и было. Филимон вскочил, бросился во двор, опрокинул тюремщика и сломя голову выбежал; на улицу вместе с толпой освобожденных грабителей и убийц.

Прежде всего он поспешил домой, оттуда - в общественные бани, а затем - в театр. Там он пробился к первом ряду скамеек, желая быть поближе к этому ужасному и отвратительному зрелищу.

Проход, по которому ему приходилось идти, шел миме трона префекта, где Орест уже восседал в роскошном сенаторском одеянии. Рядом с Орестом, к величайшему удивлению и смятению Филимона, сидела Ипатия. Она была прекраснее, чем когда-либо, и походила на лучезарную Юнону. Голову девушки украшала высокая диадема из драгоценных камней, а белая ионического покрова [*Ионический стиль - сложнее, легче и грациознее дорического.*] одежда была наполовину скрыта под пурпурной мантией.

Он заметил, что Ипатия расстроена и печальна. При неожиданном появлении Филимона Орест повернул голову в его сторону и гневным жестом приказал ему удалиться; Ипатия также обернулась и вспыхнула, встретив взгляд своего ученика. Она испугалась и, по-видимому, желала, чтобы он исчез, но, быстро овладев собой, что-то шепнула Оресту и смягчила раздражение наместника. Затем к ней вернулось ее прежнее самообладание и она уселась в кресле с видом человека, приготовившегося ко всему.

Толпа веселых молодых учеников окружила Филимона, со смехом приветствуя его, но не успел он прийти в себя, как занавес раздвинулся и представление началось.

На заднем плане виднелись декорации, изображавшие пустынные горы, а на самой сцене, перед небольшими хижинами, стояли чернокожие ливийские пленники с женами и детьми. Украшенные блестящими перьями и поясами из длинных кожаных полосок, они потрясали копьями и деревянными щитами и широко раскрытыми глазами смотрели на невиданное зрелище.

Среди глубокой тишины глашатай возвестил публике, что эти ливийцы захвачены в плен с оружием в руках и заслуживают немедленной смерти. Но высокородный префект из сострадания к несчастным, а равно и для того, чтобы позабавить послушных и благонамеренных горожан Александрии, разрешает ливийцам защищать свою жизнь и обещает победителям свободу и прощение, если, конечно, они проявят себя храбрецами.

Нечастным жертвам разъяснили решение префекта. Они встретили эту милость громкими радостными возгласами и еще яростнее стали потрясать копьями и щитами.

Восторг чернокожих был непродолжителен. Трубы возвестили начало боя, и отряд гладиаторов, равный дикарям по численности, выступил из двух больших боковых проходов. Гладиаторы поклонились зрителям, приветствовавши их рукоплесканиями и, прислонив к сцене лестницы, приготовились к штурму ливийского поселка.

Чернокожие дрались, как львы, но было ясно, что обещание даровать им жизнь оказалось злой насмешкой. Их легкое метательное оружие не могло сравниться с большими мечами и латами опытных гладиаторов, которые спокойно наносили удары

по голове и лицу, ибо были защищены шлемами и забралами. И все-таки, несмотря на неравенство сил, гладиаторам пришлось дважды отступить. Все дурные инстинкты развращенной толпы неожиданно проснулись. С отвращением и удивлением убеждался Филимон, что ни блеск, ни утонченные нравы, ни даже облагораживающее влияние философии не избавляли людей от кровожадных инстинктов. Не подлежало никакому сомнению, что все симпатии зрителей были на стороне наемников, и толпа вдохновляла их, требуя кровавой расправы. В защиту несчастных дикарей не раздалось ни одного голоса: они видели только презрение и жестокую радость в глазах безжалостных зрителей и, упав духом, отступали.

Восторженные крики приветствовали гладиаторов, взобравшихся на искусственные укрепления и завладевших сценой. Несчастные ливийцы, ища спасения, в диком смятении металась из угла в угол.

Тогда началась настоящая резня. Около пятидесяти мужчин, женщин и детей сгрудились на небольшом пространстве, оцепленные тесным кольцом гладиаторов. Ипатия оставалась по-прежнему спокойной. Да и зачем ей было волноваться? Через несколько мгновений все будет кончено: эти черные люди успокоятся навеки... А затем появится Венера Анадиомена, и с ней искусство, веселье и мир. Обаятельная мудрость и красота Древней Греции успокоит все сердца, вызовет благоговейную веру в муз и бессмертных богов, вдохновлявших ее предков в доблестные древние времена.

Но масса черных тел все еще трепетала. Ипатия оглянулась, посмотрела вокруг и встретила взор Филимона, устремленный на нее с выражением ужаса и отвращения.

Ей стало стыдно; она покраснела и, склонив голову, шепнула Оресту:

- Сжался! Пощади уцелевших!

- Нет, дорогая моя весталка! Народ отведал крови и должен пресытиться ею, а то он разорвет нас на части. А вот беглец! Как ловко мчится этот маленький негодяй!

При этих словах со сцены соскочил мальчик, - единственный, оставшийся в живых, - и бросился к ним через арену. Вслед за ним бежала собака с короткой жесткой шерстью.

- Ты получишь этого мальчика, если он добежит до нас!

Затаив дыхание, следила за ним Ипатия. Мальчик был уже посреди оркестра, как вдруг его настиг один из гладиаторов, уже занесший руку для удара; но тут, к изумлению всего театра, мальчик и собака обернулись, бросились на атлета и повалили его на землю. Торжество длилось не более минуты.

Крик - пощади его! - опоздал.

Гладиатору удалось во время борьбы нанести удар мечом, и ребенок был убит.

Атлет поднялся с земли и спокойно направился к боковому выходу, в то время как собака стояла над маленьким трупом, лизала ему руки и лицо и оглашала весь театр жалобным воем.

Через секунду явились служители, и на длинных крюках поволокли трупы, обгаоря арену кровью жертв.

Собака поплелась следом за своими хозяевами, и ее визг наконец замер вдали.

Филимону стало тошно и жутко. Он уже встал, чтобы выбраться на улицу. Но

Пелагия! Нет, он должен сидеть и ожидать самого ужасного, если только можно себе представить что-либо более ужасное! Он оглянулся. Зрители невозмутимо ёли сладости и пили вино, восторгаясь красотой занавеса, который скрывал сцену от взоров публики.

За занавесом глухо заиграла флейта. Сладостная мелодия, казалось, доносилась откуда-то из неведомых гор и ущелий. Затем из боковых проходов вышли три грации [*Грация (греч. мифология). Греческие хариты - божества, олицетворявшие веселье и радость. Число их разными писателями определялось по-разному. Грации изображались или в свите Афродиты, или в свите Вакха, или в свите Аполлона.*] под предводительством Пейто, богини убеждения, державшей в руке жезл герольда. Она направилась к алтарю, стоявшему посреди оркестра, и сообщила зрителям, что во время отсутствия Ареса, принявшего участие в некоем великом походе, Афродита помирилась со своим супругом Гефестом. Этот поход решит вопрос о римском владычестве, а также о счастье и свободе Александрии. В походе большое участие принимает муж богини красоты, как покровитель искусств и художников. Он уговорил свою прекрасную супругу предстать во всей своей несравненной красоте перед собравшимся народом и в бессловесной поэзии движений выразить чувства, испытанные ею, когда, родившись из пены морской она впервые узрела дивное небо и роскошную землю, над которыми теперь обрела неограниченную власть.

Крики восторга приветствовали это сообщение, и с противоположной стороны сцены показался хромой Бог с молотом и клещами на плече; за ним следовали гигантские циклопы, которые несли различные предметы, сделанные из позолоченного металла.

Гефест, игравший комическую роль в этом мимическом зрелище, хромал с преднамеренной неловкостью и вызывал громкий хохот зрителей. Он подошел к алтарю и с подозрительным видом разбил его на куски, а затем подозвал своих слуг, велел им убрать обломки и соорудить на их месте нечто более достойное его супруги.

С удивительной быстротой великаны сложили из принесенных металлических частей великолепный пьедестал для жертвенника, украшенный коралловыми ветвями, дельфинами, nereидами и тритонами. Сгибаясь под тяжестью ноши, четыре чудовищных циклопа принесли круглый камень зеленого мрамора, отполированный как зеркало, и поставили его у подножия алтаря. Грации украсили этот символ моря венками из водорослей, раковинами и мхом, а потом отступили в сторону.

Между тем Гефест не сводил взора с занавеса и с нетерпением ожидал появления богини.

Весь театр затаил дыхание и жадно внимал звукам флейт, которые приближались, усиливались и постепенно сливались с гудением цимбал. Занавес раскрылся при звуках громкой музыки и восторженных криках десяти тысяч зрителей.

Сцена изображала роскошный храм, полускрытый искусственным лесом тропических деревьев и кустарников; из-за стволов выглядывали смеющиеся фавны и дриады. Огромные двустворчатые двери храма раскрылись с медленной торжественностью; изнутри раздались слаженные аккорды инструментов, и показался торжественный поезд Афродиты.

Блестящая колесница, запряженная белыми волами, была наполнена массой редких,

ценных плодов и цветов, которые разбрасывались молодыми девушками среди зрителей. За колесницей следовали попарно прекрасные юноши и женщины в легких пурпуровых накидках, с венками на голове. Впереди на руках несли птиц, посвященных богине: голубей, воробьев, ласточек, а за ними гнали массу редкостных тропических птиц: павлинов, золотых и серебряных фазанов, дроф и страусов. Рокот восторженного изумления пронесся над толпой, когда, мерно выступая, стали показываться медведи и леопарды, львы и тигры, которых для этого случая привели наркотическими средствами в полубессознательное состояние; их вели в тяжелых золотых оковах прекрасные отроки, а за отроками двигались безобразные двухклыковые носороги с дальнего юга и стройные, тонкошеие жирафы с большими кроткими глазами. Таких зверей не видывали в Александрии уже полвека.

- Слава Оресту, достойному наместнику! Благодарим за его великодушие! - кричали зрители.

Послышалось и несколько голосов подкупленных агентов:

- Да здравствует Орест, император Африки!

Но к этим голосам никто не присоединился.

- Роза еще не распустилась! - цветисто пояснил Орест, нагнувшись к Ипатии.

Орест встал, поклонился с выражением скромной, но глубоко прочувствованной признательности и с торжеством указал на тянущуюся в глубине сцены пальмовую аллею, в тени которой появилось чудо праздника - белый слон с огромными клыками и хоботом. Так вот он, наконец! Сомнения невозможны! Настоящий слон, и притом белый, как снег! Александрия не видела ничего подобного, и не увидит впредь!

- Трижды благословенные мужи македонские! [*Обращение к жителям Александрии, так как предки части александрийцев были македонскими солдатами в армиях Александра Великого.*] - закричал какой-то добряк из задних рядов. - Боги осыпают нас сегодня своими милостями!

Зрители с восхищением упивались великолепием процессии. Слон шествовал торжественно и полтеатра дрожало под его тяжестью, а фавны и дриады в испуге попрятались. Вокруг него с пением и пляской кружился хор нимф, восхваляя непреодолимую власть красоты, укрощающей диких зверей и порабащающей людей и богов. Группы маленьких крылатых купидонов рассыпались справа и слева от оркестра и наделяли публику ароматическими конфетами и крошечными стрелами из своих луков.

Поезд сошел с искусственного возвышения, и слон приблизился к зрителям: клыки его были обвиты розами и миртами, в ушах висели дорогие серьги, повязка из самоцветных камней украшала лоб. На шее у него сидел Эрот, направляя слона острием золотой стрелы. В колеснице, сделанной в форме раковины, сидела сама Афродита - Пелагия!

Все восторженно при виде ее обаятельной улыбки, скромно потупленных дивных очей и грациозных движений руки. Единодушный крик восторга потряс стены театра, десять тысяч глаз пожирали несравненную красавицу.

Вся процессия снова поднялась на возвышение, и слон опустился на колени перед

мраморной площадкой, предназначенной для богини. Створки раковины сомкнулись; грации отвязали ее от нижней половины колесницы, а слон, загнув хобот за спину, схватил раковину, высоко приподнял ее и опустил на ступени храма около площадки.

Гефест подбежал, сильно прихрамывая. Затем он удалился, а грации, обняв друг друга и приняв строго классические позы, приблизились к авансцене и запели оду, написанную Ипатией.

По окончании первой строфы раковина снова раскрылась и показалась Афродита, склонившаяся на одно колено. Она подняла голову и окинула взором многочисленные ряды зрителей. На лице ее отразилось легкое удивление, сменившееся радостным восторгом. Затем, выпрямившись во весь рост, она приподнялась, сделала несколько шагов, ступила на зеленую поверхность мрамора, изображавшего море, и стала выжимать душистую влагу из волнистых кудрей, как делала некогда Афродита, выйдя на берег.

Затем начался танец - чудо искусства, доступное лишь народу с таким совершенным физическим развитием и с таким тонким эстетическим чувством, какими отличались древние греки даже в эпоху своего упадка. В этом танце движения говорили, а покой был выразителен, как движение. Артистка на мгновение стала богиней. Театр, Александрия, блестящая роскошь обстановки - все перестало существовать и для нее, и для зрителей, зачарованных всепокоряющим обаянием ее искусства. Подобно ей, они видели лишь пустынное побережье Цитеры и богиню, которая вознеслась над изумрудным зеркалом вод, озаряя красотой, радостью, любовью и море, и воздух, и землю.

Глаза Филимона чуть не выскочили из орбит от стыда и отвращения. Но он не испытывал ни ненависти, ни презрения, ибо на лице Пелагии не выражалось ничего, кроме откровенной радости и удовлетворенного тщеславия ребенка, наслаждающегося своей искусной игрой.

Пелагия продолжала танцевать. Филимону казалось, что смертельная агония длится вечно. Земля и небо исчезли и он видел лишь непрерывное движение белых ног, скользивших по гладко отполированному мрамору. Но вот настал конец. Слон встал и подошел к мраморной площадке. Пелагия скрестила руки на груди и улыбнулась, когда слон, осторожно охватив хоботом ее стан, собирался приподнять красавицу и посадить на приготовленное место. Ее маленькие ножки уже отделились от земли, но тут слон чего-то испугался и, грузно опустив свою легкую ношу на мрамор, испустил пронзительный крик страха и отвращения. Его передняя нога окрасилась кровью, кровью ливийского мальчика, которая просочилась сквозь только что насыпанный песок и выступала на поверхности темными пурпуровыми пятнами.

Филимон не мог более сдерживаться. В одно мгновение он прорвался сквозь тесно сгрудившуюся толпу зрителей и в безумном порыве, перескочив через ряды скамеек, бросился от балюстрады к оркестру.

- Пелагия! Сестра! Моя сестра! Пора сжалиться надо мной и над собой! Я укрою и спасу тебя! Мы вместе убежим из этого ада, притона дьяволов! Я твой брат! Идем!

С минуту она смотрела на него растерянным взором и вдруг ей все стало ясно...

- Брат!

Она ринулась с платформы к нему. Она вспомнила высокое окно в Афинах, откуда открывался вид на далекие оливковые рощи, вспомнила блестящие кровли и корабельные верфи Пирея, и дивное голубое море. Черноокий мальчик стоял возле нее, он обвивал ее шею, смеясь указывал на мачты гавани и называл ее сестрой. Разом воскресла в ней заснувшая было душа, и, громко вскрикнув, она попятилась от него, ощущая мучительный стыд. Пелагия закрыла лицо руками и упала на окровавленный песок. Весь театр огласился неистовыми воплями:

- Долой его! Прочь его! Распять раба! Бросьте варвара диким животным! Пусть они его разорвут на части, благородный повелитель!

На Филимона кинулась толпа служителей, многие зрители вскочили с мест и готовились броситься в оркестр. Но молодой монах встрепенулся, как разгневанный лев. Его голос ясно и отчетливо зазвенел среди рева расвирепевших зрителей:

- Да, убейте меня, нарежьте, как зарезали римляне святого Телемака! Вы - обольщенные гнусные рабы, достойные своих распутных презренных деспотов! Вы хуже рвотных, которым вы бросаете людей! Жестокость и разврат сродни друг другу, и позорный престол моей сестры возвышается сейчас над кровью невинных жертв! Пусть моей смертью закончатся жертвоприношения дьяволу и да наполнится до краев чаша грехов!

- Бросить его зверям! Пусть растопчет его слон!

Громадное животное, натравленное жожаками, бросилось на юношу. Слон охватил хоботом Филимона и высоко приподнял его. Юноша попробовал пробормотать молитву и закрыл глаза, но тут зазвучал нежный голос Пелагии, не утративший своей прелести даже в минуту душевной муки.

- О, пощадите его! Он - брат мой! Простите ему, мужи македонские! Простите ему ради Пелагии, ради вашей Пелагии! Я прошу милости, только этой милости!

С мольбой протянула она к публике руки, а потом обняла огромные ноги слона и заговорила с ним, как безумная, прося и нежно лаская его.

Зрители в нерешимости колебались, но животное спокойно опустило закинутый хобот и поставило на ноги Филимона. Монах был спасен. Оглушенный, ошеломленный, он едва ощутил прикосновение слуг, которые протащили его через длинные, темные проходы, и наконец вытолкнули на улицу. Одни его предостерегали, другие проклинали, третьи поздравляли и желали счастья, но все проносилось перед ним, как во сне.

А Пелагия по-прежнему закрывала лицо руками. Наконец, подавленная невыразимой тоской, она медленно прошла через оркестр и исчезла между олеандрами и пальмами, не обращая ни малейшего внимания на насмешки и угрозы, проклятия, просьбы и неистовые рукоплескания громадной толпы.

Казалось, что неожиданная катастрофа разрушила тщательно обдуманную планы Ореста. Зрители были недовольны и разочарованы. Многие христиане собрались уходить, искренне стыдясь и раскаиваясь, что были добровольными зрителями подобного зрелища. Простой народ, сидевший на задних скамьях, удовлетворив свое

любопытство, стал постепенно расходиться. Недавние зрители громко обсуждали увиденное.

Потрясенная случившимся, Пелагия металась по аллеям парка в надежде отыскать брата. После тщетных поисков, окончательно обессиленная, вернулась она в зал к собиравшимся уходить готам. В ее взгляде, обращенном к Амальриху, читался горький упрек:

- Зачем, зачем ты заставил меня танцевать, - только и вырвалось из ее груди.

Пелагия хотела обнять возлюбленного, найти защиту и поддержку среди готов, но последние отворачивались, явно выказывая свое недовольство, а амалиец грубо оттолкнул ее. Смид и Вульф открыто насмехались.

Занавес опустили, столь грандиозно задуманное представление сорвалось.

- Долой тирана, долой убийцу! - вопила разъяренная толпа. Складывающаяся ситуация была далеко не безопасна для наместника, языческого философа и очаровательной танцовщицы.

Орест приказал своим солдатам сопровождать Ипатию и Пелагию до самого дома и поспешил со своей свитой укрыться во дворце.

Глава Возмездие

XXIII

Возмущенные невинно пролитой кровью, христиане высыпали на улицы Александрии, стараясь любым способом выразить свой протест. Основной виновницей случившегося, после самого Ореста, они, конечно же, считали Ипатию. Последней едва удалось достичь своего дома, продвигаясь сквозь толпу взбешенной черни. Но если Ипатия сносила ее ярость со спокойствием, достойным философа, воспринимая провал зрелища как акт возмездия за измену собственным убеждениям, Орест неистовствовал. Прекрасно подготовленный триумф обернулся полным провалом. Негодуя, наместник страшился возможных последствий, поскольку не сомневался, что Кирилл сегодня же ночью подготовит донесение Пульхерии, в котором даст далеко не выгодную для него оценку всему происходящему.

Орест не находил себе места, будучи не способным принять какое-либо решение, и вдруг ему в голову пришла мысль опередить патриарха...

Вызвав в свои покои секретаря, он начал было диктовать ему текст послания к императору, но на второй фразе запнулся, не в силах подобрать нужные слова, чтобы изложить правдоподобную версию случившегося, оправдывающую его в глазах правителя. Все попытки секретаря успокоить наместника нарывались на грубость. В конце концов, халдей решил на крайность.

Не сказать ли, с твоего милостивого разрешения, что это Кирилл, а не ты, устроил гладиаторские бои? Но, пожалуй, этому вряд ли поверят...

Орест невольно рассмеялся; лукавый халдей тоже усмехнулся.

Эта выходка оказалась удачной, и Орест, несколько овладев собой, стал пускать в ход

всю свою изворотливость ради спасения своей головы.

- Нет, это было бы слишком! Пиши, что нам стали известны замыслы Кирилла, который желает соединить под своим верховным главенством все церкви Африки (особо упомяни о Карфагене и Гиппоне), чтобы в случае победы Гераклиана отделиться от константинопольского патриарха.

Секретарь, преисполненный восторженного одобрения писал строку за строкой.

- Ты поистине велик, мой повелитель... Но прости замечание твоего раба. Я, недостойный, опасаясь, не может ли возникнуть вопрос, почему ты ранее не уведомил августейшую Пульхерию о заговоре Кирилла?

- Напиши, что три месяца тому назад мы послали гонца, но... Пусть его постигнет какое-либо несчастье, болван, и избавь меня от необходимости выдумывать небылицы.

- Не сказать ли, что он был убит арабами вблизи Пальмиры?

- Дай подумать... Нет, они, пожалуй, станут наводить справки. Утопи его в море. Никто не станет допрашивать акул.

- Итак, судно потерпело крушение между Тиром и Критом; только один человек спасся на бревне и после трехнедельной борьбы со стихиями попал на корабль, который, выгрузив пшеницу, возвратился в Александрию. К слову сказать, мой благородный повелитель, чем объяснить задержку прочих судов с зерном?

- Клянусь головой Августа, я и забыл о них! Скажи, что в приморском квартале свирепствовала чума и мы боялись занести заразу в центр империи. Завтра же мы их отправим.

Лицо секретаря вытянулось.

- Под страхом вызвать твое справедливое негодование моя честность и моя преданность побуждают меня заметить, что половина судов была разгружена за последние два дня для даровой раздачи.

Орест разразился страшным проклятием.

- Я был бы рад, если бы эти твари имели одну глотку и вернули мне все после одного приема рвотного. Ну, мы купим зерна и покончим с этим вопросом.

Секретарь становился все озабоченнее.

- Евреи, светлейший...

- Что они сделали? - закричал злосчастный префект. - Они опередили нас?

- Благодаря свойственной мне ревливой заботливости я узнал сегодня в полдень, что они скупили все запасы зерна, которые могли найти.

- Негодяи! Итак, значит, они знали о поражении Гераклиана?

- Я боюсь, мой благородный повелитель, что твоя проницательность угадала истину. На прошлой неделе они бились об заклад на большие суммы в Каноне и в Пелузиуме, что Гераклиан потерпит поражение.

- На прошлой неделе! Значит, Мириам намеренно обманула меня? - в бешенстве вскричал Орест. - Позови немедленно начальника гвардии! Сто золотых тому, кто мне живьем доставит колдунью!

- Она не даст себя схватить живьем.

- Ну, так пусть ее принесут ко мне мертвой! Ступай, халдейский пес! Чего ты

медлишь?

- Всемиловейший повелитель, - со страхом вымолвил секретарь, бросаясь на колени и обнимая ноги своего господина, - вспомни, что, оскорбив одного еврея, ты всех восстановишь против себя! Подумай о заемных письмах! Не теряй собственное доброе достославное имя!

- Встань, животное, не ползай по земле, а объясни, что ты хочешь сказать. Разве со смертью старой Мириам не погашается мой долг?

- Ах, высокий повелитель, тебе не знакомы нравы этого проклятого племени. Не думай, что твои долговые обязательства находятся у Мириам. Она, без сомнения, давно уже передала их другим. Твои настоящие кредиторы могут жить в Карфагене, Риме или Византии, откуда и будут на тебя давить. Если же ты вздумаешь завладеть имуществом старой колдуньи, то найдешь только бумаги, принадлежащие евреям, рассеянным по всей империи, и они поднимутся, как один человек, чтобы отстоять свои деньги. Уверю тебя, раздражить их менее опасно, чем обидеть евреев. К тому же я уже наводил справки о местопребывании Мириам, но, к сожалению, должен признаться, что мои старания не увенчались успехом, и никто из твоих людей не знает, где она находится.

- Ты лжешь! - воскликнул Орест. - Я склонен думать, что ты сам предупредил колдунью об угрожавшей ей опасности.

На этот раз Орест впервые в жизни сказал правду.

Мурашки пробежали по телу секретаря, у которого были кое-какие делишки с Мириам, и будь у него волосы на голове, они, наверное, стали бы дыбом и обличили бы ужас евнуха. К счастью, он был гладко выбрит, и чалма его осталась на прежнем месте, когда с покорным видом он возразил:

- Для преданного слуги нет более жестокой обиды, как необоснованное подозрение со стороны повелителя, перед которым он ежедневно склоняет колени.

- Проклятое пустословие! Знаешь ты, где она?

- Нет! - воскликнул несчастный секретарь. Он подтвердил свое отрицание такой массой клятв, что Орест вынужден был прервать его красноречие пинком ноги и под угрозой пытки занял у него сто золотых для раздачи солдатам.

Затем наместник приказал стянуть гарнизон к своему дворцу. Это делалось, во-первых, для того чтобы не остаться без охраны в случае восстания, а во-вторых, для того чтобы, оставляя без охраны отдаленные кварталы города, тем самым способствовать возникновению волнений.

- О, если бы Кирилл сделал какую-нибудь глупость именно теперь, когда он так гордится своей победой, негодяй! Мне безразлично, будет ли это связано с Аммонием, Ипатией или кем-либо другим... Только бы мне удалось его поймать!

И Кирилл, действительно, в эту ночь впервые в своей жизни сделал глупость, за которую жестоко поплатился.

Долгое время стоял Филимон перед театром, не зная на что решиться, пока, наконец, стремительный поток выходявшего народа не увлек его за собой.

Среди гневных возгласов он слышал имя своей сестры, произносимое порой с соболезнованием, но чаще в презрительном, безжалостном тоне. Наконец он пришел в себя, пробрался сквозь толпу и поспешил прямо к дому Пелагия. Дом был наглухо закрыт, и только после продолжительного стука и томительного ожидания высунулось из маленькой калитки угрюмое лицо негра. Юноша взволнованно спросил о Пелагии, но ему ответили, что Пелагия еще не возвращалась. Вульфа тоже не было дома. Тогда Филимон решил ждать у ворот.

Наконец показались готы. Сплоченной колонной они силой пролагали себе путь сквозь толпу. Но с ними не было носилок. Где же остались Пелагия и ее девушки? Где неизвестный амалиец, где Вульф и Смид?

Воины шли под предводительством Годерика и Агильмунда, опутив глаза, и в их лицах, выражавших суровое отвращение, Филимон еще раз ощутил на себе позор своей сестры. Годерик прошел мимо него, и молодой монах осмелился спросить о Вульфе. Назвать имя Пелагии он не решался.

- Прочь, греческий пес! Мы сегодня вдоволь насмотрелись на твое проклятое племя! Как? Ты хочешь идти за нами в дом?

И он так быстро вытащил меч, что Филимон едва успел отскочить на другую сторону улицы. Ворота снова закрылись, и все стихло. Филимон с тоской и мукой ждал возвращения Пелагии. Прошел томительный час; толпа прибывала, отдельные группы беседующих граждан сбивались в общую массу и расхаживали по улицам с криками:

- Долой язычников! Долой идолопоклонников! Месть развратницам, виновным в кощунстве!

Наконец, раздались ровные шаги легионеров. Посреди вооруженного отряда двигался целый ряд носилок.

Юноша бросился вперед и стал звать Пелагию. Один раз ему почудился голос сестры, но солдаты оттолкнули его назад.

- Она тут, в безопасности, молодой безумец! Сегодня она достаточно испытала и достаточно показала себя. Назад!

- Мне нужно с ней говорить.

- Это уже ее дело, нам приказано в сохранности доставить ее домой.

- Позвольте мне войти вместе с вами, молю вас!

- Если желаешь войти, то постучи, когда мы уйдем. Тебе, конечно, откроют, если у тебя есть дело к жильцам этого дома. Прочь с дороги, нахальный щенок!

Кто-то ударил Филимона в грудь рукояткой копья, и юноша упал навзничь посреди улицы. Между тем солдаты сдали по назначению порученных им красавиц и с обычной невозмутимостью удалились.

Монах начал яростно колотить в ворота, но в ответ слышались только угрозы и проклятия негра. Доведенный до отчаяния, он побрел дальше.

Филимон не мог придумать никакого плана действий и, усталый и измученный, направился домой. Он вспомнил о Мириам. Ему было тяжело просить помощи у той

самой женщины, которую он считал истинной виновницей позора своей сестры, но она могла по крайней мере устроить ему свидание с Пелагией.

Не удастся ли ему перехитрить Мириам и воспользоваться ею ради собственных целей? Но искушение длилось не больше минуты. Столь благородное дело непозволительно было осквернить ложью. Пробегая мимо двери еврейки, Филимон даже не осмелился заглянуть в нее, боясь как бы соблазн не овладел им. Юноша бросился по лестнице к дверям своей комнаты, открыл ее и остановился пораженный.

Посреди комнатенки стояла женщина, закутанная с ног до головы в темную накидку.

- Кто ты? Тебе тут не место! - воскликнул он.

Женщина вздрогнула и вздохнула. Под складками накидки Филимон заметил хорошо знакомую шаль шафранного цвета, кинулся к незнакомке и прижал к груди... свою сестру.

Накидка соскользнула с ее головы. Пелагия робко и пытливо заглянула в глаза юноши и увидела в них беспредельную нежность и любовь.

Тесно прижавшись друг к другу, брат и сестра обменивались целомудренными поцелуями, подолгу всматриваясь в лицо друг другу и словно желая устранить последние сомнения о своем родстве.

Филимон не пытался прервать словами это немое блаженство. Он не расспрашивал, как она пришла к нему, не осведомлялся о прошлом, о давно забытых родителях и родине, боясь, как бы эти вопросы не заставили ее вспомнить об ужасном настоящем.

Наконец Пелагия заговорила:

- Я должна была бы узнать тебя с первого же дня. Когда говорили о нашем сходстве, мое сердце сжималось, и тайный голос шептал что-то, но я не хотела ему внимать. Я стыдилась... Мне стыдно было останавливаться на мысли, что у меня брат... Да и как же мне было стыдиться?

Она порывисто отодвинулась от него, и, упав на пол повторяла:

- Топчи меня ногами, проклинай меня! Делай что хочешь, только не разлучай с ним! Бей меня, как он меня. Только не разлучай!

- Он тебя бил? Да падет на него проклятие божье!

- О, не проклинай его! Это был не удар, а только толчок, прикосновение... Я... я... сама во всем виновата; я его рассердила... упрекала его! Я обезумела... о, зачем он обманул меня? К чему он позволил, зачем он приказал мне танцевать?

- Он тебе приказал?

- Он сказал, что мы не должны нарушать данного слова. Я ему говорила, что не нужно соблюдать обязательств, данных за вином, но мой амалиец возразил, что мне никогда не удастся сделать готов лжецами. Вульф тоже убеждал его остаться верным своему слову.

- Так ты, значит, его... ненавидишь? - спросил Филимон, тщетно пытаясь подыскать подходящее слово.

- Его-то ненавидеть?! Разве я не его собственность?.. И все-таки... О, я тебе все расскажу! Когда я впервые выступила перед публикой, вместе с девушками, во мне пробудились все прежние чувства и мне было приятно, что меня встретили с

восторгом, что все восхищались мной! Он же, видя, с каким увлечением я танцевала, стал презирать меня за это!.. Он не понял, что я хотела понравиться ему, что я желала вызвать восторг и бешеные рукоплескания с единственной целью: сложить свою славу к ногам своего возлюбленного. Он боялся наместника и допустил меня до этого гнусного поступка, чтобы затем бросить!

- Он тебя обманул! Ты убедилась в своей ошибке и потому оставь его, как он того заслуживает!

Пелагия ласково взглянула на брата.

- Милый мой, дорогой! Ты не знаешь, что значит любовь!

Филимон пробормотал:

- Но разве ты меня не любишь, сестра?

- Люблю ли я тебя? Конечно, и даже очень, но не так, как его. Молчи, молчи... Ты еще не можешь понять это чувство.

И Пелагия закрыла лицо руками.

- Я должна это сделать! Я должна. Я на все решусь ради своей любви. Ступай к ней, к мудрой деве, к Ипатии! Она тебя любит! Я знаю, что она тебя любит. Она тебя выслушает, а меня - нет!

- Ипатия? Знаешь ли ты, что она сидела рядом с Орестом в театре?

- Она была вынуждена это сделать! Орест не давал ей покоя! Ипатия была бледна, как слоновая кость, и дрожала, точно в лихорадке. Под глазами у нее были темные круги, Я уверена, что она плакала. В порыве безумного тщеславия я издевалась над ней и думала: "Она похожа не на счастливую невесту, а на мученицу, идущую на распятие!" А теперь молю тебя: сходи к ней! Скажи, что я отдам ей все чем владею, сделаю все, что она потребует... Но пусть она научит меня быть подобной ей и внушить уважение амалийцу!

Филимон колебался. Внутренний голос говорил ему, что эта попытка не увенчается успехом.

- О, иди! Говорю тебе, она поступала вопреки собственной воле! Она сочувствовала мне, я это видела; она стыдилась за меня в то время, когда я ничего не сознавала. А теперь, когда я в горе, она не может презирать меня! Иди, а не то я сама отправлюсь к ней!

- Ты меня подождешь здесь? Не бросишь меня опять? - спросил Филимон, решившись исполнить просьбу сестры.

- Да, я останусь. Но торопись! Если он узнает, что меня нет дома, то подумает... Ступай скорее! Возьми в качестве подарка пояс, который на мне был... там! Отвратительная вещь! Я ненавижу ее. Скажи ей, что это только аванс, только часть того, что я уплачу ей!

Вскоре уже юноша входил в дом Ипатии. Слуги были перепуганы, а передняя была занята солдатами.

Мимо Филимона пробежала любимая рабыня Ипатии и узнала его. На просьбу вызвать хозяйку дома рабыня отвечала, что госпожа не хочет никого видеть.

- А Теон?

- Он тоже заперся.

Юноша так настойчиво и страстно упрашивал мягкосердечную девушку, что та была не в силах противиться его просьбам и провела его в библиотеку, где Теон, бледный как смерть, расхаживал взад и вперед, почти обезумев от страха. Сначала он не обратил никакого внимания на беспорядочный рассказ Филимона.

- Новая ученица, юноша? Время ли теперь принимать новых учеников, когда жизнь моей дочери и мой дом подвергаются опасности? О, я несчастный, - я вовлек ее в эту западню своей алчностью, своим пустым тщеславием. О, дитя мое! Дитя мое! Мое единственное сокровище. Двойное проклятие поразит меня, если...

- Она умоляет только об одном свидании...

- С моей дочерью? Пелагия хочет видеть Ипатию? Ты смеешься надо мной? Неужели ты думаешь, что я, отец Ипатии допущу подобное осквернение моей дочери?

- Но, может быть, вот эта вещь смягчит тебя, - сказал Филимон, подавая ему пояс. - Ты лучше меня сумеешь оценить его, - добавил он. - Мне поручено передать его тебе как аванс той платы, которую Пелагия с радостью вручит тебе, если сделается ученицей твоей дочери. Она готова уступить ей половину своего состояния.

Юноша положил на стол пояс сестры, украшенный драгоценными камнями, сверкавшими как звезды. Старик посмотрел на драгоценный подарок и тихо отошел.

- Сколько стоит такая вещь? Этими драгоценностями можно было бы покрыть все наши долги...

Прошло несколько минут. Теон то поглядывал на камни, то продолжал ходить по комнате. Наконец он сказал:

- Если ты пообещаешь никому не говорить...

- Обещаю!

- А если моя дочь не согласится...

- Все равно, пусть она возьмет пояс. Его владелица, слава Богу, научилась презирать такие вещи. Передай твоей дочери эту драгоценность вместе с моим проклятием. Да покарает меня Господь еще суровее, если я еще когда-нибудь увижу ее!

Старик не расслышал последних слов Филимона. С жадностью схватил он свою добычу и поспешил в комнату Ипатии. Филимон остался один, охваченный мучительными сомнениями.

"Он говорил об унижении! О том, что Ипатия запятнает свою чистоту! Так вот каковы плоды ее философии, порождающей себялюбие, гордыню и лицемерие!"

Юноша был погружен в размышления, когда Теон вернулся и передал ему следующее письмо: "Ипатия - своему любимому ученику. Я жалею тебя, да иначе и быть не может. Даже более, я признательна тебе за твою просьбу, доказывающую, что мое присутствие на сегодняшнем отвратительном зрелище не отвратило от меня душу, на которую я возлагала свои лучшие надежды. Но, посуди сам, не должна ли произойти полная и по-видимому, невозможная перемена в женщине, за которую ты хлопочешь, прежде чем нам удобно будет встретиться? Я не так безжалостна, чтобы порицать тебя за твою просьбу; и даже не укоряю ни тебя, ни ее. Она повинуетя голосу своей природы. Разве можно на нее негодовать, раз судьба наделила такое прекрасное животное слишком

грубым и низменным духом? К чему же нам рыдать над ней? Рожденная из праха, она и превратится в прах. Но тебе была дарована божественная искра в момент твоего рождения, ты должен воспарить над всем земным и без сожаления покинуть низшее существо, связанное с тобой преходящими и ничтожными узами плотского родства".

Филимон гневно скомкал письмо и вышел из дома. Итак, у представительницы философии не оказалось доброго слова для заблудшей, не было утешения для униженной грешницы! Судьба! Пелагии оставалось только подчиниться судьбе и быть низким, жалким существом, презирающим саму себя!

В памяти Филимона вдруг почему-то вспыхнули ярким светом давно знакомые, но временно забытые слова, и он громко и страстно произнес:

- "Верую во оставление грехов, воскресение мертвых и жизнь вечную!"

В одно мгновение растаяли грезы последних четырех месяцев, и Филимон поспешил домой, думая о пустынной обители. Одна келья для Пелагии, другая - для него, - вот и все, что ему надо. Там они вместе будут каяться и молиться, чтобы Господь сжалился над ними...

Едва переводя дыхание от страха и возбуждения, юноша взбежал по лестнице и увидел перед своей дверью Мириам. Она не хотела допускать Филимона к Пелагии.

- Она еще там?

- А тебе что за дело?

- Я хочу пройти в свою комнату.

- В твою комнату? А кто за нее платил в течение четырех месяцев? Ты? Да и что ты можешь сказать Пелагии? Что ты можешь для нее сделать? Ты, молодой умник, должен сначала сам влюбиться, чтобы научиться помогать влюбленным созданиям.

Филимон ринулся вперед так стремительно, что Мириам вынуждена была отступить. Старуха с лукавой улыбкой последовала за ним в комнату. Пелагия бросилась к брату.

- Не будем более говорить о ней, дорогая сестра, - сказал Филимон, кладя руку на плечо Пелагии и грустно глядя ей в глаза. - Гораздо лучше полагаться на собственные силы, а не искать посторонней помощи. Веришь ли ты мне?

- О, конечно! Но можешь ли ты мне помочь? Будешь ли ты меня учить?

- Да, но не здесь! Мы должны бежать! погоди, выслушай меня, дорогая сестра, умоляю, выслушай меня! Неужели ты так счастлива здесь, что не можешь представить себе высшего блаженства? Да и кроме того... Дай Бог, чтобы мои опасения не оправдались, но разве грешников не ожидает ад за гробом?

Пелагия закрыла лицо руками.

- Меня предупреждал об этом старый монах.

- Вспомни его предостережения, - прошептал Филимон и начал с жаром говорить об огненном море и адских муках в тех же выражениях, в которых так часто Памва и Арсений поучали его самого. Пелагия прервала его речь.

- О, Мириам! Правда ли это? Разве это возможно? Ах, что со мной будет! - с отчаянием воскликнула бедная девушка.

- А если и правда, то спроси его, каким образом он спасет тебя?

- Разве евангельское учение не предохранит ее от козней ада, неверующая еврейка? Я

могу спасти ее?

Юноша вспомнил, что надо узнать, крещеная ли сестра и дрожащим голосом спросил:

- Ты крещена?

- Крещена?! - повторила Пелагия, очевидно не понимая значения этого слова.

- Да! Епископом... в церкви?

- Ах, вот что, - заговорила она, - теперь я припоминаю... Мне было четыре года. Да, да, помню водоем и женщин, которые раздевались... Меня тоже выкупали, и старик окунул мою голову три раза в воду... Я забыла, зачем это делали, - так много лет прошло с тех пор. Потом на меня, кажется, надели белое платье.

Филимон отступил от нее, глубоко вздохнув.

- Несчастное дитя. Да смилуется Господь над тобой!

- Разве он не простит? Ты ведь примирился со мной, а он, надеюсь, добрее тебя.

Почему же он меня не простит?

- Он простил тебя при крещении, и вторичная милость невозможна, пока ты...

- Пока я не покину своего возлюбленного! - вне себя воскликнула Пелагия.

- Когда Господь простил святую Магдалину и сказал ей, что вера спасла ее, - подумай сама, - продолжала ли она жить после этого во грехе, предаваясь мирским удовольствиям? Бог простил ее, но сама она не могла забыть свой грех. И твои грехи могут искупить только слезы раскаяния.

- Но я ничего не знала! Я не добивалась крещения, не просила его. О, жестокие родители, зачем вы со мною это сделали? А Бог? Зачем он меня так рано простил? Я не решаюсь идти в пустыню! Я не могу! Посмотри, какая я нежная! Я бы умерла там от холода и голода. Я бы там с ума сошла от страха! О, брат мой, так вот что значит Евангелие христиан! Зачем я должна стать такой несчастной, и кто поручится, что Бог простит меня наконец? Правда ли все это, Мириам? Скажи мне что-нибудь, или я сойду с ума!

- Да, - сказала насмешливо Мириам, - таково Евангелие, таково утешительная весть искупления, согласно учению назареев.

- Я пойду с тобой! - воскликнул Филимон. - Я пойду с тобой и никогда тебя не покину. Мне нужно очиститься от собственных грехов, - и дай Бог, чтобы это мне удалось. Я поставлю твою келью рядом с моей; любвеобильные монахи станут нас поучать, днем и ночью мы будем молиться за себя и друг за друга и не расстанемся до самой смерти.

- Лучше уж сразу покончить с собой! - в отчаянии воскликнула Пелагия и упала на пол.

Филимон хотел поднять ее, но Мириам схватила его за руку и быстро прошептала:

- Не обезумел ли ты? Ты разрушаешь собственные планы. Зачем ты сказал ей все это вместо того, чтобы выждать время? Дай срок, она соберется с мыслями и добровольно расстанется со своим возлюбленным. Ах, моя бедная любимица! Даже мы, евреи, не отказывали хоть в некоторой надежде такому жалкому невежественному существу, хотя нам отлично известно, что все вы, язычники, обречены на геенну огненную.

- А почему она осталась невежественной? Ты, презренная, ответственна за ее воспитание. Ты ввергла ее в пучину разврата и позора! Ты сумела вытравить в ней воспоминание о религии, к которой ее приобщило крещение!

- Тем лучше для нее, если это воспоминание не может сделать ее счастливее. Лучше сразу после смерти очутиться в геенне, чем томиться всю жизнь в беспредельном страхе. Не сердись на меня. Старая еврейка все-таки питает к тебе расположение, хотя ты и презираешь ее. Пелагия выйдет замуж за гота.

- За этого африканского еретика?

- Она сделает его правоверным, если ты этого пожелаешь. Во всяком случае, если ты хочешь овладеть ею, влияй на нее так, как я. Тебе представлялся удобный случай, но ты не сумел им воспользоваться. Теперь настал мой черед. Пелагия, дорогая моя, вставай и мужайся! Пойдем ко мне и приготовим любовный напиток для твоего воина... Ручаюсь, что через сутки он полюбит тебя сильнее прежнего.

- Нет, - произнесла Пелагия, поднимая голову. - не надо мне ни любовных напитков, ни яда.

- Яда? Ах ты, дурочка! Разве ты сомневаешься в искусстве старой еврейки? Не считаешь ли ты, что я способна лишиться его рассудка?

- Нет! Я не хочу ни напитков, ни колдовства. Он должен или любить меня по-настоящему, или окончательно бросить. Пусть он меня любит ради меня самой, считая, что я достойна его привязанности и уважения, а иначе мне лучше умереть!

- Один сумасброднее другого! - воскликнула Мириам вне себя. - Тихо! Слышите шаги по лестнице?

Кто-то поднимался по ступеням тяжелой походкой. Все трое испуганно замолчали. Филимон подумал, что его ищут монахи, Мириам боялась телохранителей Ореста, который с минуты на минуту мог схватить ее, а Пелагия в неопределенном смятении страшилась всех и каждого.

- Нет ли у тебя рядом комнаты?! - спросила еврейка.

- Нет.

Старуха закусила губы и вытщила кинжал. Пелагия закуталась в плащ и стояла, дрожа и наклонив голову, как бы в ожидании нового удара.

Дверь распахнулась и вошли... не монахи и не телохранители, а Вульф и Смид.

- Ай да молодой монах! - воскликнул Смид с громким смехом. - Да здесь и женщины! А ты занимаешься своим прежним ремеслом, достойная привратница ада? Ну, идите пока, у нас есть небольшое дело к этому молодому человеку!

И Мириам вместе с Пелагией проскользнули мимо ничего не подозревавших готов, а затем быстро спустились по лестнице.

- Молодая женщина, кажется, смутилась... Ну, Вульф, говори потише, а я стану у двери, чтобы никто не подслушивал.

Филимон вопросительно взглянул на своих неожиданных посетителей. По какому праву вторглись они в такой скорбный час в его личную жизнь? Но его сейчас же обезоружил старый Вульф, который приблизился к нему и, заглянув в глаза юноше, дружески протянул ему свою большую, грубую руку.

Филимон крепко пожал ее, а затем зарыдал, закрывая лицо руками.

- Ты хорошо поступил. Ты храбрый парень. Если бы, ты даже погиб, то такой смерти никому не следует стыдиться.

- Так вы были там?

- Да.

- Но это еще не все, - добавил Смид, догадываясь как больно юноше сознавать, что и они были свидетелями позорного торжества его сестры. - Некоторые из нас хотели прыгнуть вниз и прочистить тебе дорогу своими мечами. По крайней мере я знаю одного человека, у которого кровь сразу застыла в жилах. Подлые собаки! Мне хотелось бы хоть один час покрошить их, прежде чем я успею умереть.

- И еще покрошишь, - заметил Вульф. - Не правда ли, юноша, ты хотел бы получить сестру в свою полную власть?

- Да, но это тщетное желание! Никогда она не покинет своего амалийца!

- Уверен ли ты в этом?

- Она сама мне сказала это за несколько мгновений до вашего прихода. Женщина, которую вы застали у меня - Пелагия.

У Смиды вырвался возглас удивления.

- Ах, если бы я ее узнал! Клянусь душами моих предков, она убедилась бы тогда, что сюда легче попасть, чем вернуться домой.

- Тише, Смид, - так лучше. Скажи мне, парень, решишься ли ты взять Пелагию с собой, если я передам ее в твои руки?

Филимон колебался.

- Вы видели, на что я могу отважиться, но прибегать к насилию - нехорошо.

- Ну, философией ты можешь заниматься наедине с самим собой. Я сделал тебе предложение, на которое, по моему мнению, всякий здравомыслящий человек, а тем более безумный монах, может дать только один ответ.

- Викинг, ты забываешь о деньгах, - с улыбкой заметил Смид.

- Нет, но по-моему, парень этот не настолько подл, чтобы колебаться из-за этого. Впрочем, надо тебе сказать, что мы обещаем отослать Пелагии все ее вещи и подарки амалийца. Что же касается дома, то мы вскоре избавим ее от своего пребывания, так как намерены устроиться на более широкую ногу, как выражаются торгаши. Ну, что ты скажешь на это?

- Ее деньги! Те деньги! Да простит ее Господь! - отведя Филимон. - Неужели вы считаете меня таким презренным?! Теперь я решился! Скажите, что мне делать, я на все готов.

- Знаешь ли ты переулок, который тянется вдоль левой стены дома вплоть до канала?

- Да, знаю.

- А дверь в угловой башне, у самой пристани?

- Тоже знаю.

- Будь там завтра, через час после заката солнца, с дюжиной здоровых монахов, и ты получишь то, что мы тебе передадим. Все остальное уже твое, а не наше дело.

- Монахи? - переспросил Филимон. - Но я в открытой вражде со всей братией!

- Так сдружись с ними опять! - коротко решил Сמיד. Филимона покорило.

- Надеюсь, вам безразлично, кого именно я приведу с собой?

- Конечно! Мы и глазом не моргнем, если, овладев Пелагией, ты положишь ее в корзину и сбросишь в канал, как поступил бы на твоём месте гот, - сказал Сמיד.

- Не мучь бедного парня, друг! - проговорил Вульф. - Он не наказывает ее в надежде, что со временем она исправится. Ну и пусть поступает так во имя Фрейи. Значит, ты будешь на условленном месте? Но я должен предупредить тебя, что твоя жизнь подвергается опасности, если ты завтра ночью явишься без храбрых товарищей. Весь город волнуется, и только одному Одину известно, что может произойти и кто останется в живых к следующему утру. Будь благоразумен, укроти свою оскорбленную гордость и возьми с собой монахов...

- Так не годится, викинг! Ты слишком откровенен! - прервал его Сמיד.

Филимон действительно поборол свою гордость и сказал:

- Я согласен!

Вот видишь, я выиграл, Сמיד, - заговорил старик, радостно потирая руки, когда оба они вышли на улицу, возбуждая ужас и удивление соседей.

- Это еще не решено, Вульф. Посмотрим, что будет завтра.

- Я знал, что он с честью выдержит это испытание. Я знал, что у него сердце на месте.

- Во всяком случае не подлежит сомнению, что он не будет плохо обращаться с бедным созданием, так как ради нее решил даже поклониться своим заклятым врагам.

- Ну, этого я уж не знаю, - ответил Вульф, покачав головой. - Эти монахи считают, как я слышал, что чем несчастнее, тем сильнее любит их Божество. Потому-то они быть может, и думают, что станут ему еще дороже, если начнут мучить других. Впрочем, будущее нас не касается. Смотри, однако, какие толпы на улицах! Пожалуй, нам не удастся переговорить сегодня ночью со стражей, если народ не разоидется.

- Должно быть и у нас дома будет довольно хлопот, Слышишь, они там кричат: "Долой язычников! Долой варваров!" Под последними они, кажется, подразумевают нас. Это меня тревожит, должен тебе признаться.

- Неужели ты считаешь, что кроме тебя никто не понимает греческого языка? Пусть они придут к нам. Дома мы можем продержаться целую неделю.

- Но как же нам договориться со стражей?

- Мы проберемся к ней на лодке. Впрочем, события скоро склонят ее на нашу сторону. Стража будет вынуждена сражаться рядом с нами и с благодарностью воспользуется нашей помощью. Если чернь взбунтуется, префект будет первой жертвой ее ярости.

- А потом... стоит только амалийцу стать во главе солдат, и они последуют за ним, куда угодно.

- К нам примкнут готы, маркоманы, дакийцы или фракийцы, как их называют римляне. Но гуннам я не доверяю.

- А наш амалиец не будет против?

- Он жаждет боя, так как развязка близка. Я давно знал, что у него хорошее сердце, но он никогда не был в состоянии думать о будущем. Даже и теперь он, пожалуй, бросит

меч, если Пелагии удастся обворовать его своими чарами. И опять заснет как убитый!

- Ну, теперь ее нечего опасаться! Тут она ничего не сделает. Но посмотри, какая толпа перед нашими воротами. Нам нужно как-то пройти через калитку.

- Прошмыгнуть через канал, подобно крысам? Нет, я пойду своей дорогой. Иди со мной, старый кузнечный лот, или удирай!

- Удирать буду в другой раз!

И с мечами наголо готы прошли сквозь толпу, расступавшуюся перед ними, как стадо овец.

- Они признают в нас своих будущих пастухов, - смеясь, заметил Смид.

Но когда толпа увидела, что они входят в дом, поднялись неистовые вопли.

- Готы! Язычники! Варвары!

Наиболее смелые из горожан напали на готов сзади.

- Ну, раз вы этого желаете, - получайте! - сказал Вульф, и два блестящих клинка сверкнули над головами врагов, все более и более краснея при каждом взмахе.

Старики двинулись вперед, не ускоряя своего твердого, спокойного шага; они постучали у ворот и вошли в дом, оставив несколько трупов перед входом.

- Мы сунули головню в стог, да еще и не одну, - произнес Смид и, остановившись во дворе, стал вытирать свой меч.

- Верно! Приготовь мне лодку с полдюжиной надежных молодцов. Я проеду по каналу ко дворцу и сразу договорюсь с гвардейцами.

- Почему ты не посоветуешь амалийцу, чтобы он сам предложил нашу помощь наместнику?

- Зачем? Ведь после этого ему невозможно будет выступить против этой собаки! Нет, ради нашей гордости и чести ему надо помолчать.

- Он и не прочь помолчать, могу тебя уверить! Да не забудь взять с собой мешок с деньгами. Он убедит стражу лучше самого красноречивого оратора, - заметил Смид, отправляясь снаряжать лодку.

Глава

XXV

В поисках знамени

- Какой ответ дал он тебе, отец? - спросила Ипатия, когда Теон возвратился в комнату дочери, исполнив ее поручение и вручив Филимону злосчастное письмо.

- Невежа! Он разорвал твою записку на клочки и убежал, не говоря ни слова.

- Так... значит, он покинул нас в несчастье, вместе с остальными. Но у нас остались по крайней мере драгоценности.

- Пояс? Отошли его обратно. Мы не можем себя унижить настолько, чтобы принять вознаграждение за невыполненное дело.

- Но, дитя мое, нам предложили его добровольно. Он упрашивал меня сохранить эту драгоценность и... и, говоря по правде, я был вынужден взять эту вещь. Ты можешь быть уверена, что после сегодняшних событий все кредиторы потребуют оплаты.

- Так пусть они возьмут наш дом со всем, что в нём есть, пусть продадут нас в рабство. Пусть все пропадет, нам важно лишь сохранить добродетель.

- Продать нас в рабство? Ты с ума сошла!

- Не совсем еще, отец мой, - возразила Ипатия с грустной усмешкой. - Подумай, разве мы стали бы хуже, превратившись в рабов? Рафаэль Эбен-Эзра сказал мне, что следует моей теории, избирая долю бездомного нищего. И ты думаешь, что я не решусь на то же самое, когда наступит минута безысходной нужды? Пусть свершится то, что суждено быть... Ипатия не может более противостоять давлению христиан.

- Разве в тебе угасли уже все надежды, дочь моя? Я не думал, что ты так легко лишишься мужества. Могла ли эта ничтожная случайность разрушить твои могучие замыслы? Орест нам предан. Он приказал своей страже охранять наш дом, пока мы будем считать это необходимым.

- Так отошли солдат. Я ни в чем не виновата и не боюсь наказания.

- Ты не знаешь, каково безумие разнузданной черни. Уже и сейчас твое имя выкрикивают на улицах вместе с именем Пелагии.

Ипатия вздрогнула от негодования.

- Я это заслужила! Я продала себя и обрекла на ложь и позор. Я покорила пошлому обманщику и унизилась до участия в его интригах! Отец, не упоминай больше его имени! Я жестоко наказана за то, что хотела соединить свою судьбу с нечистым, кровожадным человеком. Для Ипатии, отец мой, политики больше не существует. Я отказываюсь от поучений и лекций и не буду больше расточать перлы божественной мудрости перед свиньями. Я грешна в том, что раскрыла черни тайны бессмертных. Пусть люди толпы следуют своей природе. А я-то, безумная, воображала, что мои лекции, мои внушения вознесут их за пределы, назначенные им богами!

- Так ты прекращаешь лекции? Знаешь ли ты, что в таком случае мы окончательно разоримся?

- Это неизбежно. От Ореста нечего ждать помощи. Отец, мой, я хорошо изучила этого человека и знаю, что он завтра же выдаст нас христианам с головой, если его жалкая жизнь или его положение подвергнутся опасности.

- Боюсь, что ты права! - произнес старик, в отчаянии ломая руки. - Что будет с нами, с тобой, дитя мое? Что случится со старым звездочетом - неважно. Ему все равно, когда умереть - сегодня или завтра. Но ты, ты! Убежим... Даже без их драгоценностей, от которых ты отказываешься, у нас хватит денег, чтобы добраться до Афин, а там, у Плутарха, мы будем в безопасности. Не только он, но и весь город с радостью встретит тебя, и ты станешь властвовать в Афинах, как ты властвовала в Александрии.

- Нет, отец. Свои познания я сохраню при себе. С сегодняшнего дня Ипатия останется наедине с бессмертными бегами.

- Неужели ты хочешь меня покинуть? - закричал испуганно старик.

- Ни за что на свете! - ответила она, прижимаясь к его груди.

- Значит, ты согласна бежать?

- Только не сегодня. Пока опасность не миновала, спастись нечестно! Мы должны оставаться на своем месте до последней минуты, даже в том случае, если не решимся

умереть как герои. Завтра в последний раз я отправлюсь в аудиторию, в мой любимый музей, чтобы проститься с учениками. Я должна сказать им, что покидаю их из уважения к философии и к самой себе, так как они недостойны моей жертвы.

- Я пойду с тобой.

- Нет, я пойду одна. Ты можешь подвергнуться опасности там, где для меня ее не существует. Ведь я только женщина, и при всей своей дикости толпа не осмелится причинить мне зла!

Старик грустно покачал головой.

- Посмотри на меня, - с улыбкой проговорила Ипатия, положив ему руки на плечи и заглядывая в его глаза, - ты мне часто говорил, что я хороша, а ведь красота способна укротить даже льва. Неужели ты не веришь, что это лицо может обезоружить любого монаха?

Она засмеялась. Старик забыл свой страх, поцеловал дочь и поспешил распорядиться насчет еды для стражи, которую он решил держать в своем доме как можно дольше.

А затем заперся в библиотеке и попытался заглушить свою тревогу астрономической задачей, над решением которой он бился целый день.

Ипатия неподвижно сидела в своей комнате. Мучительная гнетущая боль переполняла ее существо, и слезы стояли в глазах. Улыбками она прогнала страхи отца, но со своей собственной тревогой не могла справиться.

С поразительной ясностью сознавала она, что в ее жизни наступил перелом. Мир может возродиться, но она не доживет до этого, и если культ богов будет когда-либо восстановлен, то уже не ею...

"Зевс, отец богов и людей" - эти слова звучали утешением и надеждой, но была ли в них правда? Не сотворили ли люди своих богов по собственному подобию, внушив человечеству благоговейное почитание выдуманных ими светлых призраков? Вероятно, так оно и было. Но если боги существуют, то познание их - наивысшее блаженство для людей. Не говорил ли Плотин о бесстрастном восторге, когда душа возносится над жизнью, мыслями и разумом, сливаясь с абсолютным Единым? Шесть раз в продолжение шестидесяти лет воспарил Плотин на высоты мистического единения и понял, что он - часть Божества; Порфирий тоже удостоился один раз этой неизреченной славы. Ипатии же, несмотря на многократные попытки, еще ни разу не удалось ясно увидеть высшее существо.

И вот теперь, в удручающем сознании своей немощи, девушка решила проникнуть в небесные сферы. Быть может, теперь, в эти скорбные минуты, какое-либо Божество прольет на нее луч небесного света?.. Не сжалится ли Афина?.. А если не она, то какое-либо другое высшее существо - ангел или демон?..

Ипатия смиренно сняла все свои драгоценности и верхнее платье. Затем обнажила грудь и ноги, распустила золотистые волосы и прилегла на кушетку, скрестив руки и устремив к небу вдохновенный взор.

Так прошло несколько часов. Глаза Ипатии постепенно смыкались, но грудь стала подыматься быстрее и дыхание участилось.

Мгновениями девушке казалось, что она очутилась на дне пропасти, не ощущала

собственных членов, не слышала собственного дыхания. Ее окружал светлый, мерцающий туман, бесконечная паутина, сплетенная из неисчислимых блестящих нитей, соединявшихся между собой, а затем разделявшихся и исчезающих. Она даже не знала, оставалась ли душа в ее теле или покинула его.

Паутина пропала, осталась только светлая бездна. Она упивалась светом и носилась в нем, как пылинка среди полуденных лучей. Но ее воля не ослабевала.

В бесконечной дали, среди беспредельного простора обозначилось темное пятнышко. Оно росло и приближалось. То был темный шар, опоясанный радужным кольцом. Что бы это могло быть? Она не дерзала надеяться. Все ближе, ближе... вот он коснулся ее. Центр его сверкнул, всколыхнулся и принял более определенные очертания... лица? рога? Нет - Пелагии!

Она выглядела прекрасной и скорбной и внушала невольное благоговение. Ипатия была не в силах далее выносить такую пытку и вскочила с криком ужаса!

Так вот ответ богов! Призрак женщины, которую она презрела и оттолкнула.

- Нет, это не их ответ! Мне его подсказала собственная душа!

Ипатия горько улыбнулась и в полном изнеможении снова бросилась на ложе, охватив голову руками.

Наконец она приподнялась и, не заплетая распущенных волос, тихо заговорила, устремив неподвижный взгляд в одну точку:

- О, хотя бы какое-нибудь знамение! Нет, миновал золотой век, воспетый поэтами, когда боги братались с людьми и сражались рядом с ними. Я сойду с ума, если перестану верить в обитателей незримого мира. О, хотя бы знамение, одно только знамение!

Расстроенная и смущенная, прошла Ипатия в "комнату богов", где хранилась коллекция старинных изваяний, на которые она смотрела скорее как на памятники искусства, чем как на принадлежности культа. В одном углу комнаты стояла Паллада, в полном вооружении, с копьем и шлемом, - чудесный образец афинской скульптуры, который она приобрела у купцов после разграбления готами Афин.

Долго и страстно смотрела Ипатия на изображение своей излюбленной богини - идеала, которому она в течении многих лет стремилась подражать. И вдруг... Что это, не мечта ли? Или просто игра света? Неужели богиня улыбнулась ей?

Нет, уста Паллады были по-прежнему плотно сжаты. Если чудо и свершилось, то оно миновало. Но вот опять...

Ипатии показалось, что змеи на голове Медузы [*Медуза (греч. мифология). Одно из мистических чудовищ. Голова медузы была увенчана змеями, а глаза были настолько страшны, что люди, при взгляде на них, каменели. Медузу обезглавил герой Персей.*], изображенной на щите богини, извиваются и пожирают ее своими каменными глазами, желая поразить ее ужасом и превратить в камень.

Но нет, и это видение скрылось! Девушка снова посмотрела в лицо Паллады, но камень оставался холодным и безмолвным. Ипатия опустилась на колени, охватила руками мраморное изваяние богини и стала шептать в полубезумном отчаянии:

- Афина! Паллада! Боготворимая! Вечная девственница! Внемли мне, Афина!

Сжался надо мной! Заговори, хотя бы для того, чтобы проклясть меня! Я знаю, что ты вездесуща и пронизываешь все живое. Но мне известно, что ты полюбила этот образ, который воплощает твое дивное величие! Я знаю, что ты говорила тем, кто... Да разве я что-нибудь знаю? Ничего! Ничего! Ничего!

Ипатия встрепенулась, услышав тихий шорох. Она обернулась и увидела позади себя старую Мириам.

- Взывай погромче! - сказала колдунья с угрюмой злобой. - Взывай погромче, - она ведь богиня! Наверное, теперь она беседует с кем-нибудь, или терзает кого-нибудь, или пустилась странствовать. А может быть, она состарилась, - это ведь наша общая судьба, - и теперь, по лени или из упрямства, не хочет шевельнуть пальцем. Как? Твоя непослушная кукла не желает с тобой говорить, не открывает глаз, быть может, заржавели пружины? Ну хорошо, мы найдем тебе другую игрушку, если хочешь!

- Прочь! Как осмелилась ты войти сюда, колдунья? - закричала Ипатия, быстро приподнимаясь.

Но старуха спокойно продолжала:

- Почему ты не попытаешь счастья вон у того молодого красавца? - и она указала на статую Аполлона. - Как его зовут? Старые девы, вызывающие к нему, всегда сварливы и завистливы. Он все с большей благосклонностью взглядывает на твое прелестное лицо. Попытай счастья с этим юношей! Может быть, ты робеешь? В таком случае тебе пригодится старая еврейка.

Последние слова были произнесены так многозначительно, что Ипатия, при всем своем неприятии Мириам, потребовала объяснений.

Старуха ответила не сразу. Она устремила на Ипатию пристальный взгляд, и девушка растерялась. В жгучих глазах старухи читались и сознание собственного могущества и глубокое понимание, и злобное упрямство. Наконец Мириам заговорила:

- Старая колдунья может вызвать для тебя прекрасного Аполлона [*Один из главнейших и наиболее почитаемых богов греческой мифологии. Бог солнца (Феб "сияющий"), Бог поэзии, покровитель муз, сын Зевса, возвещающий его волю и вещавший свои прорицания в Дельфийском храме через особых жриц (пифий). Как носитель света и разума А. в позднейшую эпоху (во II и I в. до н. э. и в течение I и II в. н. э.) противопоставлялся Дионису, как олицетворение исступленного демонического экстаза. Культ А. пользовался особым распространением в аристократической среде, культ Диониса - в народных массах.*] с юношеским пухом на подбородке. Он придет! Он придет! Я ручаюсь, что он явится и даже не заставит себя ждать, стоит только старой Мириам поманить его пальцем.

- Это тебе, еврейка, будет повиноваться Аполлон, Бог света?

- Мне? - воскликнула старуха. - А кто ты, вопрошающая меня? Что такое ваши боги, герои и демоны? Вы новорожденные дети в сравнении с нами. Вы были толпой полунагих дикарей и спорили из-за обладания Троей, когда Соломон, окруженный великолепием, какого не видывал ни Рим, ни Константинополь, заклинал именем вездесущего демонов и духов, ангелов и архангелов и все силы, земные и небесные. Мы - родоначальники магии, мы владем сокровенными тайнами вселенной. Подойди

сюда, греческий ребенок, и помни: вы всегда останетесь детьми, которые хватаются за всякую новую игрушку, чтобы бросить ее на следующий день. Приблизься к источнику твоего жалкого знания. Назови, кого ты хочешь увидеть, и я исполню твое желание!

Старуха угадала произведенное на Ипатию впечатление и продолжала, не ожидая возражений:

- Какой же способ ты предпочитаешь? Вызвать его образ при помощи стекла, воды или лунного света на стене и решетке? Не прибегнуть ли к луне и звездам? А может быть воспользоваться необъяснимым именем на печати Соломона, которым только мы одни из всех народов земли владеем в совершенстве? Нет, мне жаль пускать в ход такую силу ради язычницы. Но это можно сделать и при помощи священных облаток. Взгляни! Вот они, волшебные средства! Не принимай сегодня никакой пищи и глотай по одной облатке каждые три часа, а ночью приходи ко мне, в дом твоего прислужника, Евдемона, и захвати с собой черный агат. Ты увидишь то, к чему стремишься, если только тебе не изменит мужество.

Ипатия нерешительно взяла облатки.

- Что это такое?

- И ты решила толковать Гомера? Не ты ли еще неявно так красноречиво распространялась о непенте [*В греческих сказаниях (в частности, в "Одиссее") - волшебный напиток, отнимавший у людей память и навевавший на них необыкновенные сновидения.*], которой Елена угостила героев, чтобы они смелее предавались радостям любви? А вот это и есть непента. Возьми и попробуй: тогда ты убедишься, что можешь не только беседовать о Елене, но и подражать ей. Поверь, я лучше тебя понимаю Гомера.

- Я не могу тебе довериться. Докажи мне свое могущество на каком-нибудь примере.

- Примере? Стань на колени, обратив лицо к северу, Ты слишком высока для бедной сгорбленной старухи.

- Я? Я никогда не становилась на колени ни перед одним смертным существом!

- Ну, так вообрази, что склоняешься перед каким-нибудь прекрасным идолом, а на колени стать тебе необходимо!

Зачарованная жгучим взором старухи, Ипатия опустила на колени.

- Есть ли в тебе вера и желание? Готова ли ты покориться и повиноваться? Своенравие и гордость ничего не понимают и не видят. Пока ты не отречешься от своего "я" к тебе не могут приблизиться ни Бог, ни дьявол! Подчиняешься ли ты?

- Да, подчиняюсь! - воскликнула Ипатия. Постепенно глаза ее стали смыкаться под чарующим взором старухи, телом овладело изнеможение.

Еврейка достала кристалл, спрятанный на груди, и приложила его острие к груди Ипатии. Холодная дрожь пробежала по телу девушки. Колдунья стала совершать какие-то таинственные движения руками над головой Ипатии.

Потом костлявыми пальцами она коснулась ее лба и веки Ипатии отяжелели; она пыталась приподнять их, но они мгновенно закрывались под упорно устремленными на нее жгучими взорами старухи. Наконец девушка лишилась сознания.

Очнувшись через несколько мгновений, Ипатия увидела, что она находится в

противоположном конце комнаты и стоит на коленях с распущенными волосами. Платье ее в беспорядке, а руки сжимают какой-то холодный предмет. Что это? Ноги Аполлона... Колдунья стояла тут же рядом, весело усмехаясь.

- Как я сюда попала? Что я сделала?

- Ты наговорила столько прекрасных и лестных вещей пленительному юноше, что он не забудет их до своего сегодняшнего ночного визита. Ты пришла в восхитительный пророческий экстаз. Право, из тебя вышла бы отменная Кассандра [*Согласно легенде - дочь троянского царя Приама I. Получила от Аполлона дар прорицания, после того как пообещала отдаться ему. Она не сдержала обещания, и Аполлон наказал ее тем, что предсказаниям ее не верили*] или Клития [*Возлюбленная Аполлона. Покинутая им, она умерла, а по сказанию поэта Овидия, была превращена в цветок*].... Это всецело зависит от тебя, моя красавица. Довольна ли ты? Или тебе хочется еще знаний и чудес?

- О, я верю тебе, верю! - воскликнула измученная девушка. - Я приду, и все-таки...

- Ну, хорошо. Скажи заранее, в каком образе желаешь ты его видеть?

- В каком он хочет! Только пусть придет и докажет мне, что он - Бог. Абамнон [*Греческий философ, живший в IV веке, последователь школы неоплатоников (см. Неоплатонизм). Представитель мистического направления этой школы. А. занимался изысканиями о мистической природе чисел и на их основании разрабатывал учение о природе богов.*] говорит, что боги пребывают в лоне ясного, неподвижного, нестерпимого света, среди тех подчиненных божеств, архангелов и героев, которые получили от них жизнь.

- В таком случае Абамнон был старый дурак. Уж не думаешь ли ты, что юный Феб преследовал Дафну [*По греческой мифологии - нимфа, дочь речного Бога Ладона и Гее; спасаясь от преследований Аполлона, обратилась к матери Гее (богине земли), и та превратила ее в лавровое дерево.*] с целой свитой? Или Юпитер подплыл к Леде [*Дочь этолийского царя Фестия. Согласно легенде, от Зевса, явившегося ей в образе лебедя, Леда родила Елену Троянскую и близнецов Кастора и Полидевка (Поллукса).*] со стаей уток, куликов и водяных курочек? Нет, он придет к тебе один. И тогда можешь избрать себе роль Кассандры или Клитии... Прощай! Не забудь облатки и агат, да не говори ни с кем до заката солнца. А потом, моя красавица...

И старая колдунья выскользнула из комнаты. Ипатия сидела на кушетке, дрожа от страха и стыда. Она, последовательница чисто духовного направления школы Порфирия, всегда смотрела бесчувственно и презрительно на те приемы магии, к которым прибегали Ямблихий, Абамнон и прочие поклонники древних жреческих обрядов Египта и Халдеи. В этих приемах она видела простые фокусы, поражающие лишь непросвещенную чернь. Теперь она начинала относиться к ним гораздо благосклоннее. Быть может, Абамнон был все-таки прав. Она не смеет считать его неправым; если ее обманет и эта последняя надежда, ничего более не останется, ибо завтра все равно смерть!

Затя Миррам

Кому случалось обожать женщину вопреки своей воле, тот знает, что кумир рушится только после ряда землетрясений и страшных бурь. То же самое испытывал и Филимон, когда поздно вечером стал перебирать в уме все события прошедшего дня. Несмотря на внушения совести и рассудка, в душе его снова начала оживать привязанность к Ипатии. Ипатия не находила слов утешения для Магдалины [*По Евангелию - грешница, ведшая развратный образ жизни и раскаявшаяся после встречи с Христом. После второго обращения вступила в число учеников Иисуса.*], потому что была язычницей. Следовательно, это вина язычества, а не проступок Ипатии. Не принадлежали ли ей лично совершенства и прекрасные качества и не объяснялись ее недостатки внешними условиями и обстоятельствами?

Она приняла его ласково. Она учила и уважала его, всячески доказывая свое расположение.

Старая мечта обратить Ипатию в христианство снова вспыхнула в Филимоне еще сильнее прежнего.

Мысли юноши беспорядочно блуждали, когда на пороге комнаты раздался голос маленького носильщика, звавшего его ужинать. Филимон вспомнил, что не ел ничего весь день, и нехотя спустился к своим хозяевам.

Носильщик, жена его и молодой монах, молчаливые и грустные, сидели за столом, когда неожиданно вошла Миррам, находившаяся, по-видимому, в прекрасном настроении.

- А, вы ужинаете... Кушаете чечевицу и арбузы, а между тем Египет славился мясом уже две тысячи лет тому назад. Да, времена изменились! Вы, презренные язычники, пренебрегли советами древних евреев, и теперь вместо Иосифа [*По библейской легенде - любимый сын ветхозаветного патриарха Иакова и Рахили, отличавшийся необыкновенным целомудрием и красотой. Озлобленные братья хотели его убить, но в конце концов продали его проходящему каравану. И. был перепродан в Египет. Иосиф стал там первым министром фараона.*] вам достался Кесарь. Эй, вы, девки! - позвала она своих рабынь. - Принесите нам жареную курицу и бутылку лучшего вина... того, что с золотой печатью.

Сирийская невольница принесла требуемое.

- Ну, теперь закусим все вместе! Вино веселит сердце человека, юноша. Ты когда-то был монахом и, наверное, помнишь это изречение? Вино сладко, как мед, крепко, как огонь, и прозрачно, как янтарь. Пейте, дети геенны, и наслаждайтесь тем коротким сроком, который отделяет вас от неугасимого адского пламени.

Миррам выпила целый кубок вина и окинула многозначительным взором своих собеседников.

Маленький носильщик храбро последовал ее примеру. Филимон с тайным желанием смотрел на вино и, робко покраснев, наконец отведал его, стараясь убедить себя, что напиток ему не по вкусу. Однако он хлебнул еще раз. Негритянка робко отказалась под тем предлогом, что она дала обет не пить вина.

- Черт тебя побери вместе с твоим обетом, уголь из адского пекла! Уж не думаешь ли ты, что вино отравлено? Пей, или я сделаю так, что твоя черная кожа позеленеет вся с ног до головы!

Негритянка поднесла кубок к губам, но по каким-то соображениям незаметно выплюнула вино.

- Какую прекрасную лекцию прочла Ипатия на днях о непенте Елены, - заговорил маленький носильщик, начинавший философствовать по мере того как винные пары ударяли ему в голову. - Какая изумительная способность извлекать холодную воду философии из бездонного озера древних мифов! А ты как полагаешь, мой милый Филимон?

- Полчаса назад я с ней беседовала по этому же вопросу, - проговорила Мириам.

- Ты ее видела? - спросил Филимон, и сердце его сильно забилося.

- Ты хочешь знать, спрашивала ли она о тебе? Сразу признаюсь, что да.

- Как? Что?

- Она говорила о юном Фебе Аполлоне, никого не называя по имени, и в ее рассудительных словах было столько чувства, что, признаюсь, я ничего мудрее не слышала от нее за последнее время.

Филимон вспыхнул.

"Она упоминала обо мне, несмотря на все происшедшее между нами в это утро", - подумал он.

- Но что это с нашим хозяином?

- Он последовал совету Соломона и забыл в вине свою скорбь.

Так оно и было. Евдемон сладко дремал с пьяной улыбкой на устах, негритянка, склонив голову на грудь, по-видимому, тоже крепко заснула.

- Посмотри, что с ними! - сказала Мириам и, взяв лампу, поднесла огонь к рукам спящих хозяев. Они не вздрогнули, не сделали ни малейшего движения.

- В твоем вине нет яда? - тревожно спросил Филимон.

- Не беспокойся. То, что превратило их в животных, нас вознесет к ангелам. Ты, кажется, еще достаточно оживлен, да и меня как будто не клонит ко сну.

- Но к вину что-то подмешано?

- Ну, что же? Тот, кто произвел вино, приготовил и маковый сок: как первое, так и второе способны осчастливить человечество. Пей, сын мой, пей! Я не хочу, чтобы ты сегодня заснул. Напротив, я хочу сделать из тебя героя, или, вернее, желаю убедиться, действительно ли ты принадлежишь к сильному полу.

Она вторично осушила кубок и продолжала, как бы про себя:

- Да, это отравы, точно так же, как и музыка. Женщина - ведь тоже яд, по новой вере христиан и язычников, все заражены одною и тою же ложью, христиане и философы, Кирилл и Ипатия. Не прерывай меня. Лучше пей, юный безумец! Ха! Только еврей останется мужчиной и не стыдится быть тем, чем создал его Господь. Вы презираете нас, хотя причисляете к лику святых Авраама, Иакова, Моисея Давида и Соломона! Вы забываете, презренные лицемеры] что они не отступали перед грехом, которого вы избегаете! Они имели жен и детей; они благодарили Бога за красивую женщину, как

некогда благодарил его Адам! Наступит день, когда его примеру последуют будущие потомки, убедившись что Бог, а не дьявол, сотворил мир. Пей, говорю тебе!

Филимон слушал, и был не в силах возражать. Мириам продолжала:

- Оставь в покое этих спящих скотов и последуй за мной в мои комнаты. Ты жаждешь постичь мудрость Соломона, а потому допусти предварительную суету и безумие в свое сердце. Читал ли ты книгу Екклезиаста [*Екклезиаст, или "проповедник". Название ветхозаветной библейской книги, автор неизвестен. Книга приписывается царю Соломону. Суть жизни Екклезиаст выражает словами: "суета сует, всяческая суета".*]?

Филимон не владел более собой. Помимо воли подчинялся он красноречивым доводам, вину, взору и голосу старухи, все существо которой дышало непреодолимой властью. Словно во сне, проследовал он за ней наверх по лестнице.

- Сбрось нелепый, некрасивый, нескладный плащ философа! Так! Вижу с удовольствием, что на тебе белая туника, которую я дала. В ней ты все-таки похож на человеческое существо. Пей, говорю я! К чему одарила тебя природа таким лицом и станом? Принеси сюда зеркало, рабыня! Хорошо, теперь взгляни на себя и суди сам! Для чего созданы твои пышные губы? На что у тебя глаза, сладостные, как горный мед, и лучезарные, как самоцветные камни? Для чего существуют эти кудри, как не для того чтобы нежные пальцы перебирали их и казались еще белее среди блестящих прядей черных волос? Суди сам! Спойте, девушки, хорошую песню этому бедному мальчику! Спойте ему песню и укажите - впервые во всей его жалкой, ничтожной, невежественной жизни - истинный, древний путь к вдохновению.

Одна из рабынь опустила на диван, держа в руках двойную флейту, а другая осталась посреди комнаты и стала медленно танцевать в такт тихой мечтательной мелодии, с которой сливались бряцание серебряных запястий и дробь бубна, поднятого над головой плясуньи.

Филимон был готов сдаться. Но в самом яде заключалось и противоядие. Мгновенным усилием воли разрушил он чары вина и музыки и быстро вскочил.

- Никогда! Если любовь не имеет высшего назначения и удовлетворяет только чувственность, то мы становимся хуже животных, потому что следуем внушениям себялюбия и унижаем свои лучшие качества. Такой любви мне не надо. Правда, и мне когда-то снился сон любви, но я грезил о женщине, которая была бы одновременно моей наставницей и ученицей, моей сестрой и царицей. Она опиралась бы на мою руку и в свою очередь поддерживала бы меня; она исправляла бы мои недостатки, сообщая трудясь над великим делом и стремясь вместе со мной к совершенству. А это... это жалкое, низменное подобие любви. Никогда, никогда!

Затаенные мысли Филимона прорвались наружу в порыве страстного возбуждения. Старая Мириам вскочила со своего стула, не то действительно уловив какой-то шорох, не то делая вид, что слышит шаги на лестнице.

- Тише! Замолчите, девушки. Кто-то идет. Какое неразумное создание пробирается в такой поздним час к бедной, старой колдунье за любовным зельем? А может быть христианские собаки разыскали логово старей львицы? Ну, мы увидим.

Она вытащила из-за пояса кинжал и смело направилась к двери. У выхода она остановилась и обратилась к Филимону:

- Так, мой достойный, юный Аполлон! Ты не прельщаешься обыкновенной женщиной? Тебе нужно нечто высшее, более мудрое и более блестящее? Желала бы я знать, захватила ли Ева свидетельство об успехах во всех семи науках, когда посетила Адама в райских садах? Хорошо, хорошо. Ты ищешь то, что тебе нужно. Посмотрим, - быть может, нам и в этом случае удастся угодить тебе. Уйдите, дочери моавитские [*Моавитяне -- семитическое племя, родственное евреям, образовавшее на восточном берегу Мертвого моря значительное государство. Со времени захвата Ханаана евреями последние вели непрерывную борьбу с моавитянами.*]!

Девушки удалились, перешептываясь и смеясь. Ушла и еврейка. Филимон остался один. Последние слова Мириам его несколько успокоили, но все же он держался настороже. Он невольно оглянулся при мысли, что может быть какая-нибудь новая сирена появится в комнате.

На противоположном конце комнаты он заметил распахнутую дверь, затянутую прозрачным занавесом, из-за которого слышался чей-то тихий шепот. Страх Филимона, возраставший вместе с его возбуждением, перешел в негодование, когда он начал подозревать западню. Подобно дикому хищнику, готовящемуся к смертельному прыжку, юноша устоял на драпировку и поднял руки, чтобы обороняться против всяких злых духов как мужских, так и женских.

- Итак, он действительно появится? Как мне к нему обратиться? - произнес знакомый голос. Что это? Не Ипатия ли тут? Старуха отвечала с гортанным еврейским акцентом:

- Так, как ты с ним говорила сегодня утром.

- О, я ему все скажу, и он должен... Он обязан сжалиться надо мной. Но он? Такой величавый и лучезарный!

Филимон не разобрал следующих слов старухи, и через несколько мгновений комната наполнилась сильным и сладким запахом наркотической смолы. Послышалось бормотание какого-то заклинания, затем вспыхнул яркий огонь, занавеска раздвинулась, и перед его изумленным взором, в ореоле мерцающего огня, предстала колдунья, наклонившаяся над треножником, между тем как Ипатия, в белоснежном одеянии, сверкая золотом и самоцветными камнями, опустилась на колени рядом с нею. В трепетном ожидании она раскрыла губы и, закинув голову, протянула руки.

Он не успел пошевелинуться, как девушка перескочила через треножник и упала к его ногам.

- Феб! Прекрасный, дивный, вечно юный! Внемли мне только один раз... Только на одно мгновение!

Ее платье вспыхнуло от пламени треножника, но она ничего не замечала. Филимон инстинктивно обнял девушку и потушил загоревшуюся ткань ее одежды.

- Сжался надо мной! Поведай мне тайну! Тебе я готова повиноваться! Я отрешилась от самой себя. Я твоя рабыня. Убей меня, если пожелаешь, но говори!

Пламя треножника проливалось мягкий желтый свет, и Филимон увидел у стены какую-то фигуру.

Негритянка, приложив палец к губам, протягивала к нему свое небольшое распятие и глядела на него молящим, полным отчаяния взглядом.

Юноша понял все. Оттолкнув бедную обманутую девушку, страстный экстаз которой, как он ясно понял, не имел никакого отношения лично к нему, Филимон бросился к выходу.

Ощупью в темноте нашел он дверь, но попал в другую комнату, с окном, и с высоты двадцати футов соскочил на улицу. Разбитый и окровавленный, поднялся он, как Антей [*Антей (греч. мифология). Великан, заставлявший каждого пришельца вступить с ним в единоборство и неизменно убивавший каждого противника, ибо, как только он падал на землю, мать его Гея (земля) возобновляла его силы и таким образом делала его непобедимым. Его победил Геракл, поднявший его на воздух и продержавший в этом положении до тех пор, пока он не задохнулся.*]. Силы его воскресли, и он стремглав бросился к дому архиепископа.

Бедная Ипатия лежала на полу в почти бессознательном состоянии, а старуха упивалась ее горькими слезами, вызванными не только разочарованием, но и жгучим стыдом. Когда Филимон бросился к выходу, она узнала хорошо знакомые черты. Пелена спала с ее глаз, и все надежды навеки умерли в душе дочери Теона.

Гнев ее был слишком силен, чтобы вылиться в упреки. Она медленно поднялась, прошла в смежную комнату, тщательно запахнула плащ и молча удалилась, бросив на еврейку взгляд, исполненный гнева и глубокого презрения.

- Ну, сегодня мне не страшны немилостивые взгляды! - пробормотала старуха, поднимая с пола желанную цель всех своих козней, - половинку черного агата, принадлежавшую Рафаэлю.

- Заметит ли она свою потерю? Может быть, она не дорожит им с тех пор, как поняла, какие архангелы являются к ней, если потерять талисман. Но, быть может, она вздумает его вернуть обратно? Ну, в таком случае ей придется померяться силами со мной или, вернее, с христианской чернью.

Она сняла с груди другую половину талисмана, много раз складывала оба обломка, ощупывала их, пожирала их влажными глазами, пока наконец не удостоверилась, что куски в точности подходят друг к другу.

Временами старуха обрывочно бормотала:

- О, если бы он теперь вернулся! Но он должен вернуться сегодня! Завтра уже будет поздно! Я спрошу Терафима, не знает ли он, где Рафаэль.

И Мириам приступила к магическим заклинаниям.

Придя домой, Ипатия бросилась на свою постель, плача и вздыхая, как слабый больной ребенок. Когда наступило утро, она встала, собрала все силы для последнего великого дела и стала спокойно готовить последнюю лекцию. После нее она решила навеки проститься и с Александрией, и со своими учениками...

Филимон бежал, как безумный, по главной улице, ведущей в Серапеум. Но не успел он промчаться и полмили, как столкнулся с огромной толпой, которая шла ему навстречу, заполняя всю улицу.

Народ шел без конца. Тысячи факелов мерцали над головами, а из середины

процессии доносилось торжественное пение, в котором Филимон узнал хорошо знакомый гимн. Он хотел было свернуть в боковой переулочек, чтобы избежать встречи, но отступить было некуда. Не успел он оглянуться, как его подхватили передние ряды и увлекли за собой!

- Пустите меня! - воскликнул он умоляющим голосом.

- Тебя пропустить, язычник?

Тщетно уверял Филимон, что он христианин.

- Последователь Оригена! Донатист! Еретик! Всякий добрый христианин нынче ночью идет в Цесареум.

- Друзья мои, у меня нет никакого дела в Цесареуме, - с отчаянием проговорил он. - Я хотел добиться беседы с архиепископом по делам первой важности.

- Лжец! Ты утверждаешь, что архиепископ знает тебя, а разве ты не слышал о торжестве этой ночи, не слышал, что сегодня святейший отец должен посетить в Цесареуме прах святого мученика Аммония?

- Как? Кирилл с вами?

- Да, и со всем духовенством.

"Тем лучше! Пусть все произойдет публично", - подумал Филимон, присоединяясь к толпе.

Шествие прошло через ворота Солнца на портовую площадь с пением гимнов и погребальных псалмов. Там процессия повернула направо, вдоль набережной, и свет факелов багровым пламенем озарил главный фасад Цесареума с двумя обелисками, мачты бесчисленных судов у пристани и темную, мрачную громаду дворца, перед которым сверкали длинные ряды закованных в латы солдат. От пристани до угла музея был протянут морской канат, где Орест сосредоточил все свои военные силы.

Процессия внезапно остановилась. Поднялся смутный, зловещий ропот, задние ряды напирали на передние, придвинувшиеся к самому канату. Воины опустили копья и спокойно ждали. Толпа отступила, но вскоре снова нахлынула. Послышались гневные возгласы, и наиболее агрессивные нагнулись, подбирая камни на мостовой. Еще мгновение - и весь гарнизон Александрии вступил бы в отчаянную схватку с пятьюдесятью тысячами христиан.

Но Кирилл помнил свои обязанности предводителя. Он не боялся возбуждать народные страсти, что подтверждалось событиями этой ночи, но со свойственной ему осторожностью и хитростью хотел предупредить ночное побоище, которое было бы опасно и рискованно даже в случае победы, так как стоило бы многих сотен жертв.

Его монахи в совершенстве знали свое дело.

Прежде чем были нанесены оскорбления с той или другой стороны, они пробрались сквозь толпу и, грозя отлучением от церкви, не только восстановили порядок, но и поддерживали полнейшую тишину до самого окончания священной церемонии.

В продолжение целых двух часов расхаживали они, словно часовые, между враждующими сторонами и наводили порядок, вызывая чувство искреннего удивления и одобрения даже у римских легионеров.

В это время по ступеням храма поднялся блестящий ряд священников в богатом

облачении. Среди них эффектно выделялась статная фигура архиепископа, за которым следовали тысячи монахов не только из Нитрии и Александрии, но и из всех городов и монастырей в округе. За монахами двигались миряне. Сечение народа было так велико и давка так сильна, что Филимону удалось проникнуть в церковь только в конце богослужения, когда началась проповедь Кирилла:

- Зачем пришли вы сюда? Чтобы взглянуть на человека в блестящих одеждах? Нет, блеск и роскошь вы найдете только в царских палатах или во дворцах наместников, которые мечтают об императорской короне и готовы нарушить союз, заключенный с Творцом. А вы, бедные в миру, но богатые верой, - что вы хотите узреть в пустыне? Пророка? Да, даже более чем пророка, - мученика! Ныне он выше царей, выше наместников! Называйте его не Аммонием, а Томазием блаженным. Приблизьтесь же и исцеляйтесь! Подойдите и взирайте на славу святых и неимущих! Приблизьтесь и убедитесь, что у господина в чести тот, кто презрен людьми.

Бог приемлет отвергнутого и награждает наказанного. Приблизьтесь и посмотрите, как Творец охраняет немощных и сокрушает сильных. Человек с отвращением взирает на казнь на кресте. Сын же божий на нем принял смерть. Человек попирает ногами бедняка, и Сыну божьему негде преклонить голову. Человек отвергает блудницу после того, как вынудил ее стать рабыней греха, - Сын божий беседует с ней, оскверненной, презираемой и покинутой, принимает ее слезы, благословляет ее жертву и говорит, что грехи ее прощены, ибо она много любила...

Филимон ничего более не слушал. В страстном порыве фанатика протиснулся он к ступеням того возвышения, на котором под роскошным балдахином стоял стеклянный гроб с телом Аммония. Очутившись перед кафедрой, откуда говорил Кирилл, он припал лицом к земле, простер руки наподобие креста и замер, неподвижный и безмолвный.

Среди присутствующих началось движение, поднялся легкий шепот, а Кирилл продолжил после минутного перерыва:

- Человек в своей гордыне и самомнении презирает унижение и покаяние, Сын же божий говорит, что тот, кто сам себя унижает, как этот наш кающийся брат, будет возвышен. Станем же радоваться и веселиться вместе с сонмом архангелов об обращении раскаявшегося грешника. Приподнимись, сын мой, кто бы ты ни был, и вкуси мир на эту ночь, повторяя слова Сына божьего, поборовшего в пустыне искушение сатаны!

Вслед за этим удачным и ловким оборотом речи раздался гром рукоплесканий.

Филимон опустился на колени и, краснея и смущаясь, смотрел на тысячи прихожан.

Старик, стоявший вблизи кафедры, бросился к юноше и обнял его. Это был Арсений.

- Сын мой! Сын мой! - громко рыдая, проговорил он.

- Твой раб, если хочешь, - шепнул ему Филимон. - Последнюю милость испрошу у патриарха и потом навеки назад, в лавру...

- О дважды благословенная ночь! - провозгласил сверху густой, звучный голос Кирилла. - Мы одновременно венчаем мученика и празднуем обращение грешника. На земле пополнились ряды победоносного воинства церкви, а небеса с двоякой великой

радостью приветствуют торжество одного брата и покаяние другого!

По знаку Кирилла Петр-оратор приблизился и ласково увел рыдающего старца и Филимона. Их напутствовали пожеланиями, молитвами и слезами даже дикие монахи Нитрии. Петр тоже подал руку взволнованному юноше.

- Молю тебя о прощении, - вымолвил Филимон, стремившийся всячески унижить себя.

- А я тебе дарую его, - ответил Петр. Последний возвратился в церковь с более веселым видом и, вероятно, в более светлом настроении.

Глава

XXVII

Возвращение блудного сына

На следующий день, около десяти часов утра, когда Ипатия, измученная бессонной ночью, старалась собраться с мыслями для прощальной лекции, любимая невольница доложила ей, что внизу ждет посланный от Синезия.

Письмо от епископа! Луч надежды блеснул в ее душе. Наверное, он шлет ей утешение, совет, какое-либо успокоение! О, если бы он знал, как безысходно ее горе!

- Возьми письмо и принеси его сюда.

- Он хочет лично передать его тебе. И я думаю, тебе бы следовало удостоить его беседы, - добавила девушка, подкупленная золотой монетой щедрого посетителя.

Ипатия нетерпеливо покачала головой.

- По-видимому, он хорошо тебя знает, моя повелительница, хотя и не сообщает своего имени. Я не поняла, что он хочет сказать, но он мне велел напомнить тебе о черном агате и о каких-то духах, которые являются, если потерять поверхность талисмана.

Ипатия смертельно побледнела. Неужели это опять Филимон? Она схватилась за грудь - талисман исчез! Должно быть, она потеряла его в минувшую ночь, в комнате Мириам. Только теперь ей стал окончательно ясен коварный замысел колдуньи.

- Скажи ему, чтобы он оставил письмо и удалился... Отец мой! Как? Кто этот незнакомец? Кого ты привел ко мне в такую минуту?

Человек, сопровождавший Теона, был не кто иной, как Рафаэль Эбен-Эзра. Старик вскоре удалился, оставив молодых людей наедине.

Еврей медленно приблизился к Ипатии и, преклонив колени, передал ей письмо Синезия. Девушка затрепетала от волнения при этой неожиданной встрече. Но события прошлой ночи и ее позор не могли быть ему известны. Она не решилась, однако, взглянуть в глаза Рафаэля, когда взяла и открыла письмо. Если Ипатия надеялась найти утешение в послании епископа, то надежда и тут обманула ее.

"Синезий - наставнице философии.

Судьба не может лишить меня всего, хотя по мере возможности стремится всячески обездолить меня. Но я ей не покорюсь и буду приносить пользу людям и помогать угнетенным. Только бы вместе с остальным не отняла она у меня и разум. Я ненавижу

несправедливость и, насколько могу, стараюсь положить ей конец. Но я не в силах осуществить свои планы. И этой возможности я лишился еще раньше, чем утратил своих детей.

Было время, когда я был утешением для своих друзей, и ты видела во мне благодетеля всех, кроме самого себя. Тогда я использовал на благо ближних милости, которыми меня осыпали сильные мира сего. Это было тогда! Теперь же я был бы совершенно беспомощен, если бы ты не сохранила своего прежнего влияния. Ибо тебя и добродетель твою отношу я к тому хорошему, которое у меня никто не отнимет. Но ты всегда имела влияние и пользуешься им, без сомнения, и теперь, с присущим тебе великодушным благородством.

Что касается моих родственников, двух достойных юношей, Никейя и Филолея, то пусть все твои почитатели, частные лица, а также и сановники, позаботятся о возвращении им их законных прав..."

- Все мои почитатели! - произнесла Ипатия с горькой усмешкой, а затем быстро взглянула в лицо Рафаэля, точно боясь выдать себя.

Ипатия побледнела и, заметив жалость на лице Рафаэля, невольно подумала: "Он знает... но не все... конечно, не все!"

- Видел ли ты... Мириам? - пробормотала она.

- Нет еще. Я прибыл в Александрию только час тому назад, а благополучие Ипатии мне по-прежнему важнее собственного.

- Мое благополучие? Оно потеряно безвозвратно.

- Тем лучше! Я нашел свое счастье, когда утратил все.

- Что ты хочешь этим сказать?

Рафаэль колебался и не сводил с нее глаз. Он как будто и желал, и боялся сообщить ей что-то весьма важное. Наконец он заговорил:

- По крайней мере теперь ты вынуждена признать, что я одет лучше, чем при нашем последнем свидании. Я вернулся более благообразным и, быть может, более здравомыслящим.

- Рафаэль! Неужели ты явился сюда, чтобы издеваться надо мной? Ты знаешь, ты ведь не мог, пробыв здесь час, не услышать о том, что я еще вчера мечтала, - тут Ипатия опустила глаза, - стать императрицей. Сегодня же мои мечты разбиты, а завтра, быть может, я буду изгнана. Неужели у тебя ничего не найдется для меня, кроме прежних насмешек и двусмысленных намеков?

Рафаэль стоял безмолвный и неподвижный.

- Почему же ты молчишь? Что означает этот грустный, сосредоточенный взор, так непохожий на твое прежнее выражение лица?.. Ты хочешь поведать мне нечто важное?

- Да! - тихо вымолвил он. - Что бы сказала Ипатия, если бы Эбен-Эзра воскликнул вместе с умирающим Юлианом: "Ты победил, галилеянин!"

- Юлиан этого никогда не говорил! Это клевета монахов!

- Но я это говорю...

- Невозможно!

- Я повторяю это.

- Как предсмертное слово, - да, я понимаю... Таким образом, подлинный Эбен-Эзра перестал существовать.

- Но он может возродиться.

- Умереть для философии, чтобы возродиться в варварском суеверии! Достойное перерождение! Прощай же навсегда!

Она встала, готовясь выйти из комнаты.

- Выслушай меня! Выслушай меня терпеливо хотя бы в этот раз, благородная, дорогая Ипатия! Если на твоих прелестных устах появится презрительная улыбка, я, пожалуй, опять стану тем злобным дьяволом, каким я был по отношению ко всем, кроме тебя. О, не считай меня неблагодарным и забывчивым! Я очень многим обязан тебе. Ведь только твои чистые, возвышенные речи поддерживали во мне воспоминание о справедливости и истине.

Ипатия остановилась и слушала с большим удивлением. У нее не осталось веры. Какую же веру нашел он?

- Ипатия, я старше тебя и мудрее, если мудрость дается опытом. Тебе знакома только одна, красивая сторона медали, я же видел и ее обратную сторону. Долгие годы блуждал я среди всевозможных форм человеческой мысли, человеческой деятельности, греха и безумия! Я не мог оставаться верным твоему платонизму, - отчего, ты узнаешь впоследствии. Я перешел к стоицизму, эпикуреизму, цинизму, скептицизму и на дне глубокой бездны открыл еще более страшную пропасть, усомнившись и в самом скептицизме.

"О, можно пасть еще ниже!" - подумала Ипатия, припомнив магические фокусы минувшей ночи, но промолчала.

- Тогда, преисполненный презрения к самому себе, я признал себя ничтожнее животных, которые имеют и соблюдают известные законы, в то время как я был собственным Богом, демоном, гарпией [*Гарпии (греч. мифология). Свирепые богини вихря и смерти. Изображались в виде птиц с женскими лицами.*]. Только благодаря моей собаке, у меня пробудилось сознание собственного существования и бытия других существ, вне меня находящихся, и я слушался ее, так как она была разумнее меня. Бессловесное создание вернуло меня к человеческой природе, к милосердию, самопожертвованию, вере, и к чистой супружеской любви.

Ипатия с удивлением смотрела на Рафаэля. Пытаясь скрыть свое замешательство, она сказала, почти не сознавая, что говорит:

- Супружеская любовь? Так вот та жалкая приманка, ради которой Эбен-Эзра изменил философии?

"Слава Богу! - подумал Рафаэль. - Она не любит меня. В противном случае гордость не допустила бы ее до этой насмешки".

- Да, моя дорогая, - проговорил он громко, - я отказался от философии и от поисков мудрости, потому что истина сама искала и нашла меня. Но, право, я думал, ты похвалишь меня за то, что я хоть раз в жизни захотел последовать твоему примеру и решил вступить в брак, подобно тебе.

- Не издевайся надо мной! - воскликнула Ипатия и взглянула на него с таким стыдом

и отвращением, что ему стало неловко за свои слова. - Если ты еще не слышал, то скоро все услышишь и узнаешь. Никогда больше не упоминай мне об этом отвратительном сне, если ты хочешь услышать от меня хоть одно слово!

Рафаэль почувствовал мучительное раскаяние. Ведь он сам подал мысль об этом злосчастном браке! Но Ипатия не дала ему ответить и торопливо продолжала:

- Скажи мне лучше о самом себе. Что означает этот странный и быстрый брак? Какое отношение имеет он к христианству? Я полагала, что галилеяне привлекают к себе новых последователей прелестями безбрачия, как ни грубы и суеверны их представления о нем.

- Я тоже разделял твое мнение, моя повелительница, - подхватил Рафаэль. - Человеческую непоследовательность объяснить мудрено. Суть в том, что однажды меня схватили два епископа и, не осведомляясь о моем согласии, помолвили меня с молодой особой, которую за несколько дней перед тем хотели отдать в монастырь.

- Два епископа?

- Именно. Один был Синезий. Этот добродушнейший и непоследовательнейший хлопотун выдал мой секрет. Но этой частью моей истории я не хочу докучать тебе. Всего замечательнее то, что другим епископом, содействовавшим этому браку, оказался Августин из Гиппона.

- Они готовы на любую подачку, лишь бы добыть лишнего новообращенного, - пренебрежительно бросила Ипатия.

- Ты ошибаешься, моту тебя уверить. Августин откровенно и весьма невежливо заявил нам обоим, что искренне жалеет нас за столь глубокое падение. Но так как в нас не заметно призвания к безбрачию, то он-де не может принуждать нас к нему. Августин в свое время пролил немало горьких слез...

- Ты, кажется, весьма расположен к софисту из Гиппона? - с нетерпением вырвалось у Ипатии, - Но его убеждения, особенно если они противоречат сами себе, для меня не особенно важны.

- Мне не важно, последователен он или нет, - несколько заносчиво отвечал Рафаэль. - Я пошел к нему не для того, чтобы он учил меня взаимоотношениям полов, а для того, чтобы он рассказал мне о Боге. На этот счет я узнал от него достаточно. Это-то и заставило меня вернуться в Александрию, дабы загладить, если возможно, то зло, которое я причинил Ипатии.

- Разве ты причинил мне зло? Почему ты молчишь? Но знай одно, что каково бы ни было это зло, ты его не исправишь, если будешь пытаться обратить меня в христианство.

- Не будь столь самоуверенной. Я нашел столь великое сокровище, что хотел бы поделиться им с дочерью Теона... Когда мы расставались с тобой несколько месяцев тому назад, я сказал, что, подобно Диогену, иду искать человека. Я обещал сообщить тебе первой, если найду его. И вот я нашел его.

- Я понимаю... Ты говоришь о распятом галилеянине. Пусть будет так, но мне нужен Бог, а не человек.

- Видишь ли, мне всегда казалось, что главным качеством абсолютного Единого

является не бесконечность, вечность и всемогущество, а справедливость. Все время приходили мне на ум наши древние еврейские книги, которые говорят о таком Божестве, и я смутно сознавал, что в них, быть может, найду ответ...

- Который я не могла дать тебе. Так вот причина твоей сдержанности! Но почему, почему не сказал ты мне этого раньше?

- Потому, Ипатия, что я был животным. Я утратил всякое понятие о справедливости и не искал ее, боясь, как бы она не осудила меня. Да помилует Бог меня грешного!

Ипатия взглянула на Рафаэля. Этого человека, казалось, преобразило какое-то чудо, но он был все тот же. В нем чувствовалось то же благородное сознание собственной силы, тот же тонкий юмор сквозил в типичном еврейском лице и блестящих глазах, но все его черты стали мягче и приветливее; исчезла маска равнодушного пренебрежения, сменившись выражением глубокой, сосредоточенной любви.

Ипатия смотрела на него и проводила рукой по глазам, как бы стараясь убедиться, не привидение ли перед ней. Так вот кем стал задорный, насмешливый Лукиан [*Сириец по происхождению, родился в 125 г. н. э. в бедной семье. Отданный на обучение к ваятелю, Л. бежал от него, поступил в школу риторов (школу красноречия), изучил в совершенстве греческий язык, стал адвокатом, а потом отдался литературе и занял одно из первых мест среди сатириков Древнего мира. В своих сатирах Л. точно насмехался над верой в богов и проводил атеистические взгляды. С еще более беспощадной иронией Л. относился к христианству, видя в нем "новое суеверие". Умер в конце II века н. э. (точная дата смерти неизвестна).*] Александрии!

"Это каприз трусливого суеверия... Христиане напугали его адскими муками за прошлые грехи!"

Но, снова взглянув на его ясное, радостное, бесстрашное лицо, Ипатия устыдилась этой невысказанной клеветы. Наконец она заговорила, не поднимая глаз:

- Но если ты нашел человека в распятом, обрел ли ты в нем и Бога?

- А если у Платона понятие о праведном человеке связывалось с образом человека, прошедшего крестную муку, то почему же и мне не придерживаться такого же воззрения?

- Распятый человек - да... но распятый Бог, Рафаэль! Это кошунство ужасает меня.

- Так же думали и мои бедные одноплеменники! Но вернемся к нашему разговору. Признайся мне, Ипатия, размышляла ли ты когда-нибудь о том, каков должен быть прототип человека?

Ипатию поразил этот новый вопрос, на который она как последовательница неоплатонизма [*Эклектическое философское направление, проповедовавшее возвращение к Платону (см. Платон), возникшее в начале II века, разработанное Аммонием Саккосом (175-242 гг. н. э.) и углубленное Плотинем и Порфирием (см. Порфирий) (204-270 гг. н. э.). Согласно учению неоплатоников, человек должен очистить свой дух путем строгого аскетизма и выработать в себе способность углубленного размышления и созерцания Божества. Основная цель - мистический экстаз, во время которого человеческому духу раскрываются все тайны мироздания. У учеников Платона логическая разработка философских проблем все более и более*

уступала место безудержной фантазии и поискам чудесных магических формул, при помощи которых они надеялись воздействовать на природу и людей. Неоплатонизм в эпоху упадка Римской империи распространялся исключительно среди аристократии, охваченной страхом перед социальными потрясениями и нашествием варваров. Неоплатонизм оказал чрезвычайно большое влияние на христианство, и многие догматы христианской церкви (например, учение о троице) были установлены под его непосредственным воздействием. С другой стороны, неоплатонизм чрезвычайно сильно влиял и на тех ревнителей "старой веры", которые хотели реформировать культ древних богов, приспособив его к более широкому философскому мирозерцанию. К числу таковых принадлежали император Юлиан, прозванный христианами "Отступником", и Ипатия.] не могла не отвечать отрицательно.

- А между тем Платон, наш учитель, говорит, что все сущее, от цветка до целого народа, имеет свое вечное, неизменное, законченное подобие в нашем мире. Теперь сама посуди, не оправдывает ли этот взгляд Платона кажущуюся нелепость, которая заключается в следующих словах рыбака из Галилеи: "И тот, по образу которого создан человек, стал плотью!"

- Бог, ставший плотью! Мой разум возмущается против подобного предложения!

- Однако старика Гомера это не возмущало.

Ипатия умолкла. Она вспомнила свое вчерашнее желание увидеть одно из древних осязательных, человекоподобных божеств.

Но диалектика Рафаэля не в силах была ее убедить.

Вера Ипатии, подобно всем философам этой школы, основывалась на фантазии и религиозном чувстве, а не на выводах разума. Блестящие грезы того сказочного мира, где она витала столько лет, не могли ее успокоить, она им даже не верила в полном значении этого слова; и хотя в страшную для нее минуту они развеялись, как дым, но они были так прекрасны, что ей было жалко расстаться с ними. Противясь всем доводам разума, она, наконец, ответила:

- Тебе, по-видимому, хотелось бы, чтобы я променяла великое, прекрасное и небесное на сухой, отвлеченный ряд диалектических умозаключений, - на этой почве я признаю твое безусловное превосходство. Ведь я только женщина, слабая женщина.

Она закрыла лицо руками.

- Ты не хочешь отказаться от прекрасного, великого и небесного, милая Ипатия, - кротко заговорил Рафаэль, - а что скажешь ты, если Рафаэль Эбен-Эзра объяснит тебе, как он нашел это прекрасное, давно и тщетно отыскиваемое им? Я убедился, что так называемое прекрасное, великое, небесное, в сущности, совершенно земные понятия. Духовный же мир зиждется не на познаниях ума, а на нравственности, и управляется справедливостью, в которой заключены все остальные законы. Я открыл, что только справедливость возвышена, прекрасна, бесподобна и является, таким образом, сущностью самого Божества. Я встретил человеческое существо, - тоже женщину, - слабую, молодую девушку, в которой отражалась слава Божества. Она меня научила, что из чувства долга мы не должны избегать соприкосновения с грязным и отвратительным; она мне показала, что самое высокое как раз и заключается в

исполнении самых простых обязанностей и в унижительном с внешней стороны самоотречении. В первый, но надеюсь, не в последний раз я увидел подобное существо, завеса спала с моих глаз, и я узнал в нем подобие Божества во всем его сиянии.

Ипатия проговорила с натянутой улыбкой:

- Рафаэль Эбен-Эзра заменил метод строгой диалектики красноречием пылкого влюбленного.

- Не совсем, - с улыбкой возразил он в свою очередь, - я не терял из виду положения учения Платона, что созерцание Божества - высшее блаженство.

Ипатия снова вздрогнула, вспомнив минувшую ночь.

- Я убежден, что справедливость тождественна с любовью, и если Бог - высшая праведность, то благо людей ему дороже, чем им самим. Разве я не придерживаюсь метода диалектики, Ипатия? Ты все еще молчишь. Ты, значит, не хочешь меня слушать? Прощай!

- Останься! - быстро сказала она. - Куда ты уходишь?

- Перед смертью я хочу еще принести какую-то пользу, так как совершил слишком много зла. Я буду сражаться с авсурийскими грабителями, стану кормить фракийских наемников и, вероятно, мне удастся спасти от голодной смерти двух-трех вдов и избавить от рабства несколько сирот. Быть может, я оставлю после себя сына из рода Давида, который будет лучшим христианином, а поэтому и лучшим евреем, чем его отец... Прощай!

- Останься! - повторила она. - Приди еще раз! Вернись! И ее... приведи ее с собой, я хочу ее видеть! У нее благородная душа, если она достойна тебя.

- Она далеко отсюда, - на расстоянии многих сотен миль.

- Ах, быть может, она бы меня чему-нибудь научила, меня - представительницу философии! Тебе не следует меня опасаться. Я более не хочу искать новых приверженцев... О, Рафаэль Эбен-Эзра, к чему ломать и без того надломленный тростник? Мои планы стали добычей ветров, мои ученики оказались недостойными болтунами, мое доброе имя осквернено, мою совесть томит сознание моей жестокости. А ты, если еще и не знаешь всего, то, вероятно, скоро узнаешь. Моя последняя надежда, Синезий, сам просит меня о помощи. А в довершение всего... о тебе можно сказать - "и ты, Брут!" [*Брут Марк Юний (85-42 гг. до н. э.). Римлянин плебейского происхождения. В конце I века н. э. в Риме шла ожесточенная борьба между сенатом, находившимся в руках аристократии, и многочисленными узурпаторами, выдвигавшими демагогические лозунги и увлекавшими за собой многочисленные массы обедневшего (в некоторой части паразитарного) городского населения. Класс самостоятельных ремесленников и класс самостоятельного среднего крестьянства ("плебс"), являвшиеся опорой римской республики и сторонниками широких социально-политических реформ, в этот период римской истории находились в состоянии упадка и не были уже решающим фактором политической жизни. Тем не менее Б., принадлежавший к "плебсу" по своему происхождению, стремился восстановить значение демократических учреждений и во время борьбы между Помпеем, который якобы отстаивал сенат и республику, и Юлием Цезарем, который выступил против*

сената, стал на сторону Помпея. После поражения Помпея Брут перешел на сторону Цезаря, стал доверенным другом этого последнего, занимая ответственные посты. Но в 44 году в нем снова проснулись его плебейские симпатии, и он примкнул к заговору Кассия против Цезаря ради восстановления республики. В сенате он, вместе с сообщниками, заколол Юлия Цезаря. По античной легенде, увидя его в числе убийц, Юлий Цезарь сказал: "И ты, Брут!", завернулся в тогу и тут же упал. В 42 году Брут был разбит Антонием и Октавианом при Филиппах и в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Выражение "И ты, Брут!" употребляется, когда хотят намекнуть на измену близкого друга.] Мне осталось только, как Юлию Цезарю, завернуться в плащ и умереть!

Рафаэль с грустью взглянул на нее: лицо Ипатии выражало полную подавленность.

- Да, приходи... Приходи скорее... сегодня вечером... Мое сердце разрывается на части.

- Около восьми вечера?

- Да... Утром я прочту свою последнюю лекцию, вернее, навеки прощусь с аудиторией! О боги! Что могу я им сказать? Приходи и говори со мной о том, кто пришел из Назарета. Прощай!

- Прощай, моя дорогая повелительница! В девятом часу услышишь ты о том, кто пришел из Назарета!

Ему почудилось особое значение в этих словах, которые, казалось, предвещали несчастье. Он поцеловал руку Ипатии. Она была холодна, как лед. Сердце Рафаэля ныло, когда он выходил из комнаты. Он спустился с последней лестницы, как вдруг из-за колонны выскочил молодой человек и схватил его за руку.

- А! Юный вожак набожных грабителей! Что тебе нужно?

Филимон - это бьет он - посмотрел на Рафаэля и мгновенно узнал его.

- Спаси ее! Ради самого Господа Бога, спаси ее!

- Кого?

- Ипатию.

- С какого момента заботишься ты об ее благополучии, мой юный друг?

- Именем Отца небесного заклинаю тебя, - вернись и предупреди ее! Тебя она послушает. Ты богат, был ее другом, я тебя знаю и слышал о тебе! О, если ты чувствуешь к ней хоть сотую долю той привязанности, которую она внушила мне, то вернись и уговори не выходить из дома!

- Объясни мне, в чем дело, - произнес Рафаэль, заметивший сильное волнение юноши. - Пойдем со мной и переговорим с ее отцом.

- Нет! Не в этом дело! Никогда не переступлю я его порога. Не расспрашивай меня о причине, а ступай сам. Со мной она не будет разговаривать. Уж не ты ли удержал ее от беседы со мной?

- Что ты хочешь сказать?

- Я стою здесь целую вечность! Я послал ей с ее невольницей несколько строк, на которые до сих пор не получаю ответа.

Рафаэль только теперь припомнил, что во время свидания с Ипатией ей передана

была записка.

- Я видел, как ей принесли письмо, которое она с досадой бросила. Расскажи мне в чем дело. Если есть повод к опасениям, я сам передам ей, что нужно. От чего нужно ее предостеречь?

- На нее готовится покушение. Я знаю, что монахи и параболаны затевают какое-то ужасное дело. Сегодня утром, когда я лежал на постели в комнате Арсения... Они думали, что я сплю...

- Арсений? Так этот почтенный фанатик тоже последовал примеру святых ревнителей и превратился в преследователя?

- О, нет! Я слышал, как он убеждал Петра-оратора не делать чего-то - чего именно, не знаю, но я явственно расслышал ее имя... До меня долетали также слова Петра: "Она нам препятствует и будет вечной помехой, пока мы не устраним ее с дороги". Когда же он вышел в коридор, то обратился к одному из монахов: "Сделай скорее то, что решено".

- Это не веские доводы, друг.

- Ах, ты не знаешь, на что эти люди способны!

- Будто? Где это мы с тобой встречались в последний раз?

Филимон покраснел и продолжил:

- С меня этого было достаточно. Я знаю, они ее ненавидят, слышал, в каких преступлениях они ее обвиняют. Ее дом был бы разрушен прошлой ночью, если бы Кирилл не воспрепятствовал этому... А повадки Петра я знаю. Он носится с каким-то дьявольским замыслом, потому что говорит очень кротко и ласково. В течение всего утра я искал случая ускользнуть незаметно и вот прибежал сюда! Возьмешься ли ты передать ей все это?

- Но каковы его планы?

- Это известно лишь Богу, или дьяволу, которому они поклоняются вместо него.

Рафаэль поспешил обратно в дом.

- Можно ли видеть Ипатию? - спросил он.

- Нет, она заперлась в своей комнате и строго-настрого приказала не допускать к ней посетителей...

- А где Теон?

- Он с полчаса тому назад со связкой рукописей прошел через калитку и направился неизвестно куда.

- Безумный старый чудака! - вырвалось у Рафаэля. Вслед за тем Рафаэль торопливо написал на табличке:

"Не пренебрегай предостережениями молодого монаха. Я убежден, что его слова правдивы. Если ты дорожишь собой и своим отцом, не выходи сегодня из дома".

Он подкупил рабыню, которой вручил свое послание, и предупредил слуг об угрожающей опасности. Но ему не хотели верить. Лавки, правда, были заперты в некоторых кварталах, в садах музея не видно было гуляющих, но, должно быть, у горожан не прошел еще вчерашний страх. Рабы уверяли, что Кирилл, под страхом отлучения от церкви, приказал христианам не нарушать общественного порядка, и

поэтому, вероятно, на улицах не видно ни одного монаха...

Наконец Рафаэль получил ответ, написанный знакомым красивым, аккуратным и твердым почерком:

"Ты пользуешься странным приемом, чтобы расположить меня к своей вере, если в первый же день проповеди предостерегаешь против козней твоих собратьев. Благодарю тебя. Я ничего не боюсь, и они не осмелятся, - иначе они бы давно на все решились. Что касается юноши, то я считаю позором для себя не только верить его словам, но даже замечать его существование. Я выйду из дома именно потому, что он имеет наглость предупредить меня. Не бойся. Ведь не захочешь же ты, чтобы я впервые в жизни подумала о своей безопасности. Я не могу избегать своей судьбы. Я должна сказать то, что считаю нужным. А главное - я не позволю христианам говорить, что наставница философии обладает меньшей твердостью духа, чем фанатики. Если мои боги сильны, они защитят меня, в противном случае - да проявит твой Бог всемогущество, как он найдет нужным".

Рафаэль разорвал письмо на клочки. Стража, наверное, не лишилась ума, как все остальные. До лекции оставалось еще полчаса. Тем временем он решил собрать такой отряд, который способен будет разгромить весь город. И, быстро повернувшись, он вышел из дома.

- Кого Бог хочет погубить, у того отнимает разум, - грустно крикнул он Филимону. - Оставайся тут и удержи ее. Попытайся в последний раз! Схвати лошадей под уздцы, если сможешь. Я вернусь через десять минут!

За садами тянулся двор замка, соединявшийся с музеем многочисленными проходами. О, если бы увидеть Ореста или вовремя предупредить стражу!..

Он спешил по дорожкам, минуя беседки, покинутые боязливými горожанами и, дойдя до ближайших ворот, с ужасом убедился, что они заперты и крепко заделаны изнутри. В тревоге он бросился к следующим, но и те были заперты. Тут он все понял и пришел в отчаяние. Стража ожидала покушений на музей, составлявший красоту и гордость Александрии, и, дабы сосредоточить все свои силы на возможно меньшем пространстве, уничтожила всякое сообщение с садами. Но, быть может, двери, ведущие из самого музея прямо во двор оставались еще открытыми? Он нашел вход и по давно знакомому коридору бросился к калитке, через которую вместе с Орестом проходил несчетное число раз. Калитка была заперта. Он стучал, шумел, но тщетно, - никто не отвечал. Он пытался взломать другую дверь. Кругом царило молчание и пустота. Он побежал по лестнице, надеясь дозваться солдат через окно. Но предусмотрительные воины заперли и заставили все проходы в верхние этажи правого флигеля, чтобы и с этой стороны не оставить дворец открытым. Куда же теперь? Назад? А потом? Его дыхание прерывалось, в горле пересохло, лицо горело точно от жгучего порыва самума [*Иссушающий жаркий ветер в Аравии и смежных с Сахарой областях.*], тело тряслось, как в лихорадке. Обычное присутствие духа совершенно покинуло его: над ним как будто тяготели зловещие чары. Не сон ли это? Неужто он осужден постоянно, всю жизнь, блуждать по этим хоромам мертвецов, чтобы искупить грехи, познанные и совершенные в них? Впервые его разум словно помутился. Он ничего не мог

сообразить и только ощущал приближение чего-то страшного, которое он должен, но не может предотвратить. Где он теперь? В маленькой комнате, смежной с большой залой... Как часто болтал он тут с ней, окидывая взором маяк и Средиземное море... Но что за рев там внизу, на улице?

Необъятное море воющих человеческих голов раскинулось до самой гавани и испускало громовой клич: "Бог и богоматерь!" Кириллова чернь сорвалась с цепи... Рафаэль отскочил от окна и бросился как безумный - куда? Этого он не понимал, да так и не понял до самой своей смерти.

Глава XXVIII

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Пелагия провела ночь одна, без сна, предаваясь своему горю. Но и утро не принесло ей успокоения; она оказалась пленницей в собственном доме. Девушки объявили, что им приказано не выпускать ее из комнат, но не сказали, от кого исходило это распоряжение. Некоторые сопровождали эту весть вздохами, слезами и словами сочувствия, но Пелагия все же заметила, что каждая из них мечтает занять место павшей в немилость фаворитки.

Несколько часов подряд просидела она неподвижно в тени большого парусинового тента. Ее глаза безучастно блуждали по беспредельной панораме крыш, башен и мачт, сверкающих каналов и скользящих судов. Она ничего не видела кроме одного любимого, навеки утраченного лица.

Вдруг послышался тихий свист. Пелагия подняла голову: два блестящих глаза смотрели на нее из слухового окна дома, находившегося на противоположной стороне узкого переулка. Она с досадой отвернулась, но свист повторился. Вслед за тем показалась голова - то была Мириам. Осторожно озираясь, Пелагия встала и сделала несколько шагов вперед. Что нужно этой старухе? Мириам знаками спросила ее - одна ли она. Получив ответ, Мириам бросила к ее ногам небольшой камешек с запиской и сейчас же скрылась.

"Я ждала тут целый день. Меня не пустили к тебе в дом. Опасайся Вульфа и всех прочих. Не выходи из своей комнаты. Они хотят похитить тебя и выдать твоему брату - монаху. Тебе изменяют. Действуй смелее".

Пелагия прочла записку; щеки ее побледнели, глаза расширились, и она решила последовать совету Мириам. Она спустилась по лестнице и, быстро пройдя по комнатам, удалила девушек, которые хотели ее удержать. Приказание было отдано таким повелительным тоном, что девушки смущенно опустили глаза и немедленно повиновались.

С письмом в руке она направилась к тому покою, где амалиец обыкновенно проводил полуденные часы.

Из-за двери она услышала громкие голоса. Амалиец беседовал с Вульфом. Сердце ее

трепетно билось, и она остановилась, затаив дыхание. До нее долетело имя Ипатии. Томясь любопытством, она приложила ухо к замочной скважине.

- Она не согласится на мое предложение, Вульф.

- Если не согласится, ей будет плохо. Но, повторяю тебе, она сейчас в трудном положении. Это для нее последний выход, и она за него ухватится. Христиане бешено ненавидят ее, и если разразится буря, жизнь ее будет висеть на волоске.

- Жаль, что вы не привели ее сюда!

- Но это было невозможно. Нам нельзя порвать с Орестом, пока дворец еще не в наших руках.

- А попадет он в наши руки, друг?

- Без сомнения. Прошлой ночью мы договорились со всеми отрядами. Когда мы сказали, что амалиец станет во главе их, они были вне себя от восторга. Нам пришлось подкупать их не для того, чтобы они устроили восстание, а для того, чтобы они повременили.

- Клянусь Одином! Мне бы хотелось быть сейчас среди них.

- Подожди, пока поднимется народ. Если сегодняшней день обойдется без волнений, то, значит, я ничего не смыслю в этих делах. Сокровища ваши уже на судах?

- Да, и галеры уже приготовлены. Я проработал все утро, как вол, так как ты не давал мне делать ничего другого. А Годерик вернется из дворца только вечером.

- Мы договорились, что подадим ему сигнал огнем, если подвергнемся нападению, а он присоединится к нам со всеми готами, которых ему удастся собрать. Если же сначала нападут на дворец, он уведомит нас тем же способом. Мы сразу соберемся и подведем к нему на судах. Мы поручили ему подпоить этого греческого пса, наместника.

- Грек сам перепьет Годерика. У него, как и у всей римской сволочи, есть капли от опьянения. Стоит ему их принять, он протрезвляется и опять принимается за вино. Пошлите к нему старого Сиды, - пусть-ка Орест потягается со старым оружейником!

- Отлично! - воскликнул Вульф и тут же вышел, чтобы исполнить сказанное.

Пелагия едва успела скрыться за дверь. Она узнала достаточно. Когда Вульф проходил мимо, она бросилась вперед и схватила его за руку.

- Войди сюда и поговори со мной хоть одну минуту! Сжался, поговори со мной!

Она потащила его в комнату почти насильно и, упав к его ногам, разразилась жалобными рыданиями.

Вульф молчал, смущенный этой неожиданной покорностью той самой женщины, от которой он ждал упорства и сопротивления. Он чувствовал себя почти виновным, когда смотрел в ее прекрасное молящее лицо, в котором отражалось глубокое, сердечное горе. Пелагия напоминала ребенка, плачущего о потерянной игрушке.

Наконец она заговорила:

- О, что я наделала, что я наделала? Зачем ты его у меня отнимаешь? Я ведь любила и почитала его, я поклонялась ему! Я знаю, что ты его любишь, за это и я к тебе привязана, уверяю тебя! Но может ли твоя любовь сравниться с моей? О, я сейчас, сию минуту готова умереть за него, дать себя растерзать на куски!

Вульф молчал.

- Чем я грешна, если любила его? Ведь я желала только его счастья. Я была богата... Меня баловали и чествовали... Тут явился он... прекрасный, как Бог среди людей - и я поклонялась ему. Разве это плохо? Я отдала ему себя, я не могла сделать большего. Он удостоил меня своей благосклонностью, он - герой! Возможно ли, чтобы я ему не покорилась? Я любила его, я не могла не любить его! Разве я причинила ему вред? Жестокий, жестокий Вульф!

Вульф сделал над собой усилие, чтобы сохранить твердость духа и заглушить в себе сострадание.

- А какую пользу принесла ему твоя любовь? Какую цену имеет она вообще? Она сделала его олухом, бездельником, посмешищем для греческих собак, в то время как ему следовало быть победителем и цезарем! Безрассудная женщина, ты не сознаешь, что твоя любовь была для него гибелью и позором! Теперь он был бы уже владыкой всего юга и восседал бы на престоле птолемеев. Впрочем, все равно это скоро произойдет.

Пелагия посмотрела на него широко раскрытыми глазами, как бы с трудом воспринимая новую, великую мысль, подавляющую ее своей тяжестью. Наконец она поднялась.

- Так значит, он может стать императором Африки?

- Он им будет, но только...

- Не со мной! - воскликнула она. - Нет, не с жалкой невежественной, оскверненной Пелагией! Теперь я все поняла! И потому-то ты хочешь, чтобы он женился на... ней!

Ее губы не могли произнести роковое имя. Вульф не решился ответить, но кивнул головой в знак согласия.

- Да, я отправлюсь с Филимоном в пустыню, и ты никогда, никогда не услышишь более обо мне. Я сделаюсь монахиней и буду молиться за него, чтобы он стал великим монархом и покорил весь свет. Ты ему скажешь, почему я ушла? Да, я уйду, сейчас же, немедленно...

Она повернулась, как бы торопясь немедленно исполнить свое обещание, но потом опять кинулась к Вульфу.

- Я не могу расстаться с ним! Я сойду с ума, если решусь на это! Не сердись, - я готова обещать все, что ты пожелаешь, я дам какой угодно обет, но позволь мне остаться. Хотя бы только невольницей или чем бы то ни было - лишь бы изредка взглянуть на него, нет, даже не это, - лишь бы жить с ним под одной крышей! О! Позволь мне быть невольницей на кухне! Я ему отдам все, что имею, отдам тебе, каждому! Ты же скажешь ему, что меня нет, что я умерла, как захочешь, Я скоро подурнею и постарею от горя, и тогда это ненавистное лицо никому уже не будет опасно. Не так ли, дорогой Вульф? Только пообещай мне это и... Тише! Он зовет тебя! Не давай ему войти и застать меня тут! Это свыше моих сил! Ступай к нему скорее и скажи все... Нет, не говори еще...

И она снова упала на пол, Вульф вышел, пробормотав сквозь зубы:

- Бедное дитя! Бедное дитя! Лучше бы тебе умереть!

Пелагия расслышала эти слова.

Среди вихря рыданий и слез, беспорядочно пронесившихся мыслей, эти слова все глубже и глубже западали ей в душу и наконец всецело овладели ее рассудком.

"Лучше всего умереть! - Пелагия медленно привстала. - Умереть? А почему бы и нет? Тогда ведь все устроится, и бедная, маленькая Пелагия будет не опасна".

Не спеша, спокойно и гордо прошла она в хорошо знакомую комнату... Она бросилась на постель и стала осыпать поцелуями подушки. Взгляд ее упал на меч амалийца, висевший над изголовьем по обычаю готских воинов. Пелагия сняла его со стены.

- Да! Если это необходимо, то пусть поразит меня этот меч. А это необходимо. Все, только не позор! Бог осудит меня на вечную пытку в огне. Это сказал Филимон, хотя он мне и брат. То же самое говорил и старый монах! Но разве я не достаточно сама себя карая? Неужели это не искупит мою вину?.. Да!.. Я хочу умереть. Быть может, и Бог тогда смилостивится надо мной.

Дрожащей рукой вынула она меч из ножен и жадно поцеловала его лезвие.

- Да, этим самым мечом, которым он побеждал врагов. Так хорошо! Я останусь его собственностью до последней минуты! Какой он острый и холодный! Будет ли мне больно?.. Нет, не стану пробовать острие, а то мне станет страшно! Я разом на него брошусь, тогда уж поздно будет его выдергивать, как бы ни велика была боль! А кроме того, это его меч, и он не долго будет меня мучить. А ведь сегодня утром амалиец ударил меня!

И при этом воспоминании громкий, жалобный вопль вырвался из ее груди и пронесся по всему дому. Быстро привязала она меч к ножке кровати и распахнула тунику...

- Сюда, под эту осиротевшую грудь, на которой никогда уже не будет покоиться его голова! В коридоре послышались шаги! Скорее, Пелагия, пора!

Она в испуге закинула руки, готовая броситься на меч...

- Это его шаги! Он меня найдет тут и никогда не узнает, что я умираю за него!

Амалиец толкнул дверь, но она была крепко заперта. Он вышиб ее одним ударом и спросил:

- Почему ты закричала? Что все это значит, Пелагия?

Пелагия, словно ребенок, которого застали врасплох с запрещенной игрушкой, закрыла лицо руками и тяжело упала на землю.

- Что с тобой? - повторил он, приподнимая ее с пола. - Но она вырвалась от него.

- Нет! Нет! Никогда! Я не достойна тебя! Мне, презренной, нужно умереть! Я только унижу тебя. Ты должен стать царем и жениться на ней - вещице деве!

- Ипатии? Она умерла.

- Умерла? - вырвалось у Пелагии.

- Ее убили александрийские дьяволы час тому назад.

Пелагия закрыла глаза рукой и разразилась рыданиями.

Были ли это слезы сострадания или слезы радости? Она сама этого не понимала.

- Где мой меч? Клянусь душой Одина! Зачем он тут привязан?

- Я хотела... Не сердись... Мне сказали, что мне лучше всего умереть.

Амалиец стоял перед ней, как громом пораженный.

- О! Не бей меня! Пошли меня на мельницу! Убей меня собственноручно! Все, что хочешь, только не бей меня опять!

- Бить тебя? Тебя, благородную женщину! - воскликнул амалиец, крепко сжимая ее в объятиях.

Буря пронеслась, и Пелагия, воркуя, как голубка, прильнула к груди богатыря. Так продолжалось несколько минут. Наконец амалиец пришел в себя.

- Теперь поспешим! - заговорил он. - Нельзя терять ни минуты! Поднимись на башню, там ты будешь в безопасности! А потом мы покажем этим псам, что бывает с теми, кто осмеливается рычать у логова волков!

Глава XXIX

Немезида ^[*]

[] - В греческой мифологии - богиня возмездия. Впоследствии этим именем стал называться и вообще рок, карающий людей за преступления.*

Правду ли сказали амалийцу? Филимон видел, как Рафаэль пересек улицу и поспешил к садам музея. Рафаэль приказал ему оставаться на месте, и юноша решил повиноваться ему. Чернокожий привратник довольно резко заявил Филимону, что его повелительница никого не желает видеть, ни с кем не намерена беседовать и не примет никаких писем. Но у Филимона был свой план. Жалуясь на солнечный зной, он пристроился в тени и присел на мостовую. В случае необходимости он готов был силой остановить Ипатию.

Прошло около получаса. Юноше же показалось, что прошла вечность. Но Рафаэль не возвращался, и стража тоже не появлялась. Неужели странный еврей оказался изменником? Не может быть! На его лице заметен был страх, не менее глубокий и искренний, чем у самого Филимона. Но почему он не вернулся обратно?

Быть может, он убедился, что улицы совершенно пусты, и их опасения были, таким образом, лишены всякого основания. Но что это за народ бродит неподалеку у двери, ведущей в аудиторию Ипатии? Филимон встал и прошел вперед, чтобы присмотреться к этим людям, но они исчезли. Он снова стал ждать. Вот они опять появились. Это было подозрительно. Улица, на которой собирались люди, тянулась вдоль заднего фасада Цесареума и была излюбленным местом монахов, так как соединялась бесчисленными переходами и пристройками с главной церковью. Он чувствовал, что готовится нечто ужасное. То и дело выглядывал он из своего укромного уголка и видел, что кучки людей все еще там и как будто увеличиваются и приближаются. На улице показались прохожие, проезжали экипажи, ученики направлялись в аудиторию. Он ничего не замечал. Ум, сердце, внимание - все сосредоточилось на знакомой двери, которая вот-вот должна была открыться.

Наконец парная колесница, богато украшенная серебром, завернула за угол и

остановилась напротив Филимона. Теперь она выйдет. Толпа скрылась. Может быть, все это лишь игра воображения? Нет, вот они опять прошмыгнули около аудитории, эти адские собаки! Раб вынес расшитую подушку, а следом за ним показалась Ипатия, более прекрасная и величавая, чем когда-либо. Грустная улыбка скользнула по ее бледным губам; испытующий и в то же время ласковый взгляд с благоговейным страхом был устремлен к небу, точно душа ее, отрешившись от всего земного, созерцала лицом к лицу Божество.

Филимон мгновенно бросился к ней, упал на колени и, судорожно схватив ее за край одеяния, воскликнул:

- Назад! Вернись, если тебе дорога жизнь! Тебя ждет верная гибель!

Ипатия спокойно взглянула на него.

- А, это ты, соучастник старых ведьм? Дочь Теона не станет изменницей вроде тебя!

Он вскочил на ноги и отступил на несколько шагов, подавленный стыдом и отчаянием. Она его считала виновным! Да свершится воля божья! Перья, украшавшие сбрую лошадей, развевались уже в конце улицы, когда он, наконец, пришел в себя и метнулся следом за ней с безумным криком.

Но было уже поздно! Темная людская волна хлынула из засады, окружила экипаж и понеслась дальше. Ипатия исчезла. Мимо запыхавшегося Филимона проскакали с пустой колесницей испуганные лошади, мчавшиеся инстинктивно домой.

Куда же они потащили ее? В Цесареум, в храм? Невозможно! Почему именно туда? И почему кучки людей, увеличивавшиеся с каждой минутой, бросились к бухте и возвращались оттуда с камнями, раковинами и черепками?

Ипатия была уже на ступенях церкви, прежде чем Филимон достиг Цесареума. Девушку заслоняла схватившая ее толпа, но след Ипатии ясно обозначался разбросанными ключьями ее одежды.

А куда же пропали ее преданные ученики? Они позорно заперлись в музее при первом же нападении черни, завладевшей их наставницей у самых дверей аудитории. Жалкие трусы! Но он спасет ее!

Тщетно пытался Филимон пробраться сквозь плотные ряды монахов и параболанов, которые вместе с торговками рыбой и носильщиков неистовствовали вокруг своей жертвы. Но то, что не сумел он, удалось другому, слабейшему - маленькому носильщику.

Евдемон выскочил точно из-под земли и ринулся в самую давку, яростно, как дикая кошка, пролагая путь к своему кумиру ногтями, зубами и ножом. Но его вскоре опрокинули. Полуживой, с судорожными рыданиями, скатился он вниз по ступеням. В эту минуту Филимон пробрался мимо него в церковь.

Сцена разыгрывалась в самой церкви под мрачной сенью величавых колонн и сводов, где при мерцании свечей, в облаках ладана, сиял алтарь и смутно обозначались на стенах большие картины. Над престолом высилась громадная фигура Христа, неподвижно смотревшего вниз, воздев правую руку для благословения. Посредине церкви вплоть до ступеней кафедры, даже до самого алтаря, валялись обрывки платья Ипатии. Здесь-то, возле безмолвного Спасителя, и остановились убийцы.

Девушка вырвалась от своих мучителей и, отпрянув назад, выпрямилась во весь рост: обнаженное, белоснежное тело Ипатии ярко выступило на фоне окружавшей ее темной массы, и в больших ясных глазах ее не заметно было ни малейшего страха, - ничего, кроме стыда и негодования. Одной рукой она старалась прикрыть себя длинными золотистыми волосами, другая была протянута к огромной статуе распятого Христа и словно молила Бога защитить ее от людей. Губы Ипатии раскрылись, но в это мгновение Петр сбил ее с ног, и черная масса сомкнулась над ней.

Затем под высокими арками пронесся продолжительный, дикий, надрывающий сердце крик, поразивший слух Филимона, как трубный глас карающих архангелов.

Прижатый к колонне, сжатый густой толпой, Филимон заткнул уши, но не мог удержаться, чтобы не слушать эти жалобные вопли. Когда же это кончится? Боже милосердный! Что они делали с нею? Рвали ее на куски? Да, и даже хуже этого!

А крики по-прежнему продолжались, и по-прежнему огромная статуя Христа непрерывно смотрела на Филимона спокойным, нестерпимо спокойным взглядом. Над головой Христа сияли слова: "Я всегда один и тот же - и ныне, и присно, и во веки веков". Это был тот самый, кто жил в древней Иудее. Но в таком случае кто же эти люди, в чьем храме творят они свое дело? Филимон закрыл лицо руками и хотел только одного - умереть...

Теперь все кончено! Крики перешли в тихие стоны. Сколько времени пробыл он тут? Час или вечность? Слава Богу, все закончилось. Это было счастьем для нее, но было ли счастьем для них? Через минуту высокий купол огласился новым возгласом:

- На костер! Сожгите ее! Бросьте пепел в море! И чернь хлынула к выходу мимо Филимона.

Он хотел бежать, но, едва выбравшись из церкви, в изнеможении опустился на ступени и уставился с тупым отвращением на огонь костра и толпу, которая с адским ревом кружилась вокруг жертвы Молоху [*Титул Божества у семитических народов - "царь", "господин".*].

Кто-то схватил его за руку; он поднял глаза и узнал носильщика.

- Вот это-то, юный мясник, и есть вселенская апостольская церковь?

- Нет, Евдемон, это церковь дьяволов!

Едва придя в себя, Филимон присел на ступеньки и сжал голову руками.

Он с радостью заплакал бы, но мозг его пылал, как в огне.

Евдемон долго смотрел на него. Страшное душевное потрясение отрезвило бедного болтуна.

- Я сделал все, чтобы умереть с ней, - сказал он.

- Я всеми силами пытался спасти ее, - вымолвил Филимон.

- Я знаю это. Прости мне мои слова. Ведь мы оба любили ее.

Бедняга сел рядом с Филимоном. Кровь закапала на мостовую из его ран, и он разразился горькими, мучительными слезами.

В жизни человека бывают мгновения, когда острота горя является для него милостью, ибо лишает его способности терзать себя думами. Так было и с Филимоном. Он не сознавал даже, давно ли сидит на этих камнях.

- Она теперь с богами! - произнес наконец Евдемон.

- Она у Бога! - возразил Филимон. И опять оба они умолкли.

Вдруг раздался чей-то повелительный голос. Они вздрогнули и подняли головы. Перед ними стоял Рафаэль Эбен-Эзра.

Он был бледен и спокоен, как смерть, но по лицу его они увидели, что ему все известно.

- Молодой монах, - с трудом процедил он сквозь стиснутые зубы, - ты, кажется, любил ее?

Филимон взглянул на него молча, но не мог произнести ни слова.

- Тогда вставай и, если дорога тебе жизнь, беги в отдаленные дебри пустыни, пока судьба Содома и Гоморры не постигла этот проклятый город. Живет ли в этих стенах какое-нибудь дорогое тебе существо? Отец, мать, брат, сестра, хотя бы кошка, собака или птица, к которым ты привязан?

Филимон встrepенулся. Он вспомнил Пелагию. Кирилл обещал ему дать для охраны двадцать надежных монахов, чтобы увезти сестру.

- Если так, то возьми это существо с собой, спасайся и помни судьбу жены Лота [*Согласно библейской легенде, Лот, племянник Авраама, поселился в городе Содоме, осужденном Иеговой на погибель за развратную жизнь его обитателей. Лот, человек праведной жизни, был предупрежден ангелом в предстоящем уничтожении Содома. Ангел велел ему удалиться из города и по пути не оборачиваться. Жена Лота из любопытства обернулась и была обращена в соляной столб.*]. Евдемон, ты отправишься со мной. Отведи меня к своему дому, туда, где живет еврейка Мириам. Не отпирайся, я знаю, что она живет у тебя. Ради той, которой уже нет в живых, я щедро вознагражу тебя, если ты сослужишь мне эту службу. Вставай!

Евдемон, знавший Рафаэля, повиновался и, дрожа от страха, стал указывать ему путь. Филимон остался один.

Филимон сознавал, что еврей превосходил его духовной мощью и еще сильнее его потрясен этим событием, при виде которого самое солнце, казалось, должно было померкнуть. Слова Рафаэля: "Вставай и беги!", произнесенные с таким самообладанием, с такой нестерпимой, хотя и сдержанной мукой, звучали в ушах Филимона, как голос рока.

Да, он убежит. Он пришел, чтобы увидеть свет, - и он увидел его. Арсений был прав. Но предварительно он пойдет к Пелагии и будет умолять ее, чтобы она последовала за ним. Какой он был безумец, какой зверь! Он хотел овладеть ею силой, при помощи подобных людей! Если она по собственному убеждению, по доброй воле, не захочет пойти с ним, он удалится один и будет молиться за нее до самой смерти.

Юноша спустился по лестнице Цесареума и свернул на улицу музея. Человеческие толпы бушевали там, словно море. Он видел, как грабили дом Теона, с которым у него было связано столько воспоминаний! Быть может, бедный старик уже погиб... Но сестра! Он должен спасти ее и бежать с ней! Он свернул в боковой переулок и торопливо пошел вперед.

Здесь ожидало его то же зрелище. Весь приморский квартал поднялся. Из каждого

переулка новые толпы разъяренных фанатиков вливались в поток, заполнивший главную улицу. Не успел он еще дойти до дома Пелагии, как за ним раздавались дикие возгласы десятков тысяч голосов:

- Долой язычников! Перерезать всех готов, приверженцев арианства [*Христианская секта, основанная во втором десятилетии IV века н. э. александрийским священником Арием. Арий учил, в противоположность принятой церковной догме, что Христос не равен Богу отцу, а только подобен ему, и что святой дух не есть самостоятельное лицо троицы, а лишь проявление одной из сил Бога отца. Это учение завоевало себе многочисленных сторонников в восточной части Римской империи и одно время, несмотря на сопротивление западного духовенства и решение Никейского собора (325) стало даже господствующим. В 381 году было окончательно осуждено на вселенском Константинопольском соборе. Наибольшее распространение арианство получило среди германских народов, принявших христианство, так как господствующие классы этих народов стремились освободиться от опеки Рима и основать свою церковь, независимую от римского первосвященника. Успех ариан в Византии объясняется, главным образом, тем, что в восточной части Римской империи торговый класс был многочисленнее, чем на западе, а этот класс, благодаря более широкому кругозору и большому умственному развитию, тяготел к более рациональному истолкованию христианства. Учение Ария, упразднявшее догмат о троичном Божестве, шло навстречу этим тенденциям.*]! Долой развратных идолопоклонниц! Долой Пелагию-Афродиту!

Филимон побежал по аллее к калитке башни, где Вульф обещал поджидать его. Она была полуоткрыта, и в сумерках он заметил фигуру, стоявшую под аркой. Он взбежал по ступеням, но увидел не Вульфа, а Мириам.

- Пропусти меня!

- Зачем?

Он не ответил и хотел было пройти мимо нее.

- Безумец! Безумец! Безумец! - шептала колдунья, упираясь в дверь изо всей силы. - Где же остальные головорезы? Где твоя банда монахов?

Филимон в ужасе отшатнулся. Как открыла она его замысел?

- Да, где они, безрассудный мальчик? Верно, ты сегодня недостаточно еще насмотрелся на благочестивые деяния монахов? Ты хочешь, чтобы бедная девушка стала их жертвой? Ну что ж, превратись в дьявола, чтобы потом достичь ангельского сана. Но она - женщина и женщиной должна жить и умереть!

- Пропусти меня! - закричал разгневанный Филимон.

- Если ты повысишь голос, то я последую твоему примеру, и твоя жизнь будет висеть на волоске! Безумец, ты полагаешь, что я рассуждаю, как еврейка? Я говорю, как женщина, как бывшая монахиня! Да, я была монахиней, сумасбродный юноша, и горе пронзило мою душу. Да покарает меня Господь еще суровее, если я не попытаюсь отвлечь подобное несчастье от другого сердца! Не достанется она вам! Я лучше задушу ее собственными руками!

Мириам повернулась и бросилась вверх по винтовой лестнице. Филимон последовал

за ней, но страстное возбуждение сообщило старой колдунье силу и гибкость вакханки. В ту минуту, когда Филимон готовился уже проскользнуть мимо нее, ему пришла в голову мысль, что один он не сумеет найти дорогу. И он побежал за ней по пятам, как за своим проводником.

Мириам неудержимо неслась по лестницам и, наконец, свернула в открытую дверь комнаты. Филимон остановился. Над его головой виднелось синее небо. Значит, они были почти на крыше, и лестница скоро кончится. Старуха опять метнулась из комнаты, чтобы взбежать на последние ступени. Но Филимон схватил ее за руку, толкнул обратно в пустое помещение и запер дверь на замок. Двумя-тремя прыжками достиг он крыши и очутился лицом к лицу с Пелагией.

- Иди! - вскричал он, едва переводя дыхание. - Теперь самое удобное время, - они все внизу! - и он схватил ее за руку.

Но Пелагия отступила.

- Нет, нет, - шептала она, - я не могу, я не в силах, он мне все простил! Я вновь принадлежу ему навеки. А теперь он подвергается опасности, быть может, его ранят, о Боже! Неужели ты похвалил бы меня, если бы я имела низость покинуть его в такую минуту?

- Пелагия! Пелагия! Дорогая сестра! - молил Филимон. - Подумай о проклятии греха, об адских муках!

- Я сегодня думала обо всем этом, и я не верю тебе! Бог не так жесток, как ты говоришь. А если бы твои слова и были истинны, то терять милого дня меня - тот же ад! Я готова гореть на том свете, только бы удержать его возле себя.

Филимон молча слушал сестру. В его душе вспыхнули прежние сомнения. Он вспомнил, как он стоял в языческом храме, перед нарисованными пирующими женщинами и спрашивал себя в страхе: "Неужели они осуждены навек?"

- Иди! - пробормотал он еще раз. Затем упал к ее ногам и стал осыпать поцелуями ее руки, упрашивая бежать с ним в пустыню.

- Что это значит? - прозвучал громовой голос. Но это была не Мириам. Это был амалиец.

Он был безоружен. Не задумываясь, он ринулся на Филимона.

- Не причиняй ему зла, - вступилась Пелагия, - это брат мой, брат, о котором я тебе рассказывала.

- Чего ты хочешь? - воскликнул амалиец, мгновенно угадав истину.

Пелагия молчала.

- Я хочу вырвать сестру свою, христианку, из греховных объятий арианского еретика - и это я исполню или умру!

- Арианского еретика, - засмеялся амалиец. - Скажи лучше попросту язычника, чтобы не лгать! Хочешь ли ты с ним идти, Пелагия, и стать монахиней в песчаной пустыне?

Пелагия прижалась к своему возлюбленному. Филимон обратился к ней с последним увещанием и взял было ее за руку, но неожиданно грек и гот сцепились в отчаянной схватке. Пелагия обомлела от ужаса; она знала, что брат будет немедленно убит, если она позовет на помощь.

Через несколько мгновений борьба закончилась. Громадный гот приподнял Филимона, как ребенка, приблизился с ним к парапету крыши и уже готов был сбросить его в канал, как вдруг гибкий грек обвился, как змея, вокруг его туловища и изо всех сил сдавил ему горло. Дважды падали они, ударяясь о парапет, и дважды скатывались обратно на середину крыши. Но при третьем страшном толчке глинобитный парапет не выдержал и в темную бездну полетели грек и гот, крепко сжимая друг друга. Пелагия бросилась к образовавшемуся пролому и, безмолвная, с сухими глазами, нагнулась над мрачной глубиной. Два раза перевернулись они в воздухе. Нижняя часть башни спускалась к воде откосом. Противники неминуемо должны были удариться об этот откос - и потом... Ей казалось, что протекла целая вечность, пока они упали на стену. Амалиец очутился под греком. Пелагия видела, как его длинные, прекрасные локоны рассыпались по камню. Руки его сразу выпустили противника, тело вытянулось, словно в изнеможении. Над водой явственно послышалось два всплеска, потом все стихло, и только расходящиеся кругами волны сердито лизали стену.

Пелагия еще раз посмотрела вниз, отскочила и с диким воплем, громко разнесшимся над крышей и рекой, сбегала с лестницы и исчезла в сумраке ночи...

Вскоре Филимон взобрался на ступени набережной в нижнем конце переулка. Он ощущал боль во всем теле, и стекавшая с него вода окрашивалась кровью. Из калитки дома выбежала женщина, остановилась на краю канала и, заломив руки, уставилась в воду. Месяц освещал ее лицо, то была Пелагия. Она увидела брата, узнала его и отшатнулась.

- Сестра, сестра моя, прости меня!

- Убийца! - воскликнула она и, оттолкнув его протянутые руки, в испуге ринулась мимо него по набережной.

Тюки с товаром преграждали ей путь, но бывшая танцовщица перепрыгивала через них с легкостью серны, а Филимон, ошеломленный падением, часто спотыкался, и, наконец, свалился, не будучи в силах встать. Пелагия остановилась в двух-трех шагах от многочисленной толпы, волновавшейся на главной улице, затем внезапно свернула в боковой переулок и скрылась. Филимон остался лежать на земле.

Еще немного, и Вульф, поспешивший на крик Пелагии вместе с двадцатью готами, стоял у пробитого парапета и, перегнувшись через край, смотрел вниз.

Он подозревал, что Филимон побывал здесь. Но он содрогался при одной мысли о том, что могло тут произойти, и ни с кем не делился своими догадками.

Все знали, что Пелагия находилась в башне; многие видели также, как к ней побежал амалиец. Где же они были теперь? Почему оставалась открытой задняя калитка, которую едва успели запереть, чтобы предупредить вторжение толпы? Вульф, наиболее опытный в подобных случаях, мысленно взвешивал все случайности смертельной борьбы, а потом шепнул Смиду:

- Канат и огня!

Канат и лампу принесли и, отклонив просьбы молодежи, предлагавшей свои услуги для этого опасного расследования, старый воин сам спустился через брешь.

Не достигнув еще поверхности воды, он дернул за канат и крикнул глухим голосом:

- Подымайте! Я видел все, что нужно.

Готы подняли Вульфа, едва переводя дыхание от томительной тревоги и страха. Несколько мгновений он молчал, подавленный безмерным горем.

- Он умер?

- Один призвал к себе своего сына, готские волки!

И, горько зарыдав, Вульф протянул обступившим его товарищам руку, державшую окровавленную прядь прекрасных длинных волос.

Прядь передавали из рук в руки. Все признали золотистые кудри амалийца. А затем, к величайшему удивлению присутствующих девушек, эти простодушные люди предались горю и плакали, как дети. Они были слишком мужественны, чтобы стыдиться своих слез. Ведь они лишились своего амалийца, сына Одина, своей радости, гордости, славы! Имя "Амальрих" обозначало совокупность небесных свойств, и в их глазах он был таков, каким желал бы стать каждый из них. И кроме того он принадлежал к их роду, был плотью от плоти, костью от кости их самих. Наконец Смид заговорил:

- На то была воля Одина, а родоначальник всего сущего всегда справедлив. Этого бы не случилось, если бы четыре месяца тому назад мы послушались Вульфа. Мы стали трусами и тунейдцами, и Один прогневался на своих детей. Поклянемся же быть воинами викинга Вульфа и завтра же последовать за ним, куда он захочет.

Вульф дружески пожал протянутую руку Смида.

- Нет, Смид, сын Тролля! Такие слова тебе не подобают. Агильмунд - сын Книва, Годерик - сын Ерменриха, оба вы - балты, и к вам переходит наследие амалийца. Бросьте жребий, кому из вас быть нашим вождем.

- Нет! Нет! Вульф! - вместе закричали оба молодых гота. - Ты герой, ты вещий толкователь саг. Мы недостойны; мы были трусами и бездельниками, вместе с прочими. Волки Германии, идите за волком Вульфом, хотя бы он вас повел в страну великанов!

Всеобщее одобрение выразилось оглушительным криком.

- Поднять его на щит, - предложил Годерик. - Поднять его на щит! Да здравствует король Вульф! Вульф, император Египта!

Остальные готы, привлеченные шумом, поднялись на крышу по башенной лестнице и единодушно подхватили возглас:

- Да здравствует Вульф, император Египта!

На огромную толпу, бушевавшую вокруг дома, они практически не обращали внимания.

- Вот, - торжественно заговорил Вульф, стоя на поднятом щите. - Если я поистине король, а вы, готские волки, мои воины, то мы завтра же покинем это место, которое возненавидел Один, потому что оно обогрено невинной кровью девы-альруны. Вернемся к Адольфу и нашему родному племени. Пойдете ли вы за мной?

- К Адольфу! - крикнули воины.

- Неужели вы допустите, чтобы нас убили? - спросила одна из девушек. - Толпа уже

ломает ворота.

- Молчи, глупая! Воины, нам предстоит еще одно дело! Амалиец должен вступить в Валгаллу в сопровождении приличествующей ему свиты.

- Пожалей бедных девушек, - сказал Агильмунд, предполагая, что Вульф, по готскому обычаю, ознаменует погребение амалийца избием рабов.

- Нет... Одна из них сегодня пополудни вела себя, как Вала [*Божество скандинавских мифологий*]. Быть может, и эти станут впоследствии достойными женами героев. Женщины, даже худшие из них, лучше, чем я предполагал. Нет! Воины, спуститесь во двор, откройте ворота и пригласите греческих собак на тризну по сыну Одина.

- Раскрывать ворота?

- Да. Ты, Годерик, с дюжиной молодцов, держись наготове под восточным портиком, а ты, Агильмунд, с другой дюжиной, займи западную половину двора и жди на кухне моего боевого клича. Смид с остальными тихо, как Гела [*В скандинавской мифологии - богиня смерти.*], последует за мной через конюшни, к самому входу.

Спускаясь по лестнице, воины столкнулись с Мириам. Изнеможенная, едва переводя дыхание, она упала на пол, когда ее толкнул Филимон. Все время пролежала она в бессознательном состоянии и только теперь с усилием приподнялась. Ее ждала гибель. Она понимала, что конец ее близок, и смело приготовилась к смерти.

- Схватить колдунью! - свирепо приказал Вульф. - Схватить соблазнительницу героев, виновницу всех наших бед!

Мириам взглянула на него со спокойной улыбкой.

- Колдунья давно уже привыкла к тому, что безумцы взваливают на нее последствия собственной похоти и лени.

- Добей ее, Смид, сын Тролля, чтобы она догнала душу амалийца.

Смид замахнулся, но не вынес взора страшных глаз старухи, устремленных на него из глубины впадин. Топор скользнул в сторону и задел только плечо Мириам. Она пошатнулась, но не упала.

- Довольно, - спокойно произнесла она.

- Проклятая колдунья лишила силы мою руку, - заметил Смид. - Пусть уходит. Никто не скажет, что я дважды ударил женщину!

Мириам спокойно завернулась в шаль и твердой поступью сошла с лестницы. После ее ухода воины облегченно вздохнули, точно освободившись от отвратительных сверхъестественных чар.

- Ну, - вымолвил Вульф, - теперь по местам и за дело!

Толпа уже более получаса тщетно осаждала дом. Высокие стены, прорезанные в верхних этажах немногочисленными узкими окнами, превращали здание в неприступную крепость. Но вот распахнулись железные ворота, и передним рядам открылся вход в пустой двор, залитый ярким лунным сиянием. Сначала чернь отступила, охваченная неопределенным страхом и смутно подозревая засаду. Но передних теснили задние ряды, и громилы наводнили двор, в бессмысленной ярости колотя стены и колонны.

Когда двор заполнился народом, вооруженные отряды с обеих сторон бросились к

воротам, чтобы отрезать путь остальным. Ворота опять сомкнулись, и дикие звери Александрии попали в ловушку.

Началась страшная резня. С трех сторон ринулись на громил готы, кольчуги и шлемы которых защищали их от неумелых ударов плохо вооруженной толпы. Рубя направо и налево, готы пролагали себе путь сквозь массу живых тел, бывшую не в состоянии прорвать их строй. Правда, греков приходилось по десять, а то и более, на одного врага, но что значат десять дворняжек против одного льва?..

Луна поднималась все выше и выше и, казалось, равнодушно взирала на расправу мстителей. А булавы и мечи все продолжали разить. Когда стало несколько просторнее, готы стащили все трупы к темной груде тел посреди двора, на которой восседал Вульф, воспевая доблести амалийца и славу Валгаллы.

Звуки лютни смешивались с воплями раненых, и дикая мелодия росла и ускоряла темп по мере того, как свирепел старый бард, словно издевавшийся над звучащими кругом криками ужаса и агонии.

Таким образом, в ту же ночь кровь Ипатии была отомщена людьми и событиями, не имевшими к девушке никакого отношения. Но повсюду все-таки было неполное. Петр-оратор и его главные соучастники укрылись в святилище Цесареума, у алтаря. Испуганные бурей, ими же вызванной, и страшась ответственности за осаду дворца, они предоставляли черни полную свободу действий. Убийцы избежали меча готов, чтобы подвергнуться более ужасной каре.

Эпилог

Близилась полночь. Рафаэль сидел уже более трех часов в комнате Мириам, тщетно поджидая ее возвращения.

Он хотел получить обратно унаследованное им богатство, немедленно отправиться в Кире ну и уговорить старую еврейку, чтобы она уехала вместе с ним. Он надеялся, что со временем, в новой обстановке, она смягчится и, быть может, под его руководством решится принять христианство.

Во всяком случае он решил бежать из проклятого города, независимо от того, удастся ли ему выручить свое имущество, или нет. Нетерпеливо считал он часы и минуты, которые удерживали его в атмосфере, оскверненной невинной кровью. Он изнемогал от тяжелых мыслей и не раз собирался сейчас же уехать, бросив свои богатства.

Воспоминания о своем собственном прошлом удерживали его.

Он грешил сам и вводил других в искушение, ликовал, когда ближние вместе с ним творили зло. Он изощрял пороки Ореста, потакал его низменной натуре и развращенной воле, и теперь его игрушка насмеялась над ним! Ведь это он, Рафаэль, уговорил наместника просить руку Ипатии. Он, а не Петр, был настоящей убийцей бедной Ипатии.

Но по крайней мере одно еще было в его власти. Он должен был расплатиться за свои грехи - не для того, чтобы умилостивить Бога, не для того, чтобы загладить

причиненное зло, а для того, чтобы открыто исповедовать обретенную истину. И по мере того, как его план вырисовывался, Рафаэль все горячее молил Бога, чтобы Мириам поскорее вернулась и помогла осуществлению его замысла.

Наконец старуха-еврейка возвратилась домой. Он слышал, как она медленно прошла в переднюю и, узнав от девушек о прибытии Рафаэля, приказала им удалиться. Затем она заперла за ними дверь и, выйдя, спокойно приветствовала гостя.

- Здравствуй! Я знала, что ты придешь. Тебе не удалось удивить старую Мириам. Терафим прошлой ночью сказал мне, что ты вернешься...

Заметила ли Мириам недоверчивую улыбку на лице Рафаэля, или в ней внезапно заговорила совесть, но она воскликнула:

- Нет! Терафим мне ничего не сообщал, и я не ожидала тебя. Я лгунья, презренная, старая лгунья, которая не может говорить правду даже тогда, когда хочет. Но взгляни поласковей! Улыбнись мне, Рафаэль! Рафаэль, наконец-то ты вернулся к своей жалкой, бедной, грешной старой матери! О, улыбнись мне хоть один раз, мой прекрасный, горячо любимый сын!

Она бросилась к нему и прижала его к своему сердцу.

- Твой сын?

- Да! Мой сын! Теперь ты по-настоящему мой! Теперь я могу это доказать! Ты сын моего чрева, несмотря на некогда данный обет целомудрия. Ты мое дитя, мой наследник, тот, для кого я работала и копила деньги в течение тридцати трех лет. Скорее! Вот мои ключи! В той комнате мои документы; все мое достояние принадлежит тебе. Твои драгоценности в сохранности и закопаны вместе с моими. Негритянке, жене Евдемона, известно место. Я потребовала от нее клятвы над ее маленьким деревянным идолом, и она честно сохранила тайну, хотя она христианка. Обеспечь ее на всю жизнь. Она укрывала твою старую мать и заботилась о ее безопасности, чтобы Мириам удалось увидеть сына, - тебя, Рафаэль! Но ее мужу - носильщику, ничего не давай: он бездельник и бьет жену, Ступай скорее! Забери свои богатства - и в путь! Или нет! погоди еще минуту, - мои глаза должны перед смертью нарадоваться на сына, на мое любимое дитя!

- Перед смертью? Твой сын? Во имя Бога наших отцов, что это значит, Мириам? Ведь еще сегодня утром я был сыном Эзры, купца из Антиохии?

- Ну да, ты его сын и наследник! Он все узнал перед кончиной. Мы открыли ему эту тайну на смертном одре. Клянусь тебе, мы это сделали, и он тебя все-таки усыновил.

- Мы? Кто?

- Его жена и я. Старый скряга хотел иметь ребенка, и мы дали ему сына, который стал лучшим в его роде. Он любил тебя и принял в свою семью, хотя и знал всю истину. Он боялся стать посмешищем после смерти, когда узнают, что он был бездетным.

- Но кто же был мой отец? - перебил ее Рафаэль, совершенно ошеломленный.

Старуха разразилась таким продолжительным и громким хохотом, что Рафаэль невольно вздрогнул.

- Сядь к ногам твоей матери... Сядь, порадууй бедную старуху! Если бы ты ей даже не верил, прикинься на несколько мгновений перед ее смертью ее сыном, дорогим ее

любимцем. Быть может, я еще успею все рассказать тебе!

Он опустился на сиденье... "О, Боже, неужели это олицетворение греха действительно моя мать? - думал он. - Но мне не следует содрогаться при этом предположении! Разве сам я настолько чист, чтобы иметь право на лучшее происхождение?"

Старуха любовно положила руку на голову Рафаэля, и ее костлявые пальцы перебирали его шелковистые кудри. Наконец, она заговорила, торопясь и запинаясь:

- Я принадлежу к дому Иессея, семени Соломонова, и ни один раввин, от Вавилона до Рима, не дерзнет это отрицать! Я - царская дочь; во мне билось и бьется и по сию минуту царское сердце, подобное сердцу Соломона, сын мой! Да, царственное сердце. Я приходила в ужас и негодование при мысли, что осуждена быть рабыней, игрушкой, бездушной куклой тирана, как все жены евреев! Я жаждала мудрости, славы, власти, да, власти! И во всем этом мой народ отказывал мне, потому что я была женщиной! Тогда я покинула своих и пошла к христианским священникам... Они мне дали то, чего я искала... Даже более... Они льстили моему женскому тщеславию и гордости, укрепляли мое отвращение к супружескому рабству, говорили, что я вознесусь над ангелами и архангелами, стану святой и невестой Назарянина! Лжецы! Лжецы! Ты убьешь меня, Рафаэль, если рассмеешься... Мириам, дочь Ионафана, Мириам из рода Давидова, внучка Руфи и Рахава, Рахили и Сары, стала христианской инокиней и заперлась в монастыре, чтобы грезить и доводить себя до видений, лелея в безумном самомнении нечестивую мысль о духовном браке с Назарянином! Молчи! Если ты меня прервешь, я не успею договорить. Я слышу, они меня уже зовут, но я взяла с них слово не брать меня отсюда, пока я не расскажу все своему сыну, - сыну моего позора!

- Кто тебя зовет? - спросил Рафаэль. Но Мириам не обратила внимания на его слова и продолжала, пересилив припадок лихорадочного озноба:

- Но они лгали, лгали, лгали! Я раскусила их в тот день... Вспыхнул бунт, и во время него произошла битва между христианскими и языческими дьяволами. Монастырь был разграблен, Рафаэль, сын мой! Разграблен!.. Мои глаза раскрылись, и я увидела, как они кощунствуют... О, Боже! Я взывала к нему, Рафаэль. Я молила, чтобы он разодрал завесу небес, спустился на землю и поразил их громом ради спасения бедной, беспомощной девушки, которая поклонялась ему и отказалась ради него от отца, матери, родных, богатства, от солнечного света! Она ведь принесла ему в жертву даже свою женственность и постоянно молилась, днем и ночью мечтая о нем и об его нетленной славе... А он, Рафаэль, не внял мне... Не внял мне... И я поняла, что все ложь! Ложь!

Мучительный стон вырвался из груди Рафаэля, припомнившего, в какой обстановке он впервые встретился с Викторией.

- Тебе совершенно ясно, в чем дело, не правда ли? Я сходила с ума в продолжение девяти месяцев. Потом я пришла в себя, услышав твой голос, мой мальчик, моя гордость! И я отрясла прах с ног своих, рассталась с галилейскими священниками, и вернулась к своему собственному народу, среди которого Господь с самого начала поставил меня. Я добилась того, что раввины, отец и родные вновь приняли меня. Они не могли сопротивляться обаянию моего взгляда. Я могу заставить людей делать, что

мне угодно, Рафаэль! Я посадила бы тебя на трон цезарей, если бы успела. Я вернулась к своим и пристроила тебя у Эзры в качестве его сына; я и его жена убедили его, что ты родился во время его пребывания в Византии. Потом я стала жить ради тебя, видя в тебе цель своей жизни. Ради тебя ездила я в Британию и Индию и всюду странствовала в поисках богатства. Трудилась, лгала, обманывала, всячески добывала деньги, не останавливаясь перед самыми низкими способами, и все это было ради тебя, моего сына! И я восторжествовала. Ты - самый богатый еврей на юге Средиземного моря! Душа твоей матери живет в тебе, дитя мое! Я наблюдала за тобой. Я гордилась твоим гибким умом, твоим мужеством, твоими познаниями и, наконец, твоим презрением к этим языческим собакам. Ты ощущал в своих венах царственную кровь Соломона. Ты сознавал себя юным львом колена Иудова, а те были шакалы, которые следовали за тобой, чтобы подбирать твои объедки... А теперь, - теперь миновала единственная угрожавшая тебе опасность! Лукавая женщина умерла, - та волшебница, которая хотела завлечь в свои сети молодого льва, сама погибла в них. А он жив, он вернулся, чтобы принять власть над народами и стереть их кости в порошок!

- Подожди! - закричал Рафаэль. - Я должен говорить, мать! Я не в силах молчать. Ты любишь меня, ты хочешь, чтобы я любил тебя, так отвечай же! Скажи мне, причастна ли ты к ее убийству?

- Разве я не сказала тебе, что я более не христианка? Если бы я осталась христианкой, кто знает, как бы я тогда поступила? Ах, какая я безумная! Я и забыла о доказательстве... о доказательстве...

- Мне не нужно доказательств, мать. С меня довольно твоих слов, - сказал Рафаэль, сжимая ее руку и поднося ее к своему пылающему лбу.

Но старуха торопливо продолжала:

- Смотри! Смотри, вот черный агат, который ты ей отдал.

- Как он к тебе попал?

- Я украла его, украла, сын мой, как крадут воры, которых потом распинают за это. Что значит смерть на кресте для матери, тоскующей по своему ребенку? Для матери, которая тридцать три года назад привязала на шею своего ребенка этот сломанный агат, а другую половинку носила днем и ночью на своем сердце? Смотри, как точно подходят оба куска! Взгляни и поверь своей бедной, старой, многогрешной матери! Посмотри на него, говорю тебе!

Она вложила талисман в его руку.

- Теперь я могу умереть! Я поклялась открыть тебе эту тайну только в ту ночь, когда я буду умирать. Прощай, сын мой! Поцелуй меня один раз, только один раз, дитя мое, радость моя! О, это вознаградит меня за все!

Рафаэль чувствовал, что он должен теперь во всем признаться. Он должен был все сказать, хотя бы даже ему грозила потеря богатства и проклятие матери. Не решаясь поднять глаз, он ласково проговорил:

- Люди лгали тебе о нем, мать, но солгал ли он сам тебе о себе? Он не обманул меня, когда послал меня искать Человека, а потом направил обратно к тебе, чтобы я принес тебе радостную весть о Сыне божьем.

Но к его удивлению Мириам не пришла в фанатическую ярость, как он ожидал, а тихим и смущенным голосом сказала:

- Он тебя направил ко мне? Ну что ж, это более похоже на тот облик, в каком я себе тогда его представляла. Какая, однако, великая мысль - иудей - владыка неба и земли! Скоро, скоро я все узнаю... Я любила его некогда и... быть может... быть может...

Ее голова тяжело склонилась на плечо Рафаэля. Темная струя крови текла у нее изо рта. Он вскочил, открыл дверь и позвал девушек. Они сняли шаль и увидели зияющую рану, которую с железной силой воли старуха скрывала до последней минуты. Теперь все было кончено: Мириам, дочь Соломона, ушла навеки.

На следующий день, рано поутру, Рафаэль стоял в приемной Кирилла в ожидании аудиенции. Из соседней комнаты доносился громкий разговор, и спустя несколько минут оттуда выбежал знакомый ему трибун, шепча себе под нос проклятия.

- Что привело тебя сюда, друг мой? - спросил Рафаэль.

- Негодяй не хочет их выдать, - отвечал тот, понижая голос.

- Выдать? Кого?

- Убийц. Они нашли безопасное убежище в Цесареуме. Орест послал меня требовать их выдачи, а этот человек отказывается повиноваться!

С этими словами трибун скрылся из виду.

Рафаэль почувствовал такое глубокое отвращение, что чуть не последовал его примеру, но обычное самообладание не покинуло его. Вскоре один из монахов провел его к архиепископу.

Кирилл ходил по комнате взад и вперед крупными шагами. Узнав своего посетителя, он остановился и окинул его вопросительным гневным взором.

Рафаэль немедленно приступил к делу, которое привело его сюда, и начал спокойным, холодным тоном:

- Я тебе знаком, без сомнения, и тебе известно, кем я был. Теперь я новообращенный христианин. Я явился, чтобы по мере сил искупить проступки, совершенные мною в этом городе. Среди этих бумаг ты найдешь доверенность на получение определенной ежегодной суммы, которая даст тебе возможность нанять убежище для ста падших девушек, а также снабдить тридцать из них хорошим приданым, чтобы они нашли себе подходящих мужей. Я письменно изложил все подробности. От их точного исполнения зависит дальнейшая выдача денег.

Кирилл поспешно взял бумагу и готовился ответить избитой фразой насчет благочестивой благотворительности, но еврей предупредил его:

- Лесть неуместна. Дар предназначен не тебе, а твоему должностному посту. Еще одно слово. Я тут же удвою свой вклад, если ты отдашь в руки правосудия убийц моего друга - Ипатии.

- Да пропадут твои деньги вместе с тобой! Не хочешь ли ты меня подкупить, чтобы я выдал тирану своих детей?

- Я предлагаю тебе средства для еще более обширных благотворительных дел при условии, что ты сначала совершишь простой акт справедливости.

- Справедливости! - вскричал Кирилл. - Справедливости! Если Петр по

справедливости должен умереть, то докажи мне сначала, почему несправедлива казнь Ипатии? Я не одобрял этот поступок. Клянусь жизнью, я с радостью дал бы отсечь себе правую руку, чтобы этого не произошло. Но раз ничего уже нельзя изменить, то пусть защитники правосудия предварительно убедятся, на чью сторону склоняются весы. Неужели ты полагаешь, что народ не умеет отличать врагов от друзей? Если ты - новообращенный христианин, ты без труда поймешь, какая участь угрожала бы Александрии, если бы два дня тому назад дьявольский замысел Ореста увенчался успехом. Народ, может быть, ударил слишком жестоко, но ударил по настоящему месту. И если толпа уступила страстям, подобающим лишь язычникам, то вспомни, что ее страсти - следствие многих веков язычества, которое воспитывало ее дух и нравственность. Петр, действительно, поддался внушению лукавого и мстил там, где следовало бы прощать, но этот порыв усердия объясняется его прошлым. В продолжение трех столетий его род терпел гонения, и среди его предков насчитывается немало мучеников. Но понимаешь ли ты значение слова "мученик"? Ему было не более семи лет, когда в один и тот же день его отец стал слепым калекой, а старшая сестра, постриженная в монахини, была на улице живьем брошена на растерзание свиньям сторонниками той самой философии и религии, которые еще вчера Ипатия хотела вновь восстановить. Богу, а не нам с тобой, судить этого человека!

- Так пусть Бог и судит его через своего земного представителя.

- Это наместник-то, этот богоотступник и язычник, земной представитель божественного правосудия?! Я признаю его лишь тогда, когда он искупит свое отречение покаянием и открыто вернется в лоно святой христианской церкви; а до тех пор он слуга дьявола, и я не потерплю, чтобы духовное лицо подверглось суду неверующего. Священное писание запрещает нам искать правосудия у неправедных. Мне безразлична людская молва: я презираю свет и его правителей. Мне надлежит основать царство божие в этом городе, и я совершу это дело в сознании, что оно зиждется только на Христе. Я буду держать ответ перед Богом, а не тобой. Удовольствуйся моим обещанием, что в силу дарованной мне власти я на три года торжественно отлучу от церкви этих людей.

- Значит, они еще до сих пор не отлучены?

- Повторяю, что я их отлучу. Ты сомневаешься в моих словах?

- Нисколько, святой отец. Но в силу моих плотских понятий о царстве божием я предполагал, что эти люди сами себя отлучили от церкви, когда отринули дух божий и прониклись духом убийства и жестокости. Таким образом, обещанное тобою весьма справедливое и похвальное отлучение от церкви кажется мне только публичным оглашением совершившегося факта. Теперь прощай! Я буду вовремя выплачивать деньги, а это - самый важный пункт в наших отношениях. Что же касается Петра и его сообщников, пользующихся твоим покровительством, то, быть может, самое худшее наказание для них - это предоставить им действовать и впредь так же, как они действовали. Надеюсь, что ты не последуешь за ними?!

- Я? - воскликнул Кирилл, дрожа от гнева.

- Я руководствуюсь только твоим благом, святой отец, - продолжал Рафаэль, -

советую тебе при созидании царства божьего не забывать, в чем именно оно заключается, и не закрывать глаза на те его законы, которые уже установлены. Я не сомневаюсь, что ты достигнешь цели, судя по той власти, которой ты располагаешь. Боюсь только, как бы после окончательного его утверждения ты не открыл, к своему ужасу, что создал не царство Бога, а царство дьявола.

И, не дожидаясь ответа, Рафаэль поклонился и вышел из комнаты. В тот же день он отплыл в Веренику вместе с Евдемоном и негритянкой и отправился на предназначенный ему пост, чтобы трудиться и помогать людям. Он много лет прожил там, грустный, суровый, любящий и любимый.

Простимся с Александрией и мы, чтобы узнать, какая участь постигла остальных действующих лиц этой повести через двадцать лет после рассказанных нами событий.

Спустя двадцать лет Феодорит, один из самых мудрых мужей Востока, в следующих выражениях характеризовал только что скончавшегося Кирилла.

"Его смерть обрадовала живых и, вероятно, огорчила мертвых, и мы вправе предполагать, что они пришлют нам его обратно, когда присутствие его окажется для них нестерпимым... Да удостоится он милосердия и прощения по нашим молитвам и да простятся ему грехи по беспредельной благодати Творца!"

Правда, Кирилл восторжествовал вместе со своими монахами, но все-таки со временем его постигло возмездие за убийство Ипатии.

С момента его победы в теле Александрийской церкви открылась смертельная язва. Церковь эта считала, что допустимо делать зло с благими целями, и постепенно перешла от крайней нетерпимости к открытым гонениям. Из года в год она становилась все более жестокой и незаконной. Освободившись от внешних врагов, она захотела отделиться от прочих церквей и, достигнув полной самостоятельности, стала враждовать с собственными членами. Наступила эпоха добровольного самоубийства с взаимными анафемами и отлучениями. Мощный организм стал распадаться на части и вскоре превратился в хаотическое смешение сект, преследовавших друг друга за метафизические тонкости. А затем явился Амру [*Выдающийся полководец и государственный деятель первых времен магометанства. При халифе Абу Букре (халифом назывался духовный и светский глава принявших магометанство аравийских племен, впоследствии и всех магометан вообще) Амру завоевал Сирию, при халифе Омаре (в 640 г.) - Александрию. Ему приписывается (неправильно) сожжение александрийской библиотеки. Последние годы жизни Амру был наместником Египта. Умер в 664 г.*] со своими магометанами, и секты тоже стали на свое место.

Через двадцать лет после смерти Ипатии наступила смертельная агония для философии. Гибель Ипатии была роковым ударом для древней мудрости. Страшным и недвусмысленным языком дано было понять философам, что человечество покончило с ними, что история взвесила все на весах и нашла их непригодными, и что они должны уступить место людям, которые могут дать лучшие знания, чем они. И они уступили.

Дожил до глубокой старости Вульф и умер в Испании, осыпанный почестями при дворе Адольфа и Пладиции. Он добровольно отказался от своей власти в пользу законного начальника племени, а Годерик и остальная готская молодежь поселилась со

своими александрийскими подругами на солнечных горных склонах, откуда они изгнали вандалов [*Племена германского происхождения, жившие по р. Одер. Вандалы совершали набеги на Галлию, Испанию, Италию. В 429 году переправились в Африку и образовали там свое королевство. В 455 году напали на Рим и жестоко разграбили его; отсюда слово "вандализм". В 534 году вандалское королевство было завоевано Велизарием, полководцем римского императора, и возвращено Римской империи.*] и севов. Они положили начало "чистокровному" кастильскому дворянству.

Вульф до самой смерти остался язычником. Плацидия, очень расположенная к нему, не раз уговаривала его креститься и наконец почти убедила. Сам Адольф присутствовал в качестве крестного отца, и старый воин уже готовился погрузиться в воду, как вдруг обратился к епископу с вопросом:

- Где находятся души моих языческих предков?

- В аду, - ответил достойный прелат.

Вульф мгновенно отошел от бассейна и, завернувшись в свою медвежью шкуру, объявил Адольфу, что предпочитает присоединиться к своим праотцам.

Таким образом, он умер некрещеным.

Виктория жила и трудилась на пользу ближних, но на ней подтвердилось предостережение Августина: ей пришлось испытать тяжелые времена. Настал день возмездия, и вандалы овладели прекрасными нивами Африки. Ее отец и брат погибли вместе с Рафаэлем под разрушенными стенами Гиппона [*Народ в Малой Азии.*]; они погибли, тщетно пытаясь спасти страну от страшных пришельцев. Зато они умерли, как герои, и это утешало Викторию. Между угнетенными христианами, почитавшими Викторию ангелом милосердия, носились слухи о великих страданиях, перенесенных ею. Утверждали, что на ее нежном теле сохранились следы жестокой пытки, упоминали о комнате, куда никто не допускался, и где над могилой единственного сына, замученного арианскими преследователями, она проводила ночи в слезах и молитве.

Те немногие, которые вместе с ней переживали тяжкое время гонений, уверяли, что, несмотря на собственное горе и позор, она ободряла своего дрожащего мальчика перед его доблестной кончиной. Ее набожность и чистота снискали ей уважение и покровительство завоевателей и, исполнив свое назначение на Земле, Виктория тихо отошла на покой, когда настало ее время.

Настоятель Памва и Арсений давно умерли. Согласно последней воле игумена, его место занял отшельник из соседней пустыни, который прославился на много миль в окрестности необычайно строгим покаянием, беспрестанной молитвой, кроткой мудростью и, как утверждала молва, многочисленными исцелениями. Это был Филимон.

В расцвете лет, несмотря на неоднократные отказы, он вынужден был расстаться со своим уединенным жилищем и принять начальство над лаврой. Под его руководством монастырь разросся и стал процветать, хотя старейшие из монахов не совсем дружелюбно отнеслись к слишком юному владыке.

Молодой настоятель никогда никого не осуждал, хотя строго порицал лицемерие и ханжество, в особенности среди духовенства. Все лицемеры, жившие по берегам Нила,

боялись его настолько же, насколько его любили и уважали мученики и грешники.

Праведные люди, не нуждавшиеся в покаянии, подметили в поведении настоятеля одну странную особенность. Им стало известно, что во время непрерывной молитвы и жестоких самобичеваний, которые окружали Филимона ореолом сверхчеловеческой святости, он в самые торжественные мгновения упоминал имена двух женщин.

Когда же один почтенный старец, по праву своего преклонного возраста, ласково намекнул ему, что это соблазн для более слабых братьев, Филимон сказал:

- Да, это правда. Скажи им, что я каждую ночь молюсь за двух женщин. Обе они были молоды, прекрасны, и я любил их больше, чем свою душу! Скажи им также, что одна из них была блудницей, а другая - язычницей!

Повесть о кончине Пелагии, принявшей монашество, можно найти в книге "Жития нильских святых" Табенникуса, большая часть которой была уничтожена при взятии Александрии Амру в 640 году.

Филимон с Пелагией удалились в пустыню, в келью отшельника, - единственное место, где в те дни можно было найти покой, в сказочную страну легенд и чудес, которыми в течение многих столетий украшали верующие жизнеописания всех святых.

Примечания

АБАМНОН. Греческий философ, живший в IV веке, последователь школы неоплатоников (см. Неоплатонизм). Представитель мистического направления этой школы. А. занимался изысканиями о мистической природе чисел и на их основании разрабатывал учение о природе богов.

АВВА. Древнееврейское, перешедшее к христианам обращение к Богу или духовным лицам - отче, отец.

АВГИЕВЫ стойла - конюшни (греч. мифология). У Авгия, царя Элиды, были несметные стада лошадей, стойла которых никогда не чистились. Герой Геракл очистил конюшни в один день, что было одним из двенадцати его подвигов (см. Гераклес).

АВГУСТ, т. е. "священный". Титул, принятый в 27 г. до н. э. внучатым племянником Юлия Цезаря, Гаем Юлием Цезарем Октавианом (63 г. до н. э. - 14 г. н. э.). Этот титул носили и все последующие императоры.

АВГУСТИН (Аврелий). Известный мыслитель и богослов христианской церкви (354-430 гг. н. э.). Родился в г. Тагасте в Африке, юрист по образованию. Посвятив всю молодость философско-религиозным исканиям, А. принял христианство, роздал имущество и стал сначала священником, а потом епископом. Усиленно боролся с возникавшими в ту эпоху сектами и был одним из основоположников христианского богословия.

Кроме богословских сочинений Августин написал "Автобиографию", дающую ценнейший материал для понимания быта эпохи, и трактат "Град божий", где излагаются основы христианской государственной политики. В этом последнем

сочинении ясно сказывается социальная основа его государственного мировоззрения. Будучи выходцем из средних слоев населения и принадлежа по положению к разночинной интеллигенции (готовился к адвокатской карьере), А. не мог стать ни на сторону крупной поместной аристократии и самодержавной императорской власти, ни на сторону крестьянской и городской демократии, потерявшей свое прежнее политическое значение. А. искал нейтральной силы, стоящей над всеми этими общественными группами, и нашел ее в лице христианского духовенства, вожди которого выходили преимущественно из родственной А. разночинной интеллигентской среды. Таким образом у А. возникла идея государства, управляемого духовенством (теократией), сообразующим всю свою политику с принципами христианской религии. "Град божий" оказал сильнейшее влияние не только на современников, но и на мировоззрение средневековья и был одним из источников, из которых папы черпали аргументы в пользу мировой папской монархии.

АВЕССАЛОМ. Третий сын библейского царя Давида, красавец, славившийся своими пышными волосами. Воспользовавшись недовольством народа, поднял восстание, овладел Иерусалимом, но был разбит и погиб.

АГАСФЕР. Еврейское имя персидского царя Артаксеркса, при котором, по библейской легенде, было решено истребить живших в персидском царстве евреев. От этой судьбы их избавила Эсфирь, еврейка, красавица, взятая царем в жены и умолившая мужа пощадить ее соплеменников (см. Эсфирь).

АДОЛЬФ (начало I века н. э.). Вождь вандальского племени, провозглашенный королем на севере Испании.

АЛАРИХ I. Вестготский король (370-410 гг.). Вел войну с Римской империей. Трижды осаждал Рим, разграбил его (410 г.) и в том же году скончался. В последние годы жизни принял христианство (был арианом).

АЛКИВИАД (451-404 гг. до н. э.). Один из выдающихся государственных деятелей Афин эпохи расцвета. Отличавшийся ораторскими и стратегическими талантами, ученик Сократа, А. прошел очень бурную политическую карьеру, выступая то в роли главаря афинской демократической партии, то в роли союзника спартанцев, врагов Афин, то в роли друга персидских наместников. В последние годы жизни А. вернулся в Афины, одержал победы над спартанцами и персами, получил неограниченные полномочия, но вскоре, благодаря проiscaм врагов, был снова изгнан, в 404 г. убит по приказанию персидского наместника.

АЛЬРУНЫ. У древних германцев - мудрые женщины, предсказательницы.

АМРУ. Выдающийся полководец и государственный деятель первых времен магометанства. При халифе Абу Букре (халифом назывался духовный и светский глава принявших магометанство аравийских племен, впоследствии и всех магометан вообще) Амру завоевал Сирию, при халифе Омаре (в 640 г.) - Александрию.

Ему приписывается (неправильно) сожжение александрийской библиотеки. Последние годы жизни Амру был наместником Египта. Умер в 664 г.

АНФИЛАДА. Ряд комнат, соединенных между собой широкими проходами и расположенных по прямой линии.

АНДРОМАХА. Дочь мизийского царя, жена троянского героя Гектора, воспетая Гомером в "Илиаде" и выведенная Эврипидом в его трагедии.

АНДРОМЕДА. В греческой мифологии - дочь эфиопского царя, разгневавшая бога моря Посейдона. В отместку ей Посейдон наслал на страну морское чудовище, и царь Эфиопии вынужден был для спасения страны отдать дочь на съедение чудовищу. Герой Персей убил чудовище, спас красавицу и женился на ней. После ее смерти Афина поместила ее среди созвездий.

АНТЕЙ (греч. мифология). Великан, заставлявший каждого пришельца вступить с ним в единоборство и неизменно убивавший каждого противника, ибо, как только он падал на землю, мать его Гея (земля) возобновляла его силы и таким образом делала его непобедимым. Его победил Геракл, поднявший его на воздух и продержавший в этом положении до тех пор, пока он не задохнулся.

АНТИЛОЙ (II век н. э.). Прекрасный юноша, любимец и постоянный спутник императора Адриана. После смерти А. Адриан приказал считать его полубогом, построил в честь его г. Антинополь и многочисленные храмы.

АНТОНИЙ (251-356 гг. н. э.), прозванный Великим, родился в Египте. Раздав имущество, удалился в пустыню, где вокруг него собиралось много последователей. Основатель монашества отшельнического культа.

АПОЛЛОН. Один из главнейших и наиболее почитаемых богов греческой мифологии. Бог солнца (Феб "сияющий"), Бог поэзии, покровитель муз, сын Зевса, возвещающий его волю и вещавший свои прорицания в Дельфийском храме через особых жриц (пифий). Как носитель света и разума А. в позднейшую эпоху (во II и I в. до н. э. и в течение I и II в. н. э.) противопоставлялся Дионису, как олицетворение исступленного демонического экстаза. Культ А. пользовался особым распространением в аристократической среде, культ Диониса - в народных массах.

АПОЛЛОНИЙ. Имеется в виду Аполлоний Тианский, живший во второй половине I в. н. э. и оставивший после себя многочисленные сочинения по математике и особенно философии, из которых ни одно до нас не дошло. А. стремился реформировать наивные античные верования и истолковывал богов, как частичные проявления единой и непостижимой для человека божественной силы, а на себя самого смотрел, как на пророка, посланного в мир для обновления человечества. Его проповедь имела большой успех: его аскетический образ жизни и равнодушие к земным благам завоевали ему широкую популярность. Его считали чудовищем, и для "языческих" кругов он являлся соперником Христа. Объехав весь известный тогда мир, А. поселился в Эфесе, где и умер.

АРЕС. Бог войны в греческой мифологии.

АРИАДНА. По греческой легенде - дочь критского царя Миноса. Дала герою Тезею клубок ниток, при помощи которого Тезей после убийства чудовища Минотавра выбрался из лабиринта (отсюда выражение "нить Ариадны", - главная мысль, помогающая разрешить тот или иной трудный вопрос).

АРИАНСТВО. Христианская секта, основанная во втором десятилетии IV века н. э. александрийским священником Арием. Арий учил, в противоположность принятой

церковной догме, что Христос не равен Богу отцу, а только подобен ему, и что святой дух не есть самостоятельное лицо троицы, а лишь проявление одной из сил Бога отца. Это учение завоевало себе многочисленных сторонников в восточной части Римской империи и одно время, несмотря на сопротивление западного духовенства и решение Никейского собора (325) стало даже господствующим. В 381 году было окончательно осуждено на вселенском Константинопольском соборе. Наибольшее распространение арианство получило среди германских народов, принявших христианство, так как господствующие классы этих народов стремились освободиться от опеки Рима и основать свою церковь, независимую от римского первосвященника. Успех ариан в Византии объясняется, главным образом, тем, что в восточной части Римской империи торговый класс был многочисленнее, чем на западе, а этот класс, благодаря более широкому кругозору и большому умственному развитию, тяготел к более рациональному истолкованию христианства. Учение Ария, упразднявшее догмат о троичном Божестве, шло навстречу этим тенденциям.

АРКАЛИЙ. Восточно-римский император (395-408 гг.). Надменный и ленивый А. почти не занимался государственными делами, предоставлял власть жене своей Евдокии. Вел неудачную войну с вестготами (Аларихом).

АРКАДИЯ. Средняя гористая часть греческого Пелопоннеса, населенная пастухами и охотниками и воспетая поэтами как счастливая страна.

АРРИАН ФЛАВИЙ (родился в Никомидии). Греческий писатель. При императоре Адриане был консулом, а в 130-138 годах наместником в Каппадокии, затем уехал в родной город, где написал ряд сочинений по философии, истории, географии и тактике. Самостоятельной философской школы не создал, а пытался сочетать различные философские течения (был эклектиком).

АРТЕМИДА (в греч. мифологии). Дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона, богиня луны, охоты, покровительница зверей и домашних животных. Изображалась с полумесяцем и звездой в волосах, с луком и стрелами в руках. Была идеалом девственной красоты. В римской мифологии - Диана.

АСГАРД. В скандинавской мифологии - жилище богов азов, победивших прежних богов-ванов. Некоторых побежденных азы приняли в свою среду.

АСТРОЛОГ. Звездочет, человек, занимающийся наблюдениями над звездами и на основании их расположения старавшийся предсказать будущие события. Астрология зародилась в древнем Вавилоне и была очень популярна в эпоху поздней античности.

АТРЕЙ. Царь микенский, сын Пелопса, отец Агамемнона и Менелая. По греческой легенде, над родом Пелопса тяготело проклятие богов, приведшее к ряду преступлений, от которых погибли почти все представители Атреева рода.

АФИНА. В греческой мифологии - одна из наиболее почитаемых богинь Греции. Дочь Зевса, дева, богиня мудрости, разума, науки и разумной войны. Покровительница Афин. В Риме - Минерва.

АФИНЫ. Столица современной Греции, один из замечательнейших городов Греции, центр ее культурной и умственной жизни. Афины изобиловали замечательными произведениями архитектуры и скульптуры, которые расхищались и римлянами и

варварами. АФРОДИТА - см. Венера.

АХИЛЛЕС (Ахилл). Легендарный герой Древней Греции. Сын Пелея и Фетиды, участник Троянской войны, воспетой Гомером в "Илиаде". Во время Троянской войны убил Гектора и сам был убит Парисом.

БАЗИЛИКА. Общественное здание, предназначенное для суда и торговли. В христианскую эпоху базилики были использованы для религиозных собраний и отчасти обращены в церкви.

БРУТ Марк Юний (85-42 гг. до н. э.). Римлянин плебейского происхождения. В конце I века н. э. в Риме шла ожесточенная борьба между сенатом, находившимся в руках аристократии, и многочисленными узурпаторами, выдвигавшими демагогические лозунги и увлекавшими за собой многочисленные массы обедневшего (в некоторой части паразитарного) городского населения. Класс самостоятельных ремесленников и класс самостоятельного среднего крестьянства ("плебс"), являвшиеся опорой римской республики и сторонниками широких социально-политических реформ, в этот период римской истории находились в состоянии упадка и не были уже решающим фактором политической жизни. Тем не менее Б., принадлежавший к "плебсу" по своему происхождению, стремился восстановить значение демократических учреждений и во время борьбы между Помпеем, который якобы отстаивал сенат и республику, и Юлием Цезарем, который выступил против сената, стал на сторону Помпея. После поражения Помпея Брут перешел на сторону Цезаря, стал доверенным другом этого последнего, занимая ответственные посты. Но в 44 году в нем снова проснулись его плебейские симпатии, и он примкнул к заговору Кассия против Цезаря ради восстановления республики. В сенате он, вместе с сообщниками, заколол Юлия Цезаря. По античной легенде, увидя его в числе убийц, Юлий Цезарь сказал: "И ты, Брут!", завернулся в тогу и тут же упал. В 42 году Брут был разбит Антонием и Октавианом при Филиппах и в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Выражение "И ты, Брут!" употребляется, когда хотят намекнуть на измену близкого Друга.

ВАЛЕНТ Флавий. Римский император. Сначала был военачальником, а в 364 году брат его Валентиан, провозглашенный императором, взял его в соправители и дал ему восточную половину империи с Византией в качестве столицы. В. вел удачную борьбу с варварами, но в Мезии, в 378 году, вестготы нанесли ему поражение, и он погиб в бою. Был христианином.

ВАСИЛИЙ, прозванный Великим. Архиепископ Кесарийский (338-379 гг.), родился в Кесарии в богатой христианской семье. Получил блестящее философское образование в Константинополе и Афинах, вел усиленную борьбу с арианством, поддерживая догмат троицы. ВАЛА. Божество скандинавских мифологий.

ВАЛЬКИРИИ. В древнегерманской мифологии - бессмертные девы чудной красоты. По приказу высшего Бога Одина руководят битвами людей, а равно сражениями, устраиваемыми в загробном мире для потехи убитых героев.

ВАЛГАЛЛА (по скандинавской мифологии). Дворец в загробном мире, предназначенный для обиталища убитых в бою героев.

ВАНДАЛЫ. Племена германского происхождения, жившие по р. Одер. Вандалы

совершали набеги на Galliю, Испанию, Италию. В 429 году переправились в Африку и образовали там свое королевство. В 455 году напали на Рим и жестоко разграбили его; отсюда слово "вандализм". В 534 году вандальское королевство было завоевано Велизарием, полководцем римского императора, и возвращено Римской империи.

ВЕНЕРА (греческая Афродита). Богиня любви и красоты, мать Амура, дочь Зевса, родившаяся из пены морской (Венера Анадиомена). В греческой мифологии, по одному из сказаний, подвергшемуся философской обработке, А. почиталась в двух образах: как богиня земной любви, покровительница брака и любовных связей (Афродита всенародная) и как богиня высшей духовной любви (Афродита небесная).

ВИЗАНТИЯ. Мегарская колония на берегу Босфора, в VI веке до н. э. подчинялась персам, а потом была завоевана греками и вошла в Афинский союз. В I в. н. э. при императоре Веспасиане была завоевана Римом, а в начале IV века при императоре Константине переименована в Константинополь и стала столицей всей империи. При разделении Римской империи на восточную и западную сделалась столицей восточной ее половины и осталась таковой до завоевания ее турками (1453 г.).

ВИКИНГ. У древних скандинавов - старейшина рода. Иногда это название применялось и вообще к вителям, особенно действовавшим на море.

ГАНИМЕД. В греческой мифологии - красавец-юноша, сын троянского царя, был унесен посланным Зевсом орлом на небо, где сделался любимцем и виночерпием Зевса.

ГАРПИИ (греч. мифология). Свирепые богини вихря и смерти. Изображались в виде птиц с женскими лицами.

ГЕЛА. В скандинавской мифологии - богиня смерти.

ГЕДЕОН. Один из виднейших "судей" израильского народа в эпоху, когда евреи завладели землей ханаанской и вели постоянные войны с соседними племенами и народами. "Меч Гедеона" вошел у древних евреев в поговорку, как символ силы и мужества.

ГЕРА (греч. мифология). Римская Юнона. В греческой мифологии - старшая сестра и жена Зевса; богиня неба и покровительница брака.

ГЕРАКЛИАН. Наместник Африки, христианин, живший в конце IV и V века до н. э. Гераклиан создал план разделения Римской империи не на восточную и западную, а на южную и северную, причем императором южной Римской империи должен был стать он сам. В 413 году он собрал армию и двинулся на Рим, но был разбит императорскими войсками.

ГЕРКУЛЕС (Геракл). Легендарный греческий герой - сын Зевса и смертной женщины Алкмены; вынужден был служить царю Эврисфею, на службе которого совершил свои 12 подвигов. Все эти подвиги имели цель: освобождение людей от чудовищ или облегчение жизни человеческого рода. Поэтому Геркулес принадлежал к числу божеств, наиболее популярных среди трудовых классов греческого и римского народов. После смерти был взят Зевсом на небо.

ГЕФЕСТ (греч. мифология). Римский великан. По греческой мифологии, Бог огня и кузнечных изделий, сын Зевса и Геры, а по другим мифам - только Геры. Был сброшен с Олимпа и стал хромым и уродливым. Женой его, по Гомеру, была Афродита.

Считался покровителем ремесленников. Одно из наиболее демократических божеств древней мифологии.

ГИЛАС. Красавец, любимец Геркулеса; морские божества (наяды), восхищенные его красотой, увлекли его в пучину, и Геркулес тщетно разыскивал его. В Греции Г. был посвящен особый праздник.

ГИПШОН. Народ в малой Азии.

ГИПЕРБОРЕЙСКИЕ горы. Горы "по ту сторону северного ветра", за которыми, по греческой мифологии, лежит райская страна сказочного народа - гиперборейцев, не ведающего ни старости, ни войн.

ГЛАДИАТОРЫ. Бойцы, выступавшие в римских цирках и сражавшиеся или друг с другом, или с дикими зверями. Бои гладиаторов давались, начиная с III века до н. э., для развлечения народа и принимали все более и более жестокий и роскошный характер. Гладиаторы обучались в специальных школах и вербовались из военнопленных, рабов и преступников.

ГОНОРИЙ Флавий. Сын Феодосия, первый император Западно-римской империи, вел борьбу с наступавшими варварами. При полководце Стилихоне эта борьба была удачна, а после его умерщвления неспособный Гонорий начал терпеть поражения.

ГОРОСКОП. Чертеж расположения небесных светил в момент рождения человека. По этому чертежу астрологи якобы предсказывали судьбу новорожденного.

ГОТЫ. Народ германского племени, живший в I веке у Балтийского моря, а затем перекочевавший через Карпаты к Дунаю. Готы подразделялись на две группы: вестготов и остготов. Вестготы двигались на запад, совершали набеги на Западно-римскую империю и в III и IV веках осели на севере Пиренейского полуострова и в соседних с ним областях Галлии (нынешней Франции). Остготы двинулись на восток. Во II веке они основали собственное государство на берегах Дуная и стали совершать нашествия на Рим, Афины и Малую Азию. В 336 году император Константин заключил с ними мир, а в 370 году они были вытеснены гуннами.

ГРАЦИЯ (греч. мифология). Греческие хариты - божества, олицетворявшие веселье и радость. Число их разными писателями определялось по-разному. Грации изображались или в свите Афродиты, или в свите Вакха, или в свите Аполлона.

ГРИЛЬПАРЦЕР - немецкий писатель XIX века.

ДАМАСКИЙ, Гезихий - писатели поздней античности.

ДАФНА. По греческой мифологии - нимфа, дочь речного Бога Ладона и Геи; спасаясь от преследований Аполлона, обратилась к матери Гее (богине земли), и та превратила ее в лавровое дерево.

ДЕЛЬТА. Имеется в виду дельта Нила, т. е. устье этой реки, разделяющееся на рукава и напоминающее по форме греческую букву "дельту" (острый треножник). В нильской дельте в IV и V веках были расположены многочисленные портовые и торговые поселения.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ треножник. В г. Дельфах, у подножия горы Парнас, в главном святилище знаменитого храма Аполлона была расселина в скале, из которой якобы выходили одуряющие газы. Над расселиной стоял колоссальный треножник, на

который во время прорицаний садилась жрица Аполлона (пифия) и предсказывала будущее.

ДЖОН ТОЛАНД - английский просветитель и атеист XVIII века.

ДИОКЛЕТИАН (дата рождения точно не известна, дата смерти 313 г.). Римский император. Диоклетиан происходил из "низов" и начал свою карьеру в армии рядовым солдатом. Постепенно он выдвинулся, проявил незаурядные стратегические таланты и в 284 году был провозглашен легионерами императором. Свое царствование ознаменовал рядом государственно-административных реформ. Он свел на нет значение сената, постарался упорядочить государственные финансы, разделил империю на две части - восточную и западную, и назначил себе соправителя, ведавшего западной половиной империи. Руководство всей империей Диоклетиан сохранил за собой. Одной из особенностей его правления было преследование христиан, или, вернее, епископальной верхушки христианской церкви.

ДИОНИС (Вакх, римский Бахус). По греческому мифу - сын Зевса, Бог вина и веселья, виноградной лозы и всего произрастающего, распространитель культуры. Один из воскресающих и умирающих богов древности. Празднества в честь Диониса, которые возникли первоначально среди землевладельческого населения, смотревшего на Диониса, как на своего Бога-покровителя, впоследствии приняли характер иступленных оргий и были очень популярны в Греции и Риме эпохи упадка.

ДОМИНАНТА - деспотическая форма управления Римской империей в н. III в. н. э.

ДОНАТИЗМ. Секта в африканской церкви, возглавлявшаяся епископом Донатом, жившим в IV веке. Донатисты боролись с политикой римских пап и восточных патриархов, стремившихся путем уступок завоевать расположение императоров и опереться на светскую власть. В области церковного управления донатисты отстаивали независимость местных церковных организаций в противовес централистским тенденциям Рима и Византии. Эта оппозиционность по отношению к светской власти снискала донатистам расположение жестоко эксплуатируемых демократических классов населения. Во второй половине IV века в африканских провинциях Римской империи произошло восстание христиан и рабов, т. н. "агонистика", в котором принимало участие донатистское духовенство. Восстание было потоплено в крови, и после этого донатисты, как массовая церковная организация, перестали существовать.

ДОРИЙСКИЙ (дорический) стиль. В древнегреческой архитектуре различалось три стиля: дорический, ионический и коринфский. Первый отличался простотой, мощностью форм и строгой их соразмерностью.

ЕВКЛИД (315-255 гг. до н. э.). Грек, великий математик Древнего мира, знаменитый геометр, ученик Платоновской школы. Египетским царем Птолемеем был приглашен в Александрию, где основал школу математиков. Он первый дал стройное изложение геометрии.

ЕККЛЕЗИАСТ, или "проповедник". Название ветхозаветной библейской книги, автор неизвестен. Книга приписывается царю Соломону. Суть жизни Екклесиаст выражает словами: "суета сует, всяческая суета".

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ. По греческой легенде - дочь Леды и Зевса, жена Менелая,

похищенная Парисом, что послужило поводом к троянской войне (Гомер). После взятия Трои возвратилась к Менелая. О ее изумительной красоте, похищении и похождениях сохранился ряд легенд.

ЗЕВС (греч. мифология). Главный Бог греческой религии, царь всей природы - неба, бури, грозы, отец богов и людей, тождественен с римским Юпитером. Покровитель рода и семьи. Культ Зевса возник в родовой (доисторический) период Греции.

ЗЕНОВИЯ СЕПТИМИЯ. Жена Одената Пальмирского (Пальмира - царство в Малой Азии). Став с 268 года царицей пальмирской, оставила план завладения Римом и приняла титул августы. В 273 году римский император Аврелиан нанес ей поражение, захватил ее в плен и занял Пальмиру. Плененная царица украсила собою триумф Аврелиана и вскоре умерла в подаренном ей императором поместье.

ИЕРЕМИЯ. Один из четырех главных библейских пророков, горячий патриот, живший за шесть веков до н. э. Он пережил осаду и разрушение Иерусалима вавилонянами и оплакивал падение царства иудейского ("плач Иеремии").

ИЕЗЕКИИЛЬ. Один из пророков израильского народа (VI в. до н. э.). Был уведен в плен к вавилонянам и умер, убитый одним из иудейских князей (по преданию).

ИОВ с тремя друзьями ("Книга Иова"). По библейской легенде - праведник, мужественно перенесший ниспосланные ему бедствия. В довершение всего он заболел проказой ("Иов на гноище") и, удалившись в безлюдное место, поселился на мусорной куче. За свое долготерпение был вознагражден Богом.

ИОСИФ. По библейской легенде - любимый сын ветхозаветного патриарха Иакова и Рахили, отличавшийся необыкновенным целомудрием и красотой. Озлобленные братья хотели его убить, но в конце концов продали его проходящему каравану. И. был перепродан в Египет. Иосиф стал там первым министром фараона.

ИЗИДА и **ОЗИРИС**. Первоначальный египетский миф об И. и О. сводился к следующему: Озирис, Бог творческих сил природы (олицетворение Нила), был убит своим братом, Богом Сетом (символ иссушающих ветров пустыни). При помощи супруги и сестры Изиды, богини плодородия, О. снова воскрес. Культ Изиды распространился во всех частях Римской империи. Особенного распространения он достиг во II и III веках н. э. Несколько римских императоров носили титул верховных жрецов Изиды. Ипатия, подобно многим философам той эпохи, отождествляла ее образ с образом Афины Паллады.

ИОНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ - сложнее, легче и грациознее дорического.

КАЛЛИМАХ (310-235 гг. до н. э.). Известный греческий поэт и критик, заведовал александрийской библиотекой, уроженец города Кирены.

КАМΠΑНИЯ (римская). Окрестности Рима. В древнюю эпоху была цветущей местностью с роскошными виллами, а впоследствии превратилась в заболоченную малярийную полупустыню, пригодную лишь для пастбищ.

КАССАНДРА. Согласно легенде - дочь троянского царя Приама. Получила от Аполлона дар прорицания, после того как пообещала отдаться ему. Она не сдержала обещания, и Аполлон наказал ее тем, что предсказаниям ее не верили.

КИПРИАН Фасций Цецилий. Широко образованный человек, родился в Карфагене.

Вначале язычник, в 246 году крестился, стал священником, в 248 году был избран епископом Карфагена. Известен своими (богословскими сочинениями и посланиями (послание Донату). При гонении на христиан при императоре Деции удалился в пустыню. В 258 году по приказанию императора был обезглавлен. Причислен церковью к лику святых.

КИРИЛЛ. Архиепископ Александрийский (жил в конце IV и первой половине V века н. э.). Получил хорошее образование, писал богословские сочинения, принимал участие в церковных соборах. Энергичный, честолюбивый и до крайности фанатичный, он вел ожесточенную борьбу с сектами новициан и донатистов, но с особенной ненавистью относился к Александрийской академии, поддерживавшей традиции язычества в древней философии. С помощью своего духовенства разжигал среди христиан изуверские страсти и был главным виновником волнений 415 года, во время которых была растерзана толпой Ипатия. Умер в 444 году.

КЛИМЕНТ. Архиепископ Александрийский. Один из наиболее выдающихся руководителей церкви, оставивший после себя многочисленные сочинения. Родился в Афинах в половине II века, умер около 215 года.

КЛИТИЯ. Возлюбленная Аполлона. Покинутая им, она умерла, а по сказанию поэта Овидия, была превращена в цветок.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ - намек на религиозные распри, происходившие в начале V века в Византии и сопровождавшиеся множеством жертв.

КОНУНГ. У древних германских племен - король, властвующий над несколькими родовыми вождями.

КУПИДОН (также Амур). Название греческого Бога Эроса, или Эрота. Согласно греческому мифу, сын Афродиты и неизменный ее спутник. Покровитель влюбленных. Изображался (в эллинистическую и римскую эпоху) в виде крылатого мальчика с луком и стрелами в руках; раня ими сердца людей, К. возбуждал в них любовную страсть. Философ Платон (см. Платон) углубил миф об Эросе, в котором он видел не легкомысленное Божество народных сказаний, а одну из стихийных сил жизни, властвующую и над богами, и над людьми.

ЛЕДА. Дочь этолийского царя Фестия. Согласно легенде, от Зевса, явившегося ей в образе лебедя, Леда родила Елену Троянскую и близнецов Кастора и Полидевка (Поллукса).

ЛИБАНИЙ (314-393). Греческий ритор (оратор) и писатель, родился в Антиохии, учился у знаменитого ритора Зиновия в Антиохии и в философской школе в Афинах. Основал школу красноречия в Константинополе, имевшую большой успех.

ЛИКОФРОН. Греческий трагик, родился около 270 года до н. э. в Халкиде, жил при дворе Птоломея Филадельфа в Александрии, написал драму "Кассандра".

ЛИКТОРЫ. Почетная стража римских высших сановников. Знаком их должности была связка прутьев.

ЛОНГИН Дионисий Кассий (умер в 273 г. н. э.). Философ-неоплатоник, учитель Порфирия (см. Порфирий), наставник и советник пальмирской царицы Зеновии. После поражения ее в 273 году был казнен императором Аврелианом.

ЛОТА жена. Согласно библейской легенде, Лот, племянник Авраама, поселился в городе Содоме, осужденном Иеговой на погибель за развратную жизнь его обитателей. Лот, человек праведной жизни, был предупрежден ангелом в предстоящем уничтожении Содома. Ангел велел ему удалиться из города и по пути не оборачиваться. Жена Лота из любопытства обернулась и была обращена в соляной столб.

ЛУКИАН. Сириец по происхождению, родился в 125 г. н. э. в бедной семье. Отданный на обучение к ваятелю, Л. бежал от него, поступил в школу риторов (школу красноречия), изучил в совершенстве греческий язык, стал адвокатом, а потом отдался литературе и занял одно из первых мест среди сатириков Древнего мира. В своих сатирах Л. точно насмехался над верой в богов и проводил атеистические взгляды. С еще более беспощадной иронией Л. относился к христианству, видя в нем "новое суеверие". Умер в конце II века н. э. (точная дата смерти неизвестна).

МАГДАЛИНА. По Евангелию - грешница, ведшая развратный образ жизни и раскаявшаяся после встречи с Христом. После второго обращения вступила в число учеников Иисуса.

МАКСИМ ЭФЕССКИЙ. Философ-эkleктик, живший в IV веке н. э. Преподавал философию в Эфесе, откуда был римским императором Юлианом вызван в Византию.

МОРДОХЕЙ. По библейской легенде - дядя Эсфири (см. Агасфер), взятой в жены Артаксерксом и спасшей еврейский народ от истребления.

МАТРОНА. Домохозяйка из знатной семьи в Риме.

МЕДУЗА (греч. мифология). Одно из мистических чудовищ. Голова медузы была увенчана змеями, а глаза были настолько страшны, что люди, при взгляде на них, каменели. Медузу обезглавил герой Персей.

МЕЗОГОТЫ. Одно из готских племен.

МЕССАЛИНА Валерия. Жена римского императора Клавдия, красивая, жестокая и властолюбивая женщина, до крайности развращенная. С одним из своих любовников составила заговор против императора, за что и была казнена.

МОАВИТЯНЕ. Семитическое племя, родственное евреям, образовавшее на восточном берегу Мертвого моря значительное государство. Со времени захвата Ханаана евреями последние вели непрерывную борьбу с моавитянами.

МОЛОХ. Титул Божества у семитических народов - "царь", "господин".

МУЖИ МАКЕДОНСКИЕ. Обращение к жителям Александрии, так как предки части александрийцев были македонскими солдатами в армиях Александра Великого.

МУЗЫ (греч. мифология). Богини-вдохновительницы, навевающие творческие замыслы художникам, поэтам, певцам, актерам, писателям. Муз числилось девять, и обычно они изображались в свите Аполлона как Бога - покровителя искусств. В данном случае Ипатия приравнивается к "десятой" музе, - собеседник хочет сказать, что по силе вдохновения Ипатию можно сравнить только с музой.

НИМВРОД. По библейской легенде - "первый богатырь" на земле; могучий охотник, властелин Вавилона, Ассирии и других стран, легендарный основатель Ниневии.

НЕМЕЗИДА. В греческой мифологии - богиня возмездия. Впоследствии этим именем

стал называться и вообще рок, карающий людей за преступления.

НЕОПЛАТОНИЗМ. Эклектическое философское направление, проповедывавшее возвращение к Платону (см. Платон), возникшее в начале II века, разработанное Аммонием Саккосом (175-242 гг. н. э.) и углубленное Плотинем и Порфирием (см. Порфирий) (204-270 гг. н. э.). Согласно учению неоплатоников, человек должен очистить свой дух путем строгого аскетизма и выработать в себе способность углубленного размышления и созерцания Божества. Основная цель - мистический экстаз, во время которого человеческому духу раскрываются все тайны мироздания. У учеников Платона логическая разработка философских проблем все более и более уступала место безудержной фантазии и поискам чудесных магических формул, при помощи которых они надеялись воздействовать на природу и людей. Неоплатонизм в эпоху упадка Римской империи распространялся исключительно среди аристократии, охваченной страхом перед социальными потрясениями и нашествием варваров. Неоплатонизм оказал чрезвычайно большое влияние на христианство, и многие догматы христианской церкви (например, учение о троице) были установлены под его непосредственным воздействием. С другой стороны, неоплатонизм чрезвычайно сильно влиял и на тех ревнителей "старой веры", которые хотели реформировать культ древних богов, приспособив его к более широкому философскому мирозданию. К числу таковых принадлежали император Юлиан, прозванный христианами "Отступником", и Ипатия.

НЕПЕНТА. В греческих сказаниях (в частности, в "Одиссее") - волшебный напиток, отнимавший у людей память и навевавший на них необыкновенные сновидения.

НИМФЫ. В греко-римской мифологии - женские божества, жившие в озерах, реках, гротах и пещерах.

НИФЛЬГЕЙМ. В древнегерманской мифологии - дворец в небесной резиденции Одина, где после смерти обитают души убитых в схватке героев.

НУМИДИЙСКИЙ ЛЕВ. Нумидия, одна из африканских провинций Римской империи, славилась множеством львов, отличавшихся большой свирепостью.

ОБЕЛИСК. Круглая или четырехугольная колонна (столб), суживающаяся кверху и заканчивающаяся острием. Обелиски ставились попарно перед храмами в Египте. При римских императорах многие из них были перевезены в Рим для украшения улиц и площадей.

ОДИН (древнегерманская мифология). Владыка неба и земли, Бог войны.

ОРИГЕН. Христианский богослов и философ. Родился в 185 г. в Александрии, в греческой (по другим данным - в эллинизированной египетской) семье. Его богословские теории сложились под сильным влиянием неоплатонических идей. Некоторые из его учений (например, отрицание вечных адских мук) были признаны церковью еретическими. Подвергался преследованиям со стороны высшей церковной иерархии и умер в 254 г. после длительного тюремного заключения.

ПАВЕЛ (апостол). Один из полулегендарных основателей христианства. По преданию, родился в г. Тарсе (Малая Азия). Первоначально носил имя "Савл", но после обращения в христианство переименовал имя на "Павел". Воспитанный в ортодоксальных

традициях еврейской религии, Павел тем не менее находился под сильным влиянием эллинской культуры, хорошо знал греческий язык и был знаком с греческой философией. В своих "Посланиях" он развил догматическую и моральную стороны христианского учения, и потому может считаться первым теоретиком христианства. Согласно церковным преданиям (не опирающимся ни на какие достоверные документы) Павел был обезглавлен в Риме около 57-58 года н. э.

ПАЛЛАДА. Одно из дополнительных имен греческой богини Афины (см. Афина).

ПАРАБОЛАНЫ. Низшие духовные служители в древней церкви. В их обязанности входило: ухаживать за больными, хоронить умерших и вообще оказывать помощь нуждающимся. В Александрии в IV веке их насчитывалось свыше 500 человек.

ПАРНАС. Гора в средней Греции. По греческой мифологии - местопребывание муз, вдохновительниц художественного и научного творчества (см. Музы).

ПЕНТЕЛИКОН. Так назывался в древности лежащий на северо-востоке Греции (Аттики) горный хребет, где добывался знаменитый пентеликонский мрамор.

ПИЛЯСТР. Четырехугольный столб, прилегающий к стене или к фасаду здания. Подобно колонне, имеет базис, стержень и капитель.

ПИФАГОР. Греческий мудрец, занимавшийся философией и математикой. Родился на острове Самосе около 580 г. до н. э., в 530 году переселился в Италию в г. Кротон, где образовал пифагорейский союз - аскетическое религиозно-научное общество. Умер на рубеже VI-V веков до н. э. Согласно учению Пифагора, все в мире основано на мере и числе. Каждое число является не только арифметической величиной, но и символом, скрывающим сущность данной вещи. Так, например, единица есть символ первичного мирового начала, два - символ этого же начала в процессе рождения (два равно единице плюс единица) и т. д. Поэтому арифметические и геометрические выкладки и комбинации представляют собой не только математические величины, но, подвергнутые числовому анализу, раскрывают и законы строения вселенной. Законы мироздания, открытые этим путем, не должны разглашаться, а должны храниться в тесном кругу избранных (посвященных). Для достижения посвященности пифагорейцы проходили долгий искуc (пост, обет молчания, обет полного полового воздержания и т. д.). Пифагорейская школа оказала огромное влияние на греческих и римских мыслителей и сохранила его до V века н. э., т. е. вплоть до гибели античного мира. По своим социальным симпатиям пифагорейцы тяготели к аристократии и были противниками демократического строя.

ПИФИЯ. Прорицательница в дельфийском храме Аполлона. Подготовившись к прорицанию постом и омовением, пифия садилась на треножник, стоявший над расселиной скалы, откуда исходили одуряющие газы, впадала в экстаз и давала ответы на поставленные ей вопросы. Ответы всегда давались в крайне смутной форме, допускавшей самые разнообразные толкования.

ПИФОН. Мифический дракон, охранявший в древности Дельфы и впоследствии убитый Аполлоном.

ПЛАТОН. Знаменитый греческий философ. Родился между 430 и 427 г. до н. э. в Афинах, в аристократической семье. В двадцать лет поступил в ученики к Сократу, а

после смерти последнего предпринял долгие странствия по южной Италии и Востоку. После возвращения в Афины П. основал собственную философскую школу. Философская система П. была первой разработанной системой идеалистической философии и оказала огромное влияние не только на мыслителей Древнего мира (в частности и на Ипатию), но и на умозрительное построение средних веков и новой эпохи. В конце II и III веке н. э. философия Платона подверглась дальнейшей переработке в трудах так называемых "неоплатоников" (см. Неоплатонизм). Именно эта ее разновидность и пользовалась наибольшим влиянием в описываемую в романе эпоху.

ПЛАЦИДИЯ. Дочь императора Феодосия Великого, сестра императоров Аркадия и Гонория. В 409 г. н. э. была взята в плен Аларихом, королем готов, и вышла замуж за его родственника Адольфа, провозглашенного испанским королем. Когда Адольф был убит, она попала в рабство к его племяннику, была выкуплена римским двором и вышла замуж за военачальника Констанция. После смерти императора Гонория ей удалось сделать императором своего сына Валентиана. Она была регентшей и фактически управляла государством. Ее правление было отмечено преследованиями еретиков, язычников и евреев.

ПОЛИБОЙ (родился около 212-205 г. до н. э. в Мегалополе). Греческий историк. Был видным государственным деятелем в Архейском союзе, во время войны римлян с Македонией был взят заложником в Рим и там был членом кружка Сципиона Эмилиана. Автор всемирной истории в 40 книгах.

ПОРФИРИЙ (235-305 гг. н. э.). Сириец по происхождению, философ, ученик Лонгина и Плотина (см. Неоплатонизм). Находился под сильным влиянием мистического культа Митры (культ Бога солнца, "Непобедимого солнца"), чрезвычайно широко распространенного в эту эпоху. Разрабатывая идею Плотина о едином непознаваемом Божестве, П. приходит к выводу, что эта верховная сущность создала мир путем последовательных истечений ("эманации"). П. был врагом христианства, так как последнее отвергало прочие религиозные культы, в каждом из которых, по мнению П., в символической форме скрыты зерна одной и той же религиозной истины. Против христианства П. написал трактат в 15 книгах. Виднейшим учеником и продолжателем философских учений П. был Ямблихий, или Ямблих.

ПРЕФЕКТ. В позднюю эпоху Римской империи - наместник города или провинции, совмещавший в своем лице судебные, военные и административные функции.

ПТОЛОМЕЙ II Филадельф. Царь Египта, второй из греко-македонской династии Лагидов (285-247 гг. до н. э.). Значительно расширил владения Египта и покровительствовал наукам и искусствам.

ПУЛЬХЕРИЯ (399-453). Византийская императрица, дочь императора Аркадия. Воспитанная строго в церковном направлении, в девичестве дала обет безбрачия и, став регентшей, превратила двор в монастырь. После смерти воспитанного ею младшего брата Феодосия была избрана императрицей, вышла замуж за старшего сенатора Маркиана и провозгласила его императором.

РУНЫ. Древние письмены германцев.

САМУМ. Иссушающий жаркий ветер в Аравии и смежных с Сахарой областях.

СЕНЕКА Луций Анней (3 г. до н. э. - 63 г. н. э.). Известный римский философ, родился в Кордове. Получил блестящее образование в Риме и по проискам Мессалины, жены императора Клавдия, был сослан на остров Корсику. В 49 году был вызван в Рим и назначен воспитателем Нерона. Был консулом и советником Нерона, но впоследствии удалился от дел. Обвиненный в заговоре и приговоренный к смерти, Сенека покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. Никакой самостоятельной философской системы Сенека не создал. Он был приверженцем моральной философии стоиков, учивших, что главная мудрость жизни - это довольствоваться малым, никому не желать зла, с твердостью переносить страдания. В своих сочинениях Сенека популяризировал это учение.

СЕРАПЕУМ. Название храмов египетского Бога Сераписа. Самый знаменитый из них, с богатой библиотекой (50-70 тыс. рукописей) находился в Александрии. Александрийский Серапеум славился своими мистическими празднествами (мистериями), оказывавшими чрезвычайно большое влияние на толпу. В 389 году н. э. был разрушен христианским императором Феодосием после длительной осады.

СИЛЕНЫ (греч. мифология). Низшие боги греческой мифологии. Один из них считался воспитателем и наставником Диониса (Вакха), которого он научил сокровенным знаниям.

СИНЕЗИЙ Киренейский (родился в Кирене в 379 г.). Философ, поэт, оратор, философию изучал в Александрии и был другом Ипатии. Приняв христианство, стал епископом. Умер в 412 году, по другим данным - в 436 году.

СИРЕНЫ (греч. мифология). Женские существа, жившие в море и чарующим пением заманивавшие путешественников в морскую пучину.

СОБОР - в старину, собрание, съезд.

СОФОКЛ (495-406 гг. до н. э.). Один из трех знаменитых (Эсхил, Эврипид) греческих трагиков. Нависал свыше 100 трагедий, огромное большинство которых не дошло до нас.

СТИКС (греч. мифология). Река, протекающая в царстве мертвых.

СТИЛИХОН Флавий (родился в половине IV в. н. э., точная дата неизвестна). Родом вандал, блестящий римский полководец, вел непрерывную борьбу с германцами, дважды отразил Алариха. Был предательски убит завистливым императором Гонорием в 408 году.

СТОИЦИЗМ (стоики). Одна из главнейших философских школ в Греции, поставившая себе задачей найти прочное разумное основание для нравственной жизни и сделать человека свободным и счастливым посредством добродетели. Наука и знание, по мнению стоиков, только средство к добродетельному поведению и достижению счастья. Основателем этой философской школы был Зенон (334-262 гг. до н. э.).

